

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Андрей Иванов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ФРАНЦУЗОВ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Андрей Иванов

МОСКВА

ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗОВ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Иванов А. Ю.
И 21 Повседневная жизнь французов при Наполеоне / Вступ. ст. А. П. Левандовского. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 351[1] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02863-5

Наполеоновские войны перевернули жизнь не одной только Франции, но всей Европы. И по сей день история «Великого корсиканца» и созданной им Империи не потеряла своей притягательности, о чем свидетельствует все возрастающий поток книг, посвященных Наполеоновской эпохе. Но чем жила сама Франция при Наполеоне? Каким образом императору удалось объединить нацию, мобилизовать ее на великие свершения? И почему эта эпоха выдвинула столько выдающихся деятелей, причем в самых разных областях жизни?

Книга, предлагаемая вниманию читателей, состоит из ряда очерков. Каждый из них посвящен отдельной теме или отдельному персонажу, но все вместе они прочно связаны зримым или незримым присутствием главного героя повествования, личность которого показана динамично и разносторонне.

УДК 94(44)
ББК 63.3(0)52

Иванов Андрей Юрьевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗОВ ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **О. В. Краюшкина**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.06.2005. Подписано в печать 19.12.2005. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 18,48+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 54859.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dscel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02863-5

В те дни, когда пишущий эти строки редактировал перевод тюларовского «Наполеона»*, наш читатель располагал весьма ограниченной литературой на эту тему. За исключением ставших классическими биографий Тарле и Манфреда** да вдруг вынырнувших с Запада поделок вроде дамской болтовни Кирхейзен или сомнительной книги Вейдера и Хэпгуда*** почти ничего не было. Во всяком случае, в русскоязычную библиографию, приложенную к переводу, пришлось, чтобы заполнить лакуны, включить такие труды, как «Всеобщая история» Лависса и Рамбо. Неудивительно, что книга Тюлара произвела сенсацию: начались читательские конференции, посыпались письма из разных концов бывшего Советского Союза с просьбой «прислать экземплярчик», и «Молодая гвардия» оказалась вынужденной молниеносно подготовить второе издание.

Ныне положение радикально изменилось: когда я недавно забрел в престижный книжный магазин, в глазах зарябило от обилия названий, связан-

* *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996.

** *Тарле Е.* Наполеон // Соч. Т. 7. М., 1959 (или отд. изд.); *Манфред А.* Наполеон Бонапарт. М., 1989 (или др. изд.).

*** *Кирхейзен Г.* Женщины вокруг Наполеона. М., 1991; *Вейдер Б., Хэпгуд Д.* Кто убил Наполеона? М., 1992.

ных с наполеоновской эпохой. Тут были и биографии, и справочники, и экскурсии военного профиля. И невольно подумалось: в подобных условиях нынешнему русскому писателю, возжелавшему бы вновь обратиться к наполеоновской теме, нужно обладать большой смелостью.

И вот такой писатель нашелся. Им оказался автор книги, лежащей перед нами.

«Повседневная жизнь французов при Наполеоне»... Собственно, схему «повседневной жизни» той поры уже дал Ж. Тюлар. Несмотря на крайнюю лаконичность (вспомним: во французском издании его книга вышла в серии «*Livres de poche*» — карманный формат), он сумел поднять целый пласт политической, экономической и культурной жизни Франции, причем, что особенно ново, дал все это в становлении и по отдельным регионам страны.

А. Иванов не пошел по «схеме Тюлара». Он избрал — и это его полное право — свой оригинальный путь, дав серию более или менее последовательно уложенных в хронологическое русло документированных этюдов и очерков. В каждом из них господствует какая-либо одна тема, например, организация армии и ее командного состава («Волонтеры и рекруты», «Мы — французские офицеры!»), военные кампании и отдельные сражения («В стране фараонов», «Замечательные битвы», «Расколотили нас!»), сельское хозяйство и промышленность («То, что приносит доход», «Вино — то же золото», «Картофель — наше спасение»), наука и культура («Институт — детище Конституции», «Почему Гёте не поехал в Париж», «Я вас приветствую, Давид!»), персоналии («Шаптал и шапталлизация», «Иллюзорная жизнь Стендаля», «Сражения Доминика Ларрея»), замечательные явления эпохи («Мир мадам Тюссо», «Кафе “Режанс” и “автомат” Кемпелена») и т. д. Впрочем, в большинстве этюдов подобная моноплановость вовсе не исключает и иных линий. Так, рассказывая о египетской экспедиции, автор параллельно уделяет место науке, говоря об экономике, обращается и к политике, а рассказы о современниках и спутниках Наполеона умело вплетает во многие этюды, посвященные другой

проблематике. А главное, все вместе эти на первый взгляд разноплановые и разрозненные сюжеты являются органическими частями целого; все они прочно связаны зримым и незримым присутствием главного героя повествования, личность которого — и в этом большая заслуга автора — показана динамично и разносторонне. Можно спорить относительно отбора фактического материала, можно соглашаться или не соглашаться с авторскими оценками тех или иных событий и самого Наполеона, но книга, для создания которой использовано столь большое количество источников и литературы (а это видно хотя бы из приложенной библиографии) и которая содержит ряд интересных авторских находок, вполне заслуживает своего места на книжной полке читателя любого ранга и уровня, интересующегося Наполеоном и его временем.

А. П. Левандовский

Счастливы те, кому удалось избежать духа времени! Счастливы те, которые перешли через пропасть, глядя в небо! Несомненно, такие были, и они пожалуют нас.

Альфред де Мюссе

Кто автор этого письма?

«Уже час ночи. Мне сейчас подали письмо. В нем печальные вести. Душа моя взволнована, мне сообщают о смерти Шове. Он был комиссаром армии по финансовой части; ты встречала его у Барраса. Иногда, друг мой, мне необходимо, чтобы кто-нибудь утешил меня; я утешаюсь, когда пишу тебе, только тебе одной, мысль о которой может оказать такое влияние на мое нравственное состояние; тебе я должен рассказать о своих неприятностях. Что есть будущее? Что — прошлое? Что такое мы сами? Какой магический флюид окружает нас и мешает нам видеть то, что нам важнее всего было бы узнать? Мы рождаемся, живем, умираем среди чудесного. Надо ли удивляться, что жрецы, астрологи, шарлатаны пользуются этой склонностью, этим странным обстоятельством, овладевая нашим сознанием и направляя его по прихоти своих страстей? Шове умер; он был привязан ко мне; он мог бы оказать своей родине еще большие услуги. Последним его словом было, что он едет ко мне. О да, я вижу его тень: ведь он блуждает здесь, всюду он свистит в воздухе, душа его — в облаках, он будет благосклонен к моей судьбе. Но, безумец, я проливаю слезы дружбы. Кто знает, может быть, я скоро должен буду проливать слезы о непоправимом? Душа жизни моей, пиши мне с каждым курьером, без этого я не могу жить!..»

В Риме любовные письма этого человека имели огромный успех. Одна дама, прочитав их, сказала: «Видно, что он был итальянец».

Письмо, приведенное выше, вызвало наибольший интерес. И если бы не пара известных имен, обо всем говорящих искушенному читателю, то мы бы еще поломали голову над тем, в какую эпоху оно написано.

Может быть, в ту, о которой поэт сложил возвышенные строки?

Пою дам и рыцарей, пою брани и любовь,
И придворное вежество, и отважные подвиги
Тех времен, когда мавры из заморской Африки
Столько зла обрушили на французский край,
Устремленные гневом и юным пылом
Аграманта, их короля,
Вставшего отмстить за Троянову смерть
Карлу, императору Римскому.

Л. Ариосто¹. Неистовый Роланд
Перевод М. Гаспарова

В те годы поэзия и романы рыцарских времен были очень популярны среди соотечественников автора письма — именно потому, что его короткий век напомнил рыцарский. Он был итальянцем. Он успел побывать в Африке. В детстве он даже думал о том, чтобы «обрушить зло на французский край», поскольку французы поработили его родину.

Он совершил много отважных подвигов и уподобился «Карлу, императору Римскому»². Чего ему определенно недоставало — так это «придворного вежества». Он не любил «жрецов», а первого из них жестоко притеснял и подверг лишениям. Враги отомстили ему еще более жестоко.

Письмо было написано за неделю до феерической битвы при Монтенотте. Он обращал эти слова к женщине, которую безумно любил и которой открывал свою душу — чего она не поняла и не оценила. Он слал и слал ей подобные письма до тех пор, пока не узнал о ее супружеских изменах. После этого она перестала быть «божественной». Позже у него будет другая жена, но она не получит подобных писем.

Оноре де Бальзак вложил в его уста энергичные слова, произнесенные накануне другой битвы: «...вот триста тысяч человек... И что же, тридцать тысяч из них за-

втра умрут, умрут за родину! Среди пруссаков, быть может, есть великий механик, философ, гений, — и он погибнет. Мы, конечно, тоже лишимся каких-то неведомых нам великих людей. Наконец, может быть, и мне суждено стать свидетелем смерти моего лучшего друга. Но разве я стану роптать на Бога? Нет. Я промолчу. Знайте же... что надо умирать во имя законов своей страны так же, как здесь умирают во имя ее славы...»

Историки не зафиксировали того, чтобы загадочный человек произносил слова, выведенные писателем. Возможно, что Бальзак и не читал письма, написанного за десять лет до битвы при Йене. Но великий художник точно воспроизводит стиль, интонации и темы, волновавшие героя.

Он лишился друга — и «проливает слезы дружбы». Пройдет несколько лет — и он будет говорить об этом куда более сдержанно («Я промолчу»). А еще через несколько лет в порыве безудержного гнева воскликнет: «Что для меня значат двести тысяч человек?!»

Он писал, что «душа моя взволнована». Позже он скажет по-другому: «Надо быть твердым, надо иметь каменное сердце, иначе не надо ни вести войну, ни вмешиваться в дела правления».

Его друзья сложат головы один за другим. Перед смертью они станут просить его прекратить войну, но он лишь последует своему правилу подавлять чувства и останется твердым.

«Только один человек жил тогда в Европе полной жизнью. Остальные стремились наполнить свои легкие тем воздухом, которым дышал он. Каждый год Франция дарила этому человеку триста тысяч юношей. То была дань, приносимая Цезарю, и если бы за ним не шло это стадо, он не мог бы идти туда, куда его вела судьба. То была свита, без которой он не мог бы пройти через весь мир, чтобы лечь потом в узенькой долине пустынного острова под сенью плакучей ивы.

Никогда еще люди не проводили столько бессонных ночей, как во времена владычества этого человека. Никогда еще такие толпы безутешных матерей не стояли у крепостных стен. Никогда такое глубокое молчание не царило вокруг тех, кто говорил о смерти. И вме-

сте с тем никогда еще не было столько радости, столько жизни, столько воинственной готовности во всех сердцах. Никогда еще не было такого яркого солнца, как то, которое осушило все эти потоки крови» (Альфред де Мюссе. «Исповедь сына века»).

Кто же он, этот человек?

В стране фараонов

Поход Наполеона в Египет был не только военной кампанией, начатой с целью превратить эту страну во французскую колонию, но и масштабной научной экспедицией. В то время о Востоке было мало что известно. Порой европейцы посещали различные страны Азии и Африки и описывали свои путешествия, но чаще в стиле путевых заметок. Древние письмены народов Востока оставались непонятыми, а их история и культура — во многом таинственными.

Наполеон решил совершить грандиозный прорыв в деле изучения Востока. Став членом Института Франции 25 декабря 1797 года, сразу после возвращения из итальянского похода, он составил план овладения Египтом и придал экспедиции научный характер.

О колонизации Египта думали и до него, но никто не был так решителен, конкретен, а главное — уверен в успехе. Его поддержал Талейран³, составивший специальную записку правительству. Члены Исполнительной директории Французской республики⁴ считали, что лучше отправить Наполеона подальше от Парижа, — ведь этот опасный человек, не ровен час, захватит власть.

Бонапарт обрел пламенных сторонников среди ученых. Мыслимое ли дело — генерал, человек войны, вдруг проявляет фантастическую эрудицию и свободно говорит о задачах европейской науки!

Комиссия по наукам и искусствам — идея Бонапарта. Он сам продумал ее состав, а желающих войти в комиссию было хоть отбавляй. Презрев все опасности дальнего плавания и оставив свои семьи на неопределенный срок, люди пошли вслед за вождем. Один из

них напишет: «Мы не знали, куда нас поведет Бонапарт, но хотели, чтобы он нас повел».

Мы видим здесь крупных ученых эпохи и множество молодых, доселе неизвестных энтузиастов и их родственников — многие взяли с собой братьев и сыновей. В списке, составленном Бурьенном⁵, секретарем Наполеона, — геометр и физик Монж⁶, математик Фурье⁷, химик Бертолле⁸, зоолог Этьен Жоффруа Сент-Илер⁹, механик и живописец Конте¹⁰, братья Лепэры¹¹, отец и сын Мешены¹² и т. д.

Директория распорядилась передать в распоряжение Наполеона инженеров, деятелей науки и культуры, а также необходимые средства и оборудование. Инженеры разных профилей (географы, инженеры по мостам и дорогам, судостроители, механики), геометры, астрономы, архитекторы, специалисты в области минералогии, ботаники, физики, химики, зоологи, фармацевты, литераторы, экономисты, антиквары, ориенталисты, печатники, художники и композиторы, врачи и хирурги — всего 167 человек — составили сообщество, которому предстояло провести за морем целых три года.

К комиссии прикрепили студентов Политехнического и Горного училищ. Она имела своих рабочих, часовщиков, библиотеки, типографии (французскую, арабскую, турецкую и греческую) и переводчиков, владевших всеми этими языками. К армии присоединились жены некоторых офицеров, портнихи, прачки, а также проститутки.

Наполеон взял с собой младшего брата Луи¹³, а также ряд лиц по рекомендации Жозефины¹⁴. Среди них были художник и гравер Доминик Виван Денон¹⁵, в прошлом дипломат, и Жан Ламбер Тальен¹⁶ — муж Терезы¹⁷, подруги Жозефины. Последний — депутат, член Совета пятисот¹⁸, а в прошлом — секретарь Парижской коммуны, член Конвента, палач и взяточник. Его действия во время переворота 9 термидора, свергнувшего Робеспьера, спасли и Жозефину, и Терезу.

10 мая 1798 года Бонапарт провел в тулонском порту большой военный смотр. Он пообещал солдатам, что по возвращении во Францию у каждого из них бу-

дут средства, на которые можно купить шесть арпанов¹⁹ земли.

Интересно, что почти никто из членов экспедиции, разместившихся на 13 военных и 280 транспортных судах, не знал конечного пункта путешествия. В неведении были и офицеры Генерального штаба, и генерал Клебер²⁰ — будущий преемник Бонапарта на посту главнокомандующего Восточной армией. Великий Монж знал, но молчал, не раскрыв тайну даже своей жене Екатерине.

Скрытность оправданна — важно не попасть в поле зрения бороздящей Средиземноморье английской эскадры, которой командовал Горацио Нельсон²¹. Французский флот был плохо снаряжен, а опытных моряков не хватало. Встреча с врагом крайне нежелательна!

Только на Мальте, которой французы овладели после короткого штурма, Наполеон раскрыл тайну. Его прокламация великолепна:

«Бонапарт, член Национальной Академии, главнокомандующий войсками.

На корабле “Орион”, 4 мессидора VI года (22 июня 1798 года).

Воины!

Вам предстоит сделать завоевание, последствия которого будут неисчислимы как в отношении к просвещению, так и к всемирной торговле. Вы этим нанесете Англии самый верный и самый чувствительный удар в ожидании того, которым совершенно сокрушите ее.

Нам придется сделать несколько трудных переходов; дать много сражений; мы успешно исполним наши преднамерения; за нас судьба. Бей²² мамелюков²³, которые исключительно благоприятствуют английской торговле, которые наносят неприятности нашим negociантам, которые тиранят бедных обитателей берегов Нила, эти самые бей через несколько дней после нашего прибытия не будут более существовать.

Народы, с которыми вы будете в сношениях, магометане; их первая заповедь: “Нет Бога кроме Аллаха, и Магоммет пророк Его”. Не спорьте с ними; поступайте с магометанами, как поступали с евреями, как поступали с итальянцами; обращайтесь почтительно с их муфти-

ями, с их имамами, как обращались с духовными лицами других народов.

Римские легионы покровительствовали всем религиям. Вы встретите здесь обычаи, отличающиеся от обычаев европейских: привыкайте к ним.

Народы, к которым мы идем, обращаются с женщинами не так, как мы; но того, кто насилует, во всякой стране считают за изверга.

Грабеж обогащает немногих, бесчестит всех, уничтожает ресурсы и делает нашими врагами тех, чье благорасположение нам нужно.

Первый город, который мы встретим на нашем пути, сооружен Александром; мы на каждом шагу найдем великие воспоминания, достойные воспламенить дух французов».

Нельсон гнался за французской эскадрой, но вначале попал в шторм, в затем плыл слишком быстро и опередил Бонапарта. Соперники разминулись — к счастью для французов.

Вечером 30 июня армия, которую в целях дезинформации называли Английской, достигла Александрии. Главнокомандующий приказал немедленно выживаться.

«Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье древнего Египта, населенного восточными нациями, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии... Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!» — напишет Наполеон.

А позади — полуторамесячное плавание, для многих сопровождавшееся морской болезнью. Часть ученых осталась на кораблях, но многие сошли на берег и разделили с солдатами опасности и тяготы пешего марша через раскаленную пустыню.

Войско двинулось на Каир, а корабли контрадмирала Перре поплыли вверх по Нилу. Они то обгоняли армию, то отставали от нее — в зависимости от силы и направления ветра.

В Египет пришли солдаты Итальянской армии генерала Бонапарта. Двамя годами ранее он вел их «в плодороднейшие долины мира», а теперь воины видели беднейшую страну. Они встречали крестьян (феллахов), которые «глупы, как их буйволы», и натыкались на зараженные бедуинами колодцы.

Переход через пустыню был страшен. Некоторые, не выдержав его, сошли с ума или закончили жизнь самоубийством.

Утром 10 июля армия достигла Нила у Рахманин. Солдаты и генералы бросились в реку, не снимая одежды. Многие умерли от дизентерии: одни — напившись воды из Нила, другие — наевшись арбузов.

Между тем члены Комиссии по наукам и искусствам уже работали. Они находили предметы древности и брали их с собой.

Солдаты прозвали их ослами — но в этом больше грубого юмора, чем недоброжелательности. Скоро воины и ученые вместе сражались с врагом у Шубрахита. Пехота выдержала бой с конницей мамелюков, а на реке сошлись два флота.

«Монж, Бертолле, секретарь Бурьенн, находившиеся на флотилии, в момент опасности вели себя хладнокровно и безропотно», — отметил Наполеон. Бой перешел в рукопашную схватку и закончился победой французов.

Турецкий султан²⁴ уже знал о вторжении большой французской армии на периферию его империи, но выжидал. А в Каире готовились к встрече противника. Беи забыли о своих распрях и создали единое войско.

21 июля французы увидели высокие минареты египетской столицы. Мамелюки, которыми командовал богатырь Мурад-бей, и пехота Ибрагим-бея встретили врага у подножия Пирамид.

У Наполеона было мало кавалерии, но он победил за счет хорошо продуманной тактики. Его войска, в полном смысле слова «отборные» — главнокомандующий сам выбирал солдат для экспедиции, зная их личные качества, — построились в каре-четыреугольники.

Когда мамелюки бросились в атаку, французы отразили наскоки, а затем оттеснили всадников к реке. В во-

дах Нила нашли свою смерть многие азиаты и африканцы. Их кавалерия была разбита, а пехота показала спину.

Бонапарт вошел в Каир и поселился во дворце Эльфи-бея. Вскоре соседний дом займет красавица Полина Фуре²⁵ — генерал сделает ее своей любовницей, узнав об изменах Жозефины.

Его не остановило и то, что муж Полины был рядом с ней. Начальник главного штаба Александр Бертье²⁶ просто отослал лейтенанта Фуре во Францию «со специальным заданием».

22 августа 1798 года был основан Институт в Египте. Он имел четыре отделения: математики, физики, политической экономии, литературы и изящных искусств. В каждом из них было 12 членов.

«Монж был сделан президентом; Бонапарте — вице-президентом, Фурье — секретарем, а Коста²⁷ — адъютантом», — писал Бурьенн.

«Институт имел прекрасное помещение; ботанический сад, для одного заводимый, много обещал. Если бы время позволило, то намеревались устроить при оном зверинец и завести общественную библиотеку. Устроили бы также обсерваторию, с которой, при тамошнем безоблачном небе, можно бы с пользою для астрономии делать наблюдения над планетами, физический кабинет, химическую лабораторию и залы древностей.

Эти различные заведения, вероятно, опять бы водворили в сей древней стране науки, оттуда нами полученные и изгнанные невежеством.

Бонапарте предложил рассмотреть следующие вопросы:

1. Какие есть способы уменьшить расходы для топлива армии?
2. Есть ли средства заменить чем-либо хмель при варении пива?
3. Какими средствами можно освежить и очистить воду Нила?
4. Какие мельницы удобнее строить — ветряные или водяные?

5. Находятся ли в Египте способы для делания пороха?

6. В каком положении находится в Турции порядок судопроизводства и образование?

Особые комиссии были назначены для рассмотрения каждого из этих вопросов. И таковой же одной поручено представить план образования Института».

Условия жизни большинства ученых были ужасными. Недостаток питьевой воды, москиты, стесненность, заразные болезни — все это никак не повышало настроение. Когда исследователи занимались осмотрами, обмерами и зарисовками объектов, то нередко подвергались нападением бедуинов.

Ученым были назначены денежные оклады. Вскоре они, сопровождаемые солдатами, разъехались по стране и приступили к выполнению намеченной программы исследований.

Гаспар Монж дал объяснение эффекту миражей. Бертолле исследовал свойства каустической соды, в древности используемой при мумификации. Этьен Жоффруа Сент-Илер исследовал местную фауну. Художник Редуте²⁸ рисовал растения и животных, а Мишель Риго²⁹ писал портреты шейхов³⁰. Были сделаны замеры пирамид, больших и малых.

«Все ученые, сопровождавшие Бонапарта, были заняты работами, сходными с их талантом и знаниями, — писал Бертье. — Нуэ³¹ и Мешен означили широту Александрии, Каира, Салихии, Дамьетты и Суэца.

Лефевр и Малю осмотрели канал... Первый сопровождал вместе с Бушаром генерала Андреосси³² в его осмотре озера Мензале. Лепэр и Жирар³³ сняли план Александрии; Ланорей осмотрел Абу-Менедж; ему были поручены работы в Александрийском канале.

Жоффруа занимался животными озера Мензалехи и рыбами Нила; Делиль³⁴ — растениями, находящимися в Нижнем Египте.

Арноле и Шампи-сыну поручены были наблюдения над минералами Красного моря и его осмотр. Жирару вверены работы во всех каналах Верхнего Египта.

Денон путешествовал по Файруму³⁵ и Верхнему Египту для срисовывания монументов. Страсть к наукам и

искусствам преодолевала все препятствия, все опасности и бесчисленную усталость.

Конте занимался механическими искусствами, он построил ветровую машину и множество машин, неизвестных в Египте.

Савиньи³⁶ составил коллекцию насекомых пустыни и Сирии.

Бошам³⁷ и Нуэ издали альманах, заключавший пять календарей: Французской республики и церковей: Римской, Греческой, Коптской³⁸ и Мусульманской.

Коста сочинял журнал; Фурье, секретарь Института, был комиссаром Дивана.

Бертолле и Монж были главами всех этих работ, всех этих предприятий; они всегда находились там, где образовались полезные сведения, где делались важные открытия.

Во время приготовлений экспедиции в Сирию Бонапарт участвовал в занятиях ученых и присутствовал во всех собраниях Института, где каждый из них отдавал отчет в своих действиях. Он хотел сам посетить перешеек Суэцкий и тем разрешить одну из проблем, самых важных и самых темных в истории; он начертал уже план к этому интересному путешествию, как движение, досадное и неожиданное, остановило исполнение этих проектов».

«Движение, досадное и неожиданное» — одна из бед, обрушившихся на французов, столь быстро овладевших Нижним Египтом.

Вечером 1 августа Нельсон наконец обнаружил французскую эскадру. Это случилось у мыса Абукир, что в двадцати милях к востоку от Александрии. Он решил немедленно ее атаковать и одержал громкую победу. Когда взлетел на воздух флагман «Орион», то звук был слышен даже в Каире. Из тринадцати линейных кораблей у французов уцелело лишь два. Англия не потеряла ни одного!

Событие имело огромное политическое значение. Через месяц султан объявил войну Франции, разрушив планы Бонапарта.

Но тот не пал духом. В донесении Директории он изобразил потерю флота как рядовое дело, а офицерам и солдатам заявил, что «мы вынуждены совершать великие подвиги, и мы их совершим, основать великую империю — и она будет нами основана... Нас много, у нас не будет недостатка в людях для пополнения рядов».

И люди самоотверженно трудились, сочетая научную деятельность с практикой. Французы восстанавливали оросительную систему и строили новые мельницы, организовали управление территориями и финансами. Они конфисковали имущество феодалов, а в середине октября приступили к переписи имущества жителей Каира (домов, постоянных дворов, бань, лавок, закусовых, мельниц). Тогда же Бонапарт издал приказ, установивший единый поземельный налог, в который включил все налоги, что собирались при мамелюках.

Осознав, что они здесь надолго, некоторые солдаты и офицеры «омусульманиваются». 38-летний генерал Мену³⁹ принимает магометанство под именем Абдаллах Жак, женится на дочери местного цирюльника и посещает мечеть.

«Султан Кебир искренне подчинился всем формальностям, которых требовал обычай от правителя страны», — писал Наполеон, оценивая свои действия в Египте.

Новый государь — султан Кебир, или Великий султан, — созвал Большой Диван, орган местного самоуправления с неопределенными функциями. Он включил в его состав главных шейхов мечети Аль-Азхар, центра мусульманского богословия, а также купцов, представителей провинциальной администрации и деревенских шейхов. Такие же «диваны» были созданы в провинции.

Местная знать приобщилась к французской кухне. Образованные египтяне посещали дни открытых дверей в Институте и участвовали в публичных научных экспериментах. Знавшие французский язык читали газеты «Египетская декада» и «Курьер Египта».

Бонапарт провел три массовых праздника: фестиваль Пророка (в годовщину со дня рождения Магоме-

та), фестиваль Нила (церемония прорыва дамбы канала Повелителя Правоверных) и фестиваль Республики. Он постоянно общался с мусульманскими лидерами, обсуждал Коран и просил перевести эту книгу на французский язык.

— Ведь и мы — мусульмане: не мы ли уничтожили папу, который проповедовал войну с исламом? — говорил Наполеон.

Его типографии публиковали воззвания на арабском языке, объясняя политику французов. Он имел прекрасных переводчиков, а многие ученые осваивали местные диалекты. Печатник Марсель и «глава воздухоплавателей» Конте нанимали рабочих из числа туземцев.

Однако вся эта деятельность потеряла смысл, когда в октябре жители Каира подняли восстание. Изменившаяся после гибели французского флота политическая ситуация, формирование новой антифранцузской коалиции, война, объявленная султаном, провал всех попыток Бонапарта договориться с беями и высокие налоги, взимаемые оккупантами, — все это создавало напряженную атмосферу. И взрыв произошел очень скоро.

Партизаны появились с первых дней французского присутствия. Они угоняли и прятали скот, убивали курьеров и фуражиров, нападали на пришельцев из-за угла. Бонапарт вынужден был ответить казнями, взятием заложников, обысками и контрибуциями.

«Каждый день я приказываю отрубить пять-шесть голов на улицах Каира. До настоящего времени мы должны были щадить их, чтобы уничтожить страх, который нам предшествовал. В настоящее время, напротив, нужно взять тон, который необходим, чтобы этот народ повиновался. А повиноваться для них — значит бояться», — писал он еще 31 июля.

И вот — большой мятеж, спровоцированный фортификационными работами, в ходе которых были разрушены могилы мусульман, их дома и мечеть, и постоянными угрозами городского коменданта, гасконца Дюпюи⁴⁰. Взбунтовавшаяся чернь, поддержанная некоторыми шейхами, набросилась на французов во многих районах Каира. Восстали и близлежащие деревни.

Дюпюи и любимец Бонапарта поляк Сулковский⁴¹ погибли от ударов копий. Несколько членов Комиссии по наукам и искусствам были убиты в самом начале мятежа. Другие ученые, заблокированные в разных районах города, спаслись благодаря местной интеллигенции. Мятежники ворвались в дом генерала Каффарелли дю Фальга⁴² и уничтожили хранившиеся там научные приборы, инструменты и книги.

Нападению подверглись и другие дома, в которых жили французы, резиденция Института, военный госпиталь. Погибли двадцать офицеров штаба и инженерных войск. Триста солдат были убиты либо ранены.

— Войско приносится в жертву искателю приключений! — скажет Клебер.

Бонапарт, «генерал Вандемьер»⁴³, применил артиллерию и потопил восстание в крови. Начались массовые, показательные казни. Большой Диван был распущен, члены «мятежного дивана» расстреляны, а город укреплен.

К концу октября жара спала. Солдаты отдыхали. Они получали жалованье и могли покупать хорошие продукты. Интендант Дор выдавал офицерам и солдатам кофе «мокко». Именно этот сорт кофе Бонапарт любил на всю жизнь.

Еще в Париже он написал приказ руководителю экспедиции, то есть самому себе: разрушить влияние Англии в Египте, прорыть Суэцкий перешеек и «освободить» африканцев от «тирании» мамелюков.

В конце декабря вместе с Монжем, Бертолле, инженерами Лепэром и Коста, а также Бертье, Каффарелли, артиллеристом Доммартенном⁴⁴, контрадмиралом Гантомом⁴⁵, группой конных охранников и дромадеров⁴⁶ он выехал в направлении Красного моря. Наполеон хотел увидеть следы древнего канала. Французы обнаружили эти следы, а Наполеон сам объехал впадину и достиг трассы канала, который строили египетский фараон Нехо II⁴⁷ и персидский царь Дарий⁴⁸.

Жак Лепэр и другие ученые начнут подготовительные работы по обследованию и выравниванию уров-

ней грунта на Суэцком перешейке для соединения двух морей. Условия труда были тяжелейшими, а измерения оказались не совсем точными.

Член группы Виллье дю Терраж писал: «Работы часто прерывались из-за недостатка воды. Однажды мы подумали, что не сможем завершить проект. Трудности тяжелого климата... вызывали необходимость убыстрять некоторые работы и пропускать замеры, которые мы планировали сделать». «...Все хорошие инструменты, которые мы привезли с собой из Парижа, были разрушены во время мятежа в Каире... Когда мы закончили, то вручили все наши тетради Лепэру, который с помощью своего брата (Гратьена) должен был координировать данные».

Наброски, чертежи и зарисовки, сделанные учеными под руководством Жака Лепэра, полвека спустя будут в целом подтверждены работами Фердинанда Лессепса⁴⁹.

Наполеон находил время и для войны, и для гражданского строительства, и для науки. Он организовывал карательные экспедиции, взял в свои руки чеканку монеты, участвовал в замерах пирамид и слушал доклады членов Института.

Но положение французов, запертых в «заморской мышеловке» и отрезанных от родины, становилось все тревожнее. Из перехваченных вражеских депеш стало известно о готовящемся наступлении войск султана.

Главнокомандующий решил не дожидаться нашествия азиатов, а действовать самому. Он оставил десять тысяч солдат в Нижнем Египте, шесть с половиной тысяч в Верхнем, гарнизоны в Каире и других городах.

Наполеон повел 13-тысячную армию в Сирию и уверял египтян в том, что эта война ведется в их интересах. Французские власти, оставшиеся в Египте, действовали осторожно и заигрывали со знатью. Никто не был уверен в успешном исходе новой кампании.

После того как генерал Дезе⁵⁰ покорил Верхний Египет, установилось временное затишье. Но и оно было внезапно прервано, когда некий Мавла-Мухаммад,

магрибинец⁵¹, провозгласивший себя «спасителем» и вождем, сумел увлечь за собой массы людей.

Повстанцы овладели Даманхуром и истребили французский гарнизон. Полковник Лефевр нанес ответный удар. Его солдаты перестреляли множество фанатиков, но страна продолжала бурлить.

«Природа восстания, — напишет Бонапарт Директории 19 июня, — заставила меня ускорить возвращение в Египет». Армия вернулась из Сирии, понесла большие потери. Наступательная мощь французов иссякла под стенами крепости Сен-Жан-д'Акр.

Во время очередного заседания Института в Каире ученые узнали о чрезвычайной находке.

При возведении укрепления Сен-Жюльен в Розетте один солдат наткнулся на камень черного гранита, или египетского базальта. *La clef de Rosette* (Розеттский ключ) содержал три надписи: одна иероглифическая, другая демотическая (упрощенное письмо), третья греческая — прописными буквами. Последняя надпись имела пятьдесят четыре строки, почти не повредилась и не представляла трудностей для чтения.

Газета Института «Курьер Египта» написала, что благодаря этой плите появилась возможность «объяснить Египет с помощью самих египтян».

Наполеон отлично понимал необходимость и важность расшифровки древней письменности. «Египет — одна из самых прекрасных и плодородных, а также наиболее интересных стран мира. Это колыбель наук и искусств. Там встречаешь самые большие и самые древние памятники, созданные руками человека. Если бы у нас был ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то мы узнали бы неизвестные сейчас вещи относительно первого периода развития общества», — писал он в мемуарах.

Казалось, что и другие надписи будут прочитаны, раз они связаны с греческой. Но понадобятся еще два десятилетия напряженных усилий ученых разных стран, прежде чем гениальный Шампольон⁵² подберет ключ к древним египетским текстам.

Наполеон принял решение вернуться в Париж. Его армия таяла, а политические перспективы были утрачены. Он хотел уподобиться великим завоевателям прошлого, но не был поддержан местным населением и не смог усилить свое войско за счет туземцев.

Репрессии, применявшиеся Наполеоном в ответ на постоянные нападения фанатиков, вызвали возмущение в Институте. Деженетт⁵³, главный врач Сирийской армии, обвинил Бонапарта в произволе.

Турки и англичане готовили десант, а в штабе французской армии возникла настоящая оппозиция. Генералы хотели доставить главнокомандующего в Александрию с тем, чтобы договариваться с англичанами.

Многие военачальники просились в отпуск. Наполеон уже отправил домой своего брата Луи, который по пути в Европу едва не стал пленником англичан. Отпустил он и кавалерийского начальника Дюма⁵⁴.

В этот тяжелейший момент судьба вдруг предоставила Наполеону новый шанс — которым, впрочем, надо было еще уметь воспользоваться. Турки и англичане решились на плохо продуманную диверсию.

Узнав о высадке в Абукире армии янычар, египтяне подготовились к общему выступлению. «Весь Египет должен был принять участие в большом восстании, сигнал к которому должен был подать Каир, — писал участник экспедиции Виго Руссильон. — В большой мечети нашли пять тысяч ружей, много патронов, пики и копья».

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Наполеон сбросил в море 15 тысяч янычар, поставив тем самым эффектную точку в своем восточном предприятии.

Теперь отдуваться будут другие! От англичан он получил газеты, сообщавшие о весеннем наступлении Суворова. Посчитав, что он нужен на европейских фронтах, Наполеон назначил Клебера своим преемником, продиктовал записки о положении дел и дал инструкции по управлению Египтом.

«...Мы скоро будем в Париже, и ты увидишь, сколько там роскоши и красивых женщин! И мы все почувству-

ем себя гораздо счастливее, чем в Египте», — говорил Бонапарт мамелюку Рустаму⁵⁵, своему новому слуге.

Он взял с собой ближайших соратников, Монжа, Бертолле, Денона, своего пасынка Евгения Богарне⁵⁶ и отряд охраны. В последний момент к ним присоединился поэт Парсеваль-Гранмезон⁵⁷, более не желавший переносить кошмар африканской жизни.

Наполеон хотел высадить Парсевалья из лодки, однако Монж, Бертолле, Гантом и Бурьенн уговорили начальника сменить гнев на милость. Парсеваль делал переводы «Освобожденного Иерусалима» Тассо и не раз читал их на заседаниях Института, но не сложил и строчки об освобожденном от мамелюков Египте.

Нескольким ученым посчастливилось вырваться из египетского «плена» вслед за Бонапартом. Вместе с генералом Жюно⁵⁸ и Полиной Фуре они погрузились на нейтральное судно «Америка», которое было захвачено британцами. Путешественники вернулись на родину в конце 1799 года.

Египтяне продолжали сопротивление. Клебер решил выйти из кризиса с наименьшими потерями и начал переговоры с турками и англичанами. Согласно условиям конвенции, заключенной 24 января 1800 года, главнокомандующий должен был эвакуировать Восточную армию из Египта в 90-дневный срок в ответ на гарантию ее свободного возвращения во Францию.

«Французы должны были выйти из Египта, а Клеберу с армией предписывалось возвратиться во Францию безо всяких угроз и опасностей от английского флота», — писал Вальгер Скотт.

Но английское правительство решило добиваться полной победы. Оно действовало силами туземцев и готовило свою экспедицию.

Началась полномасштабная война, а затем вспыхнуло очередное восстание. Клебер победил и врагов, и повстанцев, но очень дорогой ценой. Он сжигал селения и целые кварталы Каира.

Вскоре Клебер был зарезан молодым сирийцем, посланным одним из турецких военачальников. Сулей-

ман из Алеппо — так звали убийцу — выполнил волю султана.

Согласно приговору французского трибунала, Сулейману сожгли правую руку и посадили на кол. Он умер со словами: «Нет бога, кроме Аллаха». Казнили и четырех сообщников, шейхов мечети Аль-Азхар.

Турки были разбиты, но в стране появились англичане. 8 марта 1801 года они высадились на побережье Абукира.

После смерти Клебера командование перешло к Абдаллаху Жаку (Мену), старшему из генералов. Бонапарт бежал от позора капитуляции, Клебер принял смерть и тем самым покрыл себя славой, а Мену сдался в Александрии 1 сентября 1801 года. Еще раньше в Каире капитулировал генерал Бельяр⁵⁹.

Примерно пятьсот французских солдат пополнили ряды мамелюков, а большинство было посажено на суда в Абукире и доставлено на родину.

Мену не стал дожидаться отправки всей армии и отплыл во Францию на борту фрегата «Диана». Однако Бонапарт простит его и сделает членом трибунала⁶⁰.

Как французы тому ни противились, по условиям капитуляции пришлось уступить англичанам многие найденные в Египте древности, включая Розеттский камень. Генерал Хатчинсон⁶¹ завладел этими ценностями и отправил их в Лондон. Они были переданы в Британский музей.

Победителям достались саркофаги, двадцать семь скульптур, в большинстве своем разбитых, отливки, образцы флоры и фауны, минералы и, главное, знаменитый камень!

Абдаллах Жак не проявил никакой воли в том, чтобы отстоять сокровища, найденные французскими учеными. Камень, о котором уже знал весь мир, Мену держал в своем доме. Однажды он написал Хатчинсону: «Вы хотите заполучить его, генерал? Вы можете это сделать, так как являетесь более сильным из нас двоих... Заберите его, когда пожелаете».

Ученые вели себя мужественнее, чем Мену. Этьен Жоффруа Сент-Илер боролся за право обладания коллекциями, в том числе естественно-научными, и сохра-

нил часть предметов для Франции. А с тех вещей, что забрали англичане, вовремя сняли копии. Ученые сделали записи и многочисленные рисунки.

Война, мятежи, дизентерия и другие болезни унесли жизни тридцати двух членов Комиссии по наукам и искусствам. Из 30 тысяч солдат, ступивших на африканский берег, в живых осталось две трети. Многие заболели и потеряли зрение.

Французы в первый раз ощутили, что такое «жить при Наполеоне». Ведь он был не просто военным начальником. Бонапарт получил от Директории полномочия на ведение любых переговоров и заключение политических договоров. Он являлся настоящим правителем Египта.

Письма Директории с осуждением генерала Бонапарта писали и Клебер, и финансист Посселгуэ⁶². Наполеон простит обоих. Последнего император назначит на высокую и доходную должность, сказав его брату, известному хирургу: «Кто ваш брат? Я не знаю его. Посселгуэ предал генерала Бонапарта, но император не знает его. Сам я не окажу ему помощь, но если министр финансов сделает выбор в его пользу, то я подпишу назначение».

Египетская экспедиция завершилась неудачей. Но французы вполне могли закрепиться в Африке, если бы их адмиралы сохранили военные корабли. Получая подкрепления из метрополии, Бонапарт мог бы расширить плацдарм своих действий и обрести сторонников.

Увы, флот был уничтожен, и армия оказалась обреченной на поражение. Но бесподобная энергия главнокомандующего, подкрепленная героическими усилиями членов экспедиции, сотворила чудеса. Ученые сделали важные открытия и составили коллекции, которые помогли расшифровать древнюю письменность и приступить к созданию действительной истории Востока.

В 1869 году неутомимый Лессепс построит Суэцкий канал, соединив два моря. Одна из главных задач экспедиции была решена к столетнему юбилею Наполеона.

«Будет королем, вот увидите!»

16 июля 1799 года — в то время, когда Бонапарт уже вернулся из Сирии в Каир, но еще не дал бой при Абу-кире, — блистательный Жубер, высокий и худощавый, храбрый и энергичный, выехал из Парижа. Он собирался разгромить Суворова и оправдать надежды патриотов.

Жубер, соратник Бонапарта, несостоявшийся адвокат, некогда вступивший в ряды революционной армии, летел в Италию как на крыльях. Он вез с собой талисман — портрет супруги.

Они только что сыграли свадьбу в Гранпрэ, что в Шампани. Молодая жена была племянницей бывшего маркиза Семонвилля⁶³, с которым мы еще встретимся. Семонвилль сделал большую ставку на Жубера.

Молодожен отвез супругу к своим родителям в Понде-Во, департамент Эн. Их медовый месяц продлился лишь несколько дней.

Италия — то место, где Бонапарт и Жубер достигли великой славы. Раньше Жубер был подчиненным, теперь же все выглядит по-другому — вчерашний начальник далеко, а упования политиков Директории и простых граждан связаны с Жубером.

Казалось, молодой дивизионный генерал идет по стопам Бонапарта. Похожим было начало операции, а первые задачи ее — те же, что и в славном 1796 году: вырваться из ущелий в долины Ломбардии и оперировать на равнине.

Многообещающий символ — свой первый бой он дает 15 августа, в день рождения Бонапарта. Тому исполняется тридцать, и Жуберу столько же! Состоится ли рождение полководца?

На рассвете он увидел русских и австрийцев — их было больше, чем французов. Но Жубера это не смущает — так же, как не смущало Бонапарта, последовательно победившего четыре австрийские армии. Главнокомандующий не намерен отсиживаться в безопасных пунктах и сам ведет бойцов в атаку.

Застрельщики заняли дачные усадьбы, плантации и разыгрывали боевую прелюдию. Жубер вел свою ко-

лонну, сидя верхом на лошади, — и вдруг пал, сраженный пулей! Она врезалась в грудь и прошла навывлет.

Вождя положили на носилки и накрыли холстом. Генерал скончался еще до полудня, а битва при Нови была проиграна.

«Он был еще молод и не успел приобрести всего необходимого опыта. Он был создан для роли крупного полководца», — отметил Наполеон в своих воспоминаниях.

Суворов наступал. Жители южных городов Франции ждали скорого появления его армии, а некоторые даже изучали русский язык. Марсельские женщины ввели в моду уборы «а-ля Суворов».

16-летний патриот Анри Бейль, будущий Стендаль⁶⁴, был в отчаянии: «Вскоре к моей печали гражданина прибавился эгоистический страх. Я боялся, как бы из-за приближения русских не были отменены экзамены в Гренобле».

Однако вскоре все меняется: русский полководец ведет армию не на юг, а на север, генерал Массена⁶⁵ разбивает Корсакова⁶⁶, и Суворов вынужден отступить. А следом является тот, кого так часто вспоминали⁶⁷ в те дни.

«Бонапарт высадился во Фрежюсе, — рассказывает Стендаль. — Я упрекал себя за появившееся у меня искреннее желание, чтобы этот молодой Бонапарт, которого я рисовал себе красивым молодым человеком, вроде полковника комической оперы, сделался королем Франции».

Вскоре после высадки во Фрежюсе члены Совета пятисот выбирают Люсьена Бонапарта⁶⁸, брата победоносного генерала, своим председателем. Бойцы Итальянской армии — те, кого Наполеон не взял с собой в Египет, — громко кричат «ура», и их продолжительные возгласы слышат австрийцы.

На Рейне часовые двух армий перекликаются через реку.

Австриец: Ну что, француз, приехал-таки ваш король?

Француз: У нас нет короля, и мы не хотим его.

Австриец: Разве Бонапарт не король ваш?

Француз: Нет, он наш генерал.

Австриец: Ну так будет королем, вот увидите. А все-таки он будет молодчина, если даст нам мир.

Генерал Марбо получил назначение в Итальянскую армию и выехал из Парижа вместе с сыном. В Лионе они встретили Бонапарта-триумфатора, который в самом деле вел себя как будущий король.

Старший и младший Марбо сели на корабль и поплыли по Роне. Несмотря на маловодье, отец и сын преодолели опасные мели, но на подступах к Пон-Сент-Эспри в дело вмешался мистраль. «Корабельщикам не удалось выгрести к берегу, — писал впоследствии сын⁶⁹. — Вместо того чтобы работать, они потеряли голову и принялись молиться Богу, в то время как течение и яростный ветер несли судно прямо на мост! Еще миг, и мы врезались бы в мостовую опору и потонули, но тут отец и мы все, схватив багры и едва успев встать с ними на носу, оттолкнулись от опоры, на которую нас сносило. Толчок был таким сильным, что мы повалились на скамейки, зато лодка отклонилась в сторону и чудом сумела пройти под аркой моста...»

Отец и сын преодолели препятствия, а что Бонапарт? И тут все «по плану»: «Это было в первых числах ноября 1799 года, так как в Немуре, в двадцати или двадцати пяти милях от Парижа, мы узнали о событиях 18 брюмера (или 9 ноября 1799 года), совершившихся накануне, — пишет Стендаль. — Мы узнали о них вечером, я мало что понял в них и был восхищен тем, что молодой генерал Бонапарт сделался королем Франции».

Наполеон, этот «необъяснимый феномен», человек, «дивящийся своими делами и непроницаемый в своих замыслах», как писалось в одной брошюре того времени, достиг высшей власти в государстве!

На стенах столичных домов были расклеены объявления о смене режима. Рабочие предместий молчали. А буржуазный Париж, уставший от войн и переворотов, предался веселью. Любой намек на 18 брюмера, сделанный со сцены, встречали аплодисментами.

В Опере, в то время носившей имя Театра Республики и Искусств, давали «Караван». Герой пьесы Сен-Фар

«своим мужеством избавил нас от смерти и грабежа». Ясно, кого напоминает этот Сен-Фар! Зрители аплодируют, кричат «bis», требуют повторения куплета.

На улицах появляются глашатаи, провозглашающие консульство. За ними следуют факелоносцы. Звучат трубы, бьют барабаны. Энтузиасты обнимаются с криками: «Долой тиранов! Мир!»

Прокламацию о событиях 18 брюмера зачитывают с театральных сцен и в популярных кафе. Везде она вызывает овации.

Кондитеры продают сахарные фигуры Бонапарта с надписями: «Франция обязана ему победой, а будет обязана миром».

А чем страна обязана Жозефине? Супруга героя старается украсить доселе унылые покои Люксембургского дворца. Женщины, посетившие приемы четы Бонапарт, с восторгом вспоминают великолепный чайный стол, за которым умещались двадцать человек, и золоченую деревянную колонну на мраморном пьедестале, увенчанную редкими цветами.

— А все-таки эстетика несомненно выиграла от 18 брюмера, — говорят они.

Сразу после переворота Наполеон долго беседовал с аббатом Сиейесом⁷⁰ о положении в стране. Затем видный политик Сиейес, ранее рассчитывавший занять самую высокую должность в государстве с помощью Бонапарта, пошел ужинать с близкими друзьями. Когда слуги покинули комнату, он снял головной убор и бросил его на пол, воскликнув при этом:

— Господа, республики больше нет, она умерла! Я сегодня беседовал с человеком, который является не только великим генералом, но он также способен на все и к тому же он знает все. Он не нуждается ни в советниках, ни в помощниках; политика, законы, искусство правления так же знакомы ему, как и командование армией. Он молод и решителен. С республикой покончено.

— Но в том случае, если он станет тираном, потребуются кинжал Брута⁷¹! — закричали честные республиканцы.

— К сожалению, друзья, тогда мы попадем в руки Бурбонов⁷², что еще хуже, — ответил аббат.

Они не зря беспокоились — скоро французское общество станет совершенно неизвестным.

— Наши армии десять лет сражались, чтобы мы стали гражданами, а мы вдруг превратились в подданных! — сокрушался Мари Жозеф Шенье⁷³.

Французская Корсика и корсиканская Франция

«У меня есть предчувствие, что этот маленький островок поразит весь мир», — написал Жан Жак Руссо о Корсике еще при Людовике XV.

Наполеон провалился в Египте, а затем стал «королем». Парадокс? Однако что знали французы о египетских делах; творимых Бонапартом? Писем из Африки почти не было, а официальные донесения Наполеона Директории сообщали о победах у Пирамид, в Сирии, при Абукире. Все задачи похода решены, «Египет принадлежит нам» — вот что было на поверхности.

Умение подать вещи в выгодном для себя свете было важнейшей чертой Бонапарта-политика. «Чудеса» и сюрпризы будут продолжаться от начала до конца его правления. Убежав с острова Эльба в 1815 году, он будет говорить соотечественникам, что сделал это по согласованию с европейскими державами. И это еще не конец!

Наполеон «с удовольствием вспоминает, — писала госпожа де Ремюза⁷⁴, — как один из его дядей, когда он был еще ребенком, предсказал ему, что он будет управлять миром, потому что он привык вечно лгать».

Есть ли в этом вранье нечто корсиканское? Безусловно! Наполеонова хитрость есть сгусток качеств, свойственных итальянцам⁷⁵ и жителям малого острова.

Корсиканцы дают бой французам при Понте-Нуово и терпят сокрушительное поражение. 22 мая 1769 года Корсика покорена, а уже 23 мая Карло Буонапарте⁷⁶ изъявляет покорность новым хозяевам.

Французы включают Корсику в свою государственную орбиту и присылают чиновников. Каким увидели остров королевские комиссары?

Они писали, что в этой стране «народ не признает отвлеченной идеи, хотя бы она представляла собой общественный или правовой интерес.

Правосудия не существует; в течение двух лет было совершено сто тридцать преступлений... Институт судей отклонил всякий способ наказания; ни наиболее веские доказательства, ниже сама очевидность не убедят судей, принадлежащих к той или иной партии или даже тому же семейству, что и обвиняемый, произнести против него обвинение».

А если обвиняемый — член другой партии? Все равно его оправдают, чтобы избежать мщениа, «быть может запоздалого, но всегда неизбежного».

«Дух общественности неизвестен». Нет подлинной социальной организации, но «масса мелких партий, враждебных одна другой... Нельзя быть корсиканцем без принадлежности к какому-нибудь семейству, следовательно, — не примыкая к какой-либо партии; тот, который захотел бы обойтись без нее, встретил бы общую ненависть... Вожаки имеют все одну цель: добыть, во что бы то ни стало, денег, окружить себя преданной креатурой и занять ею все места... Выборы ведутся оружием и насилием... Торжествующая партия пользуется своим авторитетом и мстит той, которая с нею состязалась, умножает притеснения, обиды... Начальники образуют между собой аристократические лиги... и позволяют себе всяческие злоупотребления. Они не назначают и не собирают податей, дабы не растерять выборщиков, а равно из чувства партийности и родственных связей...

Пошлины идут в карман родственников и друзей... Жалованье не попадает в должные руки. Поля, по причинам отсутствия безопасности, пустуют. Крестьяне ходят на пашню с ружьями. Нельзя ступить шага без охраны; часто приходится посылать отряд в пять, шесть человек, чтобы доставить письмо с одной почты на другую».

Наполеон родился 15 августа 1769 года, через три месяца после поражения Паоли⁷⁷, вождя корсиканцев. Когда мальчик покинул Корсику, отправляясь на учебу во Францию, ему было девять с половиной лет. Он уже

кое-что понимал в тех отношениях, что доминировали на острове. Наполеон слышал не только разговоры родных, но и рассказы моряков, пастухов и других людей о разного рода случаях, засадах и стычках. Сколько он сам устроит подобных засад и ловушек, и самой грандиозной будет аустерлицкая!

«Главная национальная черта корсиканца, — говорил Наполеон доктору О'Мира⁷⁸ на острове Святой Елены, — заключается в том, что он никогда не забывает сделанное ему добро или нанесенную ему обиду. На Корсике за малейшее нанесенное оскорбление следует удар кинжалом. Соответственно, убийства там являются обычным делом. В то же время нет более благодарного народа, чем корсиканцы. Корсиканец без колебаний пожертвует своей жизнью за человека, которому он обязан за сделанное ему доброе дело»⁷⁹.

Выходец с полудикого острова, который только в год его рождения стал французским, возглавил крупнейшую европейскую державу. Какие нравы принес Франции Наполеон?

Невероятно, но он даст стране, да и значительной части Европы, самые прочные законы! Однако он принесет с собой экзотические черты и привычки.

Как истинный корсиканец, Наполеон будет благодарным человеком. Он даст ход родственникам и землякам. Он доверит старшему брату Жозефу⁸⁰ управление французскими органами власти в свое отсутствие. Братьев, сестер и других родственников он сделает королями, королевами, принцами, принцессами, князьями, княгинями и духовными лицами. Но при этом он будет говорить служителям закона: «Никогда не рассматривайте, к какой партии принадлежит человек, который ищет правосудия».

Наполеон увлечет всех своими идеями. Его манера быстро и ловко овладевать беседой, страстно и убежденно говорить многих приводила в восторг, но некоторых не впечатляла вовсе.

«Один офицер, — вспоминает Стендаль, — знаток военного дела, но человек старого порядка и безукоризненно воспитанный, говорил нам в Берлине, что он был крайне удивлен, видя, что г-н Бонапарте выигры-

вает сражения. На первых порах он решил, что это од-нофамилец Наполеона или его брат. От своих встреч с Наполеоном в Валансе и позднее в Осонне он сохранил воспоминание о нем, как о молодом болтуне, по всякому поводу заводившем бесконечные споры и стремившемся все переделать в государстве. “Таких пустомель, — прибавил офицер, — я с тех пор, как служу, знавал десятка два”. Что касается манеры Наполеона держать себя, то в ней не было ни изящества, ни непри-нужденности, а лицо его, не будь оно столь необычай-ным, могло бы показаться некрасивым. Но его спасало благорасположение дам. “Мне кажется, — говорил в Берлине тот же офицер, — что их зачаровывал его взгляд, мрачный и пристальный, в котором было нечто итальянское. Они, наверное, воображали, что это взгляд человека, которым владеет великая страсть”.

— Пойду узнаю, помнят ли еще нас Бонапарты, — го-ворит Бартоломео ди Пьомбо, герой «Вендетты» Баль-зака. Он направился ко входу во дворец Тюильри, пред-варительно отдав жене кинжал.

Жена и дочь ждали его, пока он общался с Люсьеном и Наполеоном Бонапартами, соответственно министр-ом внутренних дел и первым консулом Франции. Не-прошенный визитер рассказал двум государственным мужам о том, что он убил всех Порта — члены этого се-мейства когда-то были в числе гонителей Бонапартов. Но времена изменились — и Наполеон с Люсьеном во-все не рады тому, что Бартоломео ди Пьомбо «уложил» семерых Порта.

«— Нет, вы не корсиканцы больше! — с отчаянием воскликнул Бартоломео. — Прощайте! В свое время я оказал вам помощь, — укоризненно сказал он. — Если бы не я, твоя мать не добралась бы до Марселя, — обра-тился он к Бонапарту, который стоял в задумчивости, облокотившись на камин».

Бартоломео говорил о времени, когда семья Бона-партов бежала с Корсики, спасаясь от преследований генерала Паоли, правителя острова, с которым Наполе-он поссорился на всю жизнь.

«— По совести говоря, Пьомбо, — ответил Наполеон, — я не вправе брать тебя под защиту. Я теперь стою во главе великого народа, управляю Республикой и должен требовать, чтобы законы соблюдались.

— Ого! — сказал Бартоломео.

— Но я могу закрыть на это глаза, — продолжал Бонапарт. — Долго еще будет кровавый обычай вендетты помехой власти закона на Корсике, — сказал он про себя, — но его надо уничтожить, чего бы это ни стоило».

Наполеон предлагает земляку остаться в Париже. Он обещает купить имения, чтобы дать семье Пьомбо средства к существованию.

— Мне не раз понадобится иметь подле себя преданного друга, которому я мог бы довериться.

«Радостный вздох вырвался из широкой груди Пьомбо, и он протянул руку первому консулу:

— Стало быть, в тебе еще живет корсиканец!»

Наполеон в самом деле продвинул многих земляков, не говоря о родственниках. На видных ролях в армии и администрации будут и бывший комиссар Конвента Саличетти⁸¹, и двоюродный брат Наполеона по линии матери Аррижи ди Казанова⁸², получивший от императора звание дивизионного генерала и титул герцога Падуанского, и Филипп Антуан Орнано⁸³ — также двоюродный брат Наполеона, граф Империи и дивизионный генерал, и Себастиани де ла Порта⁸⁴, получивший то же звание и титул, что и Орнано.

Наполеон использовал Себастиани и в качестве дипломата, направив земляка «торговым агентом» в Левант для изучения состояния портов Триполи, Сирии, Египта и установления новых отношений с каирскими вождями.

«Корсика, которая по своему населению (180 тысяч человек) равняется лишь половине большей части французских департаментов, дала нам за последнее время Саличетти, Поццо ди Борго⁸⁵, генерала Себастиани, Червони⁸⁶, Абатуччи⁸⁷, Люсьена и Наполеона Бонапартов, Арену, — отметил Стендаль. — Северному департаменту, насчитывающему 900 тысяч жителей, далеко до подобного списка. Это потому, что на Корсике каждый, выйдя из дому, может угодить под ру-

жейный выстрел; корсиканец вместо того, чтобы покоряться, как подобает истинному христианину, старается обороняться, а главное, отомстить. Вот как вырабатываются души вроде Наполеона. Как мало это похоже на дворец, полный камер-юнкеров и камергеров...»

Не все корсиканцы были столь талантливо, как блестящий кавалерист Себастиани или Орнано, покрывший себя славой в Испании, Португалии, при Бородине и под Красным. Мужем Элизы, старшей из сестер Наполеона, стал Феличе Паскаль Бачиокки — представитель обедневшего дворянского рода. Он получил титул князя Пьомбино и Лукки, а позднее был произведен в дивизионные генералы. Современники в один голос говорили о его заурядных способностях.

Среди корсиканцев были не только друзья Наполеона, но и его злые враги: например, Арена — депутат от Корсики в Совете пятисот при Директории, позднее казненный за участие в покушении на жизнь первого консула; или Карло Андреа Поццо ди Борго — сторонник отделения Корсики от Франции и член «английской партии».

Политическая ориентация Поццо ди Борго предопределила вражду между ним и Наполеоном с первых лет революции. А позднее «Карл Осипович» Поццо ди Борго станет «правой рукой» русского императора Александра I и поможет тому победить «тирана».

Поццо ди Борго — юрист, но и Наполеон был доктором права, как он не без гордости говорил доктору О'Мира на острове Святой Елены. В своей первой Конституции Наполеон закрепил следующее положение: после законной продажи национальных земель, *каково бы ни было их происхождение*, новый владелец не может быть их лишен.

Насколько при Наполеоне были незыблемы права частной собственности, видно из одной любопытной истории, связанной со строительством дворца для короля Рима, сына императора⁸⁸, — проектом, который так и не был осуществлен.

Когда определили место для будущего дворца, правительство стало скупать все дома, которые пришлось

бы затем снести. Один из них принадлежал бондарю по имени Бонвиван. Его маленький дом, вместе с землей, никак не стоил более тысячи франков. Владелец запросил десять тысяч. Об этом доложили императору, и тот приказал купить дом за названную цену.

Подготовили контракт, но Бонвиван, подумав, запросил тридцать тысяч. Наполеон и на это согласился. Затем бондарь поднял цену до сорока тысяч. Архитектор вновь доложил императору о сложившейся ситуации.

— Вот оно что! — воскликнул Наполеон. — Этот плут явно злоупотребляет своим положением, тем не менее у нас нет иного выхода; нам следует заплатить ему.

Но бондарь поднял цену до пятидесяти тысяч! Архитектор вновь явился к императору. Тот был возмущен и заявил:

— Этот человек — настоящий негодяй, ну что ж, я не заплачу ему ни гроша за его дом. Пусть этот дом останется как памятник моего уважения к законам.

Бонвиван не знал меры и «остался с носом». А вернувшиеся Бурбоны с ним не церемонились: они снесли фундамент дворца, после чего хибара бондаря развалилась. Никакой компенсации он не получил и еле сводил концы с концами.

Отряды принца Конде

Революция поставила вне закона многих членов бывших привилегированных сословий французского королевства — дворянства и духовенства. Каждый эмигрант «умирал гражданской смертью», а его состояние «делалось собственностью Республики».

Вернуться на родину означало верную смерть. Если такой человек был обнаружен и его личность установлена, то его немедленно казнили.

Революция закончена, но зловещий закон все еще действует. В списках приговоренных к смерти значатся 146 тысяч имен — дворян, офицеров, бывших парламентариев, священников, политиков тех партий, что давно сошли со сцены.

Двести или триста тысяч человек остались во Франции, но были наполовину лишены прав. Это родственники и свойственники эмигрантов — люди, которым запрещено занимать государственные должности, избирать и быть избранными в органы власти.

Бывшие дворяне по закону уже не считались французами. Они должны были натурализоваться.

Что Бонапарт делает со всеми этими людьми? Режим Консульства непрочен, продолжается война с Англией и Австрией, и молодой правитель действует осторожно и поэтапно.

Конституция 1799 года провозглашает невозможность возвращения эмигрантов. Однако теперь всякий француз — если он не эмигрант и не высланный — имеет право подавать голос, быть избранным и занимать общественные должности. Через двенадцать дней принимается постановление Государственного совета, по которому возвращаются гражданские и политические права бывшим потомственным и личным дворянам, родственникам и свойственникам эмигрантов, всем «внутренним эмигрантам».

Возвращаются видные государственные мужи — Карно⁸⁹, Бартеlemi⁹⁰, Буасси д'Англа⁹¹, ранее вынужденные бежать либо сосланные. Освобождаются репрессированные Директорией политики. Выпущены на свободу священники, томившиеся на острове Ре.

В первые дни Консульства Наполеон посетил государственную тюрьму. По его приказу и в его присутствии освобождались граждане, арестованные по чудовищному закону о заложниках.

— Несправедливый закон, — говорил при этом Бонапарт, — лишил вас свободы. Мой первый долг вернуть ее вам.

Он побывал и в других тюрьмах, требовал списки заключенных, расспрашивал этих людей и обещал правый суд.

Принимаются законодательные акты, значительно уыбстряющие рассмотрение просьб об исключении из эмигрантских списков. Дело пошло еще веселее, когда Бонапарт победил австрийцев при Маренго⁹² и почув-

ствовал возросшую уверенность в прочности своей политической системы.

Правительство знало, что некоторые эмигранты, все еще находившиеся в списках, нелегально прибывали во Францию, и смотрело на это «сквозь пальцы». А после заключения Амьенского мира с Англией и конкордата с Ватиканом⁹³ были амнистированы все, кроме наиболее одиозных лидеров оппозиции и видных членов протестующей эмиграции. Таких оказалось не более тысячи человек.

Те, кто вернулся, получали все права гражданства. Они должны лишь пообещать «быть верными правительству, установленному Конституцией, и не поддерживать ни прямых, ни косвенных сношений и переписки с врагами государства».

Правда, вернувшиеся зачастую не имели никаких источников дохода — их собственность была конфискована. Сенатским решением им вернули часть еще непроданных имений. В денежном выражении это была лишь двадцатая доля утраченного — сто миллионов из двух миллиардов.

Сам Наполеон был вынужден признать, что эту «милостыню» распределяли несправедливо: наиболее нуждавшиеся остались ни с чем. Позднее он скажет, что «сорок тысяч граждан лишены всяких средств к существованию». Они живут у родных и близких, как гости и прихлебатели.

Многие бывшие дворяне, забыв о сословной гордости, искали работу. Некоторые соглашались стать приказчиками, писцами или счетчиками.

Один бывший фельдмаршал содержит в Лионе бюро новых дилижансов и имеет годовой доход, равный 1200 франков. Де Пюимегр, у которого в 1789 году было два миллиона, теперь контролер сборов податей с годовым жалованьем в 2400 франков.

А чем они занимались в эмиграции? Кто жил, кто выживал, кто плел интриги, а кто сражался с оружием в руках в «армии принцев». В рядах этого импровизированного войска побывали и Шатобриан⁹⁴, и Эммануэль де Лас Каз⁹⁵ (последний отправится вместе с Наполеоном на остров Святой Елены).

Видным военачальником французских эмигрантов стал Луи Жозеф де Бурбон, принц Конде. Он родился в 1736 году и поступил в армию в начале Семилетней войны. Некоторые историки и писатели считали его бездарностью, но это не совсем так. В 1762 году он выиграл битву при Фридберге.

Конде эмигрировал через несколько дней после взятия Бастилии, вслед за графом д'Артуа⁹⁶. Отъезд нескольких принцев, высших аристократов и военных дал сильнейший толчок дворянской эмиграции.

Несколько тысяч таких людей скопились в Австрийских Нидерландах и на Рейне и готовы были воевать за утраченные права. Время было тревожное, а будущее казалось мрачным как никогда. Король и его малолетний сын были «в плену» у революционеров. В Кобленце временно обитал граф Прованский, будущий Людовик XVIII.

Принц Конде, также находившийся в Кобленце, формировал войско за свой счет. Скоро у него было пять тысяч бойцов, и он присоединился к пруссакам и австрийцам. В 1792 году он наступал на Ландау вместе с союзниками, но был отброшен за Рейн.

Вот как Шатобриан описал эмигрантские отряды⁹⁷: «Обыкновенно войско состоит из солдат примерно одних лет, одного роста, одних возможностей. Совсем иной была наша армия — смешение зрелых мужей, стариков, мальчишек, оставивших свои голубятни, хор, в котором звучали нормандские, бретонские, пикардийские, овернские, гасконские, провансальские, лангедокские говоры. Отец служил рядом с сыновьями, тесть подле зятя, дядя — бок о бок с племянником, брат с братом, кузен с кузеном. В этой компании рекрутов, при всей ее смехотворности, было нечто почтенное и трогательное, ибо людьми двигали убеждения; она являла зрелище старой монархии и давала представление об уходящем мире. Я видел стариков дворян, с суровыми лицами, с сединой в волосах, в рваном платье, с ранцем за плечами, с ружьем за спиной, которые брели, опираясь на палку, поддерживаемые под руку кем-нибудь из сыновей; я видел господина де Буаю, отца моего товарища, убитого... на моих глазах, — он одиноко и пе-

чально брел босиком по грязи, неся свои башмаки на острие штыка, чтобы не износить их; я видел раненых юношей, лежащих под деревом, и священника в епитрахили поверх сюртука, стоящего на коленях у них в изголовье... Все это бедное войско, не получая от принца ни единого су, вело войну за собственный счет, между тем как декреты довершали наше разорение и бросали наших жен и матерей в тюрьму».

Эти бедные старики и юноши — рядовые бойцы. Не было недостатка и в командирах: многие королевские офицеры и выпускники элитных военных училищ — к слову сказать, и Парижской военной школы, где в свое время учился Наполеон, — встали под те же знамена.

Описание Шатобриана относится к 1792 году. Он прослужит в армии с августа по октябрь, после чего его рота будет распущена. Позднее войско эмигрантов получит субсидии — и от англичан, и от русских.

Идея борьбы с «революционной заразой» получит деятельную поддержку со стороны российского императора Павла I, сына Екатерины II. Он вступил на престол 7 ноября 1796 года и относился к Французской революции исключительно враждебно. Стараясь оградить Россию от духа «якобинства», он издал указы, направленные против всего французского и напоминавшего Францию. Было запрещено носить фракы, круглые шляпы, трости.

За всеми иностранцами, проживавшими в Петербурге и Москве, был установлен строгий надзор. Велено было из иноземцев «людей подозрительных, поведения нескромного или непристойного», «выгонять вон за границу с запрещением паки показываться в столице под страхом наказания».

Все вольные типографии приказано было закрыть, а для книг и журналов, привозимых из-за границы, установить цензуру, дабы ни одна книга, «противная закону Божию, правилам государственным, верховной власти и благонравию», не могла появиться в России.

Российским подданным запрещено было, без доклада самому государю-императору, выезжать за границу, хотя бы для изучения науки, ввиду опасности поддаться тлетворному влиянию. Над всеми обывателями уста-

новлен строгий полицейский надзор, который, по мысли императора, должен был уберечь народ от опасных, разрушительных идей Запада.

Поначалу Павел I активно не вмешивался в европейские дела, однако успехи французов и распространение революционных идей в Европе сильно повлияли на его политику. Он ответил решительным отказом на требование Франции не пускать в Россию эмигрантов: он «не желает лишать себя права давать убежище несчастным, которые только ищут одной для себя безопасности».

В 1797 году он радушно принял принца Конде с большим — до семи тысяч человек — отрядом эмигрантов, которые были на австрийской службе и от услуг которых Австрия, завязавшая переговоры о мире с Францией, отказалась. Отряд был расквартирован в Волынской и Подольской губерниях и получал содержание из российской казны. Теперь эмигранты были обмундированы и вооружены куда лучше прежнего.

Павел пригласил в Россию гонимого претендента на французский престол графа Прованского и герцога Лилльского, провозгласившего себя Людовиком XVIII. Тому был отведен Митавский замок в Литве и дано ежегодное содержание в сумме 200 тысяч рублей.

Романтический характер Павла стал одной из причин того, что заинтересованные люди смогли убедить его принять Мальтийский орден под свое покровительство. 4 января 1797 года была заключена конвенция, в силу которой Польское великое приорство было превращено в великое приорство Российское, а во главе его встал Павел I. 29 ноября 1798 года Павел принял на себя звание великого магистра Мальтийского ордена и дал торжественное обещание сохранять Орден «при его прежних установлениях и преимуществах».

После захвата Мальты французами, которых Наполеон вел в Египет, Россия вошла в коалицию европейских держав (вместе с Англией, Австрией, Турцией и Неаполитанским королевством). В 1799 году принц Конде сражался в Швейцарии, координируя свои действия с русскими и австрийцами.

Контрреволюционеры были биты, и отряд нашел временное прибежище в баварском городке Шенгау. Здесь французы узнали о перевороте 18 брюмера. Это известие обрадовало их. Офицеры и солдаты слагали песни про бегущих депутатов. Многие считали столичные события счастливым предзнаменованием и видели в режиме Бонапарта лишь ступень к восстановлению королевского трона.

Аналогии с Английской революцией XVII века казались очень уместными. В то же время одна проницательная женщина заметила: «Быть может, это и счастье для Франции, но не для нас. Отныне Франция не будет нуждаться в короле — Бонапарт вернет ей покой».

Кто он, этот Бонапарт? Один из корреспондентов Конде предложил такой ответ на этот вопрос: «В нем треть философа, треть якобинца и треть аристократа». И добавил: «Ни одного атома роялиста». Последнее более всего расстраивало тех, кто пока не сложил оружия.

После военных неудач второй половины 1799 года из коалиции вышла Россия. Англичане заняли Мальту, а когда Павел, как магистр Ордена, потребовал ее возвращения, то получил отказ. Взбешенный, он отозвал своего посла из Лондона и распорядился, чтобы английский посол лорд Уитворт выехал из России.

Порвав с прежними союзниками, Павел сблизился с Францией. В свою очередь, Наполеон в 1800 году отпустил на родину, в Россию, 6732 пленных, в том числе 130 генералов и штаб-офицеров. При этом первый консул вернул им оружие и приказал сшить за счет французской казны новые мундиры полков, к которым принадлежали пленные солдаты. Наполеон сообщил Павлу, что он это делает «единственно из уважения к доблестям русской армии, которую французы умели оценить по достоинству на поле битвы».

Бонапарт соглашался с тем, что Мальта будет возвращена Павлу, как магистру Ордена. Павел послал своего уполномоченного в Париж для приема пленников, а затем написал первому консулу: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правах человека, ни об основных началах, установленных в каждой стране. Постараемся воз-

вратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается».

В январе 1801 года Павел предупреждал Бонапарта о враждебных действиях Англии и предлагал «соединиться». Он заявлял, что Англия, оставшись изолированной, приведена будет к раскаянию «в своем деспотизме и высокомерии».

Людовику XVIII «посоветовали» выехать из России, а субсидии эмигрантам прекратили. Отряд принца Конде был вынужден удалиться за границу. Он поступил на жалованье Англии. 22 января Людовик покинул Митаву и направился в Пруссию.

Павел готовил союз с Францией и войну с Англией. Приказом от 12 января 1801 года он объявил поход в Индию, послав туда 22,5 тысячи казаков. Столь резкие перемены во внешней политике, очевидно, стали одной из главных причин того, что через пару месяцев император был убит.

После заключения Люневильского мира между Францией и Австрией в 1801 году принц Конде потерял всякую почву под ногами. Он вынужден был распустить свой отряд, после чего уехал в Англию. Принц вернется на родину лишь в 1814 году, в обозе Людовика XVIII.

Наполеон был крайне расстроен сменой российских правителей. За несколько лет отношения двух держав пережили удивительные метаморфозы: страны вначале воевали, затем стали почти союзниками, и что теперь? Для начала он поздравил нового царя с восшествием на престол.

Александр I восстановил дипломатические отношения с Англией и вернул казаков, посланных отцом в Индию. В октябре 1801 года он заключил мирный договор с Францией.

Артур Юнг и хорошие фермеры

Накануне переворота 1799 года Французская революция — по оценке видного ее деятеля Камбасереса⁹⁸ — «всем опротивела». Конечно, юрист Камбасерес не мог

говорить за всю Францию, но кому нравились война, длительная неопределенность, удручающая слабость власти, беззаконие, разбой на дорогах?

И вдруг — настоящее чудо! Молодой генерал вернулся из Африки, встал во главе республиканского правительства, через полгода разгромил австрийцев при Маренго, еще через несколько месяцев заключил мирное соглашение в Люневиле, а затем и в Амьене — с англичанами.

Страна, большинство населения которой составляли крестьяне, вернулась к мирному труду и преображалась буквально на глазах. Ведь что было раньше? В какой ужас приводило английского путешественника Юнга сельское хозяйство Франции, казавшееся таким застойным по сравнению с английскими аграрными системами!

Артур Юнг, агроном и экономист, автор многих трудов, среди которых — «Путешествие по Франции», два тома которого вышли в 1792—1794 годах, писал: «Разве может процветать страна, главной заботой которой является стремление экономить на употреблении готовых товаров и изделий мануфактур? Женщины, собирающие в лесах в передники траву для своих коров, — вот признак нищеты».

«Проезжая Пейрак, мы встретили здесь массу нищих... У всех крестьянок, женщин и девушек, нет ни чулок, ни башмаков, а у землепашцев во время работы нет на ногах ни деревянной, ни какой-то другой обуви. Эта нужда подрывает в корне народное благосостояние».

«Я был в Сен-Жерменском аббатстве... Это самое богатое аббатство во Франции, аббат получает 300 тысяч ливров дохода! Я теряю терпение, когда вижу подобное распределение таких крупных доходов, это годится для X, но не для XVIII века. Сколько ферм можно было бы основать на четвертую часть этого дохода!!! Какую репу, капусту, картофель, клевер, каких баранов и какую шерсть можно было бы получить! Разве они не лучше, чем толстый боров — священник?»

«Я ищу хороших фермеров, а встречаю лишь монахов и государственные тюрьмы!»

Неужели все так плохо? Ведь и до революции были сельскохозяйственные общества, члены которых живо интересовались техническими и культурными новшествами — мы говорим не только о прогрессивных дворянах и буржуа, но и о некоторых крестьянах. Увы, это касалось лишь незначительной части сельских хозяев.

У каждого края — своя специализация: чего-то много, чего-то не хватает, а то и нет вовсе. «Бедный Артур Юнг! — восклицает историк Фернан Бродель⁹⁹. — Он так огорчился, что не может найти чашку молока между Тулоном и Канном!»

Во время путешествия Юнга скотоводство было не самым прибыльным делом. Один документ так описывал экономику откорма: «Купив [быка] за 200 ливров, его продают после откорма за 300, [но] барыш составляет от 60 до 70 ливров».

Французские провинции не похожи друг на друга — и природой, и направлением хозяйства, и характером людей. «Поясню читателю, — говорит Стендаль, уроженец Гренобля, — что в Дофине можно встретить свою особую манеру чувствовать — остро, упорно, сознательно, которой я не встречал ни в каких других краях. Для внимательного наблюдателя музыка, пейзажи, романы должны меняться с каждым тремя градусами географической широты. Например, у Валанса на Роне кончается провансальский характер и начинается характер бургундский, который между Дижоном и Труа сменяется парижским — вежливым, остроумным, поверхностным, — словом, уделяющим много внимания другим.

Характер дофинеzca отличается стойкостью, глубиной, умом и хитростью, которой тщетно было бы искать в соседней провансальской или бургундской цивилизации. Там, где провансалец раздражается яростными проклятиями, дофинезец размышляет и советуется со своим сердцем».

Революция отменила деление страны на провинции с их штатами (парламентами) и заскорузлой системой управления. Теперь Франция состоит из департаментов.

Бурбоны вернутся к власти в 1814 году, но ничего не станут менять в новой системе деления страны. Когда

герцог Ангулемский¹⁰⁰ прогуливался среди мостов, каналов и дорог, ему верноподданнически напомнили о том, что все это было сделано провинциальными штатами еще до революции. Он сухо ответил: «Мы предпочитаем департаменты провинциям».

Франция — крестьянская страна. Уровень урбанизации составлял в 1800 году 12% и был ниже, чем в Англии (23%), Италии (17%), Нидерландах (37%), Португалии (16%), Испании (13%).

В 1790-е годы помещицьи участки земли были пущены в обращение. Многие крестьяне увеличили свои наделы, купили землю. Генерал Лафайет¹⁰¹, находившийся в изгнании, получает сведения о положении в стране и пишет своему бывшему адъютанту Латур-Мобуру¹⁰²: «Вы знаете, сколько в ваших краях было нищих людей, умиравших с голоду; теперь их почти не видно».

Не все так замечательно, как кажется генералу, но налицо хорошие урожаи и общее оживление. В годы революции в рекруты не брали семейных, а потому юноши женились, начиная с шестнадцатилетнего возраста. У них рождались дети. Времена тяжелые, Республика воевала с врагами свободы, но население Франции увеличивалось.

В экономическом отношении новая Франция — это единый рынок без внутренних таможен и свободное перемещение товаров. Крестьяне работали с утра до вечера, но они могли свободно распоряжаться продуктами своего труда.

Каким был быт большинства сельских жителей тех времен? Он очень тяжел до революции, когда в неурожайные годы ежегодно умирали от голода сотни тысяч людей, он труден и в 1790-е годы. Но в жизни крестьян произошли существенные перемены — отошли в прошлое изнурительные феодальные повинности, труженики стали собственниками земли.

«Таким образом, — пишет Фернан Бродель, — бедная, нищая, трудолюбивая, простодушная, но при этом наделенная тяжелым характером, скупая — по природе или по необходимости — Франция уцелела; жителям этой Франции приходилось экономить соль и длин-

ные толстые контрабандные спички; всю ночь сохранять огонь под слоем золы, чтобы наутро не разжигать очаг заново; печь хлеб не чаще раза в неделю и еще: всю жизнь довольствоваться — и мужчинам, и женщинам — всего одним парадным платьем; делать все, что можно (пищу, дом, мебель, одежду), своими руками: так, крестьяне в Коррезе еще в 1806 году «носят одежду из толстого домотканого сукна, которое свалили своими руками из шерсти своих овец»; зимой, в холода, спать рядом со скотиной, согреваясь ее теплом; не иметь никаких удобств, соответствующих требованиям современной гигиены, и, экономя свечи, «идти вслед за солнцем» и даже впереди него: «Большая часть населения [встает] на рассвете, утренняя месса повсеместно начинается еще до зари».

Новая эпоха отличалась от дореволюционной прежде всего тем, что крестьянин получил возможность работать на себя. Возросла культура аграрного производства. Теперь люди думали о том, как улучшить свое хозяйство, и быстро осваивали прогрессивные приемы его ведения.

Вот что писал знаменитый ученый и выдающийся организатор промышленности Шапталъ¹⁰³: «Культура травосеяния сделала громадные успехи и обогатила сельское хозяйство; травосеяние доставляет обильный корм скоту, позволяя увеличивать стада и тем самым усиливать унаваживание... Громадное количество перемещений собственности и создание большого числа собственников содействовали прогрессу сельского хозяйства: новый собственник с жаром занимается обработкой земли. В тех местах, где владения огромных размеров едва могли прокормить одну семью, события заставили произвести раздел, вся земля пошла в обработку, и доходы удесятерились».

Доходы таковы, что позволяют развивать производство и улучшать качество жизни крестьян. Пёше отметил в «Началах статистического учета...» (1805 год): «Сегодня во Франции потребляется больше хлеба и мяса, чем прежде. Сельский житель, знавший лишь грубую пищу и сомнительные для здоровья напитки, сегодня имеет в своем распоряжении мясо, хлеб, хорошие пиво

и сидр. По мере роста благосостояния земледельцев колониальные товары (такие, как сахар и кофе) получили в деревне широкое распространение».

Многие сельские жители обзавелись приличными и удобными кроватями, чаще всего из орехового дерева. Прочные шкафы пришли на смену простым сундукам. На стенах висят красивые часы. Подсвечники, фарфоровые сервизы и другие предметы обихода дополняют картину домашнего достатка и уюта.

«Рабочая одежда по-прежнему груба, — пишет Жан Тюлар¹⁰⁴, — и делается из холста или саржи — особенно для мужчин, женские же корсеты и юбки изготавливаются из кисеи. Повсеместно, кроме юга, где крестьяне ходят босиком, носят сабо. Но по воскресеньям появляются куртки, жилеты, брюки и даже башмаки».

Вот и появились «хорошие фермеры»!

Мир мадам Тюссо

Войны и революции уносят жизни многих людей. А искусство отражает реальность, в том числе самую жестокую. Новые формы творчества порой возникают под воздействием трагических обстоятельств.

В романе «Девятое Термидора» Марк Алданов¹⁰⁵ рисует такую картину: «В ящике лежал Робеспьер... Голова... лежала между раздвинутыми полукругом ногами приблизительно посередине ящика. На фиолетовом шелке кафтана она выделялась восковым пятном, густо залитым кровью. К рыжим волосам кое-где присохла белая пудра. Кафтан был изорван, и худое тщедушное тело виднелось из-под рубахи. Синий кусочек стекла криво повис сбоку от носа. Другой глаз, не прикрытый разбившимися очками, казался тоже стеклянным. Но что-то в нем сохранилось живое, и оно делало его страшнее всего остального, страшнее даже ног, раздвинутых точно для пляски. Это ужас проскользнул в останавливающемся зрачке в ту последнюю секунду, когда внизу, под собой, уже под ножом, Робеспьер увидел в корзине палача отрубленные головы друзей».

В то время еще не было фотографии, но уже существовал мир масок и фигур, вылепленных из воска. 33-летняя Мария Гросхольтц успела запечатлеть и самого Робеспьера, и его друзей. А кроме них — еще и Вольтера, Руссо, Франклина, Мирабо, казненных Людовика XVI, Марию-Антуанетту и других видных людей века.

«Ее отец был солдатом и участвовал в Семилетней войне... Он погиб за два месяца до рождения девочки... Овдовевшая мать работала экономкой в доме доктора Филиппа Куртиуса...»

Такова официальная информация, предоставляемая лондонским Музеем мадам Тюссо. Но говорят, что отец Марии Гросхольтц был потомственным палачом. Мастера этой профессии составляют своеобразный «клуб», а его члены будут относиться к Марии «по-свойски».

Когда для работы ей понадобились настоящие волосы, она получала их с голов гильотинированных. Заплечных дел мастера знали, что она — «дочь того Гросхольтца», и давали ей все необходимое. Мария отмывала окровавленные головы и продолжала работать над своей коллекцией.

А спустя годы эдинбургский палач Джон Вильямс разрешил ей доступ в городскую тюрьму, и Мария снимала маски с приговоренных к смерти преступников. Порой она делала это и после казни.

Так мадам Тюссо наполняла новым содержанием «Комнату ужасов» своего лондонского музея.

Мария родилась в Страсбурге. Ее детские годы прошли в Берне, а затем она переехала в Париж вместе с матерью, которую звали Анной. С ними был «анатомист», доктор Филипп Кюртюс — именно так, на французский манер, следует произносить его фамилию. Он был любовником Анны и по-отечески относился к Марии.

Филипп Кюртюс делал миниатюрные бюсты из воска, имел хорошую клиентуру и постепенно обучал Марию необычному ремеслу. Заказать портрет у художника стоило недешево, а потому миниатюрные

восковые фигурки пользовались популярностью. Г-н Кюртюс арендовал галерею в престижном районе Парижа.

Он показывал Марии, как лепить цветы и фрукты из воска, а затем все более усложнял задания. Она училась и рисовать, и шить, и моделировать прически.

Однажды Филипп Кюртюс пригласил Марию на сеанс моделирования на улицу Бон. А через два месяца их клиент умрет и будет захоронен в Пантеоне. Это был Франсуа Мари Аруэ, или Вольтер.

Филипп и Мария стали обладателями уникального слепка из воска, сделанного при жизни философа. Был изготовлен и бюст Вольтера. Выставленный в витрине магазина, он привлекал внимание покупателей.

К двадцати годам Мария хорошо знала, как вести дела. Она не только лепила и рисовала, но и составляла финансовые документы, торговалась с поставщиками воска, тканей и волос. Она продумывала все стороны своей деятельности, заботилась о правильном освещении фигур и установке зеркал в выставочных залах.

О юной мастерице узнали при дворе. Она получила приглашение в Версаль. Мадам Элизабет, сестра Людовика XVI, хотела овладеть искусством скульптуры. Мария приняла заманчивое предложение и девять лет провела во дворце. Казалось, что ее жизнь навсегда устроена. Но началась революция, и все переменялось.

Место при дворе Мария потеряла, а выставка фигур пустовала. Однако выполненные ею модели Франклина и Мирабо — «друзей свободы», умерших в 1790 и 1791 годах, — увеличили славу галереи.

Республика воевала, а ее защитники раскрывали «иностранные заговоры». Кюртюс, немец по национальности, бежал из Парижа.

Оставшись одна, Мария продолжала лепить фигуры знаменитостей. Теперь это видные революционеры-террористы и их жертвы. К ней в руки попадали отсеченные головы друзей и знакомых.

Однажды к Марии пришли представители власти. Они потребовали взять все необходимое для работы и повели Марию за собой. Когда пришли на место, художница увидела бездыханное тело «друга народа»

Жана Поля Марата, лежавшее в металлической ванне. Гвардейцы еще не успели увести убийцу — роялистку Шарлотту Корде, заколовшую вождя. Она проникла к Марату, передав ему записку следующего содержания: «Шарлотта Корде — гражданину Марату. Достаточно того, что я несчастна, чтобы рассчитывать на ваше расположение». Герой, принимавший лечебную ванну, согласился на встречу с посетительницей. Она все верно рассчитала!

Мария запомнила черты молодой аристократки, а позднее создала трагическую сцену «Марат и Шарлотта».

В год большого террора «роялистки» Мария и Анна оказались в тюрьме. Их соседкой была Жозефина Богарне, будущая супруга Наполеона.

В 1794 году умер Кюргюс, а Мария, освободившись, унаследовала его состояние, включавшее два музея. Вскоре она познакомилась с инженером Франсуа Тюссо и вышла за него замуж. У Марии родилась девочка, но ребенок прожил совсем недолго. А в апреле 1798 года на свет появился сын Жозеф.

Увы, Франсуа Тюссо оказался пьяницей и игроком. Жена с трудом зарабатывала деньги, а он проигрывал их в карты.

Через некоторое время коллекция Марии Тюссо пополнилась «главным экспонатом». Жозефина Бонапарт, прочитав статью о галерее в одной из газет, пригласила Марию во дворец Тюильри и заказала портрет супруга. Мария изготовила бюст, преподнесла его Жозефине, а себе оставила муляж.

В 1800 году в семье Тюссо родился второй сын. Но Франсуа продолжал играть, подвергая величайшему риску будущее семьи.

И тогда Мария решила уехать. Ее шаг выглядит странным на фоне того, что происходило в стране. Франция вставала на ноги после разрушительных лет революции. Эмигранты возвращались, а после заключения мира в страну хлынул поток английских туристов. Франция привлекала весь мир, а Мария Тюссо ее покидала — несмотря на популярность и реальные возможности получения государственных заказов!

Она ушла от мужа, оставила младшего сына у матери и уехала в Англию вместе с Жозефом. Так мадам Тюссо начала новую жизнь.

В Лондоне ее фигуры произвели сенсацию. Люди стояли в очередях, чтобы попасть на выставку.

Мария с честью выдержит все испытания — даже крушение корабля с ее экспонатами. Оставшиеся отливки помогут ей воссоздать коллекцию. Художница с утра до ночи лепила фигуры, шила роскошные костюмы, моделировала прически.

Она сотворит воскового Шекспира, Нельсона и Вальтера Скотта. Ее галерею пополнят Ричард Львиное Сердце, Мария Стюарт и Оливер Кромвель — пока это только несколько десятков фигур. Позже к ним присоединится юная королева Виктория.

Тридцать три года будет она колесить по Британским островам, пока не создаст постоянную экспозицию. Но во Францию великая художница больше не вернется.

Море, корабли, торговля

«Какой роман — моя жизнь!» — воскликнул Наполеон. А сколько романов, сколько сюжетов вокруг него?

Наполеон мечтал о корабельной службе, о Востоке и дальних странах. «Из него получится отличный моряк», — написано в характеристике, данной юноше в Бриеннской военной школе.

Увы, он страдал от морской болезни. А его брат Жером¹⁰⁶ станет настоящим моряком и примет участие в экспедиции на Гаити. Он будет сражаться на Средиземноморье и захватит английский конвой. В 1806 году Жером Бонапарт посетит Кайенну, столицу Гвианы, и будет встречен с энтузиазмом.

13-летний Андре Массена, будущий маршал, бежал из дому и поступил юнгой на торговое судно. Пять лет его корабль бороздил просторы Средиземного моря и Атлантики. И Массена побывал в Гвиане, где будут гибнуть французские политзаключенные.

«Мать пристроила его юнгой на корабль, и в десятилетнем возрасте он отплыл в голландские владения Ост-Индии, где и скитался двадцать лет. Морщины его желтоватого лба хранили тайну страшных испытаний, внезапных ужасных событий, неожиданных удач, романтических превратностей, безмерных радостей, голодных дней, попорченной любви, богатства, разорения и вновь нажитого богатства, смертельных опасностей, когда жизнь, висевшую на волоске, спасали мгновенные и, быть может, жестокие действия, оправданные необходимостью».

А это кто? Совсем не романтик — бальзаковский Гобсек!

В Лодеве делают сукна для армии, в Мазаме — бархат, вывозимый в Канаду. Лавальские холсты отправляются в Испанскую Америку. Фабрики работают, государство и купцы делают закупки.

Везти товар за море или покупать его там — всегда рискованное дело. Для этого делаются займы, а кредиты надо возвращать.

Если корабли вовремя загружены и благополучно достигнут порта назначения, то с прибылью окажутся и купцы, и их партнеры, пайщики торговых обществ. Но если с грузом что-то случится, то участники сделки терпят убытки и разоряются.

Пока судно в пути, все ждут и волнуются. «Бальзак и Александр Дюма единодушны: банкир (негоциант), будь то ростовщик из “Венецианского купца” или судовладелец из “Графа Монте-Кристо”, всегда ожидает прибытия в порт корабля с грузом — залогом богатства и благополучия», — пишет Р. Биго.

С 1715 по 1792 год внешняя торговля Франции увеличилась в четыре раза. Страна торговала с Европой и колониями. Крупнейшим центром колониальной торговли был Бордо, центром средиземноморской торговли — Марсель.

Что привозили из дальних стран? Сырье для французской промышленности — сахар, хлопчатую бумагу, кожи, а также перец, пряности, наркотики, шафран, догогие и необычные ткани.

Большую торговлю ведет Лион — сюда прибывают корабли из Леванта и с Дальнего Востока, часто нагруженные шелком-сырцом. При этом значительная часть ввозимого материала перерабатывается и уходит из страны.

Когда Французская революция стала угрожать тронам королей, многие европейцы взяли за оружие. Нужны были пушки и порох — и все это производилось в больших количествах. Цивильная торговля находилась в угнетенном состоянии.

Но подписан мир — и будут заключаться новые сделки, поплывут корабли, оживут порты. Правда, оружием торгуют и в мирное время: в 1802 году порт Бордо загрузил им 208 кораблей, направлявшихся в Иль-де-Франс и Иль-де-Бурбон.

В порту пришвартовались 220 судов с колониальными товарами. Казалось, что все вернулось на круги своя — даже вывоз бордоских вин в Англию достиг прежнего объема.

Увы, это оживление продлилось лишь год. Англия захватывает французские корабли в своих портах, тем самым возобновляя войну.

«Ваши министры, — говорил Наполеон доктору О’Мира на острове Святой Елены, — подняли большой шум об английских путешественниках, которых я задержал во Франции; хотя они сами первыми подали пример, захватив все французские корабли с их экипажами и пассажирами на борту всюду, где это было возможно, или в гаванях, или в море, причем еще до объявления войны и до того, как я стал задерживать англичан во Франции».

Доктор О’Мира позднее пытался выяснить, сколько кораблей было захвачено англичанами, и узнал только про двух морских охотников.

— Два морских охотника! — воскликнул Наполеон. — А куда же подевалась собственность на сумму в семьдесят миллионов и, как я полагаю, свыше двухсот захваченных кораблей до того, как я подписал прокламацию?

Итак, снова война! Островное государство бросает вызов режиму, столь горячо поддержанному огромным большинством французов. Именно благодаря миру На-

полеон приобрел фантастическую популярность — но оказалось, что достижение было временным.

Каким был самый стойкий соперник революционной нации, против которого опять будут брошены сухопутные войска и морские эскадры? Почему, не имея сильной армии и ограничиваясь засылкой шпионов-подстрекателей во Францию, он так уверен в своих силах?

Англия — страна высокоразвитой промышленности. Последней нужен сбыт для огромной массы разнообразных продуктов, производимых самыми совершенными в мире фабриками.

Но дела идут не очень хорошо. В 1770-е годы Британская империя утратила американские колонии, куда прежде сбывала многие изделия своей промышленности. В 1793 году началась война с Францией, и вывоз товаров в Европу заметно уменьшился.

Уже в 1792 году начался тяжелый кризис перепроизводства: резко упали цены, начались банкротства. В 1793 году их было почти две тысячи. 26 банков прекратили существование.

С этого момента и до самого конца наполеоновского владычества Англия постоянно ищет новые рынки, всеми способами стремится расширить сбыт продукции своих фабрик, приобретает новые колонии. Она будет отнимать их и у Франции, и у ее союзников, и у нейтральных держав.

Центр английских колоний — Ост-Индия. Бонапарт, желая нанести смертельный удар в эту «сонную артерию» Британии, хотел укрепиться в Египте и двинуться на Индостан.

В начале 1790-х годов влияние французов в Индии, особенно в среднем и южном Декане, было большим. Султан Типпу¹⁰⁷, усвоивший революционную фразеологию, называл себя «гражданином Типпу».

Наполеон пытался установить с ним отношения, но его египетско-индийское предприятие потерпело фиаско. Англичане нанесли серию ударов по индийским сторонникам Франции. Типпу лишился и трона, и жизни.

Так Франция потеряла всякое влияние в Ост-Индии. Что же касается Вест-Индии, где находились ее главные колониальные владения, то Британия наступала и здесь.

Действия англичан производили большое впечатление в Европе. Казалось, что они вездесущи, они — повсюду! Шиллер писал, что Англия, подобно полипу, распространяет свой торговый флот во все стороны.

Материальный итог был неплохим: с 1793 по 1805 год ввоз в Англию увеличился на 60%, а вывоз — почти на 70%. В 1805 году около 45% английской торговли приходилось на Европу. Можно ли было остановить экономическое наступление «государства-пирата», не гнушавшегося блокадой портов, притеснявшего прибрежных жителей, надолго захватившего Мальту и хозяйничавшего в Египте?

Еще в 1793, 1796 и 1798 годах во Франции издавались строгие акты относительно английских товаров и судов, а также судов нейтральных государств, посетивших английские порты, но эти запреты научились обходить. В 1790-х годах английские товары исправно заполняли полки французских магазинов, причем зачастую они привозились под видом изделий других стран.

Поскольку Наполеон не смог нанести Англии военного поражения — ничего не получилось ни с походами в Индию, ни с десантом на Британские острова, — он решил «заблокировать» врага, подписав в Берлине соответствующий декрет¹⁰⁸.

Экономика Англии пережила страшные времена. Кризис 1810 года вызвал массовые банкротства и самоубийства разорившихся дельцов.

При этом правительство вело крупномасштабную войну и выделяло колоссальные денежные суммы своим союзникам в борьбе с Францией. Как все это могла выдержать небольшая страна?

Ответ прост — в Англии много богатых и состоятельных людей, поддержавших свое правительство в трудные дни. Страна располагала крупными свободными капиталами, и граждане отдавали в распоряжение министров свои сбережения. Это удивительное явле-

ние было основано на непоколебимой вере в прочность национальной финансовой системы и способности государственных мужей умело управлять денежными средствами.

Промышленность и торговля Британии несли урон в ходе войны, но страна блестяще использовала те ресурсы, что оставались в ее распоряжении. И она победила! Хотя временами казалось, что людям уже невмоготу и они более не способны предоставлять своему государству новые займы и платить все возрастающие налоги.

А что Франция?

Еще до берлинского декрета Наполеона, во время обсуждения вопроса о таможенных тарифах в Государственном совете, возникло подобие оппозиции. Промышленники, нуждавшиеся в импорте сырья, выступали против запрета на его ввоз и высоких импортных пошлин. Владелец ситценабивной фабрики Оберкампф нашел аргументы против запрещения английских бумажных тканей.

Но это были лишь проблески критической мысли промышленников и экономистов. Циркуляр императора об объявлении континентальной блокады Англии большинство торговцев встретили «на ура».

Увы, энтузиазм быстро угас. Разрыв деловых сношений с Англией повлек за собой не только прекращение ввоза английских продуктов, но и почти полную ликвидацию морской торговли Франции.

Мощный английский флот — победитель при Абукире и Трафальгаре¹⁰⁹ — изолировал Францию от ее колоний, в результате чего она потеряла почти все свои заморские владения. Отношения с Востоком еще как-то поддерживались, но были весьма затруднены.

Казалось бы, повелитель значительной части Европы имел все возможности для того, чтобы помочь своей промышленности сбывать товары на континенте. Однако общий кризис, во многом спровоцированный торговыми запретами, привел к уменьшению спроса на изделия французской промышленности.

В 1812 году французский вывоз был на 16% меньше, чем в 1806 году, когда император объявил о блокаде Англии. Континентальная система Наполеона привела к упадку портовых городов и массовым банкротствам предприятий.

В отчетах о положении промышленности за 1811 год, составленных на основании заявлений предпринимателей, были названы причины кризиса: недостаток сырых материалов вследствие прекращения морских сношений и сокращение рынка, особенно заграничного.

Прочный и надежный мир, мир, который дает возможность спокойно развиваться и строить планы на будущее, — вот что было постоянным желанием тех, кто трудился и созидал.

Буржуазия охладела к императорскому режиму. Все искуственные усилия Наполеона — субсидии, премии, казенные заказы — уже не могли вернуть того воодушевления и духа взаимопомощи, что были характерны для конца 1799 года. Английские «олигархи» и состоятельные люди поддерживали свое правительство, а новая французская знать дала отставку императору.

«Ни золота, ни серебра мне не хватало так, как сахара и кофе: поэтому добродетельные женщины так и не простили мне континентальной блокады», — говорил Наполеон Лас Казу.

Могли бы французы и дальше обходиться без кофе, если бы война с Англией продолжалась еще несколько лет? «Они могли бы довольствоваться различными видами настоев из трав точно так же, как они подобными настоями заменяли себе чай, — говорил Наполеон доктору О'Мира. — Более того, было бы вполне возможно выращивать кофе в некоторых южных местах Франции и этим кофе заменять худшие сорта кофейных зерен».

О сахаре он позаботился еще раньше: «Вследствие того, что я всеми силами поощрял и финансировал тех, кто посвящал свои химические исследования производству сахара, особенно из корнеплодов свеклы, сто-

имость сахара на внутреннем рынке упала до пятнадцати су за фунт...»

Импорт сахара-сырца упал с двадцати пяти тысяч тонн в 1807 году до двух тысяч в 1808-м. «Колониальные товары дорожают так стремительно, — отмечает министр внутренних дел Крете 1 июня 1808 года, — что непонятно, кто еще в состоянии покупать бразильский хлопок по 11—12, сахар по 5—6 и кофе по 8 франков за фунт. Впрочем, колоссальная прибыль, которую сулит перепродажа этих товаров, завораживает все классы и сословия».

Экономист Ж. Б. Сэй¹¹⁰ писал о вопиющих последствиях наполеоновских торговых запретов: «Сахар, кофе, табак, хлопчатобумажные ткани из Лондона доставлялись морем в Салоники и далее, на лошадях и мулах, переправлялись через Сербию и Венгрию в Германию, оттуда — во Францию. Нередко доставляемый в Кале из Англии товар, вместо того чтобы просто пересечь Ла-Манш, проделывал путь, транспортные расходы на который равнялись двукратному кругосветному путешествию».

Интенданты, жандармы прибрежных городов, таможенные чиновники богатели на взятках. Коррупционеры скупали дома, особняки на лучших улицах Парижа, замки в провинции. Эти богатеи строили загородные виллы и нанимали слуг. Они тратили деньги на предметы роскоши, но были всегда начеку — ведь император ненавидел воров и спекулянтов всякого рода.

Награждение в Булони

Рядовой Куанье в одиночку атаковал целый артиллерийский расчет. Он заколол штыком пятерых австрийских канониров и захватил вражескую пушку. За подвиги тогда было принято награждать почетной саблей или ружьем. И вряд ли Куанье когда-либо мечтал о том чудесном событии, что произойдет 16 августа 1804 года.

Днем раньше император французов Наполеон Бонапарт отпраздновал свой тридцать пятый день рожде-

ния, а 16-го числа провел церемонию, о которой десятки тысяч ее участников будут помнить всю жизнь.

На берегу океана, разделяющего Старый и Новый Свет, в Булонском военном лагере, усилиями солдат превращенном в уютный провинциальный городок, в присутствии ста тысяч зрителей император устроил награждение крестами Почетного легиона.

В шесть часов утра более восьмидесяти тысяч солдат вышли из своих четырех лагерей и направились к месту события. Били барабаны, играли военные оркестры. Под звуки маршей дивизии шли к Губермильскому полю, расположенному на утесе позади лагеря.

Отсюда открывалась величественная панорама бескрайнего моря. На водах стояла флотилия, готовая атаковать Британские острова. Словно по мановению волшебной палочки, вражеские крейсера куда-то исчезли. Земля, воздух и море стали французскими — пусть хоть на один день! Корабли — пятьсот судов под командой Фергеля — подняли трехцветные флаги.

На поле, недалеко от Кесаревой башни — откуда, по преданиям, великий римский полководец отправился покорять Британию, была установлена огромная платформа высотой около пятнадцати футов. Чтобы на нее подняться, надо пройти по устланным коврами лестницам. Ковровые дорожки были проложены и посередине лестниц, и по сторонам.

На сцене располагались еще три платформы: на центральной возвышался императорский трон, справа был поставлен треножник античной формы, увенчанный шлемом, возможно, принадлежавшим легендарному барону Бертрану Дю Геклену¹¹¹. В шлеме лежали желанные ордена — эмалевые крестики.

В десять утра все услышали звуки артиллерийского залпа. Император, одетый в форму генерал-полковника гвардейской пехоты, вышел из казармы и направился к месту церемонии.

Наполеон уселся на трон, рядом с ним разместились имперские принцы Жозеф и Луи, великий канцлер Камбасерес и другие высшие сановники. Под большим балдахинном стояли трофейные знамена.

Император принимал присягу новых членов Почетного легиона, учрежденного 19 мая 1802 года, и вручал награды. «Это называют побрякушками, — говорил он, — но при помощи этих побрякушек можно руководить людьми... Французы не изменились за десять лет революции... Посмотрите, как народ преклоняется перед украшенными орденами иностранцами... У французов одно только чувство — *честь* — поэтому нужно дать пищу этому чувству; им необходимы отличия».

«Куанье!» — выкрикнул адъютант императора.

Победитель австрийцев одним из первых поднялся вверх по роскошным ступенькам. Сотни барабанщиков взмахнули палочками и начали выбивать дробь. Зрители замерли в ожидании.

За несколько лет до этого замечательного события Куанье был конюхом на ферме и не умел ни читать, ни писать. А сегодня он сравнивается по положению с такими людьми, как великий математик и физик Гаспар Монж, его коллегами Пьером Симоном Лапласом¹¹² и Жозефом Луи Лагранжем¹¹³. Он станет членом корпорации, одно имя которой до сих пор вызывает уважение всего мира, — ордена заслуженных привилегий, равенства и братства.

Куанье остановился у подножия трона, отвесил поклон и поднялся еще выше, сделав несколько шагов вправо. Его встретил Камбасерес. Один из двух нарядных пажей, стоявших между императором и треножником, вынул крест из шлема героя Столетней войны и передал его Наполеону. Молодой император прикрепил орден на грудь храброго Куанье.

Барабанщики отбивают позывные вечерней зари. Куанье спускается вниз и проходит перед членами императорского штаба. Оркестр, состоящий из 1200 музыкантов, играет торжественный марш.

Ждут своей очереди военные и священнослужители. Будут награждены ветераны египетского похода, потерявшие зрение на берегах Нила. Их поразила страшная трахома, от которой в то время страдала половина населения Египта.

А вот и человек, бросивший вызов трахоме, чуме и всем опасным болезням. В армии его называют Спасителем. 38-летний Доминик Жан Ларрей¹¹⁴ давно славится виртуозной техникой выполнения хирургических операций.

Увы, в то время единственным способом лечения огнестрельных переломов было удаление конечностей. Раны почти всегда нагнаивались, и именно доктор Ларрей предложил раннюю ампутацию при ранениях рук и ног. Он широко применял трепанацию черепа, дал анализ патологии черепно-мозговых ранений, а также разработал хирургию военных ран грудной клетки.

Одержимый своим делом и всегда ищущий новых знаний и открытий, он многие годы будет решать сложнейшую задачу поиска эффективных способов обезболивания. Ларрей восторженно встретит предложение Генри Хилла Хикмена об использовании в хирургии «метода приостановленной жизнедеятельности» и даже предложит себя для эксперимента. Это произойдет много позже, на заседании Парижской медицинской академии 21 октября 1828 года. Ларрей был единственным французом, поддержавшим Хикмена.

Человек высокой добродетели и великий гуманист, он по праву вошел в число выдающихся военных хирургов мировой истории. Доминик Ларрей участвовал почти во всех наполеоновских походах и стал одним из основоположников военно-полевой хирургии.

Он родился 8 июля 1766 года недалеко от Пиренеев, в богатой семье, но в 13 лет осиротел. Его воспитывал дядя, хирург из Тулузы, и юноша пошел по пути своего воспитателя. Он получил медицинское образование, а в 1786 году приехал в Париж. Здесь он продолжил обучение в клинике у известного хирурга П. Дезо, а затем поступил на военную службу.

Ларрей стал хирургом на флоте, побывал в Северной Америке, а по возвращении в Париж продолжил занятия хирургией. Он восторженно встретил Великую революцию и участвовал в штурме Бастилии 14 июля 1789 года.

В 1792 году молодой хирург поступил на службу в Рейнскую армию. С первых дней своего пребывания на

фронте 26-летний доктор проявил качества, которые лягут в основу его метода организации работы медицинских служб. Ларрей не ждал, когда ему доставят раненых в безопасное место, а сам бросался в пекло боя. Командиры порой возмущались его действиями, но раненые бойцы выражали огромную благодарность за вовремя оказанную помощь.

Похожих взглядов придерживался и главный хирург Рейнской армии Пьер Франсуа Перси. Это по его инициативе во французской армии были введены «передовые подвижные хирургические отряды».

Но Ларрей идет дальше и оперирует в более широких масштабах. Он создает «летучие амбулансы» — походные лазареты, представлявшие собой фургоны на конной тяге. Каждый амбуланс состоял из доктора, двух помощников, а также медсестры или медбрата. Ларрей выделил специальные команды для выноса раненых на носилках. Действовали временные и постоянные лазареты. Этот революционный метод организации медицинской помощи сохранил жизни многих солдат.

Ларрей стал личным врачом Наполеона, главным хирургом Восточной армии Французской республики и принял участие в походе в Египет и Сирию. Там он ввел обязательное отделение раненых от страдающих инфекционными болезнями, требовал от персонала лазаретов проводить регулярные смены повязок у раненых и жестко настаивал на необходимости тщательной первичной обработки ран. Именно тогда солдаты прозвали его «Спасителем».

«Прошу вас приказать выдать жене гражданина Ларрея, главного врача армии, награждение в тысячу двести франков. Муж ее своим усердием и деятельностью оказал нам в пустыне величайшие услуги. Я не знаю ни одного врача, который бы мог лучше его занимать должность главного начальника подвижных лазаретов», — писал Бонапарт в своем донесении Исполнительной директории Французской республики после легендарной битвы у Пирамид.

В Египте доктор Ларрей принимает санитарные меры общего характера и вводит обязательный ка-

рантин для всех прибывающих судов, что позволило приостановить эпидемии. Вместе со своими коллегами он организовал госпитали в Александрии, Розетте, Дамiette, Каире и исследовал причины чумы и трахомы.

Но когда он сказал Наполеону об эпидемии чумы, поразившей солдат Сирийской армии, великий полководец понял, что медицина бессильна. И Бонапарт совершил один из своих незабываемых подвигов, войдя в чумной лазарет.

Люневильский мир с Австрией и Амьенский мир с Англией на время успокоили народы европейского континента. То было время, когда доктор Ларрей мог писать мемуары. В 1803 году вышел в свет его яркий отчет о восточной кампании.

Придется ли Ларрею снова оперировать при свисте пуль и разрывах снарядов? В 1803 году Англия возобновила конфликт, но у нее нет сухопутной армии, способной драться с теми, кто живет в казармах Булонского лагеря. Британия сильна на море и держит вблизи французских берегов мощную эскадру. Эти корабли мешают Наполеону совершить высадку на островах, захватить Лондон и свергнуть «олигархию».

Французским солдатам надоело однообразное существование и уже хочется вновь попробовать себя в жарком деле. «Я молодой, здоровый, крепкий, — напишет один солдат о своих мыслях и чувствах в преддверии марша, — считал, что невозможно желать ничего лучшего, чем бороться со всеми несправедливостями; а тут — поход; все заставляло меня смотреть на кампанию как на приятную прогулку, в которой если даже и потеряешь руки, ноги или голову, то, по крайней мере, развлечешься».

Мы можем не сомневаться в том, что у доктора Ларрея впереди много работы. Император готовится к броску через Ла-Манш, а его солдаты разделяют это стремление. Они создали для себя относительно комфортный быт и высадили деревья на улочках своего городка.

Войска были расположены уступами по берегу моря от Этапла до Остенде. Даву¹⁵ стоял в Дёнкеркене, Ней¹⁶

в Кале, Удино¹¹⁷ в Сент-Омере, Мармон¹¹⁸ на границах Голландии, а Сулыт¹¹⁹ командовал общим лагерем в Булони.

Сам император живет не в лучшем доме, а в специально выстроенной казарме. Он бывает здесь наездами, курсируя между Парижем и Булонью. И лучше всех знает, как воздействовать на умы храбрецов.

«Ларрей!» — выкрикнул адъютант императора.

Все увидели стройного и подтянутого человека в мундире, поднимавшегося по ступенькам. У него были длинные выющиеся густые волосы темного цвета, ровный крупноватый нос, плотно сжатые тонкие губы и подбородок с ямочкой. Жесткий целеустремленный взгляд и густые брови придавали лицу впечатляющую выразительность.

Вновь забили барабаны, и действия слуг повторились. Император награждает нового кавалера ордена. И много лет спустя доктор Ларрей будет говорить об опьяняющей атмосфере булонской церемонии с дрожью в голосе.

Примерно то же самое было месяцем раньше, в День взятия Бастилии. Тогда церемония прошла под куполом дворца Инвалидов, после торжественной мессы и в присутствии императрицы Жозефины.

Кардинал дю Беллоа, архиепископ Парижский, и представители духовенства встретили императора, окруженного высшими сановниками, у дверей церкви. После завершения мессы зоолог Ласепед¹²⁰, великий канцлер ордена Почетного легиона, произнес торжественную речь.

Закончив говорить, Ласепед вызвал новых кавалеров первой степени, в числе которых был и кардинал Капрара. Император надел шляпу и посреди глубочайшего молчания твердым голосом произнес слова присяги кавалеров ордена.

— Клянетесь ли?

— Клянемся!!!

Были награждены ученые, маршалы, священники, дипломаты и государственные служащие.

Бывший секретарь Наполеона Бурьенн, описывая эту сцену, говорит, что восторг присутствовавших

был неизъясним. Художник Дебре запечатлел потрясающее действие: высокий купол дворца, ровные ряды многочисленных зрителей, сидящий на троне император, наклонивший голову над пожилым кавалером, которого поддерживает статный гвардеец. Ликующие офицеры размахивают головными уборами:

— Да здравствует император!

Но то, что происходило на свежем воздухе, в прекрасный летний день, превзошло своей грандиозностью парижское награждение. Чтобы почувствовать дух наполеоновской империи, нужно проникнуться атмосферой булонской церемонии. Именно здесь мы найдем разгадку того, что эти солдаты пройдут тысячи лье по пыльным, грязным, заснеженным дорогам и приобретут славу, величие которой признают даже их злейшие враги.

Эпоха была военной, и 95% кавалеров ордена Почетного легиона являлись защитниками отечества. Но и в головах граждан, не носивших военную форму, поселились самые честолюбивые мечты. «Последний аптекарский ученик, работавший в лавке своего хозяина, был воодушевлен мыслью, что стоит только ему сделать великое открытие — и он получит крест Почетного легиона с графским титулом в придачу», — писал Стендаль.

Живо представляя булонскую церемонию, в которой проявилось трогательное единство революционной нации, мы поймем, почему даже после гибели в России Великой армии французы не бросят своего императора и вновь встанут под его знамена, помогая вождю и самоотверженным трудом, и патриотическими жертвованиями.

Дворяне и крестьяне отдадут армии и своих сыновей, и своих лошадей. Они оплатят все векселя, предъявленные человеком, который стал пожизненным первым консулом и монархом благодаря добытому им миру, но вскоре вновь собрался на войну.

И эта война станет нескончаемой. От нее устанут настолько, что в конце концов примут даже ненавистных Бурбонов.

Военные и гражданские служащие будут чувствовать на себе пронзительный взгляд повелителя, взгляд издалека.

«Самый счастливый человек тот, который сумел спрятаться от меня в самом глухом уголке провинции», — говорил Наполеон. От него не скроешься — никому не удастся избежать духа времени!

«Я работал, — вспоминает один чиновник, — с вечера до утра, с чрезвычайным жаром, удивляя местных жителей, которые не знали, что император оказывал на своих слуг, как бы далеко они ни были, влияние как бы личного присутствия; мне казалось, что я вижу его перед собой, когда я работал у себя в кабинете».

«Такого рода деятельность, — говорит Стендаль, — доводила несчастных министров до полного одурения. Почтенному графу Дежану¹²¹ однажды пришлось взмолиться о пощаде. Он под диктовку императора вычислял военные расходы и до такой степени опьянел от цифр и подсчетов, что вынужден был прекратить работу и сказать Наполеону, что ничего уже больше не понимает. Другой министр заснул над своими бумагами в то время, когда Наполеон говорил с ним, и проснулся только через четверть часа, причем во сне продолжал разговаривать с императором и отвечать ему: а это был один из самых даровитых министров Наполеона».

Когда император узнал, что министр внутренних дел Крете смертельно болен, то сказал: «Так и должно быть. Человек, которого я назначаю министром, через четыре года уже не должен быть в состоянии помочиться. Это большая честь для его семьи, а ее судьба навсегда обеспечена».

И будьте уверены — император умел воздавать по заслугам!

— Вы, может быть, скажете, что вы умны, — говорил он. — Но что мне делать с вашим умом? Нет такого животного, которое было бы неспособно ко всему; нет такого ума, который был бы способен ко всему.

Утилитарный подход? Безусловно! Но каждому он найдет место в своей системе:

— Я мыслю категориями нации. Я привлекаю всех, у кого есть способности и воля идти со мной вместе... Со

мной будут честные люди, независимо от их политической окраски.

После его падения Бурбоны перестанут пускать в военные школы детей «плебеев». Не будет и «императорских стипендиатов». Их места займут сынки старых дворян.

И эта «новая» Франция отвергнет многих славных воинов. Отовсюду выгонят бонапартиста Гаспара Монжа. Не отыщется в ней места и стендалевскому Жюльену Сорелю, энергия которого найдет страшный и нелепый выход.

В 1804 году Жюльен Сорель из «Красного и черного» и Фабрицио дель Донго из «Пармской обители» недолго бы размышляли, где и с кем им быть. Тогда у них был бы *выход*. А в 1820—1830-х годах его не стало. Оноре де Бальзак напишет в рассказе «З. Маркас» (1840): «Во Франции у молодежи нет выхода, и в ее среде растет лавина непризнанных талантов, растут беспоконные стремления законного честолюбия; молодежь неохотно вступает в брак, семьи не знают, что делать со своими детьми; какой призыв потрясет эти толпы — не знаю; но они ринутся на современный строй и опрокинут его».

Лавина непризнанных талантов — это «двести тысяч Жюльенов Сорелей», о которых скажет Стендаль в одном из писем о революции 1830 года.

«Никогда места не походили менее на синекуры, — говорит в целом критически относившийся к Наполеону французский историк и философ Ипполит Тэн¹²². — Никогда успех счастливых кандидатов или неуспех кандидатов несчастных не казался более несправедливым. Никогда трудности, риск работы не вознаграждали более точно удовольствия достигнутой награды, никогда человеческое соревнование не встречало такого опытного и авторитетного судью. Он сам сознавал свою единственную роль; его честолюбие, более ненасытное, чем у всякого другого человека, давало ему возможность понимать честолюбие других; ставить повсюду человека, подходящего к месту, в месте, подходящем для человека, — вот что он делал для себя и других. Он знает, что именно в этом состоит его

сила, его высокая популярность, его социальная полезность: “Никто, — говорил он, — не станет уничтожать правительство, где все достойное находит себе место”.

Наполеон был прав — французы не уничтожат его правительство. Оно рухнет под ударами вооруженной Европы и части Азии.

«Клянусь честью, что посвящу свои силы служению Республике ради сохранения целостности ее территории, ради защиты ее правительства, законов и освященной ими собственности. Буду всеми средствами в пределах справедливости, разума и законов противодействовать всякой попытке, направленной на восставление феодального строя и связанных с ним привилегий и прав...»

Такова была клятва членов Почетного легиона. Для экономии времени индивидуальную клятву заменили коллективной. «Господа кавалеры, — генералы, офицеры, граждане и воины, клянётесь вашей честью, что посвятите себя на службу Империи для охранения ее владений во всей их целостности; для защиты *императора* и законов *Республики*... клянётесь ли?!» — воскликнул император.

Слова его были встречены с величайшим восторгом. Все кавалеры отвечали: «Клянемся!» — и тотчас же раздались крики: «Да здравствует император!»

Наполеон был счастлив. Его адъютант генерал Рапп¹²³ вспоминал, что он никогда — ни прежде, ни после — не видел императора таким веселым.

Чему они клялись служить — Республике или Империи? Все равно — ведь это же революционная Империя!

16 августа 1804 года Куанье, Ларрей и еще две тысячи новых кавалеров вошли в число тех, кто оказал «значительные услуги государству в войне за свободу», и тех граждан, которые «своими знаниями, талантами и добродетелями содействовали установлению и защите республиканских начал или внушали любовь и уважение к правосудию или к государственной власти».

Они вошли в Легион, шефом которого был сам Наполеон Бонапарт. Организация состояла из Главного

административного совета и пятнадцать когорт. Каждая когорта насчитывала семь высших офицеров с пожизненным жалованьем 5 тысяч франков, двадцать майоров с жалованьем 2 тысячи франков, тридцать офицеров с жалованьем 1 тысяча франков и 350 легионеров с жалованьем 250 франков. Каждая когорта имела приют для призрения немощных кавалеров ордена Почетного легиона.

Они стали нотаблями, то есть знатными людьми. Им положены привилегии. Когда они проходят по улице, караульный отдает им честь. Пикет в двадцать пять человек служит им конвоем. В избирательных коллегиях департамента или округа они являются выборщиками в силу своего положения. Их сыновья получают стипендии в Сен-Сире и Флеше, военных академиях и лицеях. Их дочери и сестры учатся в первоклассных учебных заведениях — Экуане (дочери и сестры солдат) или Сен-Дени (дочери и сестры офицеров).

Директрисой Института для дочерей офицеров Почетного легиона стала знаменитая Жанна Луиза Кампан, писательница. Когда-то она служила лектрисой дочерей Людовика XV, а затем первой камеристкой Марии Антуанетты.

В ее пансионе, основанном в конце революции, воспитывались Каролина Бонапарт¹²⁴ — сестра Наполеона и Гортензия Богарне¹²⁵ — дочь Жозефины. Последняя определяла туда также племянниц и двоюродных сестер. Люсьен Бонапарт отправил на воспитание к госпоже Кампан свою дочь Шарлотту.

Высокие персональные пенсии, почет, восторги прекрасных дам, уважение офицеров к рядовым солдатам — кавалерам ордена и даже бесплатная выпивка, предлагавшаяся легионерам владельцами кофеен, — разве это не то, ради чего стоит жить?

Стендаль, участник нескольких наполеоновских кампаний, описывает обычный порядок награждения в боевых условиях, отмечая его достоинства и недостатки: «На войне император после победы или просто удачного дела одной какой-нибудь дивизии всегда уст-

раивал смотр. Объехав в сопровождении полковника ряды и поговорив со всеми солдатами, чем-либо отличившимися, он приказывал бить сбор: офицеры толпой окружали его. Если кто-либо из эскадронных командиров был убит в бою, он громко вопрошал: “Кто самый храбрый капитан?” В пылу энтузиазма, возбужденного победой и присутствием великого полководца, люди говорили искренне, и ответы их были чисто-сердечны. Если самый храбрый капитан не обладал нужными для эскадронного командира способностями, его повышали в чине по ордену Почетного легиона, а затем император снова задавал вопрос: “После него кто же самый храбрый?” Князь Невшательский¹²⁶ карандашом отмечал награждения, и как только император направлялся в другой полк, командир полка, в котором он побывал, утверждал офицеров в новых должностях.

В эти минуты мне нередко приходилось видеть, как солдаты плакали от любви к великому человеку. Одержав победу, этот изумительный полководец приказывал немедленно составить список тридцати-сорока человек, представляемых к награждению орденом Почетного легиона или к повышению по службе. Списки эти, зачастую составленные на поле битвы, нацарапанные карандашом, почти всегда собственноручно подписанные Наполеоном и, следовательно, по сей день хранящиеся в государственных архивах, когда-нибудь после его смерти явятся волнующим историческим документом. В тех весьма редких случаях, когда генерал не догадывался составить список, император грубовато заявлял: “Я жалую такому-то полку десять офицерских и десять солдатских крестов Почетного легиона”. Такой способ награждения несовместим со славой.

Когда он посещал госпитали, перенесшие ампутацию и находившиеся при смерти офицеры, над изголовьями которых булавками были приколоты красные кресты Почетного легиона, решались иной раз просить его о награждении орденом Железной короны. Однако он не всегда удовлетворял такие просьбы: это была высшая военная награда.

Кульг доблести, непредвиденность событий, всепоглощающее влечение к славе, заставлявшие людей через четверть часа после награждения с радостью идти на смерть, — все это отдаляло военных от интриг».

Стендаль находит признаки оппозиции режиму Наполеона и обещает рассказать о том, «с каким неудовольствием армия, сосредоточенная в 1804 году в Булони, приняла первую раздачу орденов Почетного легиона». Что же касается награждения, проведенного в Париже, то писатель отметил театральную улыбку Наполеона: видны только зубы, но выражение глаз остается серьезным.

Генерал Моро¹²⁷ демонстративно отказался от новой награды, назвав ее «орденом почетной кастрюли». Когда он узнал, что будут награждать и ученых, тоотреагировал так: «Ну что ж, тогда я представлю моего повара к званию командора ордена, так как его таланты в области поварской науки не поддаются описанию».

Были ли еще подобные случаи? Великий скульптор Канова¹²⁸ отказался от награды, поскольку не желал приносить присягу. «Во время своего второго приезда в Париж (в 1811 году) он не принял от Наполеона огромной квартиры; ему предлагали квартиру, где ему будет угодно, поблизости от Парижа или подальше от него, например, в Фонтенбло, вместе с жалованьем в пятьдесят тысяч франков за каждую статую, которую он высечет для императора, — сообщает Стендаль, который был знаком с Кановой. — Отказавшись от этого великолепного предложения и от почестей, которые сделали бы его в глазах всего мира первым из существующих в наше время скульпторов, Канова возвратился в Рим и продолжал жить у себя на четвертом этаже».

После окончания церемонии награждения, длившейся с десяти часов утра до трех часов дня, для кавалеров ордена был организован банкет. Огромные столы, каждый из которых был накрыт на четыреста персон, были установлены перед входом в лагеря и вдоль набережной.

К вечеру море заволновалось, и французский флот был потревожен сильной бурей. Наполеон поспешил к пристани. Когда он прибыл на место, то гроза окончилась и опасность миновала. Флотилия вошла в гавань. Наполеон возвратился в лагерь, где войско предавалось веселью.

Однако демонстрацию фейерверков отложили на следующий день из-за сильного ветра. Когда ее все же провели, то отблеск огней был виден даже с берегов Туманного Альбиона¹²⁹.

Вторая половина 1804 года представляла собой череду торжеств. «Праздники сменялись один другим, — вспоминала Лаура д'Абрантес¹³⁰, — и соперничали в великолепии и вкусе. Армия дала один в Олимпийском театре. Он был хорош; но данный императору маршалами в зале Оперы никогда и ничего не имел подобного. Это было волшебство, очарование... Зала, вся украшенная серебряным газом и гирляндами свежих, ярких цветов; множество восковых свеч, отражавших свой блеск на великолепных нарядах; группы женщин, прелестных, сияющих огнем бриллиантов; платья, из которых иные были вышиты драгоценными камнями и заставляли опускать ресницы, между тем как множество свежих цветов наполняли воздух благоуханием... наконец, восхитительная музыка... все это было истинным очарованием. Ах, точно мы жили тогда в царстве волшебств».

Монарх, дворяне и плебеи

Королевские дворяне носили имена своих поместий. Наполеоновские графы и герцоги будут называться по их победам.

Монж, президент Института в Каире, станет графом Пелузским. Это он нашел древний город Пелузий, из которого люди давно ушли. Монж одержал там свои научные победы — и не беда, что, покинув Египет вместе с Наполеоном, он более не увидит развалин Пелу-

зия. Сам новый титул будто говорит о том, что Пелузий — это Монж, Пелузий — это Франция!

Разве Ней, князь Московский, покори́л Москву? Но важно другое: «князь Московский» — это звучит громче, чем, например, герцог Монморанси!

Наполеон создает не французское, а именно *имперское* дворянство. И если Империи суждено стать всемирной, то и названия титулов будут собраны отовсюду: Италия, Каир, Москва, а после, может быть, и Индия, и Австралия.

На острове Святой Елены доктор О'Мира спросил императора о том, почему он никому не пожаловал герцогство во Франции. «Это вызвало бы большое недовольство у народа, — ответил Наполеон. — Если, например, я бы сделал одного из моих маршалов герцогом Бургундским вместо того, чтобы присвоить ему титул, который вел свое происхождение от одной из моих побед, то это бы вызвало немалое волнение в Бургундии, так как местное население посчитало бы, что некоторые феодальные права и территории принадлежат титулу, и новый герцог потребовал бы, чтобы они принадлежали ему».

Наполеон отлично знает сильные и слабые стороны своих «паладинов»: «Прикажешь Мюрату¹³¹: отправляйтесь и уничтожьте эти семь или восемь неприятельских полков, которые стоят вон там, на равнине, возле колокольни; в то же мгновение он летел, как молния, и, как бы ни была слаба кавалерия, следовавшая за ним, неприятельские полки вскоре оказывались расстроенными, перебитыми и уничтоженными. Предоставив этого человека самому себе, вы получали дурака, лишенного всякой способности суждения. Не могу понять, каким образом такой храбрый человек мог быть так труслив. Он был храбр только перед лицом врага; это был, вероятно, самый блестящий и самый смелый солдат в целой Европе.

Это был герой, Саладин¹³², Ричард Львиное Сердце на поле битвы: сделайте его королем и посадите в залу совета — и вы увидите труса, не имеющего ни решимости, ни понимания. Мюрат и Ней — самые храбрые люди, каких я когда-либо знал».

«Я не смог бы вести с ними дела, если бы они не отличались посредственностью ума или характера», — говорил Наполеон о своих министрах. Что до генералов, то он признает, что «любил наделять славой лишь тех, кто не умеет пользоваться ею».

«Вот люди, — откровенничал он, — которых я сделал независимыми; но я сумею снова подчинить их себе и не допустить их сделаться неблагодарными».

Он щедро награждал министров, генералов и маршалов, наделял их владениями в покоренных странах, но лишал материальной независимости, вводя в расходы. По его приказам они уступали или приобретали недвижимость, часто заказывали новую мебель и т. п. Эти покупки и заказы обеспечивали работу мануфактур, но и приводили к денежным затруднениям покупателей. Большинство маршалов имели долги и обращались за помощью к «благодетелю», который таким образом держал их в «ежовых рукавицах».

Он великолепно использовал людские слабости, пороки и находил у каждого ахиллесову пяту. «Так, пристрастие к деньгам Савари¹³³, придворные интриги Маре¹³⁴, тщеславие и чувственность Камбасереса, беззаботный цинизм и изнеженная порочность Талейрана, “сухость характера” Дюрока¹³⁵, якобинский порок Фуше¹³⁶, “глупость” Бертье — ничто не ускользает от его внимания, все это доставляет ему удовольствие и он извлекает из этого пользу», — отмечает Ипполит Тэн.

«Это не важно, что Коленкур¹³⁷ скомпрометировал себя, — говорил Наполеон через несколько дней после расстрела герцога Энгиенского¹³⁸, — он теперь лучше прежнего станет служить мне».

Они служили, и какова награда? «При нем, — пишет Рёдерер¹³⁹, — не было более или менее достойного человека, который в награду за долгую и трудную работу не чувствовал бы себя вознагражденным новой работой больше, чем заслуженным отдыхом».

А император повторял: «Отныне дорога открыта всем талантам».

Он успел возвести в новое достоинство 4800 рыцарей, 1090 баронов, 388 графов, 31 герцога. Его братья — Жозеф и Луи раньше, Жером и Люсьен позже — стали имперскими принцами, как и пасынок Евгений.

Все это — «по заслугам», а не по наследственному праву. Старые дворяне должны «пройти перерегистрацию», чтобы быть внесенными в славный регистр Империи. Наполеон награждает их заново и порой дает титул ниже прежнего: герцог может стать графом, а граф — бароном.

Иными словами, император проводит собственную «конвертацию» титулов. Здесь он отыгрывается: действительно, доколе можно трепетать перед мнением жителей Сен-Жерменского предместья и прочих обитателей аристократических гнезд?

Талейран не отказывает себе в удовольствии живописать в своих мемуарах одну сцену, свидетелем которой он стал непосредственно после аустерлицкой победы. «Тут произошел довольно пикантный инцидент, слишком отчетливо рисуемый характер Наполеона и его взгляды, чтобы я оставил его без упоминания, — поясняет аристократ старой школы, которого Наполеон как раз тогда наградил титулом князя Беневентского и пожаловал ему это «суверенное» княжество. — Император, вполне доверявший мне в этот период, велел мне прочесть ему его корреспонденцию. Мы начали с дешифрованных писем иностранных послов в Париже; они мало интересовали его, потому что все земные новости сосредоточивались вокруг него. Затем мы перешли к донесениям полиции; некоторые из них говорили о затруднениях банка, вызванных несколькими неудачными мероприятиями министра финансов Марбуа¹⁴⁰. Он обратил больше внимания на донесение госпожи Жанлис¹⁴¹; оно было длинно и все целиком написано ее рукой. Она говорила в нем о настроении Парижа и цитировала оскорбительные речи, которые велись в домах, именованных тогда *Сен-Жерменским предместьем*; она называла пять или шесть семейств, которые никогда, добавляла она, не примкнули к правительству императора. Довольно колкие выражения, приведенные госпожой Жанлис, вызвали невероятный

гнев Наполеона; он бранился, бушевал против Сен-Жерменского предместья: “Да! Они воображают себя сильнее моего, — говорил он, — эти господа из Сен-Жерменского предместья! *Мы увидим! Мы увидим!*” И когда же он произносил это “мы увидим!”? — спустя несколько часов после решительной победы над русскими и австрийцами! Такое влияние и силу он придавал общественному мнению, в особенности же взглядам некоторых аристократов, вся деятельность которых ограничивалась тем, что они отстранялись от него. Поэтому, вернувшись позже в Париж, он считал, что одержал новую победу, когда госпожи Монморанси, Мортемар и Шеврез заняли должности статс-дам императрицы...»

Комплекс неполноценности? Наполеон происходил из семьи бедных корсиканских дворян, чьи предки жили во Флоренции. Сам он успел воспользоваться лишь одной дворянской привилегией — получил бесплатное образование в королевских учебных заведениях, причем его отец достаточно долго обивал пороги высоких учреждений, чтобы реализовать свое преимущественное право. Жозеф, Наполеон и их сестра Мария-Анна¹⁴² — будущая Элиза Бачиокки — учились в первоклассных школах, но младшие дети адвоката Карло Буонапарте получали образование более сложными путями — до тех пор, пока сам Наполеон не достиг высокого общественного положения.

Однако император никогда не ощущал себя вполне дворянином, то есть аристократом по рождению и складу натуры. «Когда я имел честь служить лейтенантом в полку в Валансе...» — начал он застольную беседу в присутствии послушных ему европейских царственных особ, которые при этом чувствовали себя неловко. Еще бы — этот выскочка опять их унизил!

Наполеон имел осведомителей из числа аристократов и представителей творческой интеллигенции, среди которых мы видим упоминавшуюся графиню де Жанлис, историка-публициста графа де Монлозье¹⁴³, Жозефа Фьева — также публициста, в 1814 году назначенного префектом.

Стефани Фелисите, графиня де Жанлис, писала романы и воспитывала детей герцога Орлеанского и его сестры Адelaide. Она самоотверженно спасала их в страшные дни 1793 года, о чем рассказывает Т. Карлейль¹⁴⁴ в своей «Французской революции».

«Эта претенциозная болтушка, пуританка, но неверующая, облекает свои советы в туманные фразы, лишённые и тени мудрости», — замечает Карлейль. Наполеон разочаруется в ней.

Франсуа Доминик Монлозье в годы революции жил в Англии и редактировал «Лондонский курьер». Он вернулся на родину после 18 брюмера и верно служил Наполеону.

Кампания 1805 года началась чудесным броском из Булонского лагеря к берегам Дуная и успешно завершилась при Аустерлице. Наполеон даровал начальнику штаба Александру Бертье княжество Невшательское, а своему родственнику Бернадоту¹⁴⁵ — княжество Понте-Корво. Последний теперь будет иметь доход в 300 тысяч франков в год. К тому же он получил от императора 200 тысяч франков наличными в качестве единовременного дара.

Колоссальные контрибуции, собранные с побежденных, позволяют Наполеону щедро вознаградить своих солдат — от маршала до рядового. 32 463 817 франков будут распределяться между 4970 именами. Ежегодная рента Бертье составит 1 миллион 354 тысячи ливров, Массена получит 683 тысячи ливров, Ней — 728 тысяч, Даву — 910 тысяч, архиканцлер Камбасерес — 450 тысяч. Главным героям пожалованы отели и имения. Генералам и маршалам будут выданы единовременные премии. Например, генерал Лассаль¹⁴⁶ получит миллион.

Через пять дней после аустерлицкого триумфа Наполеон подписал два декрета, согласно которым вдовы всех павших на поле брани — от генерала до рядового солдата — получали пожизненную пенсию, а их дети были усыновлены императором. Наполеон оплачивал их воспитание, причем молодых людей он устраивал на должность, а девушек выдавал замуж. (Император очень любил устраивать чужие браки.)

Каждый из этих детей получал право прибавить к собственному имени имя Наполеона. «Солдаты, дети мои». Это — не пустые слова. Дети, любимые дети императора. Что должно было произойти с Францией, чтобы она отказалась от своего «отца»?

Пожалованные титулы — будь то князь, герцог, граф, барон или шевалье — будут передаваться по прямой линии от отца к сыну, по закону первородства, а иногда от дяди к племяннику. При этом учреждался майорат, приносящий твердый доход с недвижимости, в акциях банка или в виде государственной ренты. Этот доход находился в пределах от 3 тысяч франков для простых шевалье до 200 тысяч франков для герцогов.

А как же принципы революции? Ведь первая статья «Декларации прав человека и гражданина», принятой Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 года, провозгласила главную и незыблемую ценность: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

Наполеон вносит существенную поправку. «Французы, — заявил он, — равнодушны к свободе; они не понимают и не любят ее; единственная их страсть — тщеславие, и единственным политическим правом, которым они дорожат, является политическое равенство, позволяющее всем и каждому надеяться занять любое место».

Эгалитарный инстинкт французов описывался следующей развернутой формулой: «Так как все люди одинаковы, то я равняюсь любому человеку; если закон предоставляет то или другое право людям, обладающим состоянием или титулом, то и мне он должен предоставить то же право. Всякая дверь, открытая им, должна быть открыта и мне; всякая дверь, закрытая для меня, должна быть закрыта и для них. Когда законодатель дает им в руки выборный бюллетень, то он должен дать такое же и мне, даже в том случае, если они умеют пользоваться им, а я не умею, даже если ограниченная подача голосов полезна общине, а всеобщая вредна. Тем хуже, если я государь только по имени и в воображении; я согласен,

чтобы мое владычество было одной иллюзией, но с тем, чтобы владычество и других лиц было такое же; мне больше нравятся рабство и лишения, претерпеваемые всеми, чем свобода и преимущества, данные нескольким, и ради одинакового уровня я готов согласиться, чтобы все несли ярмо, и в том числе я сам»¹⁴⁷.

Но сын герцога или барона не равен сыну крестьянина! Он имеет доходы и привилегии уже по праву рождения. Термидорианский государственный переворот 1794 года, свергнувший Робеспьера, поставил крест на иллюзии справедливого распределения собственности, но французы по крайней мере оставались юридически равными. Теперь же Наполеон, кажется, полностью ниспровергает основу, на которой зиждилось революционное общество.

«Большое преимущество составляет знатность, — писал Блез Паскаль¹⁴⁸, — которая пускает человека в ход с 18 или 20 лет, делая его известным и уважаемым, тогда как другой едва заслужит это в 50 лет: эти 30 лет выиграны без всякого труда».

Учреждение ордена Почетного легиона и звания «маршал Империи» создавало новую элиту. Маршалов, к каждому из которых император официально обращался со словами «мой кузен», было всего несколько человек, но число кавалеров ордена исчислялось тысячами. А это уже привилегированная каста!

Придумав «революционную Империю», Наполеон создает собственную идеологическую и социальную систему. Возрождение религии, закрепленное договором (конкордатом) с Ватиканом, и учреждение имперского дворянства довершают реставрацию особого рода — наполеоновскую реставрацию.

Островитянин, ставший первым лицом в государстве благодаря собственному гению и невиданным возможностям, открывшимся с революцией, он грубо попирает ее принципы, признав католицизм «религией огромного большинства французских граждан» и оформив новую монархию — с новым дворянством и новыми привилегиями.

«Этот конкордат, — замечает Стендаль в «Жизни Наполеона» (и то же повторяют его герои — см. «Красное

и черное»), — великая ошибка, которая на целое столетие задержит раскрепощение Франции; Наполеону надлежало ограничиться прекращением всяких преследований. Частные лица должны оплачивать своего священника так же, как они платят своему булочнику».

«Не требовалось конкордата, — добавляет он ниже, — чтобы властвовать над народом, чрезвычайно равнодушным к религии, и единственным серьезным препятствием, ставшим на его пути, был папа в Савоне¹⁴⁹. Не заключи он конкордата, папа все равно лежал бы у его ног. Это очень верно сказал Наполеону третий консул Лебрен¹⁵⁰».

«Идея восстановления прав папы над французами находилась в прямом противоречии с общественным мнением и духом времени», — напишет Шапгаль. А парижский префект сообщал в конце 1801 года: «Военные говорят, что священники были самыми яркими врагами революции и... будут удовлетворены лишь тогда, когда им удастся реставрировать монархию».

Интересно, что всего лишь за год до провозглашения Империи Наполеон настоял на исключении из состава Института Франции одного влиятельного академика только за то, что тот посмел «очернить революцию» в своих сочинениях. Уникальная мера наказания! И что теперь, после восстановления прав церкви, создания Империи, дворянства и положенных атрибутов, должен был думать изгнанный за сомнительные грехи?

Первое из герцогств — Данцигское — было учреждено для маршала Франсуа Жозефа Лефевра¹⁵¹, сына мельника, который в 28 лет женился на белошвейке Катрин Юбшер и прожил с ней долго и счастливо. У герцога и герцогини, которая, по рассказам, не знала, с какого конца едят спаржу, было 14 детей. Если Мюрата, сына трактирщика, королевский титул испортил, то Лефевр сохранил простоту и естественность поведения. Он постоянно бравировал своим невысоким происхождением.

«Этот маршал был простым солдатом, и весь Париж помнит его в чине сержанта французской гвардии», — прокомментировал император свое решение.

«Мюрат, или Пробуждение нации» — так назвал книгу ведущий французский наполеоновед Жан Тюлар. Однако нация пробуждалась скорее с такими солдатами-патриотами, как герцог Данцигский, чем с авантюристами, подобными Неаполитанскому королю. Последний выступил против Франции и плохо кончил. Тюлар говорит о здравомыслии Мюрата, что также звучит странно. То, что король видел недостатки императора, благодаря которому он стал маршалом и монархом, не может служить оправданием государственной измены — ведь Мюрат был и оставался французом!

Под статью Лефевру — Ней, сын бочара. «Господа, я — гораздо счастливее вас: я ничего не получил от своей семьи и считал себя богачом, когда в Меце у меня на столе лежали две буханки хлеба», — бросил он адъютантам, похвалявшимся родовитостью своих семей.

А вот в каких словах описал «пробуждение галлов» один прусский офицер, убитый в сражении при Йене: «Если бы вопрос заключался только в физической силе, мы скоро оказались бы победителями. Французы малы ростом, тщедушны: один немец сможет одолеть четырех из них. Но в огне они становятся сверхъестественными существами. Ими овладевает не поддающаяся описанию ярость, которой и следа не найти в наших солдатах. Да и что можно сделать с крестьянами, которые находятся под командой дворян и которые делят со своими офицерами опасности, но отнюдь не награды?»

Равенство стремлений не означает равенства положений и уж тем более состояний. Республиканское товарищество постепенно уступает место имперскому эгоизму. Стендаль описывает характерный случай: «Два офицера находились вместе на батарее; вдруг пуля срывает капитана. Отлично, — говорит лейтенант, — вот убит Франсуа, теперь я буду капитаном. — Не совсем, — говорит Франсуа, который был только оглушен и теперь снова поднялся. Оба офицера не были ни врагами, ни злодеями, и лейтенанту просто хотелось получить повышение». «Таков был тот ужасный эгоизм, который назывался любовью к славе и который был пробужден под этим именем императором».

Наполеон дает ход не только сыну мельника Лефевру, сыну трактирщика Мюрату, бывшему контрабандисту и сыну виноторговца Массене или Ожеро¹⁵², сыну лакея и торговли фруктами. «Со мной будут честные люди». Это означает и то, что дворяне-эмигранты и бывшие изгои революции найдут свое место в имперской иерархии: Талейран стал министром иностранных дел с окладом в 500 тысяч франков в год, в судебной системе служат старые аристократы Паскье¹⁵³ и Моле¹⁵⁴, граф де Сегюр¹⁵⁵ — обер-церемониймейстер, граф де Монтескью-Фезанзак¹⁵⁶ — обер-камергер. Среди камергеров мы видим де Тюренна, де Ноэля, де Грамона и других носителей самых громких имен старого режима. Луи Нарбонн¹⁵⁷, получивший воспитание при дворе Людовика XV, и молодой Филипп Поль де Сегюр¹⁵⁸ служат адъютантами императора. Нарбонн помог бежать королевским теткам (*Mesdames*) в те дни революции, когда из Парижа еще можно было выехать по паспортам, полученным в министерстве и подписанным королем. С помощью тридцати драгун он отбил теток у деревенских властей, почувявших «неладное».

Стендаль не жаловал аристократов. Младшего Сегюра — за то, что тот «подло покинул» императора, а затем «описал наши страдания в России, чтобы получить от Людовика XVIII орден», а его отца, участника войны за независимость США и бывшего посла в Петербурге, — за маниакальную тягу к титулам и то же предательство: «Граф де Сегюр, обер-церемониймейстер в Сен-Клу в 1811 году, когда я там был, страшно сокрушался, что он не герцог. По его мнению, это было хуже всякого несчастья, это было *неприлично*. Все его мысли были суетны, но их у него было много, и обо всем. Ему во всех и всюду мерещилась грубость, но зато с какой грацией он выражал свои собственные чувства!

В этом убогом человеке мне нравилось то, что он был страстно любим женой. В конце концов, мне всегда казалось, когда я с ним разговаривал, что я имею дело с лилипутом».

«Господина де Сегюра, обер-церемониймейстера в 1810—1814 годах, я встречал у министров Наполеона. После падения великого человека, слабостью и одним

из несчастий которого был как раз этот Сегюр, я больше его не встречал».

Не удивительно, что не встречал — Людовик XVIII сделал Сегюра пэром еще при Первой Реставрации, а Стендаль к тому времени уже перестал быть постоянным посетителем дворцов и высоких кабинетов.

Интересно, как Стендаль оценивает Евгения Богарне — пасынка Наполеона, ставшего волею последнего вице-королем Италии и ее фактическим правителем в возрасте 24 лет. Рассказывая о посленаполеоновском Милане, писатель отметил: «Здесь сожалеют о любезности и хлыщеватости принца Евгения; благодаря этим свойствам он находил для каждой женщины приятное словцо. Довольно тусклый в Париже, вице-король в Милане блистал и сходил за человека отменной любезности. В этой области французы не имеют соперников».

Правда, любезность проявлялась не во всем: «Согласно принципу, что совершенство возможно лишь во Франции, наполеоновское правительство в Милане не разрешало итальянцам сидеть в партере Скалы в головных уборах. Если, опасаясь схватить в этом громадном зале простуду, вы уступали потребности прикрыть голову шляпой, два полицейских комиссара тотчас же подходили к вам и вежливо дотрагивались до вашего локтя. Из всех мероприятий наполеоновской администрации, может быть, больше всего оскорблял итальянцев этот пустяк. В подобных вещах принцу Евгению не хватало такта».

Наполеон объявил «дворянский набор» после того, как Фридрих, король Вюртембергский, сказал ему: «Я не вижу при вашем дворе исторических имен; я приказал бы повесить всех этих людей или же заполнил бы ими свою прихожую». Император удивленно заметил: «Когда я хотел иметь молодых дворян в своих войсках, я не мог найти желающих».

«Я открывал им путь славы — они отказывались; я приоткрыл дверь в прихожую — они все туда устремились», — говорил Наполеон о старых дворянах.

И он не позволит им напоминать об их былом превосходстве — даже в мелочах! Однажды Летиция¹⁵⁹, «мадам Мать», перехватила насмешливый взгляд герцогини де Шеврез, которым та обменялась с другой придворной дамой. Мать сообщила сыну об этом эпизоде, и герцогиня была немедленно снята с должности и выслана из Парижа.

Опозорить публично Наполеон мог кого угодно — старого аристократа, министра, родственника, даже академика. В 1801 году первый консул посетил Институт. Когда ему представили Якоби¹⁶⁰, он сурово спросил: «Что такое материя?» Якоби чуть задумался — и увидел спину Бонапарта. Однажды правитель заставил зарыдать почтенного Ламарка¹⁶¹, грубо отчитав его. Еще один ученый не смог поддержать начатый им диалог и тут же услышал: «Дурак или немой?»

«Он оскорблял людей гораздо больше, нежели карал», — говорил о нем один из тех, кто более других испытывал силу императорского гнева. Однако его двери оставались открытыми для всех способных людей.

Наполеон будто забывает прежние политические грехи. Он привлекает к управлению Францией не только умеренных и бывших представителей «болота», но и явных роялистов и чистых якобинцев. Консерваторы и приверженцы старой монархии теперь работают рядом с людьми, изрядно скомпрометировавшими себя в годы революции.

Он набирает баловней старого режима (например, того же Нарбонна) и возводит их в первые должности — при дворе, в магистратуре, в духовенстве. Из левых он приглашает Рёдерера и Грегуара¹⁶², затем Фуркруа¹⁶³ и Реалья¹⁶⁴. Он не брезгует «цареубийцами» и дает места революционным террористам. Печально известного Барера¹⁶⁵, много раз менявшего свою точку зрения в ходе революции, он заставляет писать памфлеты и употребляет в качестве шпиона. «Истина может принадлежать обеим сторонам, одной или ни одной; друзья мои, вы должны давать и брать; впрочем, всякого успеха побеждающей стороне!» — так описал Карлейль политическое кредо Барера.

Почтмейстер Жан Батист Друэ — бывший драгун, узнавший Людовика XVI в Варенне и позволивший

арестовать короля и его семью, — становится супрефектом в Сен-Мену. Жан Бон Сент-Андре, бывший член Конвента и Комитета общественного спасения, назначается префектом в Майнце. Мерлен де Дуэ¹⁶⁶, бывший докладчик Закона о подозрительных, вступил в должность генерального прокурора Кассационной палаты. Жозеф Фуше, одно имя которого заставляло содрогаться многих членов семей репрессированных, становится министром полиции, министром внутренних дел и герцогом Отрантским.

Император стремится достичь сочетания молодости и опыта, знати и «плебеев», старой и новой Франции. «Мое правительство будет правительством умных и талантливых», — сказал он, став руководителем страны. И те же принципы кадровой политики он перенесет на государства-сателлиты. Например, младшему брату Жерому, королю Вестфалии, он писал: «Я исключая некоторые места при дворе, на которые ты должен призвать самых знаменитых людей. Но в твоих министерствах, советах и, желательно, в судах... пусть по большей части служат не дворяне... Наш девиз — ищи таланты везде, где только можно их найти».

Наполеон работает с утра до позднего вечера, по восемнадцать часов в сутки. Он постоянно думает о делах, даже когда играет с детьми. Он совсем не похож на монархов прошлого, которые работали полдня, а остальное время посвящали светским удовольствиям.

Если короли принимали гостей, то заботились о том, чтобы те чувствовали себя непринужденно. «Необходимо, чтобы во всяком человеческом существе была своя свободная программа, — говорит Ипполит Тэн, — а не то жизнь в нем замрет. Поэтому в старину такая программа называлась *savoir vivre* (умение жить), и король беспрекословно и добросовестно подчинялся всем требованиям кодекса вежливости: в силу традиции, благодаря воспитанию он, по крайней мере с людьми высшего круга, обращался как с равными, и придворные постоянно бывали его гостями, не переставая оставаться его подчиненными».

Как вел себя Людовик XIV¹⁶⁷? Он был вежлив со всеми, приветлив и благосклонен с мужчинами, любезен и

предупредителен с женщинами. Король избегал резкости, колкости, сарказма и иронии. Он поощрял разговор и даже болтовню. Он обожал пошутить или рассказать что-нибудь интересное.

А какова салонная программа «величайшего из солдат»? Он ввел сложный этикет и поддерживал строгую дисциплину. «Церемониал, — рассказывает Клер де Ремюза, — совершался так строго размеренно, словно он происходил под барабанный бой, казалось, все шло ускоренным темпом. И эта спешка, этот страх, который он внушал, в соединении с тем, что добрая половина придворных не имела привычки к соблюдению форм светского поведения, придавали двору вид скорее унылый, нежели достойный. На всех лицах лежал отпечаток беспокойства, проявлявшегося среди развлечений и великолепия, которыми двор из хвастовства постоянно себя окружал». «Те немногие люди, которых он выделял из числа остальных, как Савари, Дюрок, Маре, или молчали, или передавали его приказания... Мы же, покорно исполнявшие то, что нам приказывали, являлись в их глазах, да, пожалуй, и в собственных, простыми машинами, мало чем отличающимися от нарядных золоченых кресел, которыми были украшены дворец Тюильри и замок в Сен-Клу».

«Это была настоящая казарма, где все делалось по инструкции», — говорит Шапталъ.

Типичные вопросы Наполеона дамам звучали так: «Как вас зовут? Чем занимается ваш муж? Сколько у вас детей?» Когда же он хотел оказать даме особое внимание, то задавал еще и четвертый вопрос: «Сколько у вас сыновей?»

«Для дам, имевших доступ ко двору, высшей милостью считалось приглашение на интимный прием к императрице, — рассказывает Стендаль, в то время вращавшийся в высоких сферах благодаря своему родственнику Дарю¹⁶⁸. — После пожара во дворце князя Шварценберга¹⁶⁹ император пожелал отличить нескольких дам, которые при этой великой опасности, возникшей внезапно, среди блестящего бала, проявили твердость духа. Прием, назначенный в Сен-Клу, начался в восемь часов. Кроме императора и императрицы,

присутствовали семь дам и г-да де Сегюр, де Монтескью и де Богарне. В довольно тесной комнате семь дам в пышных придворных туалетах расселись вдоль стен, в то время как император, сидя за маленьким столиком, просматривал бумаги. После пятнадцати минут глубокого молчания он поднялся и заявил: “Я устал работать; позовите Коста, я посмотрю планы дворцов”.

Барон Коста, человек чрезвычайно спесивого вида, является, держа под мышкой кипу планов. Император желает узнать, какие расходы предположены на будущий год в Фонтенбло, где за пять лет должны быть закончены все сооружения. Он начинает сам просматривать смету, время от времени останавливаясь, чтобы делать г-ну Коста замечания. Произведенные последним расчеты количества земли, потребной для засыпки какого-то пруда, кажутся ему неправильными: он начинает сам делать вычисления на полях доклада; забыв посыпать цифры песком, он стирает их и пачкает себе руки. Он ошибается в подсчете; г-н Коста на память называет ему цифры. За это время он два или три раза обращается к императрице: “Что же дамы все время молчат?” Тогда приглашенные шепотом, в двух-трех словах выражают восхищение универсальностью талантов его величества. Затем снова воцаряется гробовая тишина. Проходит еще три четверти часа; император снова обращается к императрице: “Дамы все время молчат. Друг мой, вели принести лото”. Звонят; приносят лото; император продолжает свои вычисления. Он велит подать себе лист бумаги и все пересчитывает заново. Время от времени он из-за своей стремительности делает ошибку и раздражается. В эти неприятные минуты игрок в лото, объявляющий номера, еще более понижает голос; он почти беззвучно шевелит губами. Окружающие его дамы с трудом угадывают цифры, которые он называет. Наконец бьет десять часов, унылая игра в лото прекращается; вечер закончен».

Граф Лаплас, канцлер сената, в свое время принимавший выпускной экзамен у юного Наполеона в Парижской военной школе, устраивает сцену жене: та одета недостаточно нарядно на приемах у императри-

цы. Мадам Лаплас покупает прекрасное платье и обращает на себя внимание императора.

Наполеон, войдя в зал, подходит к ней и в присутствии двухсот человек говорит: «Как вы одеты, госпожа Лаплас! Ведь вы уже старуха! Такие платья годятся для молоденьких женщин; в вашем возрасте они уже невозможны».

Мадам Лаплас была убита горем. Сенаторы, коллеги ее мужа, считали, что Наполеон нарушает приличия. Но г-н Лаплас во всеуслышание заявил жене: «Что за нелепая мысль, сударыня, нарядиться как молоденькая девушка! Вы никак не хотите примириться с тем, что стареете. А ведь вы уже не молоды! Император прав!..»

И это тот самый Пьер Симон Лаплас, который когда-то за словом в карман не лез, чтобы поставить на место генерала Бонапарта, новоиспеченного академика! Что и говорить — история вышла некрасивая. Как для императора, так и для его подданного.

В имперском сенате заседали и Гаспар Монж, и Лагранж, и Бертолле, и такая интересная личность, как маркиз Франсуа де Бартеlemi, когда-то бывший министром иностранных дел при Людовике XV, а затем послом Французской республики в Швейцарии и членом Директории. Во время «переворота 18 фрюктидора», учиненного Баррасом¹⁷⁰ при поддержке Наполеона, директор Бартеlemi отклонил предложение подать в отставку, уехать из страны и жить в Гамбурге под чужим именем. Сосланный в джунгли Гвианы, он бежал оттуда и вернулся на родину после другого переворота — 18 брюмера.

Графиня Шуазель-Гуфье¹⁷¹, вспоминая о пребывании Наполеона в Вильне в 1812 году, говорит о его выходе в церковь: «Пристав выкрикнул: “Император!”, и я увидела небольшого человека, толстого, короткого, в зеленом мундире, открытом на белом жилете, окруженного маршалами, — пролетевшего как пуля и занявшего место за молитвенным стулом. После обедни он вышел с тою же стремительностью».

О приезде Наполеона на бал она рассказывает так: «По первому знаку герцоги и маршалы бросились навстречу сломя голову, правда сказать, с пресмешными

физиономиями. Нас с лестницы стащили чуть не на четвереньках. Наполеон подъехал в карете, за которою скакал главный конюшенный, г-н Коленкур. Ему подставили подножку, как будто бы земля была недостойна того, чтобы на нее ступила нога его величества. Он поднялся на лестницу при криках: «Да здравствует император!»... Войдя в залу, он скомандовал: «Дамы, садитесь!»...»

Однажды Наполеон спросил у Сегюра: что почувствуют люди, узнав о смерти императора? Тот стал говорить о единодушных сожалениях, но был прерван повелителем: «Вовсе нет!»

Последовал многозначительный глубокий вздох, которым Наполеон хотел выразить всеобщее облегчение. Закончил он так: «Все скажут: “Уф!”»

Но император не думает умирать. Он собирается жить долго, «девяносто лет», как сказал он брату Люсьену во время их беседы в Мантуе¹⁷². Эти годы нужны ему «для окончательного упрочения Империи».

После завершения австрийской кампании 1809 года Наполеон вернулся в Париж и объявил императрице Жозефине о том, что разводится с ней. Затем он посватался к русской царевне, но получил вежливый отказ петербургского двора — под предлогом того, что «невеста» Анна Павловна¹⁷³ слишком молода и надо подождать наступления ее совершеннолетия.

Однако раньше, чем его официально оповестили об отказе, он успел устроить брак с австрийской эрцгерцогиней. Видную роль в закулисных переговорах сыграли Меттерних¹⁷⁴ и Семонвиль. Первый их инициировал, а второй выступил посредником с французской стороны.

Парижане выражали показную радость, но в то же время вспоминали о том, что другая австриячка — Мария-Антуанетта — «довела Францию до беды». «Между тем как все партии заняты политическими вопросами и интригами, население Парижа хлопочет только об увеличении съестных припасов; тем не менее оно упорно держится своих предубеждений

против австрийской принцессы», — писал полицейский чиновник.

19 марта 1811 года у императрицы Марии-Луизы¹⁷⁵ начались боли — она должна была разрешиться от бремени. Утром следующего дня весь Париж вышел на улицы. Толпы загрохотали и площади, и набережные, и дороги, ведущие ко дворцу Тюильри.

В десять часов началась пальба из пушек. Было обещано, что произведут двадцать один выстрел в случае рождения дочери и сто один выстрел при рождении сына, наследника престола.

После первого выстрела всякое движение на улицах прекратилось. Все замерли в немом ожидании и считали залпы — девятнадцать, двадцать, двадцать один... двадцать два!

Стендаль, спавший в постели с любовницей, был разбужен этими звуками. «Мы слышали ликование на улицах, — написал он в своем дневнике. — Мой парикмахер сообщил мне, что на Рю Сен-Оноре люди ликovali так, словно перед ними на сцену вышел знаменитый актер».

«На рынке два носильщика поссорились и чуть не затеяли драку, — отмечал бюллетень полиции от 20 марта, — но когда раздался первый выстрел, они тотчас же прекратили ссору, начали считать выстрелы и на двадцать втором бросились в объятия друг другу».

Страна давно говорит только шепотом, но в этот счастливый миг люди, казалось, исторгли из себя всю накопившуюся энергию и эмоции, за проявление которых полиция не накажет: «Да здравствует император!!!»

По *собственной инициативе* устраиваются иллюминации, сочиняются оды, кантаты, в театрах идут «пьесы по случаю».

Крестины короля Рима были проведены 9 июня. В пять часов дня младенец был торжественно доставлен в кафедральный собор, где его ожидали сословные представители, столичные власти, 100 архиепископов и епископов. Присутствие большого числа католических сановников было связано с тем, что одновременно проводился съезд духовенства, должный одобрить закон о подчинении церковного управления государству.

Император и императрица проследовали в Собор Парижской Богоматери. Они ехали в парадной карете, в сопровождении многочисленных офицеров свиты. Толпа смотрела на это зрелище, видела блеск золота и серебра, которыми были покрыты костюмы и ливреи, лошадиные сбруи и экипажи, и впервые за десять с лишним лет проявляла признаки недовольства.

То был разгар зловещего кризиса, когда фабрики и мастерские пустовали. В предместьях Святого Антония не было работы, и рабочий люд угрюмо бродил по улицам.

В преддверии церемонии полицейские срывали афиши и плакаты с призывами к мятежу, расклеиваемые по ночам. Когда императорский поезд достиг площади Карусель, приветственных возгласов было меньше обычного, зато прозвучали пронзительные свистки. Чернышев¹⁷⁶, посланник русского царя, тут же донес об этом своему повелителю.

Во время церемонии Наполеон поначалу был мрачным и рассеянным. Он преобразился лишь в тот момент, когда принял из рук императрицы сына, завернутого в белоснежные покрывала. Затем он поднял мальчика высоко над собой, демонстрируя народу будущего правителя Франции.

Герольд воскликнул: «Да здравствует император! Да здравствует римский король!»

Призыв был неистово подхвачен собравшимися. После этого начались празднества и народные забавы, продолжавшиеся целую неделю.

Волонтеры и рекруты

Когда Наполеон отрекся от престола в 1814 году, ему было неполных 45 лет. Относительно молодой человек, казалось, завершал свою невероятную карьеру. Он был свидетелем нескольких эпох, причем выступил творцом последней из них.

Наполеон получил военное образование, но изучал и труды историков, философов, экономистов. Он был офицером армии короля, революционным генералом, командующим республиканскими армиями во време-

на Директории и Верховным главнокомандующим вооруженными силами государства при Консульстве и Империи.

Его судьба стала исполнением пророчества графа Гибера, труды которого — «Общий очерк тактики» и «Защита системы современной войны» — Наполеон читал в юности.

Жан Антуан Ипполит граф Гибер — истинный гений, способный совместить конкретное знание о стратегии и тактике ведения войны с самым широким взглядом на характер эпохи и будущее Европы.

«Каков может быть сегодня результат наших войн? — писал Гибер в 1772 году. — У государств нет ни средств, ни излишнего населения. Их расходы даже в мирное время превышают доходы. Тем не менее они объявляют войну. Они посылают сражаться армии, в которые они не могут набрать достаточное количество солдат и которые не могут прокормить. Победители и побежденные одинаково истощены. Возрастает объем национального долга. Кредит падает. Денег становится все меньше. На флотах не хватает матросов и в армиях — солдат. Министры обеих сторон понимают, что пора вести переговоры. Заключается мир. Несколько колоний или провинций переходят в другие руки. Очень часто причина ссоры еще тлеет, и каждая сторона сидит у своих разбитых корыт, пытаясь заплатить долги, и готовит оружие.

Но предположим, что в Европе появится народ, одаренный энергией, гением, ресурсами, с сильным правительством; народ, который соединит идеалы аскетизма с организацией народного ополчения, который добавит к этому выработанный план расширения [своих границ]; который будет всегда иметь в виду эту цель; который, научившись воевать, не тратя много средств и живя за счет побед, не сложит оружия из-за финансовых расчетов. И тогда мы увидим, что этот народ подчинит себе своих соседей и опрокинет наши немошные конституции, как северный ветер гнет слабый тростник».

«Но изменение духа и привычек нации не может быть делом писателя, каким бы он ни был, — продолжа-

ет Гибер. — Это может быть только властитель или гениальный человек, в руки которого руль государственного руководства будет вложен великими невзгодами [нации] и общественным мнением, а не заговорами». Этот гений «воспользуется всеми знаниями, накопленными обществом, он создаст политическую систему, он встанет во главе машины и даст ей толчок к движению»¹⁷⁷.

Когда Гибер писал эти строки, Наполеону, — который «создаст политическую систему» и будет знать, как «набрать достаточное количество солдат», — было три года от роду.

«Самый надежный рычаг всякого могущества — военная сила, которая предписывает закон и которую употребляет гений. Таковым рычагом был рекрутский набор. Достаточно убедиться в этой силе, и противоречия отступают, а власть укрепляется», — говорил Наполеон Лас Казу на острове Святой Елены.

Наполеон закончил учебу в Парижской военной школе и начал службу в королевской армии. Эта армия была такой же, как и все европейские войска того времени, — регулярной. Офицеров для нее готовили в королевских школах, а солдат набирали путем вербовки.

Полки состояли из «волонтеров». Сам процесс их набора довольно любопытен. Работу делали специалисты-вербовщики. Центрами их операций в городах обыкновенно служили кабаки, в которые они старались заманивать лиц, не имеющих определенных занятий, безработных, прислугу, потерявшую место, бродяг, даже преступников. Вербовщики спаивали этих людей, навязывали им деньги и заставляли подписывать бумаги. Такие же сцены разыгрывались в деревнях.

«У нас три раза в неделю танцы, два раза игры на вольном воздухе; остальное время солдаты играют в кегли, в чехарду, ходят в караул и на ученье. Почти все время посвящается удовольствиям — и жалованье большое». Великолепная приманка!

Большинство волонтеров — выходцы из низших слоев городского населения. Их распределяли по пол-

кам и обучали военному ремеслу. Суровые наказания и строгая дисциплина делали свое дело — вчерашний сброд превращался в солдат.

Волонтеры — не только французы, но и иностранцы. Вербовали и в самой Франции, и за ее пределами — например во Франкфурте-на-Майне. В армию входило несколько иностранных полков. Особенно много было швейцарцев, служивших в армии и в королевской гвардии.

Со времен Людовика XIV во Франции существовала еще и милиция, части которой формировались из крестьян путем рекрутского набора (по жребию). Милиционеры содержались за счет своих доходов. Они составляли резерв армии и нередко призывались к участию в военных действиях. Их служба была не менее тяжелой, чем солдатская.

Офицерский корпус — почти одни дворяне. Должности полковников и капитанов продавались. Среди офицеров было много кутил и прожигателей жизни. Отслужив положенный срок, они уходили на пенсию.

Эта армия не была подлинно народной. Лучшие военные министры — Лувау при Людовике XIV, Сен-Жермен при Людовике XVI — хорошо понимали недостатки сложившейся системы. Однако, несмотря на частичные реформы, организация армии осталась неизменной до 1789 года.

Когда старый социальный порядок рухнул, Учредительное собрание обратило внимание и на армию. 12 декабря 1789 года депутат Дюбуа-Крансе сделал историческое заявление: «Я считаю аксиомой, что во Франции всякий гражданин должен быть солдатом и всякий солдат — гражданином, иначе у нас никогда не будет конституции».

Он подверг убийственной критике методы вербовки и возмущался принципами заместительства. Все это, говорил депутат, означает, что воинская повинность падает исключительно на низшие классы общества. Он предлагал Учредительному собранию создать *национальную армию*, то есть вооруженный народ.

Но Дюбуа-Крансе не был поддержан собранием. Всеобщая обязательная служба? Да это же нарушение

принципа индивидуальной свободы, во имя которого делалась революция!

Старый порядок комплектования армии был сохранен. Ограничились полумерами: собрание решило сурово карать вербовщиков за их злоупотребления.

Важно другое — собрание уничтожило дворянские привилегии и открыло доступ к офицерским должностям всем гражданам. «Революция, исключившая множество людей из армии, — писал один роялист, — поставила на их места других для нее надобных, на которых бы они никогда без нее не были. Адвокаты, купцы... сержанты и капралы... поставлены были в предводители французского войска».

Правда, теперь порядок повышения по службе стал очень сложным. Не доверяя королю, утратившему реальную власть, но остававшемуся верховным главнокомандующим, Учредительное собрание установило принципы замещения высших чинов низшими по старшинству. При таком порядке король мало на что мог влиять. Офицеры Национальной гвардии, которая возникла по всей Франции по почину снизу, выбирались самими гвардейцами.

Вооруженный народ. Это красиво звучит, но «свободная» армия из добровольцев — не более чем мечта. Зато идея Дюбуа-Крансе о всеобщей воинской повинности была подхвачена и сполна реализована революционным Конвентом.

Европейские реакционеры хотели силой восстановить в стране старый порядок, но и французское правительство было настроено по-боевому. «Эта война-потоп, — витийствовал жирондист Бриссо¹⁷⁸, — обновит лицо мира и водрузит знамя свободы на дворцах королей, на серале¹⁷⁹ султана, на замках мелких феодальных тиранов, на храмах пап и муфтиев».

Декретом от 24 февраля 1793 года было решено произвести немедленный набор трехсот тысяч рекрутов из рядов Национальной гвардии. Совершенно необходимая мера в ту грозную годину!

Для исполнения декрета Конвент послал во все департаменты комиссаров из числа своих членов. Одна-

ко декрет разрешал замещение, и набор не дал нужного количества людей.

Новым декретом 16—23 августа 1793 года Конвент осуществил всеобщий призыв и объявил, что всякий француз в возрасте от 18 до 40 лет считается находящимся в постоянном призыве. В первую очередь были призваны все холостые или вдовы и бездетные молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет.

Отечество было в опасности, и закон встретили горячим сочувствием. 450 тысяч новобранцев стали в ружье. А через год на границах Франции сражались уже 14 революционных армий общей численностью 1 миллион 200 тысяч человек.

Но одного энтузиазма мало — новобранцев надо дисциплинировать и обучить. Они должны привыкнуть к тяготам военной службы. Республика остро нуждалась в кадрах опытных офицеров и унтер-офицеров. И они еще были в старой регулярной армии, несмотря на массовую эмиграцию дворян.

Лазарь Карно и Дюбуа-Крансе подготовили важное решение, а Конвент декретировал слияние старой армии с батальонами нового призыва. Это была так называемая амальгама. Заключалась она в том, что к каждому батальону старой армии присоединялись два батальона новобранцев. Образованная таким образом тактическая единица называлась полубригадой.

Реформа прошла не без трений, но к середине 1794 года французская армия представляла собой единое целое. Конвент позволил замещать по выбору только треть офицерских должностей. Другая треть замещалась по старшинству, третья — по назначению. Назначение генералов, среди которых был и Наполеон Бонапарт, Конвент сохранил за собой. Таланты поощрялись, но неудачникам грозил эшафот.

При помощи реквизиций была организована система продовольствия. Монж, Шапталь и другие ученые помогли Республике производить оружие и порох. Были созданы новые военные училища.

Гражданская жизнь представляла собой хаос, в стране свирепствовал террор, но французская армия располагала блестящими кадрами и имела необходимый минимум

материальных ресурсов. Будущий маршал Сулыт так описал свои впечатления от кампании 1794—1795 годов: «Офицеры подавали пример преданности. С мешком на спине, не получая жалованья, они принимали участие в раздаче хлеба вместе с солдатами. Им раздавали квитанции на получение нового платья или пары сапог. И однако никто не жаловался на нищету и не бросал службы, которая была единственным занятием и предметом соревнования. Повсюду проявлялись одна и та же ревность, одно и то же стремление сделать даже больше, чем требовал долг. Это был период моей службы, когда я работал больше всего и когда начальство было наиболее требовательно. Среди солдат можно было видеть ту же преданность, ту же самоотверженность. Завоеватели Голландии переходили замерзшие реки и заливы при 17° мороза почти голыми. Они находились в самой богатой стране Европы, перед их глазами были всевозможные соблазны. Но дисциплина не терпела ни малейшего нарушения. Никогда армия не была ни более послушной, ни более воодушевленной; это был период войны, когда войско отличалось наибольшими добродетелями».

Волонтеры и рекруты первых лет Республики стали опытными солдатами. Они уже не мечтали о возвращении домой и привыкли к войне, как к постоянному ремеслу. Республиканский или патриотический энтузиазм, которым сопровождалась первая стычка с неприятелем, сменился профессиональным усердием. Война из священной стала обыкновенной.

Горе побежденным! Их ждет суровая расправа, реквизиции и контрибуции. «Война должна кормить себя сама», — заявил неутомимый Карно, «организатор победы». Армии Республики уничтожали старый порядок в завоеванных областях и учреждали там республики по французскому образцу.

Изменились и лозунги. Что же теперь пришло на смену «свободе, равенству и братству»?

«Я поведу вас в самые плодородные долины мира, — обратился новый командарм Наполеон Бонапарт к своим бойцам. — В вашей власти будут богатые провинции, большие города. Вы там найдете *честь, славу и богатство*».

«Солдаты, у вас нет ничего, а у врага есть все», — шуточно переиначил обращение Наполеона один из героев Бальзака.

Отечественная, оборонительная война стала наступательной. А значит, нельзя больше требовать от людей поголовного участия в ней. И по инициативе генерала Журдана¹⁸⁰ появился закон 1798 года.

Воинская повинность оставалась всеобщей. Каждый француз должен был отбывать ее в возрасте от 20 до 25 лет.

Теперь призывники делились на классы по возрасту, и государство сохраняло за собой право призывать к оружию один или несколько классов сразу. Так закончился романтический период истории формирования французской революционной армии.

Наполеон Бонапарт вносит в этот порядок дальнейшие изменения. Он знает, сколь тяжела рекрутчина. Он понимает, что этот долг «самый ужасный, самый ненавистный для семей, что его должники настоящие люди, живые и, следовательно, различные, что глава государства должен считаться с их разнообразием... с их положением, воспитанием, чувствительностью, с их призванием, что не только в их личных интересах, но и в интересах общественных, не только из осторожности, но и в силу справедливости, не следует принуждать их всех, без различия, к одному и тому же машинальному труду, к одной и той же ручной работе, к одному и тому же продолжительному рабству, рабству тела и души».

Во времена Директории закон освобождал от армии женатых молодых людей, а также вдовцов и разведенных, имевших детей. Наполеон избавляет от службы и тех рекрутов, у которых есть братья в действующей армии, а также единственных сыновей вдов, старших из трех сирот и тех молодых людей, отцам которых было не менее семидесяти одного года при условии, что они жили работой своих рук.

Не пойдут в армию и гражданские милиционеры, ученики Нормальной школы, невежествующие монахи, семинаристы, назначенные в священники — те, кто и так служит, десять лет или всю жизнь, подчиняясь суровой дисциплине.

Пока Наполеона больше заботит качество армии, а не количество солдат. Он не считает, что служба должна быть непременно всеобщей и более всего ценит ветеранов. Новый порядок заместительства, введенный в 1800 году, и правила жеребьевки 1804 года выглядят достаточно либеральными.

Служить теперь будут не все представители класса определенного года, но только те, на кого пал жребий. Военное министерство будет ежегодно устанавливать квоты новобранцев для каждого департамента. Мэры коммун должны составлять списки юношей, достигших призывного возраста.

На предварительном осмотре оценивали физические данные призывников. Их рост не должен быть меньше, чем пять футов и один дюйм.

После этого юноши тянули жребий. Доктора в столицах департаментов проводили медицинский осмотр и отсеивали тех, кто по различным физическим причинам признавался негодным к военной службе. Таким образом исключалась примерно треть юношей.

Всякий призывник мог выставить вместо себя заместителя. Два лица договаривались о том, что один пойдет служить вместо другого. Зачастую заместитель — бывший солдат, и государство только выигрывало, имея опытных бойцов.

Найти заместителей среди отслуживших свой срок солдат поначалу было вовсе не трудно. В 1804 году каждый пятнадцатый деревенский рекрут подбирал себе заместителя, а в городах — каждый седьмой. Если брать общую картину по стране, то каждый десятый.

Какова цена такого избавления от службы? В 1806 году она колеблется от 1800 до 4 тысяч франков — большие деньги, несколько годовых заработков рабочего! Ее способны заплатить только богатые, зажиточные люди.

Тем не менее пока все это вполне терпимо. Но правила год от года все строже и скоро станут такими, что Наполеон отменит все «либеральные» исключения и поведет за собой безусых мальчишек.

Будут призваны сынки старых дворян, студенты философии и риторики, ученики лицеев, которые тут же

получат унтер-офицерские нашивки. В 1814 году Париж будут защищать национальные гвардейцы, ранее призванные для того, чтобы патрулировать улицы.

Революция уничтожила какие бы то ни было привилегии в армии. Наполеон стал их восстанавливать. В эпоху консульства была учреждена Консульская гвардия. С учреждением Империи она превратилась в Императорскую гвардию и стала численно расти — до 92 тысяч человек.

Это был элитный корпус, попасть в который считалось большой честью. Гвардия получала повышенное жалованье и лучшую пищу. В бой она вступала в особых случаях, обычно оставаясь в резерве.

И если наступал решительный момент, то император давал команду на виду войска, а порой сам начинал движение. Солдаты знали, что сражаться они будут на глазах императора, а «на миру и смерть красна».

Старые испытанные солдаты — «ворчуны», как ласково называл их «отец» за то, что порой они обсуждали его приказы и выражали недовольство условиями службы, — обожали своего вождя. Наполеон позволял им называть себя на «ты».

Император всячески возбуждал дух соревнования среди солдат и воинских частей. Все стремились выдвинуться, отличиться, показать пример. Это по словам Наполеона каждый солдат «носит в своем ранце маршальский жезл».

Может быть, и наш Куанье станет маршалом? Призванный в армию в 1799 году, он стал капралом в 1807 году, в 1809-м — сержантом, в 1812-м — лейтенантом. Братья Наполеона давно уже генералы!

Лучшие военачальники получают миллионные суммы, но порой император выделяет дополнительные премии. В вечер битвы при Эйлау каждый из маршалов, приглашенных к ужину с Наполеоном, нашел под своей салфеткой билет достоинством в тысячу франков.

Теперь все офицерские должности замещаются по старшинству или по назначению. Выборы больше не проводятся.

Вооружена армия отнюдь не самым современным оружием: старое кремневое ружье, пушки времен Людовика XV. Качество ружей оставляло желать лучшего. Оружейники отмечали, что «винт собачки пехотного ружья приходится часто заменять из-за поломок, когда по невниманию солдат нажимает на спусковой крючок при откинутах назад курке с кремнем».

Винт надо делать из стали, а не из железа! Увы, эта рекомендация так и не дошла до Наполеона — бюрократы военного министерства положили ее под сукно.

То, что в его армии оружие хуже английского, Наполеона не беспокоит. Он побеждает тем, что имеет. Его маршалы ведут за собой корпуса, каждый из которых представляет собой небольшую армию, и бросают людей в огонь.

Наступательная тактика приводит к большим потерям. В сражении при Эйлау корпус Ожеро, которой выполнил приказ Наполеона и пошел в лобовую атаку, был скошен русской артиллерией.

Цена победы возрастает, потери огромны, и Наполеон призывает новые классы рекрутов. С 1806 года прежней нормы уже мало.

Вначале он призывал 60 тысяч новобранцев ежегодно, но к 1810 году квота выросла до 120 тысяч. Кроме того, проводились дополнительные наборы.

Наполеон нарушает принцип жребия и призывает тех молодых людей предшествующих классов, которые не попали в очередь. Кроме того, он набирает рекрутов следующих годов, то есть 19- и 18-летних юношей, и удерживает в армии солдат предшествующих классов, уже отслуживших свой срок.

Но и этого мало! Император добивается от сената разрешения призвать в армию всех лиц, зачисленных в Национальную гвардию или потому, что они были единственными сыновьями, или потому, что они были слишком слабы по сложению.

Уклониться от военной службы стало почти невозможно. В некоторых деревнях Франции остались одни старики или дети, а кое-где — например в окрестностях Лиона — все сельские работы производились женщинами.

Люди стараются избежать военной службы. Наполеон строго наказывает рекрутов-нарушителей и лиц, помогающих им укрыться. Он посылает целые отряды на розыски дезертиров и уклонистов, но успехи в этом деле невелики.

В 1813 году во Франции было до 80 тысяч скрывающихся от службы. Дезертиры, не имея возможности зарабатывать на жизнь легальным путем, занимались разбоем.

Некоторые мэры попустительствовали уклонистам. Сопротивление набору в армию оставалось серьезной проблемой до самого конца существования Империи. На родителей уклонистов налагались большие штрафы, но мало кто мог их платить.

С первых лет революции сельская молодежь бежала в Париж, чтобы избежать воинской повинности. Однакоборы в армию проводились не только в деревне, но и в городе.

В декабре 1813 года Наполеон посетил парижские стройки и удивился отсутствию молодых людей. «Стариков хватает, — ответил подрядчик, — но у них нет ни сил, ни сноровки. А молодых теперь днем с огнем не сыщешь. Всех подмела рекрутчина».

Деревня страдает больше, чем город. Если муж воюет, то за него трудится жена. Она сеет, обрабатывает землю и собирает урожай.

Шапгаль говорит о том, что «разрушение деревни, сопровождаемое реквизициями и рекрутскими наборами, должно было бы вызвать ненависть крестьян к Наполеону, однако этого не произошло. Напротив, своих самых ревностных сторонников он обрел именно в их среде, потому что гарантировал: возврата к десятине и феодальным привилегиям, возвращения имущества эмигрантам и восстановления сеньориальных прав не будет».

Страдает не только Франция. В рядах имперской армии сражаются отряды швейцарцев, итальянцев, испанцев, ганноверцев, баварцев, саксонцев, поляков, хорватов, иллирийцев и т. д. Иностранцы составляют почти половину армии.

Кому — война, а кому — мать родна. Может быть, это сказано не только о военных поставщиках, ворах и спекулянтах?

Сельский пролетарий только выиграл от нехватки рабочей силы. С 1798 по 1815 год заработная плата этой категории тружеников увеличилась на 20%. Автор статистического отчета департамента Нор отмечает: «Поденщики ведут себя дерзко и вызывающе с тех пор, как цена на них возросла в результате рекрутских наборов». Запрет профсоюзов (414, 415 и 416 статьи уголовного кодекса) поставил заслон этим претензиям.

Работники военных предприятий освобождались от призыва в армию. На этих производствах была строжайшая трудовая дисциплина. Здесь налицо избыток рабочей силы.

Порой войска были расквартированы по домам. Если домовладельцы при этом оказывались неспособными их кормить, то это делали состоятельные налогоплательщики коммун.

После сражения при Эйлау в феврале 1807 года в армии осталось 80 тысяч солдат, годных к бою. А ведь было в два раза больше! Где же остальные? 10 тысяч погибли, 15 тысяч были ранены, 30 тысяч больны, 30 тысяч отстали и мародерствовали. Этот опыт «первой польской войны», казалось бы, должен был предостеречь Наполеона от того, чтобы начинать еще один восточный поход.

Кампании 1805—1807 годов завершались миром. Но солдаты знают, что это не всегда означает возвращение домой. Их могут перебросить из одного места в другое, зачислить в гарнизон далекого города или крепости.

Они понимают, что война возобновится и им, может быть, суждена скорая смерть на поле сражения или в госпитале.

Императору сложно бороться с собственными мародерами и грабителями — ведь пример порой подают сами маршалы! Солдаты покидают свои части и разбредаются по округе в поисках пищи и наживы.

Они грабят мирных жителей и пьянствуют. Сам Наполеон признал, что «это уже не солдаты Аустерлица».

В 1811 году в Испании действуют целые отряды французских мародеров, живущих грабежами населе-

ния. Дисциплина настолько расшаталась, что порой для преследования беглецов приходится посылать специальные части.

Маршалы, многие генералы и офицеры устали от войны. Вполне удовлетворенные полученными почестями и материальными приобретениями, они мечтали о покое. Кто вслух, а кто в глубине души проклинал ненасытное властолюбие императора, пускавшего в новые военные предприятия.

Франция изнывала от рекрутских наборов, а Наполеон говорил, обращаясь к французам: «Сидите сложа руки. Полицейские префекты все сделают за вас, и, как награду за ваш сладкий отдых, я прошу у вас только одного: производите детей. Как можно больше детей...»

«Если он будет продолжать в таком же духе, то наши дочери пойдут за кого угодно, лишь бы нашелся жених!» — думает герой бальзаковской повести «Дом кошки, играющей в мяч», г-н Гильом, прочитав первый декрет Наполеона о досрочном призыве новобранцев.

То, что приносит доход

Наступает весна — и люди забывают о хворях и болезнях. Все — в поля! Вначале — сев, а затем — косовица. Крестьянам помогают ремесленники — на ниве они заработают больше, чем в мастерской. Жнецы идут из одной местности в другую, от поля к полю.

«А кто не знает традиционного спуска “гаво”¹⁸¹ — юношей и девушек — по склонам Альп в Нижний Прованс — край хлебов, виноградников и вина?» — вопрошает Фернан Бродель.

С 15 августа крестьяне «вешают лампу на гвоздь» — сезон близок к завершению. А после осеннего сбора винограда и озимой вспашки люди готовятся к холодам.

Теперь много свободных рук. Рабочая сила стоит дешево, и слуги исправно служат хозяевам.

Природа Франции прекрасна, но она все еще довольно дика — много естественных водоемов, лесов и зарослей кустарников. Хватает и сорняков, с которыми

сложно бороться. Страна кишит дикими животными. Волки ежегодно уничтожают до 8—9 тысяч домашних животных. Стада кабанов производят потравы на картофельных полях.

Дворяне мало используют свои охотничьи заповедники, а крестьяне занимаются браконьерством.

В отличие от сезонного сельского хозяйства, на фабриках работают круглый год.

«Я дал новый импульс духу предприимчивости, чтобы оживить французскую промышленность. За десять лет она пережила удивительный подъем», — скажет Наполеон Лас Казу.

Правительство уделяло внимание промышленному законодательству, включавшему регламентацию производственных отношений и правила охраны порядка и безопасности (например, при разработке рудников).

Крупные капиталистические предприятия существовали и до революции. В Лангедоке, в Севеннах были суконные мануфактуры, в Нормандии — фабрики шерстяных и хлопчатобумажных материй, в долине Луары, в Туре, Руане, Лионе — фабрики шелковых изделий, в Арденнах — металлургические заводы, в Артуа — каменноугольные копи, в Бордо — сахарные заводы и кораблестроительные верфи и т. д.

Однако цеховая регламентация, многочисленные таможенные барьеры, разделявшие страну, сдерживали ее развитие. Крупное предприятие не было господствующим типом организации промышленности. Существовала масса цеховых и нецеховых мелких производителей, работавших на дому. Эти мастера находились в зависимости от скупщиков-торговцев или владельцев мануфактур, получая от них сырой материал и сбывая продукты своего труда.

Революция уничтожила искусственные таможенные перегородки, цеховую регламентацию и дала простор предпринимательской инициативе. В годы Империи особенно преуспевало хлопчатобумажное производство. В начале столетия во Франции не было производства муслина, но в 1806 году в одном округе Сен-Кентэна было уже 8 тысяч станков, изготавливавших

канифас, муслин, перкаль и коленкор. Французский коленкор теперь шел наравне с английским.

«Похоже, что наибольшего прогресса наша промышленность достигла в производстве хлопкопрядильных машин», — докладывал Шампаньи¹⁸² императору 4 октября 1806 года. В тот раз Наполеон не смог посетить промышленную выставку — началась война с Пруссией.

На парижской промышленной выставке 1806 года были представлены экспонаты государственных мануфактур (севрский фарфор, ковры Гобелена, Бовэ и Савонри), а также образцы сукон (в том числе тонкие сукна Терно), кашемира (здесь выделяются изделия Белланже), саржи, кисеи и нестандартных тканей, бархата, шелка, шляп, лент, кружев, блонда, конопли, льна, хлопка, кожных изделий Саллерона, бронзы Томира, обоев Жакмара и Бернара, бумазеи Ришара и Ленуара, клеенок Сегера, пике, нанки, железа, стали, хлопкопрядильных станков, квасцов, соды, железного купороса, красителей для химической промышленности, хрустала, фарфора Наста и Дила, изделий ювелира Бьеннэ и часовщика Брегета.

Развивалось ситценабивное дело. Один из ситцевых магнатов эпохи Консульства Оберкампф, начинавший дело с мастерской, в короткий срок завоевал рынок.

Повсюду возникали фабрики нанки и бумажного бархата. Оберкампф основал и первую бумагопрядильню. До 1789 года Франция не знала механического бумагопрядения. Теперь же самопрялка исчезла, а ее сменили новейшие машины английского образца. Через несколько лет английская бумажная пряжа французам уже не нужна, за исключением самых тонких сортов.

Но Англия пока была вне конкуренции в области шерстяного и суконного производства. Ее техника оставалась непревзойденной. Чтобы достичь прогресса в этой области, французы пригласили из Англии известного машиностроителя Дугласа. Результат не заставил себя долго ждать: на промышленной выставке 1806 года были показаны девять новых типов машин, а общее их число достигло 340.

Однако паровых машин почти не было. В 1810 году работала лишь одна машина высокого давления и одна — низкого. Они употреблялись в водокачках. В бумагопрядении паровой мотор был впервые применен в 1812 году.

Производство шелка пережило подлинный технический переворот благодаря изобретению Вокансом сучильной и тростильной машин, а также некоторым более мелким усовершенствованиям. Цена шелка значительно снизилась.

Металлургия оставалась в зачаточном состоянии, хотя во Франции было до 150 железоделательных заводов, рассеянных по всей территории, а число сталелитейных предприятий возросло. Однако лишь на одном заводе в Крёзо пользовались каменным углем.

Зато Франция опережала конкурентов в стеклянном, гончарном деле и производстве фарфора. Мировую славу приобрели художественные изделия фарфорового завода в Севре близ Парижа (севрский фарфор). Эта мануфактура была переведена из замка в Венсене¹⁸³ в 1756 году.

Во времена Империи в фарфоровом деле преобладали тенденции классицизма. Посуда и различные предметы, создававшиеся в Севре, украшались изысканной, дробной орнаментикой, обычно сочетавшейся с цветными фонами.

Через несколько месяцев после заключения Тильзитского мира¹⁸⁴ Наполеон подарил царю Александру великолепные фарфоровые изделия. Севрским фарфором Наполеон пользовался и на острове Святой Елены.

Так французская промышленность вступила в стадию машинного производства. Фабрика сменила мастерскую, ранее изолированные работники теперь начали работать на крупного капиталиста. Появилась безработица.

Во Франции введена метрическая система мер. В 1807 году был обнародован Торговый кодекс.

Однако, несмотря на протекционистские меры правительства, Франция не стала европейским промыш-

ленным лидером. Ее товары часто не выдерживали конкуренции не только с английскими, но и с итальянскими, швейцарскими и чешскими изделиями.

Заработная плата рабочих постепенно росла, а массовой безработицы удавалось избежать. В Париже трудящийся зарабатывал 3—4 франка в день, в провинции — 1,2—2 франка в день. Рабочие стали чаще есть мясо и лучше одеваться.

Англичанин Бербег пишет в 1814 году: «Трудящийся класс стоит здесь на куда более высокой ступени развития, чем у нас».

Наполеон популярен среди рабочих — несмотря на память о расстреле 13 вандемьера и трудовые книжки¹⁸⁵. Вводя последние и тем самым отдав пролетариат под суровый надзор полиции и нанимателей, власть думала установить полный контроль над миграцией рабочей силы. Однако предприниматели нередко нанимали работников и без книжек.

Одновременно с введением рабочих книжек был исправлен революционный закон о коалициях. Ранее он наказывал за создание коалиций и капиталистов, и рабочих. Правительство Консульства посчитало это несправедливым и установило следующие нормы наказания: для капиталистов — месяц тюрьмы, для рабочих — три месяца. Коалиция первых по новому закону считалась преступной лишь в случае стремления к несправедливому понижению заработной платы, стремление же рабочих к повышению платы признавалось преступным всегда.

Несмотря на все это, император — герой и «защитник». В октябре 1806 года полиция установила в Париже новый график работ в строительстве (в этой отрасли, к слову сказать, рабочим хорошо платили). Однако обедать по новому графику полагалось с 10 до 11 часов утра. Рабочие возмутились и потребовали дневного перерыва («полдник на камне»).

Они заявили, что, «если бы его величество император находился тогда в Париже, он ни за что не допустил бы принятия подобного ордонанса». После волне-

ний, продолжавшихся неделю, стороны договорились о том, что утром рабочие будут завтракать, а с 14.30 до 15 часов — полдничать.

Наполеон запретил профсоюзы, но поощрял создание обществ взаимного страхования. Касса взаимопомощи формировалась за счет двухпроцентных вычетов из заработной платы рабочих и взносов предпринимателей из расчета 0,5% суммы заработной платы.

Увеличивается число врачей и адвокатов, а их доходы весьма высоки. «Корвисар¹⁸⁶, несмотря на то, что был моим главным врачом, обладал большим состоянием и имел обыкновение получать от меня много подарков, постоянно брал целый наполеондор за каждый визит к больному», — говорил Наполеон доктору О'Мира на острове Святой Елены.

Витрины вытесняют вывески — в Париже, естественно, быстрее, чем в провинции.

Наполеон много делал для поощрения промышленности, но не любил торговлю и богачей. «Богатство не может быть титулом, — говорил он Шапталю. — Богач — часто бездельник, не имеющий никаких заслуг! Богатый негодяй является таковым лишь потому, что владеет искусством дорого продать и обмануть».

«Он говорил, — пишет Шаптал, — что торговля иссушает душу своей постоянной страстью к наживе, и добавлял, что у коммерсанта нет ни веры, ни отечества».

Империя была провозглашена 18 мая 1804 года. В государственных учреждениях ввели множество новых вакансий.

Лиц, получающих жалованье и другие доходы из казны, становилось все больше. Ипполит Тэн пишет, что при Империи их стало вдвое больше, чем в 1789 году. Это не только армия, численно утроившаяся, но и священники, служащие Университета, учителя, фискальные агенты, инвалиды, лица, находящиеся в отставке и на пенсии.

Во Франции было 86 департаментов и 26 миллионов населения. В Империи, после присоединения Бель-

гии, Пьемонта, затем Ганновера, Тосканы, Центральной Италии, Иллирии, Голландии и Ганзейских провинций, стало 130 департаментов и 42 миллиона жителей.

Бюрократии все больше, аппарат все внушительнее.

«В 1811 году, — рассказывает Стендаль, — одна маленькая сельская община задумала использовать некоторое количество булыжника, стоимостью в шестьдесят франков, забракованного инженером, руководившим постройкой шоссейной дороги. Понадобилось четырнадцать заключений префекта, супрефекта, инженера и министра. В результате величайших усилий и самых настойчивых хлопот требуемое разрешение было получено через одиннадцать месяцев после того, как ходатайство было подано. Но к тому времени рабочие, строившие дорогу, уже использовали этот булыжник для засыпки каких-то ям».

Ливры, франки, наполеондоры

«Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги?» — заявляет бальзаковский Гобсек.

А что такое настоящие французские деньги?

Луидор — французская золотая монета (6—7 граммов чистого золота). Впервые была отчеканена в 1640 году при Людовике XIII. Чеканку луидоров прекратили в 1795 году.

1 февраля 1796 года золотой луидор в 20 франков серебром стоил 5300 франков ассигнациями на Парижской бирже, пишет Томас Карлейль. Ассигнаты обесценивались с беспрецедентной быстротой.

Ливр (от лат. *libra* — римский фунт) — денежная единица Франции до введения в 1799 году *франка*.

Участники египетской экспедиции, начавшейся в 1798 году, получали жалованье, выраженное в ливрах: знаменитые ученые — по 500 ливров в месяц, рядовые — по 50.

В 1834 году монеты, выраженные в ливрах, были изъяты из обращения.

Замок Мальмезон, купленный в 1799 году у частного лица, обошелся чете Бонапарт в 271 627 франков, из

которых 225 тысяч франков — плата за землю и основное имущество, 37 516 франков — цена зеркал, мебели, домашней утвари и припасов, а 9111 франков — пошлины.

Наполеондор — французская золотая монета достоинством в 20 франков, содержащая 5,8 грамма чистого золота. Чеканится с 1803 года. Название происходит от изображения на монете Наполеона I и Наполеона III¹⁸⁷. Чеканились также двойные наполеондоры (в 40 франков), 1/2 наполеондора (в 10 франков) и 1/4 наполеондора (в 5 франков).

В марте 1803 года был введен в обращение *серебряный франк* весом в 5 граммов (жерминальный франк), который оставался стабильным до 1914 года.

*Экю*¹⁸⁸ — старинная французская монета. С XIII века до 1653 года чеканились золотые экю массой от 3,3 до 4,13 грамма чистого золота, с 1641 по 1793 год — *серебряные экю*, масса которых составляла вначале 25 граммов чистого серебра, затем колебалась в пределах 27,1—27,8 грамма. С переходом Франции на десятичную денежную систему экю были демонетизированы (с 1834 года). На протяжении XIX века название «экю» сохранялось за пятифранковой монетой.

Важная задача — установить правильное соотношение золотых и серебряных монет. Долгое время, отмечает Бродель, считалось, что при равном весе золото стоит в 12 раз дороже, чем серебро. Но такое соотношение не является неизменным и устанавливается на рынке.

Во все времена купцы, богатые люди и государство считали разумным расплачиваться вначале «черной» монетой, которую сами получали от мелких плательщиков. Существовал даже старинный обычай, согласно которому кредитор принимал часть долга в медной монете.

В 1780 году Неккер¹⁸⁹ отменил эту обязанность, но во время революции ее восстановили. В 1803 году ввели жерминальный франк и определили размер этой части — одна сороковая от общей суммы долга.

Франсуа Молльен, назначенный в 1810 году министром государственного казначейства, окончательно

отменил данное правило. Он объяснил при этом, что если, «возвращая долг в 100 франков, вам отдают 98 франков серебром и 2 франка монетой, чья реальная стоимость не превышает 1 франка», уже по одному этому вы теряете 1%, так что нет ничего удивительного в том, что «люди опытные отбирают хорошие монеты, плохие же оставляют простому народу».

В том же году Молльен утверждал, что «в активном пользовании» находятся две трети наличности Франции.

В 1809 году в Европе обращалось примерно 9 миллиардов, из них 4—5 (половина металлических денег континента!) приходилось на Францию.

Какая впечатляющая картина и какой прогресс для французов! Ведь в 1799 году звонкая монета стала большой редкостью, дела остановились, а государственная казна была почти пустой. Перед брюмером в ней было не более 167 тысяч франков, сообщает Жан Тюлар.

24 ноября 1799 года, через несколько дней после переворота, Бонапарт пригласил банкиров на совещание. Присутствовали Перрего, Перье, Рекамье, Делессер и другие финансовые воротилы. Они дружно подписали обязательство об авансе правительству в размере 12 миллионов франков.

«Мы все подпишемся, — сказал Малле. — Есть ли такой парижский банкир или негоциант, который в столь ответственный момент, среди столь прекрасных надежд, не пожалел бы горько о том, что он не поспешил засвидетельствовать свое исключительное доверие правительству, которое имеет на это столько права».

Ясное дело — банкиры и богачи еще перед брюмерским переворотом увидели в Бонапарте избавителя! Ведь Директория замучила их разными «инициативами». Чего стоил один прогрессивный стомиллионный налог на богатых, названный вынужденным займом!

А еще раньше, 30 сентября 1797 года, правительство решило погасить две трети государственного долга с помощью бонов на предъявителя, которые принимали в оплату за национальные имущества. Эти боны быстро упали в цене, разорив тем самым многих лиц, жив-

ших на процент с капитала. Возникли уникальные учреждения — приют для жертв государственных банкротств на улице Антуана, убежище для рантье.

Всем хотелось порядка и стабильности. И Бонапарт сразу «взял быка за рога» и решил учредить эффективную финансовую администрацию. «Нынешняя Франция слишком велика, чтобы одного министерства финансов хватило на все! — заявил он в 1799 году. — Вдобавок я должен быть уверен в том, что с французскими финансами все в порядке; один-единственный министр мне этой уверенности не даст».

Он понимал, что нужно навести порядок в кратчайшие сроки. Ведь в следующем году ассигнации окончательно обесценились.

Финансовую систему теперь возглавляют два министра (финансов и государственного казначейства).

Министром финансов был назначен Годен, бывший соратник Жака Неккера; управляющим государственным казначейством — Барбе-Марбуа.

Сборщики налогов и инспекторы назначаются государством и обязаны вносить каждый за себя денежный залог. Генеральные сборщики должны сдать все собранное государству в установленный срок. Пока он не наступил, они имели право размещать деньги по своему усмотрению.

«Моя финансовая система предусматривала уменьшение прямых налогов, кои ложатся тяжким бременем, и замену их косвенными, направленными только против роскоши и невоздержанности», — говорил Наполеон Лас Казу.

Косвенные налоги — на регистрацию, табак, спиртные напитки. При Консульстве был восстановлен налог на вино, а при Империи — на соль и табак.

В 1801 году обесцененные боны, выпущенные при Директории, были обменены на облигации 5-процентной государственной ренты. К 1802 году бюджет был сбалансирован.

Возобновились выплаты по государственным рентам.

Первый консул учреждает Французский банк, беря под защиту частные банки и торговлю. До этого была Касса взаимных расчетов, созданная группой банкиров. Это командитное товарищество, отмечает Фернан Бродель, действовало неудачно. Наполеон лично подписался на 30 акций банка по одной тысяче франков.

Три года спустя Банк Франции получил исключительную привилегию на выпуск билетов — очень крупных купюр, доступных лишь богачам. Цена одной акции составляла 5 тысяч франков. Владели банком, разумеется, крупнейшие банкиры: Перье, Перрего, Рекамье, Малле, Лекульте и другие. Среди них оказались несколько негоциантов и один нотариус.

Банк, игравший тройную роль — он был одновременно депозитным, учетным и эмиссионным, — открылся 20 февраля 1800 года. Он учитывал переводные и простые векселя, выдавал ссуды под вклады, открывал текущие счета и выпускал векселя на предъявителя. Правила учета векселей были очень строгими: нужно было иметь три подписи, а сама учетная операция проводилась не раньше, чем за три месяца до срока.

Законом от 14 апреля 1803 года за Банком Франции закрепили монополию на эмиссию бумажных денег. Про ассигнаты забыли.

Банк помогал и предпринимателям с хорошей репутацией, и государству. Однако он не подчинялся правительству. Разумная постановка дела дала великолепные результаты. Экономические кризисы 1803, 1806, 1810 годов не отразились на состоянии банка.

Впрочем, парижские банкиры с честью выдержали и испытания революции. Например, Перрего, банкир Комитета общественного спасения, никак не пострадал в годы террора. Другие, что называется, «легли на дно». Малле имел 800 тысяч ливров капитала в 1788 году, 525 тысяч в 1792-м, 240 тысяч в 1794-м, а в пору массового выпуска ассигнаций был вообще незаметен. При этом большие средства вкладывались в недвижимость и землю. Неккер, отец госпожи де Сталь, хранил в банках только половину своих денег, а то и меньше.

Разрыв Амьенского мира с Англией и экономические кризисы больно ударили по частным банкирам. В 1810—1811 годах разорились банки Лаффита¹⁹⁰, Фула, Туртона.

Политические режимы, говорил философ Антуан Барнав¹⁹¹, зависят в первую очередь от способа использования богатств страны. Наполеон не любил брать займы, полагаясь на имевшиеся ресурсы и новые созидательные усилия. Он гордился тем, что, строя дороги, мосты и гавани, не прибегает к помощи банкиров.

Жак Лаффит видел проблему иначе. «Капиталы, — говорил он, — не всегда принадлежат тем, кто ими пользуется. Напротив, те, кто ими владеет и кого в просторечии зовут богачами, стремятся не использовать их самостоятельно, но давать их займы тем, кто трудится, с условием, что часть произведенного продукта возвратится к заимодавцам, благодаря чему они смогут существовать безбедно и покойно».

Наполеон не уделял специального внимания развитию кредита, поскольку испытывал врожденную неприязнь ко всему, что связано с торговлей, спекуляцией, поставками. Он бросил в тюрьму известного предпринимателя Увра¹⁹², однако тот, выйдя из камеры, вновь поставил дело на широкую ногу.

«Он спекулировал на государственных имуществвах, на колониальных товарах, на армейских поставках, на массовых закупках хлеба в Голландии и Англии во время голода 1801 года; в 1804 году он снабжал провиантом Испанию, которой грозил голод, и получал за это плату в Мексике, в Новой Испании, откуда серебро доставлялось в Европу на английских кораблях, — пишет Фернан Бродель. — Ув^р был гений, однако разве не был он человеком из прошлого — человеком, который любит роскошь, не боится рисковать, при необходимости без малейшего раскаяния нарушает свои обязательства?»

В 1805 году Барбе-Марбуа попал под влияние Увра и «Объединенных негоциантов» (Деспреза, Ванлерберга) и увлекся планами импорта во Францию мекси-

канских пиастров. Дело оказалось проигрышным и даже вызвало слухи о банкротстве Французского банка. Говорили о том, что Наполеон забрал на войну всю наличность.

Началась паника. Люди беспорядочно толкались у касс. Вовремя подоспело известие о великой победе под Аустерлицем, и это уменьшило напряженность. Однако дефицит наличности все же вызвал серию банкротств. Разорился Рекамье, член генерального совета Банка Франции.

Император вернулся с поля битвы и принял решительные меры. Он заставил Уврара вернуть «награбленное», предоставил кредиты промышленникам и разместил заказы на предметы роскоши. К весне 1807 года кризис был преодолен.

Заканчивается формирование «царства нотаблей»¹⁹³ — новой знати, разбогатевшей на продаже и скупке национальных имуществ. Это банкиры и коммерсанты, чиновники и состоятельные сельские хозяева. Не следует забывать и о привилегированных сословиях старого режима — тех аристократах и священнослужителях, которые удачно вписались в имперскую социальную систему. Интеллигентов среди нотаблей совсем немного, зато все больше рантье.

«Нотабль — это тот, кто управляет: патрон — рабочими, чиновник — служащими, земельный собственник — фермерами и арендаторами», — поясняет Тюлар.

Наполеон составляет списки нотаблей. В каждом департаменте выделяются шестьсот состоятельных граждан. Они имеют наибольшие шансы войти в состав избирательной коллегии, стать сенаторами, членами трибунала или депутатами Законодательного корпуса.

Они — главная опора режима. Здесь нет случайных людей.

«Я готовил моему сыну счастливое будущее, — говорил Наполеон Лас Казу на острове Святой Елены. — Я растил для него в новой школе представительный класс аудиторов Государственного совета, по заверше-

нии образования и достижении определенного возраста им предстояло занять все руководящие посты Империи».

То, чего даже Анри Бейль — протеже графа Дарю — достиг с трудом¹⁹⁴, для большинства было почти невозможно. Чтобы стать аудитором Государственного совета, необходимо было иметь доход или получать от своих семей пансион в размере 6 тысяч франков в год¹⁹⁵.

«Надо больше хвалить императора...»

«Народу нужна религия, и нужно, чтобы эта религия была в руках правительства», — сказал первый консул в частном разговоре.

Он подписывает соглашение с Ватиканом, названное конкордатом. Революционеры преследовали церковь, Наполеон с ней помирился. Он согласен нести некоторые расходы, зато ему будут принадлежать сердца французов.

Наполеон не претендует на лавры создателя новой религии. Первый консул просто восстановил католицизм в правах, объявив его религией большинства нации. Взамен он добился того, что папа признал распродажу церковного имущества необратимой.

Она действительно «необратима», как и всё перемещение собственности в годы революции. Чтобы привлечь церковь на свою сторону, государство жертвует немногим. Ведь не вся собственность церкви перешла в другие руки, а потому Наполеон готов делиться: «...все епархиальные церкви, соборы, церкви приходские и другие, не отчужденные и необходимые для богослужения, будут отданы в распоряжение епископов». «Неотчужденные священнические дома и принадлежащие к ним сады, а также доходы, которыми они пользовались и не переданные никому другому, возвращаются по назначению».

Если доходы с церковного имения не будут покрывать издержек на богослужение, то помогут прихожане или местный департамент. Кроме того, «будет взиматься десять процентов с доходов земельных имуществ,

принадлежащих сельским обществам». Эти средства, собранные с домов, лесов и полей, составят вспомогательный фонд, предназначенный на «приобретение, перестройку или поправку церквей... семинарий и священнических домов».

Французское правительство разрешает частным лицам оставлять наследство церкви, делать подарки церковным имениям и семинариям, учреждать фонды для семинарий и церквей.

Но фонды должны состоять из государственных ценных бумаг, чтобы тем самым поддерживать их курс и кредит правительства. Духовенство не может через эти фонды стать владельцем недвижимости и собственником земли. (Тогда священство станет независимым, а этого нельзя допустить!)

Епископы и священники — простые слуги режима. У них есть дом молитвы и жалованье. Здание церкви отдано в распоряжение епископа, а денежное содержание поступает из казны.

Церковнослужители будут присягать Наполеону. Они принадлежат ему как подданные и как чиновники, то есть дважды. Какая уж тут христианская свобода духа!

Государство платит жалованье священникам¹⁹⁶, но к окладу может быть и прибавка: «Если обстоятельства потребуют, общие советы больших сельских общин будут иметь право прибавлять содержание прелатам и юре из доходов со своих земельных имуществ или из сбора пошлин».

Архиепископы, священники и их заместители будут иметь квартиры или квартирные деньги. Семинаристы, будущие священники, избавлены от военной службы — правда, лишь временно. Ни конкордат, ни последовавшие за ним «Органические статьи», которые папа не утверждал, не говорят об избавлении духовенства от службы. Нужно быть посвященным в сан, чтобы получить окончательное освобождение от рекрутчины, но именно правительство определяет число посвящаемых и по возможности сокращает его. Например, в епархии Гренобля было лишь восемь посвящений за семь лет!

Правительство разрешает конгрегации, или ассоциации «невежествующих братьев», дочерей милосердия, сестер святого Фомы, святого Карла и другие. Государственный совет принимает и одобряет их статуты, иерархию, внутренний распорядок. Более того, Наполеон терпимо относится к тому, что между 1804 и 1814 годами стихийно возникают пятьдесят четыре новых духовных общества, не представивших на рассмотрение правительства своих уставов. Император говорит, что «существуют характеры и воображения всякого рода; не следует стеснять даже заблуждений, если только они не вредны; для некоторых душ аскетическая общая жизнь — единственное прибежище; если они стремятся только к этому, не следует им мешать; можно делать вид, что их не замечаешь».

Во что обходилась церковь государству? Поначалу, то есть после заключения конкордата, пятьдесят епископов вместе получали 650 тысяч франков в год, приходские священники — немногим более 4 миллионов. Заместители священников и викариев должны получать жалованье за счет доходов с церковных имений и обществ прихожан. К 1807 году расходы на культ возросли до 12 миллионов.

У ведомства есть опекун — министр культов Порталис¹⁹⁷. Он хорошо понимал свою задачу: «Власть государства не прочна, когда в его владениях есть люди, пользующиеся большим влиянием на умы и на совесть, если эти люди не зависят от него хотя бы в каком-нибудь отношении».

Абсолютный контроль установлен и над семинариями. Наполеон считал, что надо устроить общественные семинарии — а иначе появятся частные, что уже было в ряде департаментов: «Не надо отдавать в руки невежества и фанатизма дело воспитания молодых священников».

Освобождение от воинской повинности — большая милость, и ее следует заслужить. «Надо больше хвалить императора в ваших посланиях», — говорил префект полиции Реаль новому епископу.

Хвалить своего монарха и ругать его врагов, особенно Бурбонов, а также англичан и русских — правда, по

последнему пункту установки несколько раз менялись. И в отношении церкви, и в отношении печати — одним словом, всех, кто публично вещает, — Наполеон требовал, чтобы они хвалили и хулили в угодном ему стиле и даже с теми интонациями, которые он считает уместными в данный момент. А что именно надо говорить сегодня, диктовалось потребностями политики, источником которой был он сам.

Заключили конкордат — теперь папа «друг». Потом выясняется, что понтифика следует ругать — его «всемирную власть» император не признает. Французские священники не должны считать, что они принадлежат папе.

«Никакая булла, грамота, рескрипт, декрет... римского двора, даже заключающие в себе только подробности, не могут быть приняты, опубликованы, напечатаны, вообще пущены в ход без утверждения правительства. Никакое лицо, называющее себя нунцием, легатом, викарием или апостолическим комиссаром... не может без того же утверждения нести на французской почве какую-нибудь службу, относящуюся к делам галликанской церкви...»

Нельзя и переписываться с заграницей — под страхом сурового наказания: «Священнослужитель всякого исповедания, который заведет переписку с каким-нибудь иностранным двором по поводу религиозных вопросов или дел, не уведомив об этом заранее министра исповеданий и не получив его разрешения, будет наказан за один такой поступок штрафом от 100 до 500 франков и тюремным заключением от одного месяца до двух лет».

Из французских священников Наполеон более всех уважал господина Эмери¹⁹⁸, главу славной конгрегации Святого Сульпиция. Правитель охотно с ним советовался, однако не пощадил и его, узнав о содержании перехваченного письма одного его ученика. Это неосторожное послание указывало на то, что дух конгрегации «не хорош».

Мгновенно был издан приказ об увольнении директора. Предписывалось «на другой же день назначить

нового, так же как и другое начальство, из которого ни один не может быть сульпицианцем». «Примите меры, чтобы эта конгрегация была рассеяна... Я не хочу, чтобы в парижских семинариях были сульпицианцы... Сообщите мне, в каких семинариях они служат, чтобы их оттуда удалить».

А ведь когда-то в Сен-Сюльписе учился Талейран. Он умудрялся убежать в город, к женщинам. Тогда, в старые добрые времена, в окна имелись отверстия, которые пропускали воздух. Наступали каникулы, и разыгрывались феерии, пасторали в костелах и балеты. В этом привилегированном заведении семинаристы заботились о своей внешности, а известный парикмахер приходил их причесывать.

И что стало в Сен-Сюльписе после заключения конкордата? Дисциплина теперь монашеская, как ее описал Ипполит Тэн: «Каждый день обедня и пять посещений со Святым причастием, с остановками от одной минуты до получаса; чтение по четкам шестьдесят раз “Отче наш” и “Богородице”, крестные ходы, молитвы к Пресвятой Богородице, молитвы, шепотом и вслух, особое испытание, размышление на коленях, общие назидательные чтения, молчание до часа дня, молчание за столом и слушание во время еды назидательного чтения, частые причащения, еженедельная исповедь, общая исповедь в начале года, в конце каждого месяца день уединения, после каникул и перед получением мест во все четыре ордена — восемь дней уединения, во время этих уединений не бывает никакого учения, по утрам и вечерам проповеди, духовные лекции, размышления, молитвы и обряды целый день...»

Назидательные чтения — как это тягостно! Сравним это описание со следующим, взятым из мемуаров Талейрана. Князь говорит о своих посещениях библиотеки семинарии Святого Сульпиция: «Я проводил там дни за чтением великих историков, жизнеописаний государственных людей, моралистов, некоторых поэтов. Я проглатывал путешествия. Новые земли, опасности, бури, изображение какого-нибудь бедствия, описания стран со следами великих перемен, иногда переворо-

тов — все это обладало для меня большой привлекательностью. Порой при размышлении над этими большими переменами, этими великими потрясениями, описание которых наполняет произведения современных мореплавателей, мне казалось, что мое положение не столь непоправимо. Хорошая библиотека оказывает поддержку при всяком расположении духа».

Так грешным делом и подумаешь о том, что не все было плохо при старом режиме! Талейран как-то сказал, что «кто не жил до 1789 года, тот вообще не жил».

Семинаристы не должны распространять вредные доктрины и выказывать непослушание. Например, в Бельгии они посмели подчиниться папе и его епископам, игнорируя гражданскую власть. Наказание было суровым: непослушных разогнали, а 236 человек, среди которых было 40 диаконов и псаломщиков, были причислены к артиллерийской бригаде и отправлены в Везель, где болота и лихорадка. 50 человек скоро умерло от эпидемии и заразы.

Аббат д'Астрос был заподозрен в получении и хранении письма от папы. Так оно и было — аббат получил послание понтифика, в котором тот запрещал Жану Мори, назначенному Наполеоном Парижским архиепископом, занимать этот пост. «Я желаю, чтобы исповедовали свободу галликанской церкви: впрочем, у меня есть меч в руках, и берегитесь!» — угрожал император.

Д'Астрос был арестован. Пострадал и Порталис-младший¹⁹⁹, родственник аббата. Он был извещен д'Астросом о послании, но скрыл от императора и факт наличия письма, и то, что бумаги папы тайно распространялись.

— По какой причине вы так поступили? — спросил Наполеон Порталиса на заседании Государственного совета. — По религиозным вашим правилам? Так зачем же вы здесь заседаете? Я не стесняю ничьей совести. Разве я силой принудил вас быть моим государственным советником? Эту значительную милость вы сами выпросили. Вы здесь моложе всех, и, может быть, только один без личных прав на такое звание; я видел в вас только заслуги вашего отца. Обязанности государст-

венного советника, в отношении ко мне, чрезвычайно важны; вы их нарушили, — вы уже не советник мой! Ступайте и более здесь не появляйтесь. Я огорчен, ибо помню добродетели и заслуги отца вашего.

Порталис ушел, а император прибавил: «Надеюсь, что подобная сцена никогда не повторится; она меня очень огорчила».

Наполеон считал, что религиозные церемонии никогда не должны главенствовать над гражданскими законами. Он говорил об этом в беседах с доктором О'Мира на острове Святой Елены: «...церемонию заключения брака следует осуществлять как гражданский контракт; вступающие в брак должны явиться в магистрат в присутствии свидетелей и, заключив брачное соглашение, должны считаться мужем и женой. Именно такой процедуры я добился во Франции. Если же обе стороны брачного союза пожелают, то они могут потом пойти в церковь и повторить церемонию, но это не следует рассматривать как обязательную процедуру».

«Я также постановил, — продолжал он, — что браки, заключенные между французскими подданными в других странах, когда они заключаются в соответствии с законами тех стран, должны оставаться в силе, если супружеская пара возвращается во Францию».

С подписанием конкордата церковь обрела права, хоть и урезанные. Но армия Наполеона оставалась обществом безбожников. Солдаты не молились перед сражениями, и редко кто из них бывал похоронен по христианскому обряду.

Во время пребывания в Москве, как повествует аббат, отправлявший службу в церкви Святого Людовика, лишь четыре или пять офицеров из старых фамилий Франции посетили его храм. Всех умерших, за малым исключением, зарыли «в близлежащем саду».

Единственный преподаватель

— Моя система образования была общей для всех французов: ведь не законы созданы для людей, но люди — для законов, — говорил Наполеон Лас Казу.

— Одной из главнейших целей моей деятельности было стремление обеспечить всех образованием, — развивал он эту мысль в беседах с доктором О’Мира. — Я добивался создания учебных заведений, которые бы представляли образование народу или бесплатно, или за столь умеренную плату, что она была бы по средствам и крестьянину.

Двери музеев были распахнуты для простых людей, подчеркивал Наполеон. Французы стали самыми образованными, если сравнить их с другими нациями. «Все мои старания были направлены на просвещение народа, вместо того чтобы доводить его до звероподобного состояния, прививая невежество и предрассудки».

Образование при Наполеоне — это прежде всего Университет. Та система, что была при Директории, никуда не годилась. Состоятельные люди ее отвергали. Государственные лицеи не выдерживали конкуренции с частными учебными заведениями из-за плохого содержания и сомнительных учебных планов. В средних училищах было семь-восемь тысяч учеников вместо положенных 72 тысяч.

Что же касается начального образования, то, как пишет Ипполит Тэн, «почти везде» учителем тогда являлось «недуховное лицо из отбросов общества — павший якобинец, бывший клубист, голодный, без места, плохо образованный, с дурной репутацией». «...В 1800 году слова “якобинец” и “бездельник” стали синонимами».

Естественно, Наполеон не терпит такого положения вещей и готовит большую реформу. Ее концепцию, политическую и социальную роль будущего Университета описал Фуркруа на заседании Законодательного корпуса в 1802 году. Однако понадобятся еще несколько лет для того, чтобы перейти к реализации обширной программы.

По закону от 1 мая 1802 года «центральные школы», созданные в эпоху революции, были заменены лицеями. Декретом от 10 декабря того же года было установлено, что в лицеях будут учить «преимущественно латыни и математике».

В 1803 году в Париже был восстановлен медицинский, а в 1804 году — юридический факультеты.

В этот переходный период высшее образование было разрозненным, поскольку, по мысли Наполеона, для каждой отрасли знаний нужна особая школа.

Новая система была введена декретом от 17 марта 1808 года. Университет возглавлялся магистром или ректором. На эту должность был назначен Фонтан²⁰⁰, сменивший Фуркруа, который с 1801 года был главным управляющим народным образованием. Последний очень переживал свою опалу и умер в конце 1809 года.

Университет включал также ученый совет, корпус генеральных инспекторов и делился на академии. В каждой академии были свой ректор, совет и инспекторы.

Магистр — «главнокомандующий» французским образованием — выдавал лицензии преподавателям и учебным заведениям, каждое из которых выплачивало Университету определенную сумму.

Образование было трехступенчатым: начальное, порученное монахам конгрегации «Христианское вероучение», среднее (лицеи, гимназии, коммунальные школы) и высшее (факультеты Университета). Сорбонна — богословская школа — была слита с Парижским Университетом.

С начальным образованием все предельно ясно. Наполеон идет проторенным путем и, не мудрствуя лукаво, отдает маленьких французов на попечение монахов. При этом он не обращает внимания на возражения своих сотрудников.

Были разосланы инструкции: «Везде, где имеются братья христианских школ, им нужно отдавать предпочтение при назначении учителей начальных школ».

Обучение в этих школах будет самым простым. «Академические инспекторы, — установлено декретом 1811 года, — должны наблюдать за тем, чтобы учителя начальных школ учили бы только читать, писать и производить четыре арифметических действия».

Все 700—800 тысяч учеников начальных школ будут повторять, как молитву: «Мы обязаны... Наполеону I, нашему императору, любовью, уважением, повинованием, верностью, военной службой, податями, налагаемыми ради сохранения и защиты Империи и его престола... Так как он тот, которого вызвал Бог в тяже-

лых обстоятельствах для восстановления публичного культа и святой религии наших отцов и для их защиты».

Сведения обо всех маленьких французах будут занесены в большую картотеку: «Нужно учредить эту корпорацию таким образом, чтобы иметь сведения о каждом ребенке, начиная с девятилетнего возраста».

Во всем этом — глубокий смысл и дальний расчет. Среди родителей, которых уже не изменишь, есть роялисты и республиканцы, а дети должны быть воспитаны «правильно» и единообразно. Иначе «не будет прочного политического положения» во Франции: «До тех пор пока с детства не будут учить тому, нужно ли быть республиканцем или монархистом, католиком или неверующим, государство не будет образовывать нацию; оно будет покоиться на неверных и случайных основах, оно будет всегда подвергаться беспорядкам и переменам».

Отсюда и возникает идея Университета, которую так долго вынашивали. Наполеон устанавливает монополию народного просвещения. Оно «во всей Империи поручается исключительно Университету. Ни одна школа, ни одно какое-либо учебное заведение» любого уровня, будь то светское или духовное, «не может быть образовано вне императорского Университета и без разрешения его главы».

Это не значит, что частных учебных заведений теперь не будет совсем. Пока реформа готовилась, они — в эпоху Консульства — появлялись сотнями. И, по мнению Наполеона, создавались эти школы беспорядочно: «Невозможно оставаться долее в таком положении, раз всякий может открыть торговлю образованием, как открывают торговлю сукном».

Наполеон узнал о том, что училище Святой Варвары, возглавляемое господином де Ланно, посещают 500 человек. Его реакция была следующей: «Каким образом простой частный человек имеет столько учеников в своей школе? Раз г-н де Ланно талантлив и пользуется успехом, пусть он войдет в официальные рамки и станет чиновником, ему выплатят приличную неустойку, его учебное заведение будет превращено в лицей и г-н де Ланно будет назначен его директором, потому

что частные предприятия делают конкуренцию государственному предприятию».

Невозможно все частные школы сделать государственными. Это дорого стоит, и следует считаться с общественным мнением. Но государство будет ими управлять. Они станут отделениями централизованной имперской школы.

Между государственными и частными заведениями не будет свободного соревнования. Скорее, как выразился И. Тэн, «принудительное сотрудничество».

Даже получив лицензию и внося плату за начальника и каждого ученика, частная школа полностью зависела от Университета. Ее могли закрыть, как только обнаруживались «важные злоупотребления и принципы, противные принципам, исповедуемым Университетом».

Лицензия давалась на десятилетний срок и могла быть отобрана в любой момент. Через десять лет следовало продлить разрешение и снова уплатить положенную сумму.

Когда-то Наполеон учился в военной школе Бриенна, где преподавали монахи. По прошествии лет он говорил, что «учили нас плохо». В его новых государственных лицеях, отличавшихся суровой дисциплиной, директорами и учителями были безразличные чиновники, а воспитателями и репетиторами — отставные унтер-офицеры.

Это конечно же многим не нравилось. Родители рады были найти альтернативу, но была ли она? В частных школах детям позволяли учиться до десятилетнего возраста, а затем они должны были одновременно посещать и школу, и государственную гимназию (лицей).

Почему? В частных заведениях можно было обучаться только тем предметам, которым не учили в государственных заведениях!

Каждый день директор частной школы отводил детей в лицей или гимназию. Каким бы талантливым ни был руководитель частного заведения, он — не более чем подчиненный, репетитор государственной школы.

Все постепенно унифицируется. Университет предписывает, какими должны быть учителя, дух и предметы преподавания. Устанавливаются общие правила дисциплины, уточняется порядок проведения занятий. Не забыты и такие подробности, как время рекреаций, прогулок. Составлен список из 1500 книг для каждой библиотеки, в который без спроса нельзя вносить изменения. «Свободные» учебные заведения должны все это соблюдать и своевременно давать наверх точные сведения о плате за пансион и о числе своих учеников. А иначе — проверки, штрафы, закрытие школы.

За нарушение регламента ученики строго наказывались: «Соответственно важности проступков учащиеся наказываются заключением от трех дней до трех месяцев в специально предназначенном для этого помещении лица или гимназии; если отец, мать или опекун воспротивились бы этим мерам, ученика возвращают им и он больше не может быть принят ни в один лицей или гимназию Университета». Тем самым он лишается образования.

«Все школы Университета должны положить в основу преподавания верность императору, императорской монархии, охранительнице народного счастья, наполеоновской династии, охранительнице единства Франции и всех либеральных идей, возведенных конституциями».

В ряде случаев Университет шел на поистине «драконовские» меры и прямо регламентировал число частных школ. Например, в отношении малых семинарий был выпущен такой циркуляр: «В каждом департаменте не может быть более одной духовной семинарии второго разряда. Председатель Университета укажет, какие могут быть сохранены, остальные должны быть закрыты. Ни одна из них не может существовать вне городов». Университет конфисковывал все дома и движимое имущество неразрешенных духовных школ.

Вводятся единые образцы школьной формы, обязательные для всех: в духовных школах — сутана, принятая государством; для казенных гимназий и лицеев — свой костюм, который должны носить и ученики частных школ («под угрозой закрытия»).

Картина дополняется барабанным боем и соответствующими манерами поведения. Приветствуются точность, пунктуальность, практикуются рапорты.

«Закон требует, чтобы учащиеся не были ни на одну секунду предоставлены самим себе, дети находятся весь день и всю ночь под наблюдением учителей».

В 1807 году восьмилетний Оноре Бальзак был помещен в престижный Вандомский коллеж, в котором он проведет шесть лет. Он будет получать духовное образование, но в дальнейшем ему придется горько пожалеть о нехватке светского воспитания.

Верховая езда, стрельба из пистолета, светские манеры — таким вещам его учить не будут. Дворяне легко приобретали естественные навыки светского общения, поскольку их образование и воспитание проходили в кругу семьи.

Та эпоха давно миновала, а галантность уступила место единому имперскому образцу. Коллеж монахов-ораторианцев отличался вполне традиционной для подобных заведений дисциплиной.

Мальчик Оноре совсем забудет о семейной жизни. Его ученическая форма, оплаченная родителями, сшита из материи, выбранной коллежем. По общей мерке скроены и круглые шляпы, и голубые воротнички, и сюртуки из серого сукна.

Ученик должен был сам стирать, чистить одежду и выглядеть опрятным. Он обязан мыться и ухаживать за своим телом. После окончания утреннего туалета прислужницы причесывали и припудривали его.

Наступало воскресенье, и надзиратели тщательно проверяли комнаты и все имущество учеников. Личная жизнь сводилась к письмам родителям и воскресной исповеди. За шесть лет Оноре лишь дважды видел отца.

Если воскресенье было погожим днем, то учеников строили парами и вели на прогулку. Можно было составлять гербарий и заниматься физическими упражнениями. Но мячи, скалки или ходули стоили денег, а их у Оноре не было.

Дети наблюдали за жизнью животных. У каждого был на попечении свой голубь. Птиц кормили, для чего специально откладывали пищу.

За столом ученики могли негромко и спокойно разговаривать, обмениваться тарелками, добавлять в блюда соль по вкусу. Можно было покупать что-нибудь «вкусненькое», и дети состоятельных и щедрых родителей постоянно делали это.

Плохим ученикам давали дополнительные задания. Были и телесные наказания — детей пороли розгами. Провинившихся ставили на колени перед кафедрой, после чего им объявляли причину наказания. Какое-то время они томились в ожидании экзекуции, причем число ударов заранее не называлось.

Дети должны были избегать «дурного влияния богатства». Примерных учеников награждали — обычно в качестве поощрения вручали распятие и красную ленту. Старшеклассники готовились к поступлению в академию, и им можно было читать не только учебные, но и так называемые «развлекательные» книги.

«Нужно сделать так, — говорил Наполеон, — чтобы молодые люди не были ни слишком ханжи, ни слишком неверующими: они должны применяться к положению нации и общества».

Оноре не смог «примениться» и не окончил коллеж. 22 апреля 1813 года руководство заведения известило родителей мальчика о том, что он должен покинуть стены школы. Отцу сказали: «Ваш сын обладает всеми качествами, кроме тех, которые нам подходят. Мы ничего не можем поделать».

Наполеоновская система образования была рассчитана на юношей. Для девушек он создал лишь воспитательные дома Почетного легиона.

«Им не нужно общественного обучения, так как они не предназначены для общественной жизни», — говорил Наполеон о девочках. Да и в Экуане достаточно учить так, чтобы по его окончании девушка «могла стать хозяйкой небольшой семьи, умела шить платья, чинить одежду мужа, обеспечить приданым новорожденного».

Аврора Дюпен (Жорж Санд) — современница Оноре Бальзака — родилась в Париже в 1804 году. Она провела детство в беррийской провинции, в поместье своей бабушки Марии Дюпен в Ноане.

С пятилетнего возраста ее обучали французской грамматике, латыни, арифметике, географии, истории и ботанике. Бабушка внимательно следила за умственным и физическим развитием внучки, которую позже определили в учебное заведение женского монастыря.

Хороший вариант для девочки, не принадлежавшей к семье кавалера ордена Почетного легиона!

Среди юношей культивируется стремление всюду быть первыми. Еженедельно пишутся сочинения, определяются места, занятые каждым учеником. Ежегодно проводится торжественная раздача наград, что напоминает церемонию награждения орденом Почетного легиона — только в миниатюре.

Приглашаются важные персоны. В честь победителей конкурсов играет музыка, произносятся речи. «Можно было подумать, — пишет один немецкий наблюдатель, — что присутствуешь на спектакле, так театральна вся церемония».

Он отметил горячий декламаторский тон ораторов, их волнение, аплодисменты родителей. «Во время войны, — продолжает этот свидетель эпохи, — я давал пристанище многим французским офицерам, которые знали наизусть половину Вергилия и Горация».

Все ученики лицеев и гимназий будут служить в армии, а потому военный дух изначально доминирует. «Наши учителя, — вспоминал один ученик, — походили на капитанов-инструкторов, наши рекреации — на маневры и наши экзамены — на смотры».

К 1811 году картина удивительным образом меняется по сравнению с первыми годами Консульства. Теперь ученики не только овладевают приемами обращения с оружием, движутся по команде и под барабанный бой, но и носят форму и галуны. Это обязательно и для государственных, и для частных школ.

Особая каста — императорские стипендиаты. Наполеон поместил в гимназии и лицеи три тысячи детей, которых воспитывает и кормит за свой счет. Это — выходцы из нуждающихся семей, сыновья военных и чиновников, взятые под верховное покровительство. Для них он — бог. Они рассказывают товарищам то, что слышали об императоре — которого их отцы знали часто не понаслышке.

«Наши учителя, — вспоминал Альфред де Виньи²⁰¹, — постоянно читали нам бюллетени Великой армии, и крики “Да здравствует император!” прерывали Вергилия и Платона».

Отклоняться от учебной программы, а тем более фантазировать не разрешалось. Однако исключение все же было. С 1811 года даже в частных школах «победы императора являются единственным предметом, на котором разрешается развивать воображение учеников».

Как сказал о себе сам повелитель, «его величество хотел осуществить в государстве с 40-миллионным населением то, что осуществляли Спарта и Афины». И он был недоволен тем, как выполнялись его директивы. Ученый Фуркруа и сменивший его придворный литератор Фонтан «портили самые лучшие его идеи», «никогда хорошо не выполняли его намерений».

Наполеону нравилась идея «орденов». Не случайно он создал Почетный легион — хотя многим это пришлось не по вкусу.

В ордена объединялись рыцари, монахи, иезуиты. Наполеон размышляет вслух: «Я предпочел бы поручить народное просвещение религиозному ордену, чем оставить его в том положении, в котором оно находится теперь» (то есть во власти частных лиц). «Я не хочу ни того, ни другого».

Одним словом, нужна *корпорация*. И соответствующий дух. Монахи облачались в рясы, воины становились рыцарями, а преподаватели должны пройти через волнующий церемониал посвящения в члены Университета: «Я хочу, чтобы этот акт совершался с некоторой

торжественностью, я хочу, чтобы члены преподавательского персонала принимали не религиозные обязательства, как прежде, но гражданское обязательство перед нотариусом и мировым судьей, или префектом, или другим должностным лицом...»

Преподавателей готовила Нормальная школа, реорганизованная в 1810 году. «В учреждении преподавательского персонала, — говорил Наполеон, — главная моя цель заключается в том, чтобы иметь средство управлять политическими и нравственными мнениями».

В 1812 году в Нормальной школе учатся лишь 40 человек. В ней четыре преподавателя, а помещается она в развалинах лицея Людовика Великого. Однако Наполеон пристально следит за тем, что там происходит. Он не хочет, чтобы будущие преподаватели изучали Тацита и Монтескье. В первом декрете о Нормальной школе говорилось, что число учеников должно составлять 300 человек.

А по уже упомянутому декрету от 17 марта 1808 года преподаватели не должны были вступать в брак.

А как будет построено высшее образование? Наполеон, склонный подходить к любому вопросу под разными углами зрения, посылает ученого Кювье изучать немецкий и голландский опыт.

И что же тот привез «из Германии туманной»? В ее университетах изучают науку ради нее самой. Там преподают философы, там учат мыслить и там, похоже, зреет оппозиция имперскому режиму!

Декретом 1811 года Наполеон предусматривает использование зарубежных методов, но в целом во Франции нет места для учреждений немецкого образца. Императору не нужны новые энциклопедисты, люди универсальной образованности. Требуется совсем другое — быть узким специалистом, уметь составлять контракт, план, чертеж — одним словом, соответствовать какой-нибудь должности в имперской иерархии. Практичность и профессионализм — вот что важно для новой Франции!

Мыслители, критики, «идеологи» (к последним Наполеон относил и философов, и юристов-государствоведов), экономисты класса Неккера — таких император не любит. Нужно не обсуждать законы, но применять их. Поэтому сравнительное правоведение — лишний предмет. «Факультеты ненужных вещей» — это и история, и политическая экономия, и социология. Компетентность в данных вопросах предполагает широкий и свободный взгляд на разные типы государств и человеческое общество в целом. Это — непредсказуемо, это опасно. Потребны лишь исполнители.

Нет, Франция не нуждается в университетах по типу германских. А потому высшее образование будет не слишком глубоким, но добротным. Факультетов пять: богословский, юридический, медицинский, естественно-математический и словесный. Империя делится на учебные округа (в 1814 году их было 40), но не в каждом из них есть все факультеты.

Профессора, среди которых мы видим того же Кювье, Сильвестра де Саси²⁰², Жоффруа Сент-Илера, станут выдавать ученые степени бакалавра, лицензиата, доктора. Названные светила читают курсы естественных наук, а их лекции публичные и бесплатные. В аудиториях можно встретить будущих лицензиатов и докторов, гостей и даже иностранцев.

Но если кто-то пожелал бы послушать лекции по философии истории с целью разобраться с проблемами новой Европы, то ему пришлось бы искать другое место.

Какое отличие от духа 1797 года, когда Бонапарта принимали в академики!

Так хороша или плоха подобная система, если оценивать ее по результатам?

Один англичанин говорил, что восемнадцатилетние ученики Политехнической школы отлично знают дифференциальное и интегральное исчисление: «Они знакомы с ним лучше, чем многие английские учителя».

Свободолюбивый Стендаль конечно же против таких принципов образования: «...Наполеон закрывал центральные школы, извращал характер Политехни-

ческой школы, пятнал народное просвещение и стараниями своего де Фонтана принижал юные души».

Но истина познается в сравнении. Как эта система смотрелась, например, на итальянском фоне?

«Императорская администрация, во Франции часто являвшаяся гасительницей просвещения, в Италии притесняла только мракобесие, — продолжает Стендаль. — Отсюда огромная и справедливая разница в отношении народа к Наполеону во Франции и в Италии... Та доля здравого смысла и вольнодумства, которой г-н де Фонтан не осмелился лишить учреждения императорского университета, была бы огромным благодеянием для Италии...»

«...Во Флоренции, где люди видят перед собой только реальное, наполеоновская система блистала всеми своими достоинствами».

Институт, детище Конституции

Французская Академия наук была основана в 1634—1635 годах по инициативе кардинала Ришелье²⁰³. Постоянные сорок членов Академии получили ироническое прозвище «бессмертных».

С тех пор много воды утекло. Академия несколько раз меняла название и структуру. Здесь легко запутаться!

Самое широкое понятие — *Институт Франции*. Это — основное научное учреждение страны, объединяющее выдающихся деятелей науки, литературы и искусства. В Институт входят пять академий: Французская Академия, Академия надписей и изящной словесности, Академия наук, Академия искусств, Академия моральных и политических наук.

Французская Академия изучает язык и литературу, формирует языковую и литературную норму, создает словарь французского языка, присуждает ряд литературных премий. Это и есть та Академия, что основана Ришелье.

В 1793 году она была упразднена Конвентом, но в 1803 году восстановлена Наполеоном. Это почетное, а не активно функционирующее учреждение.

Академия надписей и изящной словесности была основана в 1663 году Ж. Б. Кольбером²⁰⁴. Она исследует древние и восточные языки, средневековые наречия, изучает историю всех времен. Среди академиков — востоковеды, историки, археологи, лингвисты. Академия осуществляет опеку над рядом французских учебных заведений в стране и за рубежом.

Академия наук, или Академия естественных наук, до 1793 года называлась Королевской Академией наук, или Парижской Академией. Основанная в 1666 году тем же Кольбером, она состоит из пяти отделений физико-математических наук, шести отделений химических и естественных наук и отделения применения науки в промышленности. Академия присуждает премии за лучшие научные работы, награждает медалями, распределяет стипендии молодым ученым.

Академия искусств была основана в 1803 году в результате объединения распущенной Конвентом Академии живописи и скульптуры и Академии архитектуры. Имеет секции рисования, скульптуры, архитектуры, гравюры, музыкальной композиции.

Академия моральных и политических наук имеет следующие секции: философии; моральных наук; социальных наук; законодательства, публичного права и юриспруденции; политической экономии, статистики и финансов; истории и географии; общую.

Политические науки — поле идейных баталий, причем ставки здесь бывают очень высокими. Академия моральных и политических наук ранее была одним из классов (отделений) Национального института наук и искусств, учрежденного в 1795 году Директорией. В 1803 году по распоряжению Наполеона этот класс был закрыт.

В 1806 году Национальный институт наук и искусств был переименован в Институт Франции, а в 1816 году, при Второй Реставрации, классы (отделения) снова получили название академий.

Видные ученые эпохи, ставшие коллегами и соратниками Наполеона, — как правило, люди старого закала. Многие из них были избраны в академики еще при короле.

Это геометр и физик Гаспар Монж, родившийся в 1746 году, математик, астроном и физик Пьер Симон Лаплас (1749), химики Клод Луи Бертолле (1748) и Антуан Франсуа Фуркруа (1755), зоолог Бернар Жермен Этьенн де Ла Виль Ласепед (1756), математик Жан Батист Жозеф Фурье (1768) и другие.

Эти ученые создавали новую систему народного образования и активно участвовали в общественной и политической жизни страны в годы революции, при Консульстве и при Империи. Рядом с Наполеоном — представители точных и естественных наук. Но куда подевались философы и «идеологи»?

Об этих постепенно исчезающих «типах» и об Институте образца 1797—1798 годов рассказал французский историк Альбер Вандаль²⁰⁵: «Это славное ученое учреждение, детище конституции, точно так же, как Директория и оба совета, являвшееся почти четвертой властью в государстве, было хранилищем доктрины; оно поставляло многих членов в правительственные учреждения и само отчасти вербовало в них своих работников. Прославленный, осыпанный высокими почестями, Институт имел в своих рядах предвестников великого научного движения, которое в наши дни преобразило мир; но правила и властвовали в нем последние могикане энциклопедии, философы школы Кондильяка²⁰⁶, будущие идеологи Бонапарта. То были по большей части люди суровой внешности, кротких нравов и надменного ума. Будучи для той эпохи весьма учеными в своей области, они считали себя призванными повелевать умами. В грубо-реалистической Франции времен Директории они мечтали восстановить духовную власть, возложив заботу о выполнении ее приговоров на светскую. Предоставив этой последней покушения на личную свободу, некрасивые насилия, перед которыми они всегда склонялись, они приберегли для себя иную задачу и мнили переделать французскую душу согласно своему высокому и холодному идеалу».

Мы их часто встречаем в 1797—1799 годах, в 1802-м они уже не на виду, а в 1804-м стали не нужны. Институт — детище Конституции, уничтоженной Бонапартом в 1799 году.

В академии принимают и иностранцев. Например, в ноябре 1801 года баллотировались: Уатт по механике, Пристли по физике, Бэнкс по ботанике, Гершель по астрономии, Кавендиш по химии, Паллас по зоологии, Артур Юнг по экономике, Мантаныи по медицине, Машелин по математике.

5 сентября 1803 года председатель Шапталь, секретари Кювье и Делаubr зафиксировали избрание членом-корреспондентом Института Франции итальянского ученого Алессандро Вольты²⁰⁷ — любимца первого консула.

Шатобриан был направлен Наполеоном в Рим, где был секретарем при французском после Феше²⁰⁸, дяде Наполеона. В конце 1803 года он стал поверенным в делах Франции в Республике Вале, бывшем швейцарском кантоне.

Что касается назначения Шатобриана в Рим, то его не хотели ни Талейран, министр иностранных дел, ни Феш. Наполеону важен был сам факт использования на дипломатическом поприще автора нашумевшей книги «Гений христианства».

И Шатобриан был не против того, чтобы сделать карьеру в правительстве. Он желал быть наполеоновским фаворитом и добился через Элизу Бачиокки — сестру первого консула — разрешения посвятить Наполеону второе издание «Гения христианства».

Роль Шатобриана как дипломата была скромной, однако после расстрела герцога Энгиенского он немедленно подал в отставку. Писатель поехал в Овернь, в Швейцарию, в Бретань, а в 1806 году отправился на Восток, посетив Грецию, Левант, Египет и Тунис. Вернувшись домой через Испанию, он написал эпопею «Мученики», а также «Путешествие из Парижа в Иерусалим».

В 1809 году Наполеон приказал расстрелять его кузена Армана де Шатобриана — посланца Бурбонов, пойманного с поличным. Отношения писателя с императором вконец испортились, однако в 1811 году Шатобриана избрали академиком — на место умершего писателя Мари Жозефа Шенье.

Шатобриан написал вступительную речь, которую переправил Наполеону через графа Дарю. Император сильно исчеркал текст речи карандашом («в гневе», говорит Шатобриан). Он заявил, что будь эта речь произнесена, он закрыл бы Институт, а ее автора навечно бросил в каменный мешок.

Сегюр, председатель академического комитета, члены которого избрали Шатобриана, приехал в Сен-Клу — во дворец, где находился Наполеон. Вечером в присутствии многочисленных свидетелей император набросился на бедного Сегюра: «Что же это, литераторы намереваются поджечь Францию? Как академия осмеливается говорить о цареубийцах? Вы и г-н де Фонтан заслуживаете, чтобы я вас посадил в Венсенскую тюрьму... Вы председательствуете во втором разряде Института, я вам приказываю передать ему, что я не хочу, чтобы на его заседаниях говорили о политике... Если разряд не послушается, я разгоню его как вредный клуб».

По академической традиции, новый член Института должен хвалить предшественника. Наполеон, породнившийся с Габсбургами, хотел обратного — чтобы Шатобриан проклинал Шенье — члена Конвента и цареубийцу. Однако что собирался произнести бывший дипломат? «Господин Шенье боготворил свободу; кто может поставить ему это в вину?» и т. п. Несомненно и то, что Шатобриан был и оставался сторонником Бурбонов — о чем, конечно, не мог сказать прямо.

Дарю, который в будущем создаст семитомную «Историю Венецианской республики», уверил Шатобриана в том, что речь надо целиком переписать, а из финала исключить несколько абзацев. Шатобриан отказался это сделать. Академиком он стал, но речи не произносил.

По рукам пошли рукописные копии речи Шатобриана. После этого ему рекомендовали уехать из Парижа.

И все же Наполеон умел быть справедливым даже после подобных конфликтов. В 1812 году присуждались премии за десятилетие. Академик Наполеон Бонапарт спросил своих научных коллег о том, почему в списке награжденных нет «Гения христианства» — главного произведения Шатобриана. Академики отве-

тили, что отзывы «коллег» об этом сочинении весьма неблагоприятны.

«Большинство наших академиков суть сочинители, коими восхищаются, но при этом зевают от скуки», — скажет Наполеон Лас Казу.

Да он сам их привел к такому состоянию! Они молчали, не смея критически оценивать его дела, а он их награждал за это. В 1813 году двадцать три члена Института были сенаторами. Среди академиков — зоолог Ласепед, великий канцлер Почетного легиона, пятьдесят шесть кавалеров, баронов, графов и князей.

В 1803 году Наполеон уничтожил академический класс «моральных и политических наук», отменив тем самым «анализ чувств и мыслей, мораль, социальную науку и законодательство, политическую экономию». Для него, бывшего поклонника Руссо, теперь и Локк²⁰⁹, и Юм²¹⁰, и Гельвеций²¹¹, и Кондильяк, и Дестют де Траси²¹² — вредные теоретики.

Император отказывает людям в праве размышлять и совершать духовные эволюции, хотя сам он совершил их немало. Теперь он говорит так: «Об общественных делах, являющихся моими собственными делами, в политической, социальной и моральной области, об истории, а именно современной истории никто в настоящем поколении не будет думать, кроме меня, а в будущем поколении все будут думать так, как я».

Французы любили читать книги и подписывались на новые издания. Наполеон получал от своего библиотекаря Барбье²¹³ все книжные новинки. Он имел их даже в Москве.

Но что печатают во Франции? Шатобриану не дали переиздать «Этюд о революциях», выпущенный в Лондоне во времена Директории. Дестют де Траси, не имея возможности издать на родине свой комментарий к «Духу Законов» Монтескье, в 1806 году направил его президенту США Джефферсону. Тот перевел сочинение на английский язык, напечатал его, не указывая имени автора, и ввел преподавание по нему во всех школах.

Под запрет попал и «Трактат политической экономии» Ж. Б. Сэя, первое издание которого быстро разошлось.

В сложном положении оказалась статистика. В 1808 году все издания были остановлены. Наполеон требовал от Шапталь — руководителя работ по местной и общей статистике — подробных сведений, а затем клал их под сукно. Император не хотел оглашать эти цифры и засекретил их.

Цензура приостанавливает выпуск «Исторического очерка римского права». Но разве Наполеон не компилировал римские законы? Разве его Кодекс — не монумент римского права? Что не так?

«Это сочинение, — написал цензор про упомянутый очерк, — может дать место сравнению хода власти при Августе с тем, что произошло в царствование Наполеона, что произвело бы скверное впечатление».

Если нельзя знать о том, что было две тысячи лет тому назад, причем в другой стране, то что же думать об истории Франции?

Даются инструкции о том, как следует понимать события последних веков. «Необходимо... чтобы постоянная слабость правительства даже Людовика XIV, затем Людовика XV, затем Людовика XVI внушала потребность поддерживать только что довершенное дело».

Переворот 18 брюмера, «революция закончена» — все исполнено величайшего смысла, все имеет свою логику. Это «философия истории» имперского правительства.

Шапталь и шапталлизация

Имперскую дипломатию олицетворяет Талейран. Главный наполеоновский законник — Камбасерес. Если же мы говорим о французской экономике времен Империи, то она многим обязана Жану Антуану Шапталю.

Шапталь, граф Шантелу, — выдающийся ученый-химик, организатор промышленности и индустриальных выставок, министр Наполеона. Сын мелкого землевладельца, он обучался медицине, но целиком посвятил себя химии. В 1781 году 25-летний Шапталь женился на дочери богатого торговца хлопком и открыл в Лангедоке химический завод.

В годы революции он примыкал к жирондистам, но затем отошел от политики и уехал в провинцию. Однако в декабре 1793 года Лазарь Карно пригласил его вернуться в Париж. Гражданин Шапталь откликнулся на призыв «Организатора победы» и помог Конвенту обеспечить армию порохом и селитрой.

В начале 1794 года он был назначен инспектором пороха и селитры южных районов страны и принял руководство пороховым заводом в Париже. Это предприятие было взорвано вражеской агентурой 31 августа 1794 года, но Шапталь продолжал свое дело. В течение трех лет он открыл собственные химические предприятия в Монпелье и Терне, а затем заменил Клода Луи Бертолле на кафедре химии Политехнической школы.

Шапталю избрали академиком, а затем он занимал посты государственного советника и министра внутренних дел в правительстве первого консула. Министром он стал в ноябре 1800 года, сменив Люсьена Бонапарта, которому Наполеон перестал доверять.

Приняв портфель министра, Шапталь проявил огромную энергию и блестящие способности. Его деятельность удивительно многогранна: министр провел реорганизацию французской администрации, распространил анкеты, в дальнейшем преобразованные в статистику префектов, и учредил торговые палаты.

Значение последних трудно переоценить. Революция покончила с устаревшими формами организации промышленности и освободила созидательную энергию предпринимателей. Однако буржуазия испытывала потребность в объединяющем начале — органах, которые давали бы возможность обсуждать вопросы экономической политики и оказывать давление на правительство.

Этими органами стали промышленные и торговые палаты. Они состояли из представителей класса торговцев и промышленников, а возглавлялись председателями — должностными лицами.

Решения палат передавались в министерство внутренних дел, при котором был учрежден Генеральный совет торговли. Этот орган концентрировал и обсуж-

дал все предложения и требования буржуазии. Вопросы торговли рассматривались и в Государственном совете.

Министр Шапталь реорганизовывал госпитали и реформировал систему обучения — в частности, учредил первую ремесленную школу. Он принимал меры против нищенства, руководил строительством каналов, дорог и осушением болот. Министр уделял огромное внимание научно-техническому прогрессу и способствовал применению новых промышленных технологий — например, технологии подкрашивания и отбеливания с помощью хлорной извести, разработанной Бертолле.

«Раньше открытия ученых оставались мертвым грузом в их письменном столе или же в записках академий, а фабриканту, казалось, и в голову не приходило, что их применение может ему пригодиться в делах... — писал позднее Шапталь. — Ныне же между ними сложилось в высшей степени интенсивное взаимодействие; мануфактурщик спрашивает совета у ученого... и, поддерживая друг друга, они вместе идут по пути совершенствования промышленности».

В марте 1801 года Шапталь открыл в Париже первую промышленную выставку, на которую прислали свои изделия более 150 заводов. В том же году он вместе с Монжем, Бертолле и Конте основал при активной поддержке Наполеона «Общество поощрения национальной промышленности». Оно упорядочило работу в области новейшего технического творчества (открытия, изобретения), развивало систему технического образования, занималось организацией промышленных выставок.

Работа министра требовала недюжинной самоотдачи, однако Шапталь совмещал ее с преподавательской деятельностью и читал курс химии растений. Он отличался радушием и хлебосольством, а коллеги любили и почитали его. Великий Лавуазье²¹⁴, погибший на эшафоте, в свое время также относился к нему с уважением.

Оставив министерство в 1804 году, ученый проводил опыты по выращиванию сахарной свеклы и виноделию.

Шапталлизация — добавление сахара в сусло. Этот метод повышения сахаристости сусла, применяющийся до сих пор, был подробно описан Шапталем, в честь которого и получил свое название. Обычно шапталлизация используется в случаях, когда виноград не успевает набрать необходимую сахаристость.

Наполеон сделал Шаптalia сенатором в 1805 году, а через три года присвоил ему титул графа Империи.

В 1811 году Институт поручил Шаптально исследования по производству сахара из свеклы. Граф создал новые химические предприятия и продолжал научную деятельность.

Он вернулся на государственную службу в декабре 1813 года, когда Империя доживала последние месяцы, и выполнял функции чрезвычайного уполномоченного в Лионе.

Вино — то же золото

Земля, занятая виноградником, — настоящий капитал. Арпан такой земли — хорошее приданое. Виноградари и при короле жили лучше, чем большинство земледельцев, — на что обратил внимание Артур Юнг.

Свободный крестьянин времен Империи чувствует себя собственником во многом благодаря виноградарству. «Жилище виноградаря видно издали — высокий дом, винный погреб с гигантской дверью, через которую туда вкатывают бочки, кладовая, занимающая просторный первый этаж, меж тем как лестница, часто наружная и порой весьма затейливая, ведет наверх, в жилые комнаты», — пишет Фернан Бродель.

«Если хлеб — тело Христово, то вино — символ его крови. И если зерно — проза нашего многовекового прошлого, то виноградники, появившиеся позднее, — его поэзия: они озаряют, облагораживают наши пейзажи».

Площади под виноградниками меньше, чем под зерновыми, но уход за ними многотруден: нужно вскапывать землю легкой сохой с железным лемехом, а склоны гор — заступом, разрыхлять почву между лозами, выкорчевывать и заменять старые растения²¹⁵, таскать

землю «на своем горбу», если дожди уносят ее вниз, каждый год подрезать побеги. Виноградники, расположенные террасами, нужно все время подправлять.

Наступает пора сбора урожая, и виноградарь нанимает множество людей себе в помощь. Они срезают спелые гроздья, носят корзины с виноградом, давят его.

Когда-то крестьяне работали на помещика и буржуа, а теперь они — хозяева и мастера своего дела. Однако эти «привилегированные» сами пьют не часто. Для сельских жителей вино остается роскошью, им наслаждаются только по праздникам.

Виноградари довольствуются «питьем» (пикетом, бювандом). Его получают, разводя водой виноградные выжимки, оставшиеся на дне пресса. Зато в городах пьют и богатые, и слуги, и ремесленники.

В городах и цены выше. Артур Юнг купил бутылочку сансерского вина в Ватане, на подступах к городку. Он заплатил 10 су, а в городе отдал бы все 20.

Вино поставляется на экспорт — на континент и во враждебную Англию (под прикрытием специальных лицензий). Растет его промышленное производство. Все больше заказов получают бочары и перевозчики. В огромных подземельях Шампани, Прованса, Лангедока, Бургундии и других частей Франции хранятся несметные богатства — перед тем, как все это поступит на рынок.

По оценке Шапталя, в 1808 году виноградники занимали 1,6 миллиона гектаров.

«Какое буйство виноградников, ими покрыта вся Франция!» — удивлялся современник.

Русский офицер Федор Глинка²¹⁶ стал участником дегустации 1814 года. «Шампаня, известная своими прекрасными винами, не есть прекрасная область, — рассказывает он. — Она пуста и песчана. В местечке Эперне пили мы самое лучшее шампанское, и я должен был признаться, что до этого времени не пил настоящего. Оно не мутится и не имеет кислорезкого вкуса, потому что не подделано; не бушует, потому что без поташа. Тихо льется оно в стаканы алою или златовидною струею, услаждая обоняние и вкус. Деревня Аи производит лучшее шампанское».

Картофель, наше спасение

С тех пор как картофель, завезенный из Америки, получает распространение, хлебный недород не является столь убийственным, как раньше. Рост населения Европы в XIX веке частично связан с увеличением площадей под картофелем.

В 1752 году на континенте было только два прижившихся вида картофеля, в 1757-м — семь, в 1770-м — девять, в 1772-м — 40, а в первом каталоге Вильморена в 1846 году их будет насчитываться уже 177.

Артур Юнг присутствовал на одном из званых обедов, где подавались исключительно картофельные блюда.

Ж. Ж. Менюре, житель Изера — самого передового департамента Франции, расхваливает картофель: «...это удивительное растение, которое содержит много крахмалистых веществ, очень нежных и вкусных, способен быть самым изысканным гарниром и самым простым блюдом, из него можно приготовить как тонкие и разнообразные яства для богатых, так и простую и легкую пищу для граждан всех сословий».

«Культура эта, привольно расположившаяся, холемная, благоденствующая в моих владениях, принесла мне много пользы; картофель оказался очень выгодным, он нашел себе применение на столе хозяев, работников и челяди, он пошел в пищу курам, индейкам, свиньям; его хватило и для местных жителей, и для продажи и т. д. Какое изобилие, какое удовольствие!»

«Сейчас я выращиваю картофель, — пишет Колло из Либревилья (так в начале революции называли Шарлевиль), — двух сортов: красный и желтый... Оба сорта картофеля внутри белые и очень вкусные: когда разрежешь картофелину, так и хочется ее съесть».

Во время кампании 1805 года французы питаются картофелем и по возможности запасаются другими продуктами. На дворе ноябрь, солдаты вынуждены закутываться во что попало, теряя «респектабельный вид».

Один австрийский ветеран видит французскую колонну и описывает ее: «Вот они идут, одетые в крестьянские блузы, накидки из овчины, а то и просто в шку-

ры; некоторые нагрузились совершенно немислимым образом — к поясам прицеплены куски сала, ветчины, мяса; на других болтаются привязанные караваи хлеба, бутылки с вином. Их бедность тем не менее... не мешает им раскуривать трубки венскими кредитками».

Солдаты знают, что французские ассигнаты потеряли всякую цену, и то же думают об австрийских талерах, — хотя вполне могли обменять их на надежные деньги!

Перед Аустерлицкой битвой Наполеон пообедал вместе со своими офицерами, разделив с ними свое любимое блюдо — картофель, жаренный с луком. Он был в отличном настроении, много говорил о Египте и о своей тяге к Востоку. Он пошутил насчет будто бы появившейся над Парижем кометы — предвестнице завтрашней победы.

В следующем году опять пришлось воевать в мороз. Польские крестьяне бежали из своих домов, забрав вещи, скот и продовольствие. То, что не могли унести с собой, они попрятали.

Солдаты пытались что-то найти, но чаще всего не было ни хлеба, ни вина. Попадался лишь картофель, который готовили в растопленном снегу. Иногда удавалось приобрести черствый хлеб и водку у евреев-маркитантов, расплачиваясь золотом.

Один ветеран кричит Наполеону, проезжавшему мимо него в небольшом экипаже:

— Папочка, хлеба!

— Нема! — ответил император по-польски и засмеялся.

Наполеон разделял тяготы похода, выпавшие на долю солдат, — ведь жители теплой страны порой спали под открытым небом. Он просил старых воинов разжечь костер и принести ему две-три картофелины.

Приносили значительно больше. Император помещивал золу палкой, сидя вместе с гренадерами, а затем раздавал испеченные картофелины своим адъютантам.

Так создавалась легенда! Из уст в уста будут передаваться рассказы о замечательных человеческих качествах императора, его простоте и доброте.

Перед вторжением в Россию Наполеон издал строгий приказ не прикасаться к армейским запасам, пока

войска не переправятся через Неман. Солдаты не видят мяса, а жители Восточной Пруссии угощают их на ужин одной вареной картошкой. Она «еще хуже той, что мы даем скоту», — отмечает один офицер.

Обозленные солдаты начали обирать население. Даже «железный» Даву, обычно безжалостный к мароде-рам, не стал останавливать своих бойцов, когда те грабили город Гумбинен.

Во время наступательного марша войско нередко оставалось без пищи. «Я никак не мог привыкнуть питаться кониной и брался за нее лишь после нескольких дней вынужденной голодовки, когда я стоял уже перед альтернативой или есть, или умереть с голоду, — рассказывал кавалерийский офицер Мишель Комб. — Это мясо так жилисто и жестко, что, взяв его в рот, казалось, что растираешь зубами пучок конопли. Сердце и печень этого животного так же, как и мясо жеребенка, более сносны. Но я с удовольствием обедал только тогда, когда мне удавалось найти скрытый где-нибудь запас картофеля».

То же было при отступлении. «Если кто-нибудь находил картофель, ему завидовали все», — вспоминал Коленкур.

Стендаль, еле уцелевший в России, писал кузену Феликсу Фору из Майнца в конце января 1813 года: «Представь себе, что физически я и мои собратья выглядим ужасно, мы отвратительно грязны и на коленях поклоняемся картофелю».

После неурожая зерновых площади под картофелем обычно увеличивались. Его активным пропагандистом выступил Пармантье, ранее рекомендовавший заменить тростниковый сахар на виноградный.

Но по-настоящему картофель во Франции войдет в обиход лишь при короле Луи Филиппе.

Бонапарт, севообороты и коневодство

К началу революции наряду с землями дворян, общий размер которых за XVIII век значительно сократился, и землями церкви, недоступными для пред-

ставителей других сословий, налицо была масса земельных владений, принадлежавших «непривилегированным», то есть крестьянам, горожанам, капиталистам.

Крестьяне всегда стремятся закрепить за собой по возможности больше земли, а владельцы свободных денежных средств обращаются к земле всякий раз, как только растет доходность аграрного производства. Многие дворяне беднели, были слабы в деле управления землей и имуществом, но в то же время привыкли жить в роскоши. Они уступали землю желающим ее купить, но спрос превышал предложение. Это видно из того, что продажи национальных имуществ в годы революции всегда проходили при большом стечении публики.

Новые собственники практиковали интенсивный севооборот, а новые культуры (картофель, сахарную свеклу) поначалу сеяли на парах, чтобы не трогать традиционные посевы.

При двухпольном севообороте одну часть земли засевают, а другая при этом отдыхает. На «отдыхающем» участке растет трава, используемая на корм животным. При трехпольном севообороте под паром остается треть территории.

Чистый пар, где ничего не растет, — «позор сельского хозяйства». Гораздо выгоднее иметь обработанный, который можно занять промежуточной культурой (картофелем, гречихой, кукурузой, фасолью, горохом, викой, чечевицей).

Следующее новшество, выгоды которого Шапталь безуспешно пытался объяснить Наполеону, заключалось в посеве на лугах кормовых трав. Все просто: урожай с сеяных лугов в два, а то и в три раза больше, чем с природных; больше корма для скота — больше поголовье, больше животноводческой продукции, в том числе навоза. Конечно, кормовые травы отнимают часть земель у хлеба, зато повышают его урожай за счет удобрения почвы и удерживания в ней азота. Получается парадокс: земель под хлебами меньше, но урожай богаче!

Первый консул слушал и не понимал Шапталя. А тот

позднее скажет: «Ныне... основу сельского хозяйства должны составлять луга, засаженные кормовыми травами, и правильный севооборот».

Один крупный землевладелец в Дордони, где еще господствует двуполье (то есть рожь следует за паром, и пар — за рожью), совершает настоящий технологический прорыв. Вот его севооборот: 1) рожь; 2) репа; 3) овес с клевером; 4) 5) 6) клевер; 7) один из хлебных злаков; 8) картофель; 9) пшеница или рожь; 10) овощи.

Таким образом, хлебные злаки культивируются ежегодно на 40% земли. Прочие 60% дают корнеплоды, овощи и клевер. Поля, что родили только рожь, теперь дают отличные урожаи пшеницы!

А «постоянно питаясь пшеничным хлебом, человек становится сильнее, бодрее, выносливее, реже болеет», — отмечал Раймон Лебон. Во времена Империи французы ели пеклеванный хлеб, часто замешивая тесто из муки второстепенных злаков. Первое место принадлежало ржи. Белый хлеб утвердился гораздо позднее.

Травосеяние, интенсивный севооборот, улучшение породы и увеличение количества скота, лучшее удобрение — таковы черты сельскохозяйственного прогресса. Плюс продвижение «привилегированных растений» времен Империи — свеклы, шелковицы, хлопчатника.

Наполеон воюет с англичанами, перерезавшими Франции пути подвоза сырых материалов с других континентов. А потому его правительство хочет производить эти материалы на своей территории.

В то время свекла была малоизвестной культурой. Франция потребляла тростниковый сахар, но прекращение его поставок заставило задуматься о других способах получения сладкого продукта. Когда изобрели сахароварение из свеклы, новая отрасль была решительно поддержана правительством. Свекла — растение неприхотливое, спрос на сахар огромен, а значит, свеклосахарное производство имеет отличные перспективы.

Хлопчатник, увы, не сделал успехов — хотя надежды на него возлагались большие. Правительство учредило специальные премии, открыло на юге две хлопковод-

ческие школы, но все было напрасно. Климат Франции оказался недостаточно жарким.

Неудача с хлопком была компенсирована победами шелководства. В 1812 году в двенадцати департаментах было собрано такое количество коконов, что из него стало возможным получить 5,5 миллиона килограммов шелка на сумму 15,5 миллиона франков. Культура шелковицы стала доходной отраслью хозяйства.

О, если бы так было во времена, когда юный Наполеон безуспешно обивал пороги государственных учреждений, выпрашивая деньги для «школы шелководства», основанной на Корсике его отцом!

Крестьянин трудится с помощью лошадей, быков, коров (их запрягают за рога), ослов и мулов.

Накануне революции во Франции было три миллиона быков, четыре миллиона коров, 1,78 миллиона лошадей (из которых 1,56 миллиона занято в сельском хозяйстве).

Лошади, быки и мулы малочисленны. Наполеон привел в Россию более чем 600-тысячное войско, включавшее 80 тысяч всадников. Он сохранит лишь десятую часть Великой армии и более не сможет компенсировать убыль кавалерии.

Французской армии постоянно не хватало лошадей. Спрос на чистокровных скакунов удовлетворялся за границей. Кавалеристы Мюрата, атаковавшие русский строй в морозный день 8 февраля 1807 года, восседали на породистых прусских лошадях. А в первых битвах кампании 1813 года нехватка кавалерии не позволит Наполеону организовать эффективное преследование побежденного врага.

Самые известные конные заводы Европы находились в Пруссии и Центральной Германии — в странах, вполне покорных Франции до 1813 года. Но после русской кампании Пруссия изменила Наполеону, как и ряд малых немецких государств. Император лишился важнейших источников пополнения конного состава.

После Ватерлоо он готов был использовать в артиллерии «дорогих выездных лошадей» — но до этого дело не дошло.

Почему Гёте не поехал в Париж

«Невозможно быть богаче раздетой», — сказал Талейран о госпоже Тальен²¹⁷.

Это раздевание происходило, как остроумно замечает Альбер Вандаль, «под предлогом перехода к греческому костюму». Однажды Тереза Тальен пришла в Оперу в костюме Дианы-охотницы с колчаном за спиной, с тигровой шкурой через плечо, с бриллиантовым полумесяцем в волосах, «одетая, главным образом, в драгоценности...».

Кроме греческого платья, костюмов Геб, Флор, одалисок, в первые годы Консульства встречались наряды дикой африканки, в которых танцевала любимая сестра Наполеона Полина²¹⁸, или одеяния в стиле эротических картин Аретино²¹⁹ — им отдавала предпочтение Элиза, старшая сестра правителя Франции.

Но женщины не всегда одевались так легко, как госпожа Тальен, сестры Наполеона или играющие дамы, изображенные на картине «Бильярд»²²⁰. Император требовал серьезности во всем — в делах, в семейной жизни, в одежде.

Стиль ампир²²¹ проявлялся в том, что дамы натягивали ригидные юбки из плотной ткани, напоминающие ножны²²². Элементами их строгого туалета были сапоги, эполеты, перевязь. Мужчины, если они не военные, должны быть похожи на военных. Редингот, фрак, прямой жилет создавали видимость мундира.

Наполеон недолго терпел присутствие своих развратных сестер в Париже. Элизу, слишком острую на язык, которая к тому же не любила Жозефину и не всегда считалась с самим Наполеоном, он послал управлять маленьким княжеством Лукка. Полину — вдову погибшего на Гаити генерала Леклерка — он женил на князе Боргезе²²³, представителе одной из богатейших римских фамилий, и также отправил в Италию.

Жозефина — вот женщина, обладавшая истинным вкусом во всем, и особенно в одежде! «Она была богиней костюмов, — скажет Наполеон доктору О'Мира, — законодательницей мод; все, что она надевала, становилось элегантным...»

Домашние спектакли и балы, что устраивали жадные до наслаждений сестры, все эти «фиглярские сцены», как определил их Наполеон, ушли в прошлое. Ему по душе драматический театр.

«Трагедия, — говорил Наполеон Гёте, — должна быть школой для королей и народов; это — наивысшая ступень, которой может достигнуть поэт». Однажды вечером, ложась спать, он произнес: «Трагедия согревает душу, возвышает сердце; она может и должна создавать героев». «Если бы Корнель был жив, я сделал бы его принцем».

Эта любовь к трагедии передавалась многим. Правда, затем вкусы могли меняться. «В ранней молодости я был страстным поклонником скучной французской трагедии, — говорит Стендаль, — и, когда имел счастье ужинать с м-ль Оливье, каждую минуту ловил себя на том, что сердце мое полно почтения, как будто я разговариваю с королевой, а на самом деле я до сих пор хорошенько не знаю, был ли я влюблен, находясь с ней, в королеву или в красивую девку».

Стендаль считает, что Наполеон назвал французов «великим народом», поскольку хотел их поработить. Но этому народу нужно совсем другое: «Ежедневное появление хорошенькой танцовщицы вызывает усиленное внимание пресыщенных и лишенных воображения людей, украшающих балкон Оперы. Своими грациозными, смелыми и необыкновенными движениями она пробуждает в них физическую любовь... Вот почему дурнушка, которую на улице не удостоили бы взгляда — особенно люди, потрепанные жизнью, — появляясь часто на сцене, сплошь да рядом становится содержанкой, притом дорогостоящей. Жофруа²²⁴ говорил, что театр — пьедестал для женщин. Чем более знаменита и истаскана танцовщица, тем выше ее цена; отсюда закулисная поговорка: “Не удалось отдаться — сумеет продаться”. Эти падшие женщины крадут у лю-

бовников часть своей страсти и весьма подвержены любви в *отместку*».

Наполеон покровительствует театру, актерам и драматургам. А актрисы становятся любовницами первых лиц государства: Тереза Бургуен — министра внутренних дел Шапталя, а мадемуазель Жорж — самого Наполеона.

Шапталль всюду бывал с юной Терезой, «богиней веселья и наслаждений», и предоставлял ей широкие возможности. Полагал ли он, что его любовница чем-то лучше тех женщин, которых правитель приглашал к себе во дворец, одну за другой?

Наполеон устроил Шапталлю неприятную сцену. Он пригласил министра вечером и одновременно вызвал Терезу. О ее прибытии доложили в присутствии Шапталя. Наполеон приказал ей ждать, а позднее отослал обратно.

Но Шапталль покинул своего повелителя еще раньше: как только доложили о прибытии «мадемуазель Бургуен», министр собрал бумаги и уехал. В тот вечер он подал в отставку.

«Природа говорит женщине: будь прекрасной, если можешь, добродетельной, если хочешь, но будь уважаемой, это необходимо!» — считал Бомарше²²⁵.

«Без почтения во Франции нет восхищения, этой первоосновы любви», — добавляет Стендаль в своем трудночитаемом трактате²²⁶.

Шапталль, видимо, согласился бы с обоими писателями. Но Наполеон явно давал понять своим подданным: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Первый консул или император может иметь столько любовниц, сколько захочет, но он «верит в прочность семейных уз». Когда Наполеон видит, что Катрин Гран — дама сердца Талейрана — свободно живет в его доме, то требует немедленно прогнать ее. Та бросается к своей подруге Жозефине, и жена первого консула организует свидание просительницы с Наполеоном. В итоге Бонапарт заявляет Катрин: «Пусть Талейран на вас женится, и все будет улажено. Нужно, чтобы вы носили его имя».

Талейран, естественно, повинуется. А женить своего племянника Эдмонда Перигора министру было не менее сложно, чем заключить межгосударственное соглашение. «Нужно было действовать так, чтобы мой выбор

жены для него не вызвал недовольства Наполеона, не желавшего выпустить из-под своего ревнивого влияния молодого человека, носившего одно из самых громких имен Франции, — рассказывает Талейран. — Он полагал, что за несколько лет до того я способствовал отказу моей племянницы графини Жюст Ноайль, руки которой он просил у меня для своего приемного сына Евгения Богарне. Поэтому, какой бы выбор я ни сделал для своего племянника, мне предстояло встретить неодобрение императора. Он не позволил бы мне выбрать невесту во Франции, потому что блестящие партии, которые могли быть в ней заключены, он сохранял для преданных ему генералов. Итак, я обратил взоры за границу.

В Германии и Польше я часто слышал о герцогине Курляндской и знал, что она выделялась благородством чувств, возвышенностью характера, а также чрезвычайной любезностью и блеском. Младшая из ее дочерей была на выданье. Этот выбор не мог не понравиться Наполеону, так как не лишал партии никого из его генералов, которые все неизбежно получили бы отказ. Он должен был даже льстить его тщеславию, заставлявшему его привлекать во Францию громкие иностранные имена. Это тщеславие побудило его незадолго до того способствовать браку маршала Бертье с одной из баварских принцесс. Поэтому я решился просить для моего племянника руку принцессы Доротеи Курляндской, а чтобы император Наполеон не мог, передумав или из каприза, взять назад уже данное им одобрение, я склонил добрейшего императора Александра, который был личным другом герцогини Курляндской, самому просить у нее для моего племянника руку ее дочери. Я имел счастье получить ее согласие, и свадьба состоялась во Франкфурте-на-Майне 22 апреля 1809 года».

В театре времен Империи главенствует Тальма. Сын зубного врача, он получил прекрасное образование. Некоторое время он продолжал дело отца, а в часы досуга играл на маленьких сценах. Окончив в Париже Королевскую школу декламации и пения, Тальма в 1787 году с успехом дебютировал на сцене театра «Комеди

Франсез» в пьесе Вольтера «Магомет». Вскоре его приняли в число сосъетеров (пайщиков) театра.

По сложившейся веками традиции актеры играли героев различных наций и эпох в костюмах своей эпохи. Древние греки и римляне представляли перед зрителями одетыми в шелк и бархат, в напудренных париках. Некоторые актеры возмущались подобной нелепостью, но этим дело и ограничивалось.

Тальма считал, что костюмы древних следует копировать со статуй, монет и медалей. Однажды он появился в таком платье. Знакомая актриса закричала: «Да вы совсем статуя!» Другой коллега заметил: «Уж не простыню ли вы на себя накинули вместо костюма?»

Тальма остался при своем мнении и даже защищал его в газетах. Реформу театрального костюма он начал с того, что вышел на сцену в древнеримской тоге и играл в ней роль Прокула в «Бруте» Вольтера. Постепенно он ввел в обиход античный, средневековый, восточный и ренессансный костюмы.

Актер обладал великолепными сценическими данными, красивой внешностью, стройной фигурой и очень приятным голосом. Он считал, что правдивость нужна во всем, включая дикцию, и осуждал фальшивую декламацию.

Взгляды актера сложились под воздействием французских и английских просветителей. С первых дней Великой революции он стремился воплощать ее идеи на сцене. В 1791 году он возглавил труппу революционно настроенных актеров, покинувших «Комеди Франсез». Они основали Театр свободы, равенства и братства, позднее переименованный в Театр Республики. Размещался он в здании Пале-Рояль, на улице Ришелье.

«Старый» театр теперь назывался театром Нации и ставил пьесы, неугодные власти. Революционное правительство его закрыло. Актеры были брошены в тюрьму, но избежали казни благодаря одному чиновнику Комитета общественного спасения. Он уничтожил их бумаги.

После падения Робеспьера Тальма был вынужден оправдываться перед публикой и выступать с осужде-

нием революционного террора. Остатки обеих трупп объединились в Театре улицы Ришелье.

Говорят, что Наполеон, тогда еще бедный офицер, брал займы у Тальма. Впоследствии он всегда благоволил к знаменитому актеру.

Тальма был дважды женат — на богатой аристократке и хозяйке модного салона Жюли Каро, а затем на молодой актрисе Вангов. Когда Тальма выступал на эрфуртской сцене перед монархами и князьями²²⁷, его молодая супруга упала в обморок от страха. Это произошло в тот момент, когда Тальма должен был читать революционные стихи из драмы «Смерть Цезаря».

Однажды статья аббата Жофруа вывела Тальма из себя. Он бросился в ложу, где сидел критик, и хотел его исцарапать.

— Что остается актеру, если его современники к нему несправедливы? — оправдывался затем Тальма, кипя от гнева.

В июле 1809 года он выступал на лионской сцене в роли шекспировского Гамлета — пьеса великого англичанина была переработана Дюсисом²²⁸. Здесь его впервые увидела госпожа де Сталь. Она написала актеру восторженное письмо, текст которого ляжет в основу главы «О декламации» ее книги «О Германии».

Между актером и литераторшей сложился альянс, описанный Стендалем: «...Тальма был, вероятно, низким льстецом, угодливым, пресмыкающимся, а может быть, и чем-нибудь похуже — в отношениях с г-жой де Сталь, которая из-за своей глупой тревоги по поводу того, что она некрасива (если только можно назвать что-нибудь глупым в этой обаятельной женщине), вечно испытывала потребность в новых и обязательных доказательствах противного. Г-жа де Сталь, искушенная не меньше, чем князь Талейран, один из ее любовников, в искусстве пользоваться успехом у парижан, отлично поняла, как будет выгодно для нее оказать содействие успеху Тальма, а успех этот был уже достаточно прочен и утратил малопочтенный оттенок моды».

Конечно, французы смотрели не одни трагедии. Н. М. Карамзин²²⁹ называл в своих «Письмах русского путешественника» пять театров: Большой оперы,

Французский театр, Итальянский театр, Театр графа Прованского и Варьете.

Двадцать четыре года спустя досуг Федора Глинки поглощали Опера, Фейдо, Варьете, Водевиль и Амбигю.

К годам Империи относятся первые опыты в области фотографии.

Слава национальной парфюмерии столь велика, что стоит французу заняться этим в другой стране — и он наверняка будет иметь успех.

Непревзойденна французская обувь. Стендаль писал, что женщины Милана «с удовольствием принимают в подарок шесть пар туфель из Парижа...».

В столице производят изделия из хлопка, украшения, часы и мебель. Хорошую мебель из красного дерева можно увидеть и в доме преуспевающего ремесленника.

Мебельные фабрики делают новые, изысканные предметы — псише, большие наклонные зеркала на ножках, курульные кресла. Рейшар описал спальню Жюли Рекамье²³⁰: «С высоким потолком, она почти по всему периметру стен облицована монолитными зеркалами. Между этими зеркальными панно и над массивными, разукрашенными деревянной мозаикой дверями — белые деревянные панели с вкрапленными темными полосами. Перегородка в глубине, перед окнами, также представляет собой огромное зеркало. За ней красуется придвинутое изголовьем к стене эфирное ложе богини этого будуара».

А теперь описание самого ложа, сделанное другим человеком: «Кровать слывет самой красивой в Париже. Она из красного дерева, декорирована медью и возвышается на двух ступеньках из того же дерева. У изножья кровати, на постаменте, — красивая греческая лампа из меди».

Новый Гражданский кодекс, вступивший в действие в 1804 году, уделял огромное внимание семье. Имущество жены по закону было полной собственностью му-

жа. Жена и дети не имели имущественных прав, а внебрачные дети — вообще никаких прав. Розыски отца «незаконнорожденных» воспрещались. Кодекс принес с собой строгую регламентацию семейных отношений и в некоторой степени повлиял на нравы.

Сопоставим оценки, данные различными наблюдателями на протяжении всего лишь нескольких лет.

«Испорченность нравов дошла до предела, — писала парижская полиция во время Директории, — и беспорядочная жизнь нового поколения грозит неисчислимыми гибельными последствиями будущему поколению. Содомский грех и софическая любовь стали так же открыты, как и проституция, и делают прискорбные успехи».

Что такое семья в годы революции? Брак — срочный договор, семья — «перекати-поле»²³¹. Муж и жена могли свободно развестись по причине несходства характеров.

Церковь была практически исключена из общественной жизни. Что предлагалось взамен? Робеспьер попробовал ввести культ Верховного существа Природы, но стал лишь посмешищем. Госпожа де Сталь подготовила к печати труд, в котором предлагала сделать протестантство государственной религией. Напечатан он не был.

Пока доктринеры ломали головы, народ жил в своем удовольствии. Один родовой провинциальный аристократ, переживший ужасы революции, прибыл в Париж. Он приятно поражен увиденным. Июньский вечер, все женщины в легких — даже чересчур легких! — белых платьях. «Шел дождь, — вспоминает этот гость столицы, — и они одной рукой подбирали свои платья, так натягивая их, что легко было рассмотреть все их формы. Современная грация и мода не позволяют иметь в кармане ничего, кроме тоненького платочка; таким образом, ничто не скрывало приятных очертаний»²³².

А вот что отмечал в то же время один иностранный дипломат: «Мы были бы несправедливы к французской нации, если бы сочли ее безнадежно развращенной революцией. То лишь подонки народа, выброшенные кверху сильным брожением и всплывающие повсюду

накипью безнравственности, вводят в обман неопытный взор. Я отнюдь не думаю, чтобы различные классы населения были более развращены во Франции, чем в других странах, но смею надеяться, что никогда ни один народ не будет управляем волею более глупых и жестоких злодеев, чем те, которые правят Францией с самого начала ее новоприобретенной свободы».

18 брюмера Бонапарт разогнал «злодеев». Изменились ли после этого французы и каковы теперь парижане?

«В глубине души я всегда презирал Париж в нравственном отношении», — признавался Стендаль. «Париж повидать необходимо, — писал он сестре Полине из Милана 29 октября 1811 года, — чтобы потом этот великий призрак тебя не тревожил. Там ты найдешь прекраснейшие в мире вещи; но это сераль: все в нем евнухи, вплоть до повелителя. Великое там умерло; жители заняты своим мелким тщеславием, кружком людей, который соберется у них вечером, судьбой водевиля, написанного кем-либо из их друзей, и т. п.»

На тысячу ладов он обыгрывает тему измелъчания характеров и нравов: «В Париже, чтобы жить благополучно, надо обращать внимание на целый миллион мелочей». Или так: «В Париже можно встретить хорошо одетых людей, в провинции попадают люди с характером».

Один француз, хорошо знавший свою страну (Мельян), сказал: «Во Франции великие страсти так же редки, как великие люди».

Стендаль приводит и мнение «прекрасной шотландки»: «Вы, французы, производите в первый момент блестящее впечатление, но не способны вызвать по-настоящему страстное чувство. В первый день надо лишь пробудить к себе внимание: блеска же, который сразу ослепит, а затем все тускнеет и тускнеет, хватает на один миг».

Теперь ведь зачастую и любят из тщеславия. «Огромное большинство мужчин, особенно во Франции, желают обладать и обладают женщинами, которые в моде, как красивыми лошадьми, как необходимым предметом роскоши молодого человека; более или ме-

нее польщенное, более или менее возбужденное тщеславие рождает порывы восторга. Иной раз, но далеко не всегда, тут есть физическая любовь; часто нет даже физического удовольствия», — считает Стендаль. «В глазах буржуа герцогине никогда не бывает больше тридцати лет...»

«Чтобы отыскать любовь в Париже, надо спуститься в те слои населения, у которых благодаря отсутствию воспитания и тщеславия, а также благодаря борьбе с истинной нуждой сохранилось больше энергии».

— Нынче на одного человека, готового пожертвовать всем ради общего блага, приходится тысячи тысяч, миллионы таких, которым нет дела ни до чего, кроме собственного удовольствия и тщеславия. В Париже человека судят по его выезду, а отнюдь не по его достоинствам», — сокрушался Наполеон на Святой Елене.

«Император изменил национальный характер, — писал Коленкур. — Французы сделались серьезными, всех волновали великие вопросы современности; мелкие интересы примолкли, все чувства были, можно сказать, проникнуты патриотизмом; всякий покраснел бы, если бы проявил другие чувства».

Сказать, что верный слуга императора очень уж преувеличивает, нельзя. В самом деле, развеселый дух Директории, — про которую один из героев Бальзака сказал: «В парижской лавочке разгром», — сменился атмосферой достаточно «камерной». Это касается и поведения людей на улицах, и театра — в угоду императору он стал в значительной степени трагедийным, — и прессы.

Коленкур говорит о патриотизме при Империи — и тут он прав! Сопоставим всеобщее внимание к военным успехам Наполеона с тем, что было перед его приходом к власти. Тогда патриотизм определенно «вышел из моды». «Наши злоключения не вызывают ни радости, ни тревоги; читая отчеты о наших сражениях, словно читаешь историю другого народа», — писал один комиссар, посланный в департамент.

Французы первых лет революции, французы времен Директории, Империи и Реставрации — разные типы характеров. Римский дух Наполеона сильно на них повлиял.

Стендаль уверен в этом: «Мы забудем благонамеренную глупость Директории, прославившейся благодаря таланту Карно и бессмертной итальянской кампании 1796—1797 годов.

Распущенность двора Барраса еще напоминала веселье старого режима; очарование г-жи Бонапарт показывало, что у нас не было тогда ни малейшего предрасположения к угрюмости и спеси англичан.

Глубокое уважение к способу управления первого консула, которое мы, несмотря на зависть Сен-Жерменского предместья, не могли победить в себе, и исключительно достойные люди, как Крете, Дарю²³³ и т. д., блиставшие тогда в парижском обществе, не позволяют нам взвалить на Империю ответственность за ту огромную перемену, которая совершилась во французском характере в течение первой половины XIX века».

Интересно сравнить резкие мнения, высказанные о французах и парижанах провинциалом Стендалем и корсиканцем Наполеоном, со взглядами иностранцев. «Парижанин, — говорил итальянец Томмазо Бентивольо, — исключительно благожелателен, любезен, кроток, предупредителен, доверчив в отношении иностранцев, он никогда не отвечает злом на зло и, даже жалуясь в суд на обиду, старается проявить умеренность. По сравнению с берлинцем, лондонцем и венцем это просто ангел. На него приятно смотреть, хотя вообще он не отличается красотой».

Как и во времена Директории, буржуа устраивают пикники на зеленых лужайках Рэнси, в замках и парках. В летние вечера все пространство от Итальянского бульвара до Елисейских Полей представляет собой аллею наслаждений. Здесь красивые кафе и террасы, нарядные толпы гуляющих. Играют оркестры, устраиваются балы и праздники под открытым небом, картонные апофеозы.

«Пришло мгновение счастья!» — заявил Наполеон французам после подписания Тильзитского мира. Войн больше не будет!

Многие поверили в это. Богатые люди наводняли рестораны, игорные дома и делали новые приобретения. Увы, это было лишь «мгновение» — скоро Наполеон по уши влезает в авантюру на Пиренейском полуострове.

Сотни тысяч человек воюют, но это ничуть не замедляет поток столичной жизни. Ее важнейший центр — Пале-Рояль. Это здесь Камилл Демулен, выбежав из Кафе-де-Фуа с пистолетами в руках, призвал граждан к оружию: «Друзья! Неужели мы умрем, как затравленные зайцы?.. Наш лозунг: скорая смерть или освобождение навеки!..»

Неужели этого достаточно для того, чтобы увлечь людей на штурм грозной крепости? Вот как сам Демулен рассказал о своей исторической акции в письме отцу: «...люди видят мое возбуждение; меня окружают; меня заставляют подняться на стол. В течение одной минуты вокруг меня собралось шесть тысяч человек. “Граждане, — говорю я тогда, — вы знаете, что нация требовала оставить Неккера на своем посту и поставить ему памятник. Его прогнали! Можно ли оскорбить вас сильнее? После такого поступка они решатся на все, и, может быть, уже в эту ночь они замышляют или даже уже организуют Варфоломеевскую ночь для патриотов”. Я почти задышался от того множества мыслей, которые теснились в моей голове. Я говорил совершенно беспорядочно. “К оружию, — кричал я, — к оружию! Наденем все кокарды зеленого цвета, цвета надежды!”»

И толпа бросилась громить оружейные лавки. А через пару дней пала Бастилия.

Дворец Пале-Рояль был построен в 1629—1636 годах. Людовик XIV подарил его своему брату Филиппу Орлеанскому. Дворец переходил по наследству, а в 1781 году герцог Орлеанский — будущий Филипп Эгалите — приказал построить однотипные, обрамляющие сад корпуса с галереями и аркадами. Они сдавались в аренду под лавки, кафе и рестораны.

Сад и парк Пале-Рояля — прекрасное место для прогулок. А шахматисты, играющие в кафе «Режанс»²³⁴, порой делают паузы и отдыхают, глядя на сочную зелень.

Однажды парижане узнали, что герцог Орлеанский хочет уничтожить прекрасные цветники и вырубить

чудные каштановые аллеи, где «хорошо гулять с какой-нибудь оперной нимфой». Так и случилось: «Беспощадный топор обрушился на деревья, бедные нимфы с плачем разбежались. Не плачьте, бедные нимфы, принц посадит новый сад, правда поменьше прежнего, но зато в нем будет фонтан, будет стреляющая ровно в полдень пушка, а вокруг него встанут пышные здания, и в них можно будет найти как предметы повседневного спроса пользы, так и те, что едва ли в состоянии представить бедное человеческое воображение. Итак, Пале-Рояль стал и теперь останется навсегда тем местом нашей планеты, где устраиваются шабаши ведьм и где обитает сам Сатана»²³⁵.

И при старом режиме, и в годы революции, и при Империи галереи Пале-Рояля были местом всевозможных увеселений и любовных свиданий. Здесь модные магазины, игорные дома и притоны всех уровней. Аристократ находил здесь дорогую куртизанку, а студент — уличную проститутку.

18-летний Наполеон прогуливался по аллеям Пале-Рояля холодным осенним вечером, и вдруг его взгляд упал «на особу женского пола. Поздний час, ее костюм, молодость не позволили усомниться в том, что это была проститутка».

Начинается разговор, больше похожий на допрос со стороны юного офицера.

«— Но что мы будем у меня делать?»

— Пойдем, погреемся, а вы получите удовольствие.

Я не собирался стать святошей и нарочно завлекал ее, чтобы она, — когда я приступлю к ней с расспросами, которые я заранее уже обдумал, — не убежала бы от меня, якобы из целомудрия, отсутствие которого у нее я хотел ей доказать...»

Бальзаковский полковник Шабер сторговал свою будущую жену в Пале-Рояле. Она будет безжалостна к нему именно потому, что он, чудом выживший и потерявший имя после страшного ранения, напомним ей обстоятельства их знакомства. Шабер начал говорить о том, как она тогда была одета.

«— Вы были в...

— Увольте, сударь, — сказала графиня, обращаясь к

поверенному. — Разрешите мне удалиться. Я пришла сюда вовсе не затем, чтобы выслушивать всякие ужасы».

Здесь и рядом — кафе и рестораны, рынок животных и птиц. Можно купить собаку и экзотическую птичку. Играет музыка. На «нижнем этаже», в подземных гrotах — полуобнаженные и обнаженные танцовщицы. Народ появляется здесь с утра, а вечером заполняет все освещенное тысячами огней, свечей и люстр пространство.

Что ели в ресторанах? Один из героев Мориса Монтегю²³⁶ — кадет императрицы — голодает во время польской кампании и рисует при этом чарующие картины парижского пиршества: консоме, форель под пикантным соусом, ростбиф по-английски, котлеты из дичи с шампиньонами, черепаховый суп, лангусты по-императорски, котлетка из молодого барашка с каштановым пюре, страсбургский паштет, фазаны с трюфелями, дюшес а л'онгруаз, а из вина — Го-Барзак и Кло-Сэн-Жорж. (Наполеон, как известно, любил Шамбертен.)

Другой центр развлечений — знаменитый парк Тиволи с танцевальными залами и различными аттракционами. Французы попробуют воссоздать его даже в Каире²³⁷: устроят игры, поставят деревянные лошадки, качели. Для офицеров и солдат будут выступать жонглеры, змеезаклинатели, певицы и танцовщицы.

«Какое прелестное гулянье! — напишет Федор Глинка. — Сад — волшебный чертог! Деревья, ограды, долины унижены, уставлены, осыпаны фонарями и плошками. На одной половине сада не было неосвещенного места, между тем как другая столько освещалась отблеском первой, что можно только было видеть темноту ее. Где ни прислушаешься — музыка! Куда ни помотришь — танцы! В одном углу видишь фокусников, в другом — ворожей, в третьем — колдунов-отгадчиков. Картина этого общественного гулянья пестра, блистательна и разнообразна. В одном месте открытый театр, осыпанный алмазными огнями. Высоко от земли перетянуты канаты, на которых пляшут, прыгают, сидят и ложатся удивительные искусством и ловкостью смельчаки. Вдруг зашумело что-то сзади; оглянулись — пожар искусственный! Там зажгли фейерверк. Какой ве-

ликолепный, пышный, разноцветный пожар!.. Золотое, лиловое, розовое пламя широкими радугами растилалось по воздуху; алмазам, яхонтам и изумрудам подобные искры с треском и блеском летели наверх! Другой фейерверк изображал сражение. Звук, стук, перекаты грома, точно как в сражении!.. Наконец все сгорело, угасло, померкло и смолкло: общая участь всех блистательных явлений в мире!.. К 12 часам сад опустел. Вот каким гуляньем можно наслаждаться здесь за 2 франка!»

Парижане любят гулять и в Булонском лесу. Буржуа и их жены разъезжают здесь в открытых экипажах, поглядывая друг на друга.

Завидуют ли они? Стендаль писал о том, что в Ломбардии, Милане, Венеции «люди почти не заботятся о том, что происходит с другими. Если они замечают существование соседей, то им и в голову не приходит ненавидеть их».

У его соотечественников иначе: «Вычеркните зависть из жизни французского провинциального города. Что останется? Отсутствие, невозможность жестокой зависти составляет несомненный элемент счастья, влекущего в Париж всех провинциалов».

Стендаль любил мистифицировать и в жизни, и в литературе. Порой бывает сложно понять, насколько он серьезен. Но последнюю его фразу можно истолковать в том смысле, что в Париже зависти меньше, чем в провинции. Здесь люди больше заняты собой, чем соседом.

Он любил Италию и итальянок. Что же касается француженок, то тут «уроженца Севера» поджидает разочарование: «Он видит француженок с их грациозными ужимками, таких любезных и соблазнительных в течение трех первых дней, но скучных на четвертый роковой день, когда мы вдруг замечаем, что вся их грация подготовлена заранее и разучена наизусть, что она вечно одна и та же каждый день и для всех».

Французы грабили Италию в 1796—1797 годах, когда ими предводительствовал Наполеон. Они опустошали церкви, дворцы, музеи и библиотеку Ватикана и в 1798 году, когда Бонапарта там не было.

Стендаль рассказывает о том, что много римских рукописей из библиотеки Ватикана во времена Наполеона «пропутешествовали в Париж и вернулись обратно, никем не прочитанные. Только один ученый, работавший для г-на де Шатобриана, просмотрел некоторые из них».

— Правда ли, что все французы воры? — писали на бумажках, приколотых к статуе Паскуино²³⁸.

— Tutti, no, ma buona parte! («Не все, но большая часть») — якобы отвечал Паскуино²³⁹.

Монж вывез из Италии 500 ящичков с картинами и скульптурами. Он принимал участие в создании и уничтожении Римской республики, а также помогал вводить в Италии французскую систему департаментов, советов, выборов. Он пытался научить итальянцев петь «Марсельезу» и заинтересовать их Корнелем, Мольером и Расином.

Произведения, вывезенные из Италии, провезли на триумфальных колесницах по главным улицам Парижа. Кorteж возглавляла бронзовая квадрига, снятая с собора Святого Марка в Венеции и позднее установленная на Триумфальной арке на площади Карусель. Здесь же были 106 скульптур из римской коллекции князя Камилло Боргезе, которые впоследствии вернули на прежнее место.

Многие европейские церкви лишились своих сокровищ. Наполеон очень хотел снять фрески Рафаэля в Ватикане и фрески Корреджо в Комнате Аббатисы в Парме, но эта часть плана осталась невыполненной.

В 1803 году была создана комиссия, отбиравшая произведения искусства, в которую входили Монж, Бертолле, художник Гро и скульптор Муатт. Члены комиссии не всегда задумывались над тем, что перемещение, например, фресок отрицательно сказывается на их эстетическом и культурном значении.

В 1802 году Лувр стал называться Музеем Наполеона. Коллекцию живописи доверили Денону, а новый отдел Античности — итальянскому археологу Эннио Квирино Висконти.

С первого этажа Лувра удалили ателье художников, среди которых были Фрагонар, Давид, Орас Верне, Гюбер Робер. Архитекторы Шарль Персье и Пьер Фонтен

получили задание соединить Лувр с садами Тюильри и удлинить северный павильон, что проходит вдоль улицы Риволи. Они же создавали внутреннее убранство дворцов.

В области градостроительства Наполеон задумал много, но сделал гораздо меньше. Теперь ансамбль центра города включал дворцовые комплексы Лувр, Тюильри и площадь Согласия. Новый проспект Елисейские Поля вел к западной окраине города, где скрещивалось несколько дорог. Монумены, прославляющие победы императорской армии, часто проектировали по примерам известных древнеримских памятников.

Главные архитектурные свершения Первой Империи: Вандомская колонна, воздвигнутая в честь Великой армии²⁴⁰, Триумфальная арка на площади Карусель²⁴¹, улица Риволи²⁴² с аркадами, названная по имени замечательной победы в Италии, церковь Мадлен²⁴³, превращенная в храм Воинской Славы, несколько набережных и мостов. Остальное осталось незавершенным, а то и просто на бумаге (например, строительство дворца для короля Рима — сына императора).

Триумфальная арка Великой армии²⁴⁴ была заложена в центре будущей площади Звезды по приказу императора в честь аустерлицкой победы.

Кроме мостов, строились акведуки и фонтаны. Прокладывались тротуары.

Приняты меры против грязи, вони, езды без правил. Улицы более не загромождаются ломовыми телегами и разными выставками, грязнившими тротуары и собиравшими зевак.

Население Парижа в годы правления Наполеона увеличилось с 500 до 700 тысяч человек. Здесь много приезжих провинциалов, сезонных рабочих. Численность последних, как пишет Жан Тюлар, достигала 40 тысяч.

В конце 1814 года семья Бальзака переехала в Париж. 1 ноября Бернар-Франсуа, отец Оноре, был назначен директором провиантской службы города. Его жалованье достигало 7500 франков в год. Семья поселилась в доме 40 по улице Тампль.

В отличие от времени учебы в Вандомском коллеже, Оноре теперь мог свободно гулять по городу. В столице преобладали черные, серые и бурые цвета. Центр в прекрасном состоянии, но и обветшалых домов хватало. Что-то уже успели отреставрировать, но многие здания, разрушенные революцией, еще ждали своей очереди.

Квартал Марэ, где предстоит жить будущему писателю, сохранил черты средневекового города. Узкие, грязные улочки были завалены мусором. Их освещали фонари, привязанные веревкой к столбам. Население пользовалось общественными водоемами, но состоятельные жители получали воду из деревни. Ее доставляли по утрам *оверницы*²⁴⁵.

Горожане имеют масляные лампы, которые не гасятся до самой ночи. Кто-то работает, а кто-то просто коротает вечер.

В то время газ еще не провели. Ночной город принадлежал гулякам, любовникам, артистам. Бальзак исходил Париж вдоль и поперек.

Квартал Марэ не считался фешенебельным, хотя богачи селились и здесь. Другое дело — Шоссе д'Антен, где жили крупные финансисты и аристократы. В отличие от исконно аристократического Сен-Жерменского предместья, улица и квартал Шоссе д'Антен были окончательно застроены и вошли в моду лишь в конце XVIII столетия.

Париж — большой и прожорливый город. По утрам сюда пригоняют стада животных. Мясники забивают скот прямо на улице.

Город ремесленников и мелких лавочников, раполагавшихся часто под открытым небом, трудится с утра до вечера. Бродячие торговцы продают овощи. В лавках торгуют рыбой, потрохами, зеленью. Площадных рынков нет, зато есть тенты из красного холста. Под ними продают все, что угодно, — от каштанов до ядов и чернил.

После ярких военных побед улицы Парижа заполнялись шумными, восторженными толпами. Дома украшались гирляндами зелени и цветов, фонариками

для вечерней иллюминации и даже коврами. Вывешивались флаги.

Ликование достигало предела, когда возвращалась армия. Как правило, раньше других появлялись офицеры, на которых была возложена почетная обязанность доставить в Париж знамена, отбитые у неприятеля. Эти трофеи торжественно помещались в церковь Пресвятой Девы у Дома Инвалидов.

Когда в 1807 году Императорская гвардия вернулась из похода, было организовано множество праздников. Городские власти дали пир в ратуше, а сенат — в своем здании.

Граф Дарю управлял «сокровищницей армии» из «контрибуций, реквизиций, конфискаций». В 1810 году этот фонд располагал движимым имуществом на сумму 755 миллионов франков. Доходы с недвижимости достигали 40 миллионов в год.

Из этих денег оплачивались военные, аристократы и чиновники. В том же 1810 году было истрачено около 29 миллионов на «даяния», и это не считая случайных подарков.

Особый отдел государственных финансов — «даяния короны, частная домена, уделы принцев и принцесс». Это земли и дворцы монархов наполеоновской плеяды, дары, наследства, покупки — всего на сумму более чем в 30 миллионов.

В 1808 году Наполеон пригласил великого Гёте в Париж. Однако тот не поехал. В течение года после памятной встречи с Наполеоном²⁴⁶ он справлялся об условиях французской столичной жизни и о ценах. И однажды, получив письмо из Парижа, заметил: «Между нами будет сказано, пусть там скопились и сказочные богатства, но, право, там образовалось чрезвычайно тщеславное и пустое общество, и единственная приятность, которую оно извлекает из жизни, — это то, что каждый может приобрести хоть какое-нибудь ничтожное значение, дабы и самому стать ничтожным Нечто».

Персидские письма

В начале Консульства Наполеон закрыл шестьдесят политических изданий из семидесяти трех.

Один из последних всплесков журналистского остроумия — статья «Некролог», появившаяся в 1800 году в одном из листков:

«28 нивоза, ровно в 11 часов утра, различные газеты, мучимые воспалением, скончались в цвете лет, вследствие опаснейшей эпидемической болезни. Некоторые из них обращались к знаменитым врачам и обещали хорошее вознаграждение за избавление от опасности. Все оказалось тщетным, открылась гангрена, пришлось умереть. Некоторые из них скончались в состоянии невыразимого бешенства, другие, всегда следовавшие учению Пифагора, умерли тихо, надеясь на метемпсихоз... Когда в городе узнали о плачевной участи... несчастных, их близкие... были крайне подавлены... Так как покойники скончались внезапно, то у них не было времени сделать завещание, их наследство по праву переходит к тринадцати оставшимся в живых...»

Шутки шутками, но все были шокированы. Уж слишком резок оказался переход от либеральной практики первых недель правления Бонапарта, когда цензоры занимались лишь правкой орфографических ошибок на лавочных вывесках да ругали газетчиков за грубые выражения, к почти полному уничтожению свободы слова.

3 августа 1810 года Наполеон подписал в Трианоне декрет, которым: 1) разрешал издавать в каждом департаменте (кроме департамента Сены) лишь одну газету; 2) ставил эту газету под власть местного префекта, который мог разрешать или запрещать выход номеров; 3) допускал издание листков объявлений («о движении товаров, о продаже недвижимостей», — пояснялось в тексте декрета). Префекты получали право «временно разрешать» выход изданий, посвященных *исключительно* искусствам, науке и литературе.

14 декабря того же года Наполеон особым декретом утвердил два выработанных министрами полиции и внутренних дел списка: 1) городов, в которых «окончательно разрешен листок объявлений», — таких мест оказалось 28 на всю Империю (вне пределов дореволюционной Франции — только Ахен, Антверпен, Брюссель, Кёльн, Рим и Турин); 2) «окончательно разрешенных» в провинции научных и литературных органов; таковых оказалось ровно 20 (считая «Annales des mathématiques», четыре журнала, посвященные земледелию, два медицинских, пять чисто юридических справочников и т. п.).

В 1811 году осталось только четыре политических газеты. Теперь они на треть принадлежали полиции и на две трети — придворным, литераторам и близким к императору чиновникам.

Порой Наполеон сам писал статьи для правительственной газеты «Монитёр»²⁴⁷, публикуя их под другим именем, но чаще просто указывал, что надо делать. В 1809 году он наставлял министра полиции Фуше: «Я полагаю, что было бы полезно приказать написать несколько хороших статей, которые бы сравнивали несчастье, угнетавшее Францию в 1709 году, с цветущим состоянием Империи в 1809 году». Выглядеть это должно было так: «Нужно рассмотреть вопрос с точки зрения территории и населения, внутреннего преуспеяния, внешней славы, финансов» и т. д. «У вас есть люди, способные написать на эту очень важную тему 5—6 хороших статей, которые дадут хорошее направление общественному мнению».

А хорошее направление здесь такое: Людовик XIV строил Версаль да охотничьи домики, а Наполеон преобразует Париж. «Начав с этого, можно говорить об усовершенствовании в наших учреждениях», о счастливой перемене во всем: Людовик XIV преследовал протестантов — Наполеон ввел терпимость и т. д. «Можно писать по статье каждый месяц, под одним и тем же названием: 1709—1809».

Фуше, по мнению Наполеона, в целом плохо следил за прессой: «Сен-Клу, 24 марта 1808. Небрежность, ко-

торию вы вносите в дело надзора за газетами, в эту столь важную часть ваших обязанностей, заставляет меня закрыть “Le Publiciste”. Это сделает [многих] несчастными, и вы будете тому причиной. Если вы назначили редактора, то вы и должны его направлять. Вы пошлете копию моего декрета другим газетам и скажете им, что я закрыл этот орган за то, что он обнаруживал английские чувства... Вы дадите новые инструкции “Journal de l’Empire” и “Gazette de France” и вы уведомите их, что если они не хотят быть закрытыми, то они должны избегать всего, что противно славе французской армии и клонится к оклеветанию Франции и восхвалению иностранцев».

Редактора немедленно уволили, полиция назначила другого, но газета уцелела.

«Ляпы» допускал и генерал Савари, преемник Фуше на посту министра полиции с 1810 года. Он позволил напечатать статью, содержащую намеки на Чернышева, посланника императора Александра.

Анонимный автор статьи в «Journal de l’Empire» приводил пикантные выдержки из «Персидских писем» Монтескье²⁴⁸ и далее, казалось бы, говорил исключительно эзоповым²⁴⁹ языком: «У князя Потемкина, дававшего... в свое время пищу воображению охотников до новостей, был среди его офицеров майор по фамилии Бауер — один из тех людей XVIII столетия, которые доставляли особенно много хлопот немецким газетчикам и русским ямщикам. Он то и дело появлялся на самых различных дорогах, носясь от устья Дуная к устью Невы, от Парижа до границ Туркестана. Заседающие в кафе политиканы — свидетели всех этих поездок — воображали уже, что дело идет о возрождении Древней Греции, о восстановлении Таврического царства, о завоевании Константинополя и даже о тех великих переселениях народов с Севера, которые некогда покрыли развалинами запад и юг Европы».

А на самом деле? В Париже князь выбирал танцовщика, затем мчался в Албанию за паюсной икрой, в Астрахань за арбузами, за виноградом в Крым.

«Этот офицер, проводивший всю жизнь на больших

дорогах, боялся, что когда-нибудь сломит себе шею, и просил сочинить для него надгробную надпись. Один из его друзей сочинил нижеследующую, которая могла бы пригодиться и некоторым из его преемников: “Под камнем сим лежит Бауер. ‘Тони, ямщик!’ ” »

Статья, разумеется, заказная. Савари, в свое время посланный на дипломатическую разведку в Петербург²⁵⁰ и плохо там принятый, считал, что не мешает иногда и «врезать» таким, как Чернышев, — тот в самом деле вел себя в Париже довольно дерзко, шпионил и т. п.

Но министр явно перегнул палку, намекая на двусмысленную роль Чернышева и сравнивая того с гонцом — с виду важным, а на деле пустым. Получалось, что Савари, герцог Ровиго, вредил «миролюбивой политике» императора.

— Вы хотите заставить меня вести войну? — выговаривал Наполеон своему министру. — Но ведь вы знаете, что я не хочу войны, что у меня ничего не готово для этого.

Случай весьма примечательный! И тем шумом, что наделала публикация, и талантливым литературным исполнением статьи.

А ведь последнее стало редкостью. Имперские газеты невозможно читать. Они настолько пусты, что полиция вынуждена изобретать турниры между любителями французской и любителями итальянской музыки. Альманахи печатают анекдоты, тексты песен, патристические рассказы.

Книжные лавки также были под постоянным пристальным надзором полиции. Книжная торговля, типографское дело при Наполеоне были крайне рискованными предприятиями, а то и просто опасными. Французы давно «не лезут в политику», печатать почти нечего, типографщик и книгопродавец «дышат на ладан».

Академик Тарле²⁵¹ в своей статье о состоянии печати при Наполеоне приводит многочисленные донесения полиции на этот счет. «Хотя зима приближается, книгопродавцы не продают больше, — констатирует полиция 28 октября 1811 года, — зимний сезон, который возвращает писателей в столицу... не

внес никакого изменения в состояние типографских работ».

По декрету от 5 февраля 1810 года число типографий в Париже не должно было превышать 60, число типографий в департаментах также фиксировалось. Владельцы закрываемых типографий должны были получать вознаграждение из средств продолжавших работу типографий.

Владельцы типографий, которых выбирало правительство, и простые книгопродавцы обязаны (*отдельными* статьями декрета — девятой и тридцать третьей) представить доказательства: 1) доброй жизни и нравов и 2) «привязанности к отечеству и государю».

Главным директором печати был назначен Порталис-младший. Ему помогали девять «императорских цензоров».

Чем торговали в 1811—1812 годах? Полиция докладывала своему начальству: «На бульварах выставляют “Pucelle” с картинками, старое издание. Предлагают анекдоты, истории о красивых женщинах, списки красивых женщин»... Порнография идет хорошо. Полиция отмечает, что книгопродавцы «стараятся удалиться от политики и не осмеливаются держать политических книг».

Наступила весна 1812 года. «Мертвый сезон приближается, на что же они могут надеяться? Большею частью типографщики в отчаянии».

Число типографий предельно ограничено правительством, но и оставшимся работы не хватает, «погибает класс типографщиков». В частных разговорах с переодетыми полицейскими агентами книготорговцы и печатники говорят о себе как о людях обреченных: «...профессия типографщика — погибшее занятие, которое и в сто лет не поправится, говорят... что авторы не станут больше печатать в Париже, потому что цензоры — ужасны... Можно будет немного печатать еще в Германии, но все рукописи будут отправляться в Филадельфию; еще долго не разрешат во Франции истинной истории Французской революции; не разрешат и

истории царствований Людовика XIII, Людовика XIV и истории смутных времен. Что же можно будет печатать? Незначащие романы, труды по химии, по математике, научные труды, работы об искусстве? Не позволят и работ полемического характера — католиков и протестантов».

«Я вас приветствую, Давид»

Литераторы и композиторы выполняют государственные заказы, сочиняя драмы, лирические произведения, балеты, кантаты, водевили, комедии, оперы. К дню рождения сына Наполеона было создано 176 творений. Их авторы получили 88 400 франков вознаграждения.

«Жалуются, — пишет Наполеон великому канцлеру Камбасересу, — что у нас нет литературы — это вина министра внутренних дел».

Слово — опаснейшее оружие, и император предельно ограничил его применение. К художникам он относился лучше, чем к писателям. Его вторая супруга пишет цветы акварелью. При дворе трудятся Давид, Жерар, Гро, Изабе.

По официальным данным, в 1807 году в Париже насчитывалось до 17 тысяч художников. Число кажется внушительным, но сколько было постоянно и активно действующих творцов — таких, чьи работы видела публика? В 1800 году 282 мастера выставили 542 произведения, а в 1812 году 542 живописца представили в салонах 1294 полотна.

Художникам положены льготы, в том числе самая важная — освобождение от военной службы. Но это правило, увы, не вечное. Лучших мастеров принимали в Почетный легион.

Музеи и салоны были открыты для широкой публики. Вход свободный. Выставку вывезенных из Италии картин посетили тридцать тысяч человек.

«Его Величество, — пишет министр внутренних дел Монталиве²⁵² Денону в 1810 году, — выражает пожелание, чтобы открытие Салона было приурочено к

празднествам, которые предполагается организовать в честь Великой армии, а также чтобы музей естественной истории предстал к этой дате во всем своем великолепии».

«Ужас, что за публика! — возмущается один из посетителей музея. — Какие-то грузчики, торговки, слуги!»

В залах становилось темно от пыли. Посещение салонов — приятный досуг, занятие, льстящее самолюбию французов. Картины — в первую очередь батальные сцены, но также и пейзажи, жанровые сцены, эротика.

Наполеон посетил Салон 1808 года и наградил Гро орденом Почетного легиона. Он долго рассматривал картину Давида «Коронация Жозефины». Затем, как рассказывает Делакура²⁵³, император «снял шляпу, поклонился Давиду и торжественно произнес: “Я вас приветствую, Давид”».

Это был триумф! Когда-то, 23 года тому назад, Давид прославился картиной «Клятва Горациев»²⁵⁴. В 1790 году он вступил в Якобинский клуб, по заказу которого писал картину «Клятва в зале для игры в мяч»²⁵⁵. В 1792 году его избрали в Конвент.

Художник был членом Комиссии искусств и Комитета просвещения, а позднее голосовал за казнь Людовика XVI. В те годы он продумывал сценарии торжеств, организовывал революционные праздники и церемонии: перенесение праха Вольтера в пантеон, похороны Марата, праздники Братства, Верховного существа.

Марат был убит 13 июля 1793 года, накануне национального праздника — Дня взятия Бастилии. В тот день Давид председательствовал в Якобинском клубе. Узнав о трагедии, он поспешил в дом убиенного.

На картине «Смерть Марата»²⁵⁶ он изобразил и мертвого героя, и ванну, в которой обыкновенно работал больной экземой революционер, и стоявший перед ванной деревянный обрубок, служивший столом, и валявшийся на полу кинжал. В руке Марата — та самая записка от Шарлотты.

За день до переворота 9 термидора Давид выступил с поддержкой Робеспьера в Якобинском клубе.

— Братья, — сказал тогда Робеспьер, — я прочел вам мое завещание. Сегодня я видел союз бандитов. Их число так велико, что вряд ли я избегну их мести. Я погибаю без сожаления; завещаю вам хранить память обо мне; вы ее сумеете защитить...

Заседание клуба проходило в старой церкви. Якобинцы вскочили со своих мест, бросились к трибуне, поднимая руки в знак торжественной клятвы. Они верны вождю! Они верны идеалам революции!

«Клятва Горацийев», «Клятва в зале для игры в мяч»... и третья клятва Давида! Как только Робеспьер сказал о том, что будет, «если свобода все же погибнет» — «вы увидите, друзья, как я спокойно выпью цикуту», — Давид бросается к трибуне и протягивает руку вождю.

— Я выпью чашу яда вместе с тобой! — кричит художник, ставший политиком. И мог ли он представить в тот момент, что через несколько лет станет писать картины, прославляющие нового тирана?

Робеспьер погиб, но Давид не стал пить цикуту. После переворота он был арестован, провел несколько месяцев в тюрьме и под домашним арестом. Позднее сознательно ушел в тень, готовя новый триумф — «Сабинянок»²⁵⁷.

А теперь он сенатор, кавалер ордена Почетного легиона, академик.

Через мастерскую Давида прошли 433 ученика. Самые великие показаны на картине «Школа Давида».

Они прославляли Наполеона, изображали сцены античных времен и писали парадные портреты сановников. Жироде-Триозон создал прекрасное полотно на литературную тему («Погребение Аталы» по роману Шатобриана) и трагическую сцену «Восстания в Каире». Первая картина была выставлена в Салоне 1808 года, вторая — в Салоне 1810 года.

В 1806 году Жироде написал картину «Всемирный потоп». На проводимом раз в десять лет конкурсе ее поставят выше давидовских «Сабинянок». Ученик превзошел учителя!

Кафе «Режанс» и «автомат» Кемпелена

«Когда слишком холодно или слишком дождливо, я прячусь в “Кафе де ля Режанс”, — писал Дени Дидро в сочинении «Племянник Рамо». — Там я развлекаюсь, наблюдая за шахматной игрой. Париж — это место в мире, а “Кафе де ля Режанс” — место в Париже, где эта игра процветает...»

Здесь бывал великий Франсуа Андре Даникан-Филидор — шахматист, певец, музыкант и композитор. Он играл с Вольтером любительские партии.

Руссо не мог играть с Филидором на равных и получал ладью вперед. Дидро даже не пытался играть с сильными игроками. Он пришел к выводу, что не сможет овладеть теорией шахмат.

Зато Наполеон стремился преуспеть и здесь, но ничего не достиг. Талейран, отлично умевший льстить, тем не менее побеждал Наполеона.

Еще в чине артиллерийского подпоручика Бонапарт был частым гостем в кафе «Режанс». До сих пор сохранился столик, за которым он играл. Как игрок, он действовал быстро, смело и часто авантюрно.

Увы, «быстрота и натиск» — это зачастую совсем не то, что нужно шахматисту! Навыками позиционной игры он не владел, но пытался найти резкие и необычные продолжения, способные дать быстрый результат. При этом молодой игрок сильно возбуждался.

По рассказам, он особенно нервничал, когда проигрывал. Тогда он мог перевернуть фигуры, сбросить доску со стола.

Наполеон говорил про шахматы, что «они слишком трудные как игра и мало серьезные как наука и искусство». Он сожалел о том, что не смог стать сильным игроком.

Когда Бонапарт бывал в Париже в 1792—1795 годах, то обычно имел достаточно времени для игры в шахматы. Став заметной политической фигурой, он теряет возможность часами корпеть над доской. И тогда он перейдет преимущественно к шашкам, в которых найдет гораздо большее сходство с военными маневрами.

В кафе «Режанс» можно услышать рассказ о том, как однажды здесь шла игра с предельно высокой ставкой. Женщина, переодетая мужчиной, попросила Максимилиана Робеспьера, революционного диктатора и большого любителя шахмат, сыграть несколько партий.

Оказывается, вожди революции ценили древнюю игру! И Марат, и Лафайет охотно садились за доску. Коробка с шахматной доской и несколькими вырезанными из кости фигурами, принадлежавшая последнему, хранится в Музее армии, что в Доме Инвалидов.

Робеспьер дважды получил мат от своего переодетого соперника, после чего намекнул, что ставка не была определена.

— Ставкой является человеческая жизнь, — был ответ. — Вы проиграли, так будьте добры, подпишите.

На стол был положен приказ об освобождении из тюрьмы приговоренного к гильотине маркиза де Мерию.

— Кто вы такой, молодой человек? — удивленно спросил Робеспьер.

— Я его невеста, — ответила храбрая победительница.

Рассказ напоминает легенду, как, впрочем, и следующий. В 1933 году в Аустерлице прошла выставка вещей, хранящих память о Наполеоне. Там были шахматы из слоновой кости и перламутра. Они были сделаны друзьями Наполеона.

Император играл этими фигурками на острове Святой Елены и не подозревал, что в нескольких из них были спрятаны планы побега с острова. Шахматный комплект должен был передать Наполеону один из доверенных офицеров, который умер во время путешествия. Подарок вручил кто-то другой, не знавший тайны фигурок.

Наполеон завещал этот комплект сыну. В дальнейшем шахматы перешли в другие руки.

О каком комплекте идет речь? В мемуарах доктора О'Мира читаем (запись от 9 июля 1817 года): «Графу Бертрану²⁵⁸ для Наполеона были присланы несколько упаковок и ящичков, содержащих великолепный набор шахматных фигур и шахматный столик, две элегант-

ные корзинки для рукоделия, вырезанные из слоновой кости, а также набор фишек в коробке из слоновой кости. Все эти предметы были китайского производства. К этим вещам было приложено письмо, из которого явствовало, что все эти вещи были сделаны по заказу почтенного г-на Эльфинстоуна...»

Лорд Кейт, адмирал Эльфинстоун²⁵⁹, был противником Наполеона еще с Египетской кампании. Его племянник был ранен за день до сражения при Ватерлоо и попал в плен к французам. Наполеон обратил на него внимание. Видя, что пленный потерял много крови и сильно ослаб, император приказал хирургу перевязать раны капитана Эльфинстоуна и послал ему кубок, до краев наполненный вином из своей фляги.

«Вечером Наполеон осмотрел все эти подарки, которые ему очень понравились, — продолжает доктор О'Мира, — и выразил намерение послать корзинки для рукоделия императрице Марии-Луизе, набор фишек с коробкой — своей матери, а набор шахматных фигур с шахматным столиком — сыну».

Наполеон находил время для шахмат и в самые насыщенные политическими событиями времена. В 1809 году он сразился со знаменитым «автоматом» Вольфганга Кемпелена — венгерского механика и изобретателя, в прошлом придворного советника австрийской императрицы Марии-Терезии.

Дело было в замке Шенбрунн, а кавычки в слове «автомат» поставлены потому, что играл и думал все же человек. Внутри «автомата», имевшего вид турка, который курит длинную трубку и играет в шахматы, сидел Альгайер — один из лучших венских игроков. Спрятанный человек не был виден, даже если ящик открывали — благодаря уникальной системе зеркал и перегородок, расставленных под углами.

Информацию о ходах противника замаскированный игрок получал с помощью сигнальной системы. Фигуры имели магниты, а под каждым полем был шарик, нанизанный на вертикально натянутую нить. Когда фигуру поднимали, шарик опускался, сигнализируя о перемещении. А когда ее ставили на новую клетку, то магнит притягивал другой шарик.

«Автомат» представлял собой две системы: одной управлял замаскированный игрок, а вторая создавала чисто зрительный эффект (вращались шестеренки, зубчатые передачи, передвигались рычаги, крутились валики). После каждых двенадцати ходов конструктор заводил машину большим ключом, что давало спрятанному шахматисту некоторое дополнительное время на анализ позиции.

Конечно, следить за перемещениями, управлять сложной системой рычагов и передач было нелегким занятием. Ведь, кроме наблюдений и механических действий, нужно еще и думать!

Однако Альгайер блестяще справился с задачей и легко победил Наполеона, находившегося в окружении многочисленных зрителей и игравшего белыми. Рассказывают, что император, чья партия была очень плохой, вдруг пошел не по правилам. Турок исправил ошибку и сделал свой ход. Наполеон опять нарушил правила. «Автомат» вторично скорректировал игру соперника. Но когда игравший белыми император опять презрел все каноны, турок сбросил фигуру на пол. Наполеон был доволен, что вывел «автомат» из равновесия, и считал это своим успехом²⁶⁰.

Барон Кемпелен впервые продемонстрировал свой аппарат еще в 1769 году — когда Наполеон родился. Изобретатель посетил Россию, где среди побежденных оказалась Екатерина II, хорошо игравшая в шахматы. Он был в Польше, объехал всю Германию, навестил Париж и Лондон. Барон умер в 1804 году, после чего «турка» купил импресарио Мальзель. Новый владелец вторично объехал Германию, давая сеансы.

Игроки, прятаящиеся внутри аппарата, менялись. Но, судя по результату, все они были хорошими мастерами — из трехсот партий проиграли лишь шесть. Между тем их соперниками были аристократы — любители шахмат, имевшие достаточно времени для того, чтобы совершенствовать свои игровые навыки.

Каждый показ был настоящим спектаклем, на котором присутствовала многочисленная и блестящая публика. Успех «автомата» вдохновлял и литераторов, и театральных режиссеров. В 1801 году Марселье и Шаре

поставили в Париже водевиль под названием «Игрок в шахматы».

Сохранились записи двух партий Наполеона с мадам Клер де Ремюза, иггранных соответственно в Париже и Мальмезоне²⁶¹, и партия с генералом Бертраном на острове Святой Елены. Эти три партии он выиграл, причем удивительно быстро!

Луи Шарль де Лябурдонне, в будущем знаменитый шахматист, издатель журнала «Паламед» и автор учебника «Новейшее начертание о шахматной игре», родился в 1797 году. Во времена Империи он был юношей.

Выходец из богатой семьи, Лябурдонне в дальнейшем увлекся финансовыми предприятиями и потерял состояние. Шахматы стали для него единственным источником дохода. Он работал секретарем парижского шахматного клуба, получая при этом небольшое жалованье, и играл на ставки в кафе. Лябурдонне был женат на англичанке.

Когда он победит чемпиона Англии Александра Мак-Доннела в серии исторических матчей, французы назовут это «реваншем за Ватерлоо».

Оппозиция в салонах

В феврале 1803 года салон госпожи Рекамье, где принимали и либералов, и республиканцев, и роялистов, был «закрыт». Власть запретила большие приемы, обычно проводившиеся по понедельникам. Это не приказ, но такое повеление, противиться которому никто бы не посмел.

До Наполеона доходили сведения о том, что говорят о предпринятом им изменении состава трибуната²⁶² — органа, обсуждавшего законы.

— Трибунат очистили от накипи, — сказал человек, разделявший позицию правительства.

— Вы хотите сказать, сливки сняли?! — парировала госпожа де Сталь.

Среди удаленных был Бенжамен Констан. Он «походил на вечного студента: высокий, сутулый, неловкий, сильно близорукий, бормочет что-то себе под нос... И однако, какой ум!» — восклицает биограф Франсуаза Важнер.

Чтобы стать членом трибуната, Констан прошел «тернистый» путь. Он не был лично знаком с Бонапартом, а потому попросил некое влиятельное лицо представить его первому консулу. «Вы сами чувствуете, что я ваш, — сказал Констан Наполеону. — Я не из тех идеологов, которые умеют только думать и воображают, что этого достаточно. Мне нужно что-нибудь положительное. Если вы меня назначите, вы можете рассчитывать на меня».

Тогда еще и Сиейес был в силе, а потому Констан прошел через двор и попал к нему. Тут нужен другой ключик: «Вы знаете, как я ненавижу силу; я не могу быть другом сабли. Мне нужны принципы, мысли, справедливость. И потому, если вы подадите за меня голос, вы можете рассчитывать на меня, так как я жестокий враг Бонапарта».

Спутник и помощник Констана²⁶³ не мог прийти в себя от изумления.

«Я сделал Бенжамена Констана членом трибуната, я удалил его, когда он пустился в болтовню: это называлось *устранить* — удачно найденное слово. Ум Бенжамена сродни уму геометров со всеми их *теоремами* и *короллариями*, а сам он так и остался великим делателем брошюр», — скажет Наполеон на острове Святой Елены.

Писатель, публицист и приверженец монархии по английскому образцу, Бенжамен Анри Констан де Ребек был часто раздираем противоречиями. Во время революции он выступал и против роялистов, и против якобинцев, а затем — в поддержку Директории. Изгнанный в 1802 году из трибуната, он в следующем году эмигрировал, чтобы вернуться только после реставрации Бурбонов.

Автобиографический роман «Адольф», впервые напечатанный в Лондоне в 1815 году, принесет ему большую славу. «Б. Констан первый вывел на сцену сей ха-

рактир», — скажет позднее А. С. Пушкин, имея в виду главного героя романа — «сына века».

Анна Луиза Жермена де Сталь (по мужу Сталь-Гольштейн) была на год старше Констана. Она получила разностороннее домашнее образование и стала женой шведского посланника. Ее первыми сочинениями стали «Письма о произведениях и личности Ж. Ж. Руссо» и трагедия «Джейн Грей».

Писательница восторженно встретила революцию, но отвергла якобинскую диктатуру. В грозном 1793 году она переселилась в замок Коппе, расположенный в Швейцарии. Здесь она похоронила мать и прожила два года с отцом, знаменитым банкиром Неккером.

В 1796 году госпожа де Сталь вернулась в Париж после того, как Французская республика была признана Швейцарией. После триумфального возвращения Наполеона из Италии она пыталась установить с ним отношения, но тот «не обратил на нее особого внимания». Так говорит Талейран, в доме которого произошла встреча писательницы с героем Италии. На самом деле Бонапарт произнес несколько приветливых слов и рассказал о том, как по дороге через Швейцарию он безуспешно пытался разыскать отца госпожи де Сталь в Коппе²⁶⁴.

Не уделить ей никакого внимания Наполеон не мог — ведь в Италии он получал от нее письма, похожие на объяснения в любви. «Бурьенн, — говорил генерал своему секретарю, — понимаете ли вы хоть что-нибудь в этих несуразностях? Эта женщина совсем сумасшедшая».

В присутствии Наполеона она действительно потеряла голову и однажды призналась Люсьену Бонапарту: «Перед вашим братом я вдруг тупею, потому что хочу ему понравиться. Я вдруг теряю всякое воображение, хочу с ним говорить, ищу слова и произношу все фразы вкривь и вкось. Я хочу заставить его обратить на меня внимание и — увы! — делаюсь в его присутствии глупа, как индюшка».

Жозеф Бонапарт как-то сказал Наполеону: «Если бы вы оказали ей хоть немного расположения, она молилась бы на вас». Наполеон ответил: «О, это слишком! Мне это поклонение ни на что не годится, потому что женщина эта уж чересчур дурна собой».

В начале Консульства мадам де Сталь много хлопотала о репрессированных, об эмигрантах, стараясь облегчить их участь или добиться освобождения. В то же время она расширяла круг знакомств, пыталась сблизиться с влиятельными людьми, устроить друзей на теплые места. «С тех пор как Конституция создала множество мест с хорошими окладами, сколько народу заволновалось! — отмечал «*Moniteur*». — Как много почти незнакомых лиц стараются намозолить вам глаза! Сколько забытых имен зашевелилось под спудом Революции!..»

«По твоему письму от 10 фримера, дорогая моя Минеточка, — писал Неккер дочери, — я угадываю, что ты нервничаешь... Мне отраднo видеть, что многие спешат записаться в ряды новой милиции; у каждого свой вкус».

В 1802 году он выпустил сочинение «Последние взгляды», где неодобрительно говорил о духе наполеоновской Конституции и предупреждал о наступлении военной деспотии. Дочери автора книги, в то время обитавшей в Коппе, дали понять, что ее появление в Париже крайне нежелательно.

Госпожа де Сталь написала роман «Дельфина» о несчастной судьбе высокоодаренной женщины. Роман увидел свет в 1802 году. Предисловие было обращено «к безмолвной, но просвещенной Франции», а сама книга взывала к духу свободы и содержала нападки на католицизм.

Наполеон был в бешенстве. Началось многолетнее соперничество между ним и женщиной, рискнувшей заговорить о своих гражданских чувствах.

Салон баронессы де Сталь был прибежищем конституционалистов 1791 года, идеологов либерального толка и роялистов. К тому же баронесса скомпрометировала себя связями с Моро и Бернадотом.

«Мадам де Сталь написала о страстях как женщина, которая вполне освоилась с предметом, о котором пишет. Она часто принимает сущую галиматью за нечто возвышенное и более всего пуста в тех случаях, когда претендует на глубокомысленность», — оценивал Наполеон творчество писательницы.

В 1803 году вместе с Бенжаменом Констаном она отправилась в Германию, где познакомилась с И. В. Гёте, Ф. Шиллером, И. Г. Фихте²⁶⁵, В. Гумбольдтом²⁶⁶, А. Шлегелем²⁶⁷. Последнему она доверила воспитание своих детей.

«Я жила в Берлине, — пишет баронесса, — на берегу Шпрее; покои мои были в первом этаже. Однажды меня разбудили в восемь утра и доложили, что принц Людвиг Фердинанд²⁶⁸ прискакал верхом под мое окно и хочет говорить со мной. “Известно ли вам, — спросил он, — что герцог Энгиенский был похищен на Баденской территории, предан военному суду и через сутки после прибытия в Париж расстрелян?” — “Какой вздор, — отвечала я, — разве вы не понимаете, что слух этот распустили враги Франции? Право, как ни сильна моя ненависть к Бонапарту, я не считаю его способным на такое злодеяние”. — “Коль скоро вы сомневаетесь в том, что я говорю, — отвечал мне принц Людвиг, — я пришлю вам ‘Монитёр’, чтобы вы сами прочли приговор”. — С этими словами он ускакал; на лице его было написано: месть или смерть. Четверть часа спустя я уже держала в руках “Монитёр” от 21 марта (30 плювиоза), где был обнародован смертный приговор, вынесенный военной комиссией, заседавшей в Венсене, некоему *Луи Энгиенскому*! Именно так именовали французы потомка героев, овевших свою родину славой!.. Сам одержавший столько побед, Бонапарт не умеет чтить чужие подвиги; он не признает ни прошлого, ни будущего; для его властолюбивой и надменной души нет ничего святого; он уважает только ту силу, что существует сегодня».

С осени 1806 года по лето 1807 года Наполеон воевал в Пруссии и Польше. Воспользовавшись его отсутствием, баронесса поселилась в окрестностях Парижа и порой отваживалась появляться в самом городе.

Находясь в Восточной Пруссии, Наполеон узнал через осведомителей, что некоторые литераторы обедали у опальной писательницы. Император пишет об этом министру полиции Фуше и пугает его тем, что поручит госпожу де Сталь заботам жандармерии, подчиненной военному министру (то есть «конкурирующей организации»).

Госпожа де Сталь, получившая временное разрешение побывать в Париже, хотела там остаться. Фуше, всех опутывавший интригами, не прочь был ей подействовать, но шпионы обо всем доложили императору.

«Эта дура госпожа Сталь, — гневался Наполеон, — пишет мне письмо на шести страницах, представляющее собой бормотание, в котором я нашел много претензий и мало смысла. Она мне пишет, что купила землю в долине Монморанси, и заключает отсюда, что может остаться в Париже. Я вам повторяю, что оставлять ей эту надежду — значит только напрасно мучить эту женщину. Если б я вам подробно изложил все то, что она делает в деревне в продолжение двух месяцев, которые она там проводит, вы были бы удивлены, ибо, хотя я нахожусь в 500 лье от Франции, но знаю лучше, что там делается, нежели министр полиции».

Наполеон предписал баронессе немедленно удалиться.

И Жюли Рекамье, и госпожа де Сталь были в хороших отношениях с Жозефом и Люсьеном Бонапартами, братьями Наполеона, — но что толку? В политике Наполеон безжалостен и никому не дает спуска.

Он всюду видел заговоры, и основания для этого были. Парижские салоны, замок Коппе — все это, с точки зрения императора, «гнезда оппозиции». И не просто оппозиции, а заговорщиков, способных на любые действия.

Ему не могли понравиться ни феминистский роман «Коринна, или Италия», напечатанный в 1807 году, главными героями которого были англосаксы, а сама Коринна — наполовину англичанка, наполовину итальянка; ни прекрасный трактат «О Германии», вышедший в 1810 году. Экземпляр последнего сочинения, в котором писательница высоко оценила немецкую литературу и философию, он бросил в огонь, а весь тираж — 10 тысяч книг — приказал конфисковать и уничтожить.

В конце 1807 года Наполеон возвращался в Париж из Италии. Он проезжал через Альпы и остановился в Шамбери. Там его ожидал сын госпожи де Сталь. Юно-

ша просил Наполеона разрешить его матери вернуться на родину.

— Ваша матушка, — ответил император, — должна быть очень довольна пребыванием своим в Вене: по крайней мере, будет иметь случай славно выгучиться по-немецки... Я не говорю, что она злая женщина... В ней много, даже слишком много ума; но это ум необузданный, неповинующийся... А все это может сделаться опасным: с ее восторженной головой она может надевать себе прозелитов. Я должен наблюдать за этим. Она меня не любит. Я не могу позволить ей жить в Париже уже по одному тому, что она своими сношениями может скомпрометировать многих... Она бы сделалась знаменем Сен-Жерменского предместья... Она стала бы говорить шуточки, которым не придает никакой важности, но которые я считаю весьма важными. Мое правительство не шуточка...

Сын уверял, что мать будет вести себя безукоризненно и встречаться только с ближайшими друзьями, список которых предварительно представит на рассмотрение императору.

— Некоторые особы, — продолжал юноша, — уверяли меня, будто последнее сочинение моего деда в особенности вооружило вас против моей матери; но я могу клятвенно удостоверить ваше величество, что она не принимала никакого участия в этом сочинении.

— Конечно, — отвечал Наполеон, — это сочинение тоже одна из причин моего справедливого негодования. Ваш дед был идеолог, старый глупец, человек сумасшедший. Как ему в шестьдесят лет вообразилось, что он может ниспровергнуть мою Конституцию и учредить свою собственную?!.. Сказать правду, хорошо бы было правление государств, изобретенное систематиками, теоретиками, которые судят о людях по книгам, а о свете по географическим картам!.. Все эти экономисты — пустые люди; надрываются над планами финансов, а сами не способны занять место последнего сборщика податей в самой маленькой деревушке моей империи. Сочинение вашего деда — не что иное, как произведение старого упряма, толкующего вкривь и вкось о правительствах...

Внук Неккера возразил, что, вероятно, его величество сам не читал книги и узнал о ее содержании от недоброжелателей деда. Но ведь автор сочинения отдает должную справедливость императору французов!

— Ошибаетесь! — живо возразил Наполеон. — Я сам читал эту книгу от начала до конца... Да! Конечно, хороша справедливость, которую ваш дед отдает мне! Он называет меня человеком, нужным по обстоятельствам! И по его книге выходит, что этому нужному человеку не мешало бы отрубить голову! Спасибо!.. Я, точно, был человек нужный, необходимый, чтобы поправить все глупости вашего деда и излечить зло, нанесенное им Франции... Революция — дело вашего деда... Уважайте власть, потому что власть дается от Бога... Вы еще молоды; если бы вы имели мою опытность, то видели бы вещи в другом свете. Ваша откровенность не только не кажется мне досадною, но, напротив, она мне нравится: я люблю, когда сын просит за мать... Однако ж не хочу давать вам пустых обнадеживаний и не скрою, что вы ничего не добьетесь от меня...

Когда сын писательницы вышел, Наполеон обернулся к Дюроку и спросил: «Не слишком ли был я жесток с этим молодым человеком? Впрочем, нужды нет, зато другие не станут приставать ко мне. Эти люди по-рицают все, что я делаю; они не понимают меня».

Для госпожи де Сталь, много размышлявшей о литературе, Шекспир и Шиллер, английская и немецкая словесность — «северные», меланхолические — многогранные и достойные изучения предметы. Но для Наполеона, склонного всему придавать политический смысл, ее взгляды — суцая чепуха. Он, не совсем француз, выступает яростным ревнителем всего французского.

Вместе с тем экземпляром, что император бросил в огонь, госпожа де Сталь направила Наполеону письмо, в котором просила об аудиенции. Она думала, что сила ее слова может повлиять на тирана, но ошиблась.

«В 1810 году ко мне обратилась г-жа Сталь с целью добиться у Наполеона через мое посредство разреше-

ния жить в Париже, — вспоминает Меттерних. — Всем известно, какое огромное значение придавала она этой милости, и мне незачем говорить здесь о мотивах, которыми она руководствовалась. У меня не было оснований принимать особое участие в ходатайстве г-жи Сталь, я знал к тому же, что моя протекция немногим ей поможет. Однако представился случай, когда я мог занять внимание Наполеона просьбой этой знаменитой женщины. «Я не хочу г-жи Сталь в Париже, — ответил Наполеон, — и имею для этого достаточные основания». Я ему ответил, что если бы это было и так, то не подлежит также сомнению, что, принимая подобные меры по отношению к женщине, он придает ей значение, которого она без этого, пожалуй, не имела бы. «Если бы г-жа Сталь, — ответил мне Наполеон, — стремилась быть или была бы роялисткой или республиканкой, я ничего не имел бы против нее, но она дружина, которая приводит в движение салоны. Только во Франции подобная женщина представляет опасность, и я этого не хочу».

«Чувствуется близость вечерних сумерек, среди которых уже не замечается и следов сияния утренней зари», — писала опальная литераторша.

Она тайно обвенчалась с молодым офицером Альбером де Рокка, прибывшим в Швейцарию лечить раны.

В 1807 году Жюли Рекамье посетила Коппе — и теперь за ней установлена полицейская слежка. Наполеон громко заявил в салоне своей супруги, что «будет смотреть как на личного врага на всякого иностранца, который посещает салон госпожи Рекамье».

Прекрасная Жюльетта, любви которой безуспешно добивались Бернадот, Люсьен и Наполеон Бонапарты, позднее скажет: «Герои имели слабость любить женщин, Бонапарт первый, кто имеет слабость их бояться...»

В 1811 году банкира Рекамье, мужа Жюльетты, вызовут к префекту полиции барону Паскье. Он не спал всю ночь. Паскье зачитал приказ: «Госпоже Рекамье, урожденной Жюльетте Бернар, надлежит удалиться за со-

рок лье от Парижа». Объяснения? Такие приказы не объясняются!

Супруга маршала Мармона, герцогиня Рагузская, написала Жюли теплое письмо, где указала на главную причину опалы: «Уверяют, что приказ вызван вовсе не вашим посещением госпожи де Сталь, а тем, что у вас вели разговоры о войне и политике...»

В 1812 году швейцарские власти вынудили госпожу де Сталь уехать из Коппе. 23 мая она тайно покинула замок и направилась в Россию через Австрию.

Император Александр оказал ей сердечный прием, однако ограничился двумя короткими беседами и не пригласил на обед во дворец. Госпожа де Сталь была расстроена. Ведь она преследовала ту же политическую цель, что и русский император, а тот вдруг проявляет непонятную сдержанность!

Гостья встретила с Кутузовым, в то время руководителем столичного народного ополчения. Преклонив перед ним чело, она торжественно произнесла: «Приветствую ту почтенную главу, от которой зависит судьба Европы».

— Сударыня! Вы дарите меня венцом моего бессмертия! — ответил Кутузов.

Мадам де Сталь провела в России около двух месяцев, а затем поехала в Швецию (наследный принц Бернадот предоставил ей убежище). Оттуда она направилась в Англию, где в почетном плену находился Люсьен Бонапарт²⁶⁹.

Изгнанница попала в Лондон лишь в июне 1813 года и оставалась в Англии до полной победы союзников. Здесь она выпустила в свет запрещенную книгу «О Германии».

Бродяги, нищие, шуаны и бандиты

В 1799 году почтовая карета — «редкая и опасная роскошь», пишет Альбер Вандаль. Если француз отправляется в путь, то в дилижансе — «грязном, оборванном, чуть живом», запряженном клячами. «...Эта фура с трудом движется по ужасным дорогам, через ухабы и рытвины; иной раз приходится объехать препятствие, тог-

да дилижанс сворачивает прямо на поле, где грязь до колена, и, чтобы вытащить его оттуда, нужны усилия десятка быков. Если местность неоткрытая, вечерний привал несет с собой тревогу и вам снятся дурные сны в гостиницах, которые все слывут разбойничьими приронами. Вы едете дальше и чем ближе к опушке бора, чем больше по дороге холмов и откосов, тем больше опасность. Но вот на одном из поворотов блеснули наведенные ружья и из кустов выскакивают какие-то сатанинские фигуры с черными лицами, закрытыми крепом или выпачканными сажей. Эти страшные маски окружают карету. Лошади бьются в постромах; почтальон или кондуктор, видя направленные на них ружейные дула, под страхом смерти принуждены остановиться. Разбойники шарят в карете, выбирают из взломанных сундуков казенные деньги, бумаги, мешки с пакетами. Путешественники подвергаются строгому допросу, и горе тому, кто окажется чиновником, священником, присягавшим конституции, офицером, покупщиком национальных имуществ или просто известным *патриотом*. Чаще всего его тут же на месте пристрелят и уж самое меньшее, если ограбят дочиста, отберут деньги и платье и бросят на дороге избитым и голым. Остальным пассажирам велят проваливать на все четыре стороны».

Бывали банды многочисленные, но чаще они состояли из четырех или пяти человек. Преступники могли вести мирную жизнь, а в условленное время сходиться для разбоя. В Альпах целые деревни стали разбойничьими, а в окрестностях Оржера, что в департаменте Эры-и-Луары, обитало хорошо организованное и великолепно оснащенное сообщество — атаманы, их заместители, кладовщики, шпионы, гонцы, швеи, повара, наставники ребят (*gosses*), лекарь, цирюльник и даже священник!

Они промышляли не только на дорогах. Порой врывались в дома, убивали людей и отнимали деньги. Они повсюду: на западе страны и в Провансе, в устьях Роны, Варе, Воклюзе и Нижних Альпах. Это остатки роялистских банд, беглые рекруты, бродяги без паспорта и «поджариватели», или «истопники», терроризировав-

шие Северную Францию. Последние пытали людей огнем, отнимая деньги и ценности.

Крестьяне, ставшие собственниками земли, работают в поле. Бандиты, как правило, нападают на богатых и на тех, кто так или иначе связан с властью, но не трогают простых тружеников и сельских рабочих.

В 1799 году традиционная ярмарка в Бокере проводилась под защитой пехоты и кавалерии. (Когда Наполеон писал свой «Ужин в Бокере», он не привел в памфлете подобных деталей — а ведь то было в ужасном 1793 году!)

Ярмарка проходит днем, а ночь принадлежит контрабандистам. В Париже они оккупировали восток города. «Контрабандистов насчитывают больше десяти тысяч, — доносит полиция, — все народ храбрый, мужественный, отлично вооруженный; ими предводительствуют смелые предприимчивые вожди: говорят, они заклятые враги правительства. Между портом Ла-Рапэ и Ла-Вильетт живет около 2500 контрабандистов; жилища их расположены за стенами, но невдалеке от них; при домах довольно обширные склады товаров. Многие из главарей хвастаются тем, что, если бы началось движение, они могли бы направить по желанию всех своих подчиненных...»

Из правительственной переписки: «Сборщики подачей при перевозке денежных сумм подвергаются величайшей опасности: на днях ограблены двое, ехавшие с транспортом из Вигана и Сюзы; назначенные на постой солдаты не смеют явиться в дом к плательщикам налогов по причине открытого сопротивления этих последних».

Кажется, что в ту пору вся Франция была вне контроля правительства! В окрестностях Парижа бродили «роялисты боевого закона», готовившие нападения на членов Директории. Это была настоящая война униженных против тех, кто что-либо приобрел в годы революции.

Бонапарт, который сам пострадал от разбоя (его багаж был захвачен под Эксом, на обратном пути из Египта), направил на борьбу с разбойниками отряды регулярной армии и в течение полугода уничтожил массовый бандитизм.

Пленных не брали. Сообщников, укрывателей, перекупщиков награбленного и полицейских, виновных в попустительстве разбойникам, тут же казнили.

Оказалось, армия была единственной силой, способной победить бандитов. Ни жандармерия, ни Национальная гвардия со своими задачами не справлялись. Но главное зло было не в разбойниках, а в разложившейся, коррумпированной администрации.

Будущий маршал Монсей²⁷⁰ писал из Лиона: «Теперешние власти, и в особенности центральная администрация, благодаря своему взяточничеству и лихоимству, стали поистине общественным злом. Администрация все портит своим вмешательством, все расхолаживает своими внушениями, самым своим присутствием».

Альбер Вандаль назвал местные власти «четвертой разновидностью бандитов» — если считать, что представители первых трех останавливают курьеров и дилижансы, грабят на постоялых дворах, взламывают двери лавок, магазинов и квартир. В том же Лионе во главе департамента стояли люди, «присутствие которых казалось вызовом, брошенным общественной нравственности...».

Конечно, не весь бандитизм был немедленно искоренен²⁷¹, но страна постепенно вернулась к нормальной жизни. Бонапарт победил бандитов — бездейственных преступников, но не смог полностью одолеть шуанов²⁷², сражавшихся «за веру и короля».

Партизаны, действовавшие в департаментах Нижней Луары, Мэна и Луары, Сарты, Майенны, Иль-и-Вилены, Орны, Манша, Морбиана и Кот-дю-Нор, отличались необычайной дерзостью и жестокостью. Бонапарт захочет покорить весь мир, но до конца не справится с тем, что творилось зачастую в нескольких лье от Парижа!

Эти мстители нападали из засады. Они отваживались атаковать жандармские бригады и армейские полки. Шуаны угоняли скот, врывались на площади в базарные дни, разгоняли торговцев. Они устраивали массовые самосуды, выносили приговоры целым селениям и сжигали деревни.

Незадолго до 18 брюмера шуаны вошли в Нант. Под прикрытием густого тумана они ринулись к центру го-

рода, подбадривая друг друга криками: «Да здравствует король! Сдавайтесь! Сдавайтесь! Вперед, ребята! Вперед!»

Чиновники, солдаты, буржуа высыпали на улицу, где уже гремели выстрелы. Еще до рассвета нападавшие покинули город, успев разорить дома и освободить нескольких заключенных.

В зоне, где кипит эта «война дворян», установлен свой порядок. Власти подчиняются мятежникам. Места сохраняются только за теми, кто слепо повинуется. Шуаны проводят реквизиции, собирают королевские подати и десятину. У них своя сеть шпионства, «там и сям генеральные штабы с белыми султанами и крестом Святого Людовика²⁷³, войска, развертывающиеся в линию, в мундирах, с флейтами и барабанами, даже небольшие кавалерийские отряды» (А. Вандаль).

Республиканские солдаты и офицеры сражались вяло, часто дезертировали и переходили на сторону шуанов. Весть о том, что Бонапарт стал консулом, оживила армию.

В 1800 году шуаны потерпели ряд поражений. Их вожди признали, что без иностранной помощи ничего не получится. «Англия соглашалась предоставить кое-какие средства для сопротивления, но не для победы», — вспоминал один из главарей.

Как передвигаться по Франции? Разумеется, лучше в собственном экипаже. Этот совет хорош для богатых французов и состоятельных туристов. Но можно путешествовать и в двухколесной почтовой тележке или в огромной почтовой карете — дилижансе.

Что такое дилижанс? Федор Глинка так описал его: «Дилижанс — преогромная и превыгодная карета, в которой всяк за сходную цену может нанять себе место. Тут сидишь, как в комнате, в обществе пятнадцати или шестнадцати разного звания, разных свойств и часто разных наций людей. Монах, лекарь, офицер, дряхлый старик и молодая девушка нередко случаются тут вместе. Всякий делает, что хочет. Один читает, другой говорит, третий дремлет, четвертый смеется, пятый зевает».

В путеводителе Ланглуа, опубликованном в 1806 году и переизданном в 1811-м, путешественнику не рекомендуется иметь при себе запечатанные конверты и обыкновенные письма под страхом «не только ареста, но и штрафа в размере 500 ливров за каждое письмо». Очень хорошо обзавестись двухзарядным пистолетом и ни в коем случае не следует доверяться извозчикам.

Багаж путешественника, советует Ланглуа, не должен быть слишком велик: короб, чемодан, обтянутый «коровьей» кожей, шкатулка для драгоценностей, денег и векселей, обязательно снабженная специальными болтами — с тем, чтобы крепить ее в карете или номере гостиницы.

Тем, у кого нет своего экипажа, следует знать цены услуг: «Если ехать дилижансом, стоимость каждого лье, включая чаевые кучеру и кондуктору, не превышает одного франка, а за две лошади при езде на почтовых с учетом платы хозяину гостиницы и слуге — пяти франков».

Все предосторожности связаны с необходимостью постоять за себя в случае появления грабителей. Конечно, при Империи уже нет тех банд, что были в смутное время. Однако «поджариватели» были ликвидированы лишь к 1803 году. Силы и методы все те же — конные отряды, военные трибуналы.

19 октября 1807 года на почтовую карету госпожи Грассини, знаменитой итальянской певицы и любовницы Наполеона, напали четверо дезертиров швейцарского полка. Это произошло около Рувре. Женщина подверглась насилиям, была ограблена, но уже через два дня разбойники понесли кару. Храбрый Дюрандо, начальник Национальной гвардии, собственноручно убил двух грабителей и арестовал третьего, за что император включил его в Почетный легион.

Главы департаментов отчаянно боролись с нищенством и изгоняли бродяг. Те на время исчезали и появлялись вновь.

Префект департамента Канталь сообщал: «Действует некая черная банда, ежегодно прочесывающая самые бедные и отдаленные коммуны; набирая армию мальчишек, она посылает их в Париж, где дети становятся трубочистами или попрошайками».

Во время кризиса 1810 года из 50 тысяч парижских рабочих только в мае было уволено 20 тысяч. «Наполеон неоднократно говорил мне, — пишет Шапталь, — что он боится народных восстаний, когда они вызываются недостатком работы».

Чтобы занять людей, Наполеон организовал крупномасштабные земляные работы. За годы существования Империи на общественные работы было истрачено полтора миллиарда франков — колоссальная сумма!

Он выделил ссуды промышленникам, сделал крупные заказы для двора и предписал придворным Тюильри носить платье из шелка.

Как только начинают расти цены на хлеб, в памяти людей живо возникают картины недавнего голодного прошлого — вроде тех, когда бедняки из столичных предместий бежали к воротам боен. Там они лизали кровь убитых животных, стекавшую с желоба.

Наполеон панически боялся голодных бунтов и делал все возможное для того, чтобы удерживать хлебные цены на низком уровне. Накануне похода в Россию, когда хлеб значительно вздорожал, вернулись к «революционному максимуму», то есть твердым ценам. Это привело к временному исчезновению зерна с рынка, но катастрофы в столице все же удалось избежать.

В провинции не было хлеба и круп. «В окрестностях Лизье, — сообщает комиссар полиции города Кана, — бродят мертвенно-бледные, изможденные существа; по обочинам дорог расположились нищие, терпеливо ждущие сострадания путешественников. Пищей крестьян, не имевших в запасе даже овсяного хлеба, были молочные продукты, овощные супы, сыр и отруби».

А вот что отмечает префект департамента Приморских Альп: «Минувшей весной деревенская беднота питалась лишь дикими травами да корнеплодами, без всякой приправы и даже без соли; в некоторых населенных пунктах вместо соли употребляли морскую воду. Жуткое зрелище являли собой люди, сломленные нуждой и умершие от голода».

Плохи дела, если сама власть говорит о подобных

явлениях! Очень напряженная ситуация, чреватая социальными взрывами, сложилась в портовом городе Шербуре, в Ренне, Шарлевилле, в департаменте Эн.

Множились беспорядки. Как и во времена Тюрго²⁷⁴, нищие и отчаявшиеся люди захватывали мельницы и булочные, нападали на повозки и суда с хлебом, жгли фермы. Администрация не знала, что предпринять.

Наполеон примерно покарал одно из гнезд мятежа. Генерал Дюронель двинулся на Канн во главе большого отряда. Военный совет вынес восемь смертных приговоров, в том числе два заочных. Повесили шестерых, включая двух женщин-кружевниц.

В 1812—1813 годах были хорошие урожаи зерновых и положение в целом улучшилось.

Женская агентура

«Широко дьявол расставил свои сети!»

Злачные места столицы — Пале-Рояль, фойе театра Монтансье (молодой первый консул не закрывал его из страха прогневить старых холостяков), Итальянский бульвар, площади, набережные, рынки.

В конце 1799 года Фуше объявил войну проституции. Полицейские не получали жалованья, организация была слаба, но министр очень хотел отличиться. Отряды пехоты и кавалерии окружили Пале-Рояль и изловили несколько сотен женщин. Когда обшаривали соседние кварталы, то натолкнулись на сопротивление рыночных силачей.

Что дальше — ведь пойманных вовсе не уличили в открытом нарушении нравственности? Куда их теперь — в места отдаленные? В Египет?

Последнее предположение вовсе не казалось фантастическим. Разве Наполеон не попросил министра внутренних дел Лапласа набрать труппу актеров для отправки в Африку, добавив при этом, что «не худо бы прихватить парочку-другую танцовщиц»?

Времена тирании еще не наступили, и публика возмущалась «произволом». Зная об этом, Бонапарт решил прекратить «нелепые слухи».

На завтрак в Люксембургский дворец были приглашены Рёдерер и Вольней²⁷⁵. Разговор был проведен с тем расчетом, чтобы его главное содержание получило огласку.

Бонапарт: Что за черт! Кто это выдумал, будто я хочу отправить арестованных в Пале-Рояле девиц в Египет?

Жозефина: Министр полиции мне сам сказал на днях, что их отправят в Египет.

Бонапарт: Это ужас что такое! Черт возьми! Так не ссылают.

Рёдерер: Вчера и мне говорил Беньо²⁷⁶, что у министра полиции это уже решенный вопрос.

Бонапарт: С чего он это взял? Гражданин Рёдерер, прошу вас написать хорошую статью, чтобы рассеять эти слухи. Не каких-нибудь две-три строчки, а целую статью, чтобы она обратила внимание. Можно желать обуздать распущенность Пале-Рояля, но так не ссылают людей.

Вольней цинично шутит.

Бонапарт (*смеясь*): Ого, гражданин Вольней, это немножко чересчур! Вы шутите, как старый холостяк. Нашим войскам в Египте не нужны парижские девицы; у них там есть свои, да еще какие красавицы! У них там есть черкешенки.

Мамелюк, стоявший за спиной Жозефины, улыбается.

Бонапарт (*глядя на него*): Ага! Вот он меня понимает, — не правда ли, ты понимаешь меня? (*Смеясь*.) У нас в Египте женщин достаточно? (*Оборачивается к своему мамелюку, который прислуживает ему*.) Не правда ли, Рустам, в Египте есть красавицы султанши? (*Встает из-за стола, повторяет свой вопрос Рустаму и прибавляет*.) Ты ведь теперь уже научился понимать по-французски, а? (*Берет его за голову обеими руками и два-три раза раскачивает ее справа налево*.)

Разговор возымел нужный эффект. Вечером Рёдерер пишет статью и публикует ее в «Journal de Paris». Общественность узнает, что новый правитель не будет ссылать без суда даже «самых презренных тварей». Фуше схватывает все на лету и вскоре выпускает задержанных, прозванных «женщинами света».

Сама акция заставила девиц быть осмотрительнее. Ясно, что теперь не стоит, как раньше, удовлетворять клиентов «тут же, на чистом воздухе, между лавок торговцев живностью» (как выразился один полицейский чиновник в своем донесении).

Министр даже объявил, что он более не будет использовать проституток для сбора нужных сведений. Тем самым он порывает с дурными традициями своих предшественников!

Увы, он не сдержал обещания. Быстро прошли времена, когда агенты Бурбонов почти не видели следов деятельности политической полиции. Организация Фуше укрепитя, получит изрядное финансирование и не станет стеснять себя в средствах и методах.

«Мне удалось посеять в людях убеждение, — писал Фуше в мемуарах, — что везде и всюду, там, где собираются четверо, непременно есть и мои люди, обязанные наблюдать и подслушивать».

Министр имел доносителей в государственных учреждениях, в тайных политических организациях, в салонах, в армии, на фабриках, в трактирах, борделях и игорных домах. Он подкупил даже супругу Наполеона — Жозефина получала от него тысячу франков в день «на булавки». А вся «женская агентура» обходилась министру в 5,5 миллиона франков в год.

Откуда такие средства? Фуше обложил данью и азартные игры, и проституцию. Главный управляющий игорными залами Парижа вносил в его пользу три тысячи франков в день. Держатели притонов, жрицы любви платили дань и поставляли нужные сведения. Фуше информировал Наполеона, но при этом всегда вел свою игру.

Пространство и время

«Если французы не могут похвастаться своим земледелием, то у них есть хорошие дороги, — писал Артур Юнг. — Ничто не может сравниться с дорогой, идущей через прекрасный лес Невилье. И действительно, начинающая от Салера, она сделана очень хорошо: широкое

шоссе и холмы, сравненные с долинами, наполнили бы меня восхищением, если бы я только не знал об ужасных дорожных повинностях, которые вызывают во мне жалость к несчастным крестьянам, потом и кровью которых создано это великолепие».

«Проложенные здесь большие дороги — бесполезны. На протяжении 12 лье я встретил лишь один кабриолет, полдюжины повозок и несколько старых женщин на ослах, — зачем же такая расточительность?»

Однако в 1799 году дороги, которыми восхищался Юнг, пришли в упадок. Кругом бродили стаи волков, нападавших на людей. Наступали времена, когда в ненастное время года всякое сообщение делалось невозможным и отдельные коммуны оказывались отрезаны от мира.

Каналы засорились, и никто их не чистил. Плотины разрушены, порты заносило песком.

Правительство Консульства приняло срочные меры. Был издан закон, по которому министерство внутренних дел получило кредит в четыре миллиона на улучшение дорог. Наполеон продолжает начатые при короле работы по прокладке каналов (Сен-Кантен, Л'Урк) и приводит в порядок старые сооружения.

В 1803 году морские пути были отрезаны англичанами. Это дало импульс для развития внутренней торговли. Рынки перемещались на восток, речные суда везли разнообразные грузы. Рейн — крупнейшая водная артерия. Страсбург — крупнейший склад континента.

16 декабря 1811 года император издал декрет, которым разделил сухопутные дороги на магистрали стратегического и местного значения. Это в значительной мере способствовало упорядочению движения грузов, повышало скорость их доставки, улучшало почтовое сообщение. Строились новые подъездные пути.

Испытав на личном опыте трудности преодоления альпийских перевалов, Наполеон приказал построить дороги и здесь. Работы в районе Симплонского перевала начались 9 октября 1805 года и завершились в 1809 году. Удобная дорога была проложена и через Мон-Сенис.

Большие расстояния традиционно измерялись в лье²⁷⁷, малые — в туазах²⁷⁸. Революционный Конвент декретировал введение метрической системы единиц с 1 августа 1793 года. Однако в книгах, письмах и документах времен Империи мы по-прежнему встречаем старые названия. Наполеон и здесь внес свою лепту: он ввел «новую» систему, в которую вернул туаз, приравненный к двум метрам, и т. д.

Только с 1 января 1840 года Франция окончательно перейдет к метрической системе, очищенной от нововведений Наполеона.

В 1807 году портфель министра внутренних дел получил 60-летний Крете. Коммерсант до революции и успешный скупщик национальных имуществ в смутное время, он стал депутатом Совета пятисот, а при Бонапарте — сенатором и членом Государственного совета.

Способности этого человека нашли достойное применение, когда Крете занял пост начальника управления мостов, дорог и кадастра. Он строил новые дороги в стране и улучшал дорожную сеть Парижа.

Затем Крете отвечал за морские торговые порты, коммерцию и строил новые города: Наполеон-Вандея (ныне Ла Рош-сюр-Йон) и Наполеонвиль (ныне Понтиви-Нуво). Послужил он и управляющим Французским банком.

В кресле министра внутренних дел он пробыл два года, и эта ноша оказалась для него слишком тяжелой. Наполеон не щадил ни себя, ни своих сотрудников и не считался с их возрастом. Однако, отпуская Крете, Наполеон еще надеется на его возвращение: «...как только его здоровье немного восстановится, я поручу ему суперинтендантство на строительные работы в Куронне».

Через несколько месяцев Крете скончался. По приказу императора он был захоронен в Пантеоне.

В годы революции Лазарь Карно, глава военного отдела Комитета общественного спасения, использовал оптический телеграф для связи Парижа с Рейнским

фронтом. Он создал две роты обслуживания аэростатов-разведчиков. Увы, Наполеон почему-то отказался от использования последних.

Взмахи сигнальных реек телеграфа стали привычной картиной времени. Устройство было изобретено Клодом Шаппом. В 1793 году он продемонстрировал его членам Конвента. Правительство выделило ему субсидию, и в 1794 году Клод Шапп совместно со своими братьями построил первую линию оптического телеграфа между Парижем и Лиллем. Она была открыта в августе. В том же году Шапп был назначен директором французских телеграфных линий.

Телеграф находился в исключительном пользовании государства. Самые скоростные дилижансы, отправлявшиеся из Парижа, пересекали Францию за несколько дней, а телеграф передавал сообщения за считанные часы.

Фернан Бродель приводит удивительный факт: новость о задержании Людовика XVI и его семейства в Варенне 22 июня 1791 года уже через два дня была известна в Кемпере, на другом краю Франции. Члены департамента Морбиан писали в своем обращении к Национальному собранию: «Известие о захвате короля и королевского семейства получили мы в пятницу 24-го сего месяца в 7 часов утра».

Это было до устройства телеграфа!

Во главе почтового ведомства Наполеон поставил своего преданного слугу Лавалетта²⁷⁹.

В беседах с доктором О'Мира император рассказал о применявшейся им практике перлюстрации корреспонденции. «Во Франции, — говорил он, — был установлен порядок, при котором все письма, отправленные послами, другими представителями дипломатического корпуса, лицами их обслуживающего персонала и всеми лицами, имеющими отношение к дипломатической службе, перенаправлялись в секретное отделение почтового ведомства в Париже, независимо от того, из какой части Франции эти письма отправлялись. Все письма и депеши в иностранные

императорские и королевские дворы и их министрам подобным же образом направлялись в это ведомство, где они вскрывались и дешифровывались. Авторы этих писем и депеш иногда использовали несколько различных шифров, к которым прибегали не более десяти раз, для того чтобы скрыть их содержание. Это, однако, помогало мало, так как для того, чтобы дешифровать самые хитроумные и трудные шифры, необходимо было получить в свое распоряжение пятьдесят страниц с использованием одного и того же шифра, что, учитывая обширность корреспонденции, было несложным и довольно быстрым делом».

«Умение тех сотрудников, которые занимались обработкой иностранных депеш, было просто удивительным. Не существовало образцов почерков, которые они не смогли бы скопировать в совершенстве; в секретном отделении почтового ведомства хранились печати, идентичные тем, которыми пользовались послы всех держав Европы, независимо от их количества, и тем, которые принадлежали знатым семьям в различных странах. Если им попадалась печать, для которой у них не было факсимиле, то они могли сделать его в течение суток. Этот порядок работы с иностранными депешами не был моим изобретением. Первым, кто стал заниматься этим, был Людовик XIV. Некоторые внуки тех агентов, которые первоначально работали на него, в мое время заняли те места, которые доставались им от их отцов».

А письма французов, никак не связанных с государством и дипломатией, — вскрываются ли они? «Изредка и только в том случае, когда человек находится под сильным подозрением, — ответил Наполеон на вопрос доктора О'Мира. — Тогда первое, что делается, так это вскрываются все письма, адресованные ему. Благодаря этому определяется круг его корреспондентов, и все письма, адресованные им, также исследуются; но это — одиозная мера, и она очень редко применяется по отношению к французам».

«Граф Лавалетт, начальник почтового ведомства, мог, как и герцог Отрантский, скомпрометировать пол-Франции; однако он делал в этом отношении

лишь строго необходимое. За это следует воздать ему хвалу, это свидетельствует о высокой порядочности», — отметил Стендаль.

6 октября 1793 года Национальный конвент Франции принял «эпохальное» решение о введении в действие нового календаря. Отныне время положено исчислять не от Рождества Христова, а со дня провозглашения Французской республики, то есть с 22 сентября 1792 года.

Семидневную неделю заменили десятидневной (декадой). Дни декады были названы по порядку: *primidi* (первый день), *duodi* (второй), *tridi* (третий), *quartidi* (четвертый), *quintidi* (пятый), *sextidi* (шестой), *septidi* (седьмой), *octidi* (восьмой), *nonidi* (девятый) и *décadi* (десятый).

Месяц состоял из трех декад, а год, последним месяцем которого был фрюктидор, дополнялся пятью днями (високосный год — шестью днями).

Названия месяцев придумал поэт Филипп Франсуа Назаре Фабр, известный как Фабр д'Эглантин. Он связал их с природными явлениями.

Фабр един в двух лицах. С одной стороны, он — политик и друг Дантона, что будет стоить ему головы, а с другой — поэт, писатель-драматург и автор комедий.

По профессии он был актером, а одно время руководил театром. За свою игру на сцене Фабр получил в Тулузе премию в виде золотого шиповника (эглантин) и присоединил это пикантное название к своему имени.

Республиканский год начинался с месяца вандемьер (от латинского «vindemia», урожай винограда, с 22 сентября по 21 октября), затем идут брюмер (от французского «brume», туманный), фример (от французского «frimas», иней, изморозь), нивоз (от латинского «nivosus», снежный), плювиоз (от латинского «pluviosus», дождливый), вантоз (от латинского «ventosus», ветреный), жерминаль (от латинских слов «germen», «germinis», почка, бутон), флореаль (от латинского «floreus», цветочный), прериаль (от французского «prairie», луговой), мессидор (от латинского «messis», урожай кукурузы, и греческого «doron», подарок), термидор (от

греческого «thermon», жаркий, и греческого «doron», подарок), фрюктидор (от латинского «fructus», фруктовый, и греческого «doron», подарок).

Имена были присвоены не только месяцам, но и дням (в соответствии с названиями цветов, деревьев, растений, животных и сельскохозяйственных орудий).

22 сентября 1792 года — это 1 вандемьера года первого, а новые месяцы все состоят из 30 дней каждый²⁸⁰. Введя этот календарь, революционная власть думала нанести сокрушительный удар по христианству. Воскресенье потеряло свое значение. Провозглашение декадных праздников заставляло забыть о религиозных церемониях.

Республика меняла лица, превратилась в Консульство, но страна продолжала жить по экзотическому календарю, придуманному Фабром. Труженики отдыхали лишь раз в десять дней. (Такова логика хозяев — не разбивать же неделю!)

Вместе с конкордатом вернулись к семидневной неделе, но сам календарь сохранили. 2 декабря 1804 года Наполеон был коронован в присутствии римского папы. Сам приезд понтифика в Париж был важным событием. Папа признал политическую новизну, а император — в числе прочего — должен был сделать уступку традиции.

Республиканский календарь был отменен имперским декретом от 9 сентября 1805 года. Григорианский календарь вновь начал действовать с 1 января 1806 года.

Эта «уступка» ничего Наполеону не стоила. Более того, она вполне отвечала его настроению.

Империя продолжала сбрасывать республиканскую чешую.

Иллюзорная жизнь Стендаля

17-летний Анри Бейль служил вахмистром и сублейтенантом в 6-м драгунском полку, а затем подал в отставку.

«Мне крайне надоели мои товарищи, и я находил, что нет ничего лучшего, как жить в Париже философом...»

«...Я провел два года на шестом этаже улицы д'Анжвивилье, в квартире с прекрасным видом на Луврскую колоннаду, читая Лабрюйера²⁸¹, Монтеня²⁸² и Ж. Ж. Руссо, напыщенность которого вскоре стала меня раздражать. Там сложился мой характер».

«В октябре 1806 года, после Йены, я стал помощником военного комиссара — должность, презираемая солдатами, в 1810 году, 3 августа, — аудитором Государственного совета, а через несколько дней — главным инспектором коронной недвижимости. Я был в милости не у повелителя (Наполеон не разговаривал с глупцами моего сорта), но на очень хорошем счету у лучшего из людей, герцога Фриульского (Дюрока)».

Слово «глупец» в данном переводе выглядит не самым уместным. «Шалый» — пожалуй, точнее. Анри Бейль с его «последовательным бейлизмом²⁸³» — действительно шалый!

В 1806 году он вступил в масонскую ложу «Каролина», входившую в объединение «Великий Восток Франции». Наполеон, централизовавший государственное управление, церковь, систему образования — одним словом, все, что поддается централизации, — объединил и масонов. Во главе «Великого Востока» стоял Камбасерес.

Может быть, Бейль остепенится, заняв важные государственные посты? «Главный инспектор коронной недвижимости». По-другому это называлось «инспектор счетов, зданий и мебели Империи». В его обязанности входило управление Версалем, Фонтенбло и музеем Наполеона (Лувром).

«Итак, вот главные разделы моего повествования: родился в 1783 году, драгун в 1800-м, учение с 1803 по 1806-й. В 1806 году — помощник военного комиссара, интендант в Брауншвейге. В 1809 году подбираю раненых под Эсслингом и Ваграмом, выполняю поручения вдоль Дуная, на его оснеженных берегах, в Линце и Пассау, влюблен в графиню Дарю, ходатайствую о посылке меня в Испанию, чтобы свидеться с ней. 3 августа назначен ею или почти ею аудитором Государственного совета. Это почетное существование, связанное с большими расходами, приводит меня в Москву, делает интендан-

том в Сагане, в Силезии и, наконец, приводит к падению в апреле 1814 года. Кто бы поверил этому! Лично мне это падение доставило только удовольствие».

В Париже или в походе он гнал за наслаждениями. Еще во время Итальянской кампании юноша оказался вынужденным посещать кабинеты случайных докторов. Анри Бейль был свидетелем того, как солдаты ведут себя с местными женщинами, и не хотел отстать от товарищей.

Любовь ведь тем и хороша,
Что в ней всегда свободны оба
И выбирать вольна душа...

Так писал Франсуа Вийон (перевод Ф. Мендельсона).

Стендаль никогда не был женат, но всю жизнь размышлял об отношениях полов и страдал от любви. «Мне случалось видеть, — откровенничал он, — как самые интересные женщины пленялись умным человеком (под которым я не разумею себя) и тут же, сразу, почти в тех же выражениях, восхищались величайшими глупцами. Меня это возмущало, как возмущается знаток, когда на его глазах лучшие брильянты принимают за стразы и отдают предпочтение стразам, если они крупнее.

Из этого я сделал вывод, что с женщинами надо дерзать на все. Там, где генерал Лассаль потерпел поражение, усатый капитан, любящий крепкое словцо, может одержать победу».

Сравнив Лассалья, одного из лучших генералов Империи, с усатым капитаном, Стендаль имел в виду подлинное событие. Дело было в 1807 году, в Познани — куда Наполеон вошел триумфатором. Автор «Трактата о любви» описывает «мужские победы», одержанные в перерывах между битвами, но большинство из этих историй не слишком интересны.

Половому распутству солдат и офицеров он противопоставляет строгость Наполеона: «Одна знаменитая женщина²⁸⁴ неожиданно сказала Бонапарту, который был тогда молодым генералом, увенчанным славой, и не совершил еще преступлений против свободы: “Генерал, женщина может быть только вашей супругой или

сестрой". Герой не понял комплимента; она отомстила ему за это великолепными оскорблениями. Таким женщинам нравится, когда любовники презирают их; они нравятся им, только когда они жестоки».

Пошлое отношение к женщине, принимающее форму волокитства или «гусарской удали», — не для Стендаля!

«Возлюбленная, которую мы желаем три года, — поистине возлюбленная в полном значении этого слова; к ней приближаются не иначе как с трепетом, а я должен сказать донжуанам: мужчина, который трепещет, никогда не скучает. Наслаждения в любви тем сильнее, чем больше в ней робости.

Несчастье непостоянства заключается в скуке; несчастье страстной любви заключается в отчаянии и смерти. Отчаяние, вызванное любовью, замечается другими, и из этого делают анекдот; никто не обращает внимания на старость пресыщенных развратников,дохнувших от скуки, которыми полон Париж».

Вот и найден способ борьбы со скукой, от которой так страдал Стендаль, — *приближение к любви!*

«Я только раз остался совсем без денег — в конце 1805 года и в 1806-м до августа, когда отец перестал посылать мне деньги, *даже не предупредив об этом*, что было хуже всего; один раз он не платил мне моего содержания в сто пятьдесят франков в течение пяти месяцев».

В разгар революционного террора отец попал в число «явно подозрительных» и провел в тюрьме «тридцать два или сорок два дня». Освобожден он был за три дня до смерти Робеспьера.

В 1813 году отец оставит в наследство сыну двухэтажный дом на площади Гренетт в Гренобле.

— Вот весь твой майорат, — скажет он.

Вступив во владение недвижимостью, Анри Бейль узнает о том, что ему придется оплатить множество долгов и огромные налоги. Отец предупредил сына:

— Я буду жить в этом доме на твой счет — и очень долго буду жить.

Анри отдаст свои накопления в уплату долга. Позже он назовет отца «ублюдком» и скажет: «...мой отец, ставший “ультра”, разоряется и умирает, кажется, в 1819 году...»

А вот как он описал ранние чувства к матери: «Свою мать я хотел покрывать поцелуями, и чтобы мы были при этом раздеты. Она страстно любила меня и часто обнимала, а я возвращал ей поцелуи с таким пылом, что часто она вынуждена была удаляться. Я ненавидел отца, когда он приходил и прерывал наши поцелуи. Я постоянно хотел целовать ей грудь. Прошу не забывать, что она умерла от родов, когда мне не было еще полных семи лет».

Человек гуманитарного склада ума, Анри Бейль настойчиво изучал математику, которая казалась ему наукой самой объективной и наименее «лицемерной»: «Если “минус на минус дает плюс” причиняло мне столько огорчений, то можно представить себе, какое отчаяние овладело моей душой, когда я принялся за “Статику” Луи Монжа, брата знаменитого Монжа, который должен был приехать, чтобы экзаменовать желающих поступить в Политехническую школу».

Именно этот Луи Монж — а не брат его Гаспар, как обычно думают, — постоянно преподавал в Парижской военной школе, где его учеником был Наполеон.

«В начале геометрии говорится: “Параллельными называются две линии, которые при продолжении их до бесконечности никогда не пересекаются”, — продолжает Стендаль свою «Жизнь Анри Брюлара». — А в самом начале своей “Статики” этот замечательный глупец Луи Монж написал приблизительно следующее: “Две параллельные линии можно рассматривать, как такие, которые при продолжении их до бесконечности пересекаются”.

Стендаль, похоже, не изучал геометрию Лобачевского!

«Моей навязчивой мыслью по приезде в Париж, мыслью, к которой я возвращался четыре или пять раз в день, выходя из дому в сумерки, в час, располагающий к мечтательности, было: красивая женщина, парижанка... падает из опрокинувшегося экипажа или подверга-

ется какой-нибудь большой опасности, от которой я ее спасаю, и, начав таким образом знакомство, становлюсь затем ее любовником. Мои рассуждения были рассуждениями охотника.

Я так пылко буду любить ее, что должен ее найти!

Это безумие, в котором я никогда никому не признавался, продолжалось, может быть, лет шесть. Меня слегка излечила от него лишь сухость придворных дам в Брауншвейге, в обществе которых я дебютировал в ноябре 1806 года».

«Большую тоску вызывала у меня грязь Парижа, отсутствие гор, вид такого множества занятых людей, быстро проезжавших мимо меня в красивых экипажах с таким видом, как будто им нечего было делать».

«Парижская кухня не нравилась мне почти так же, как и отсутствие гор...»

Анри обедал у своих родственников Дарю и испытывал настоящие муки: «Вежливые, церемонные манеры, с тщательным соблюдением всех правил приличия, манеры, которых у меня нет еще и теперь, заставляли меня цепенеть и погружаться в молчание. А когда к этому еще присоединяются религиозные нотки и декламация о великих моральных принципах, я совсем погибаю».

«Счастье мое заключается в том, чтобы ничем не управлять; я был бы очень несчастен, если бы у меня было 100 тысяч франков дохода в землях и домах. Я тотчас же продал бы все или, по крайней мере, три четверти, хотя бы в убыток, чтобы купить ренту. Счастье для меня — это никем не управлять и не быть управляемым...»

Прошло десять лет после первого приезда в Париж. Анри Бейль теперь при хорошей должности и участвует в работе Государственного совета. Но где та красивая женщина-парижанка, о которой он мечтал? Его вдруг привлекает госпожа Беньо, «синий чулок», по отзывам, вовсе не симпатичная внешне. Но она умна, у нее тонкий вкус. Бейль наслаждается времяпровождением в ее салоне.

Минует и эта передышка между войнами, «великими, но бесполезными». 23 июля 1812 года Анри Бейль получил аудиенцию у императрицы Марии-Луизы. В его портфеле лежат министерские доклады и сотня писем для армии. Сестра Полина зашивает ему в пояс ту-журки золотые луидоры — столько, сколько поместилось.

В день отъезда он пишет ей прощальное письмо:
«Сен-Клу, 23 июля 1812 года.

Случай, дорогой друг мой, представляет мне отличный повод к переписке. Сегодня в семь часов вечера я отправляюсь на берег Двины. Я явился сюда получить приказание ее величества императрицы. Государыня меня удостоила беседой, в которой расспрашивала о пути, каким я намерен следовать, о продолжительности путешествия и пр. Выйдя от ее величества, я отправился к его высочеству королю Римскому. Но он спал, и графиня де Монтескью²⁸⁵ только что сказала мне, что его невозможно видеть раньше трех часов. Мне придется таким образом ждать часов около двух. Это не особенно удобно в парадной форме и кружевах. К счастью, мне пришло на ум, что мое звание инспектора даст мне, может быть, некоторый вес во дворце; я отрекомендовался, и мне открыли комнатку, никем не занимаемую теперь.

Как зелено и как спокойно прекрасное Сен-Клу!

Вот мой маршрут до Вильны: я поеду очень быстро, до Кенигсберга нарочный курьер поедет впереди меня. Но там милые последствия грабежа начинают давать себя знать. Около Ковно они чувствуются вдвое более. Говорят, что в тех местах на пятидесяти милях расстояния не встретишь живого существа. (Думаю, что все это очень преувеличено, это парижские слухи, а этим сказано все относительно их нелепости.) Князь-канцлер пожелал мне вчера быть счастливее одного из моих товарищей, ехавшего от Парижа до Вильны двадцать восемь дней. Особенно трудно продвигаться в этих разграбленных пустынях да еще в злосчастной маленькой венской колясочке, загруженной множеством разных посылок, — все, кто только мог, надавал их мне для передачи».

«Мы — французские офицеры!»

Наполеон «врезался в Европу, как дикий кабан в свекловичное поле», говорит один из героев Мориса Монтегю. «Карьера этого авантюриста — это звонкая пощечина старым предрассудкам. И потом, что там ни говори, но ведь он, бесспорно, — продукт революции; он — чадо республики, и ваши войска в своем шествии по Европе являются носителями идеи свободы. Лучшим доказательством этому служит то, что другие нации не испытывают к вам ненависти, тогда как короли, императоры и наследные принцы составили тесную лигу в своей затаенной вражде против вас, бунтовщиков, какими они считают вас и этого великого мятежника...»

Император усиливал армию солдатами союзнических и покоренных стран. Это были ненадежные друзья, которые в суматохе боя могли и пальнуть в спину начальникам — французским офицерам.

Франция вела войну на Пиренейском полуострове, но император включал в свою армию и испанцев. К чему это порой приводило, видно из рассказа лейтенанта Куанье. Дело было в 1812 году, на пути из Вильно в Витебск.

«Один сторевший лес лежал вправо от нашего пути, и когда мы с ним поравнялись, я увидел, что часть моего батальона пустилась как раз туда, в этот сожженный лес, — рассказывает Куанье. — Я скачу галопом, чтобы вернуть их назад. Каково же было мое удивление, когда вдруг солдаты оборачиваются ко мне и начинают в меня стрелять... Заговорщики были из солдат Жозефа... (брата Наполеона, испанского короля), все без исключения испанцы. Их было 133; ни один француз не замешался среди этих разбойников».

На другой день испанцы были схвачены французскими кавалеристами. Полковник решил расстрелять половину преступников. Те тянули жребий. Черные билеты достались шестидесяти двум испанцам, и они были немедленно казнены.

Своему строптивому родственнику Бернадоту Наполеон доверял командовать то баварцами, то поляка-

ми, то голландцами и испанцами, то поляками и саксонцами.

А в сражении под Лейпцигом в 1813 году саксонские части разом перейдут на сторону врагов Франции, что существенно изменит соотношение сил. К тому времени и Бернадот успеет изменить Наполеону.

В 1808 году началась большая война в Испании. В предшествующие годы Наполеон делал традиционные наборы рекрутов, но теперь он идет дальше.

В каждом департаменте он намечает десять семей, старинных и богатых, а в Париже — пятьдесят. Все эти семьи должны послать мальчиков в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет в военное училище Сен-Сир. Его выпускники станут подпоручиками.

Министерские циркуляры направлены на то, чтобы отыскать в лицах восемнадцати- и девятнадцатилетних юношей, «знающих военные упражнения», которых тотчас же делают унтер-офицерами и подпоручиками. Точное выполнение этих циркуляров приводит к тому, что лицеи направляют сотни своих воспитанников на военную службу.

И нельзя сказать, что молодежь этому противилась. В своей массе она была проникнута энтузиазмом. «Почти везде, — говорил Фуркруа еще в 1805 году, — я видел, что молодые люди повиновались без ропота и без рассуждений более молодым капралам и сержантам, добившимся заслуженного чина благодаря своему уму и усердию».

Может быть, он просто хочет сделать приятное императору? Но вот что говорит один директор гимназии: «Вся французская молодежь только и думает, что о военных; в научном отношении от нее нельзя много ожидать, по крайней мере при настоящих обстоятельствах».

«В школах, — говорит другой свидетель, — молодые люди отказываются изучать что-либо, кроме математики и военного искусства; многие десятилетние или двенадцатилетние мальчики умоляли своих родителей, чтобы те позволили им отправиться вслед за Наполеоном».

«Мундир, один мундир!» Военные всюду в почете — в театрах они не стоят в очереди у билетных касс, в кафе они могут выхватить газету у другого, если все экземпляры уже разобраны. И это не вызывает протеста!

Курсант военной школы Сен-Сир по имени Гаспар Ришар де Сульгре писал отцу о том, что его старшие товарищи были произведены в сублейтенанты. Вот в какой атмосфере это происходило: «Школа сотрясалась от тысячекратно повторяемого крика: “Да здравствует император! Офицеры!!! Мы — французские офицеры!”»

Это было накануне русской кампании.

Император французов был и королем Италии. Его приемный сын Евгений Богарне поведет в Россию 4-й корпус Великой армии, состоящий из итальянцев.

В конце 1812 года Наполеон приказал римскому князю Патрицици направить в военное училище Флеш двух сыновей — одного семнадцати, другого — тринадцати лет, причем он использует жандармов для доставки юношей к месту учебы. Здесь же учатся более 90 других итальянцев знатных фамилий: Дория, Паллавичини, Альфиери. Так же он поступает с молодыми людьми из илирийских провинций, государств Рейнского союза. Пансионеры получали по 800 франков в год. Не всем родителям разрешалось провожать детей: князя Патрицици задержали по дороге в Марсель и не пустили дальше.

После гибели армии в России Наполеон выберет 10 тысяч молодых людей из знатных французских семейств, в числе которых будут сыновья членов Конвента и вандейцев. Этот замечательный корпус назывался «Почетной гвардией».

Сражения Доминика Ларрея

Наполеон дал 60 сражений. В стольких же битвах участвовал Доминик Ларрей — знаменитый хирург и человек-легенда наполеоновской армии. Он был в Италии, Африке, Сирии, при Аустерлице, в Германии, Польше, Испании, Австрии и России.

«Ларрей, — говорил Наполеон, — был исключительно честным человеком и лучшим другом солдат, кото-

рого я когда-либо знал. Всегда бодрствующего и неутомимого в поисках раненых, Ларрея постоянно можно было видеть на поле сражения в сопровождении группы молодых хирургов, старающегося обнаружить хоть какие-нибудь признаки жизни в телах солдат и офицеров. В самую неприветливую погоду, в любое время ночи и дня Ларрея можно было найти среди раненых. Он почти не разрешал своим помощникам хотя бы минуту отдыха и всегда держал их на постах. Он не давал покоя генералам и вытаскивал их из постели по ночам всегда, когда хотел обеспечить пристанище и помощь раненым и больным. Они все боялись его, так как знали, что он немедленно отправится ко мне с жалобой на них. Он не преклонялся ни перед кем из них и был непримиримым врагом поставщиков».

Профессионал, одержимый своим делом, и великий гуманист — таким узнала его армия в Египте и Сирии. В армии вспыхнула эпидемия чумы, и Ларрей сообщил об этом Наполеону. Главнокомандующий с риском для жизни посетил чумной лазарет, подбадривая солдат, — но ни он сам, ни его врачи уже не могли помочь беде.

«Прежде чем покинуть Яффу, — рассказывал Наполеон доктору О’Мира, — и после того как большое число больных и раненых было принято на борт кораблей, я узнал, что в госпитале находятся солдаты, столь опасные больные, что их нельзя сдвигать с места».

Он попросил начальников медицинской службы высказать свое мнение относительно того, что делать дальше. Врачи сказали, что есть несколько безнадежно больных солдат, которые вряд ли проживут более суток. Пораженные чумой, они могут распространять эту болезнь. Остававшиеся в сознании понимали, что обречены, и умоляли предать их смерти.

«Ларрей придерживался того мнения, что их выздоровление невозможно и эти бедняги не смогут долго просуществовать; поскольку они еще могут оставаться живыми, когда в город вступят турецкие войска, которые привыкли причинять жестокие мучения своим пленникам, Ларрей считал, что было бы актом милосердия пойти навстречу пожеланиям этих бедняг и на

несколько часов сократить их жизнь. Деженетт не поддержал это предложение, заявив, что в соответствии с его профессией он должен лечить больных, а не умерщвлять их. Немедленно после совещания врачей ко мне пришел Ларрей и информировал меня о сложившихся обстоятельствах, а также о мнении Деженетта, добавив при этом, что, возможно, Деженетт прав. «Но, — продолжал Ларрей, — те солдаты не смогут прожить дольше, чем несколько часов, от силы двадцать четыре или двадцать шесть часов; и если вы оставите кавалерийский арьергард, чтобы защитить больных от передовых отрядов турок, то этого будет достаточно»».

Наполеон так и сделал. Кавалеристы вскоре доложили ему, что все больные скончались еще до того, как отряд покинул город.

Правда, это лишь одна версия события. В другой раз, рассказывая об этом случае, Наполеон заметил, что через несколько часов оставшиеся «были перерезаны». Сложно установить истину в том, что касается слов и действий военных, но правдивость рассказа о поведении доктора Ларрея не вызывает сомнений.

Во время битвы при Эйлау Ларрей отметил потерю чувствительности у раненых во время ампутации конечностей при температуре минус 19 градусов. На это сообщение впоследствии будут ссылаться приверженцы «холодовой» анестезии.

В те времена обезболивание не представляло собой стройной системы мероприятий, а операции часто делались без всякой анестезии. Чем дольше идет операция без обезболивания или при несовершенном обезболивании, тем выше вероятность смерти больного от операционного шока. Пока эфирный наркоз не был известен, хирурги стремились делать операции как можно быстрее и постоянно совершенствовали свою технику.

Во время кампании 1807 года у французов было много солдат с больными ногами. Наполеон хотел знать, почему это происходит. Ларрей ответил, что ноги восемнадцатилетних юношей недостаточно силь-

ны, чтобы переносить нагрузки длительных маршей. Император прислушался к его мнению и изменил призывной возраст с восемнадцати до двадцати лет — правда, лишь на время.

Наполеон всегда считался с мнением Ларрея. Он часто говорил, что знаменитому доктору надо поставить памятник за заслуги перед армией. Император пожаловал Ларрею титул барона.

В 1812 году Ларрей был столь же энергичен, как двадцать лет назад. Между тем многие армейские начальники, как замечает Альбер Вандаль, устали от войны: они «идут отяжелевшим шагом, еле волоча ноги, без прежнего увлечения и былой энергии! Они слишком богаты, слишком знатны; в них нет уже прежних порывов слепой, беззаветной преданности; они размышляют и критикуют».

Наполеон приказал поставить для Великой армии огромное количество водки. Однако вскоре этого напитка, который уступал русской водке по крепости, но превосходил ее качеством, стало не хватать.

Ларрей рассматривал русскую водку как наркотик, который на время снимает усталость и возбуждает. Увы, затем больной, уставший и голодный солдат испытывал настоящий паралич.

«В этой стране, — писал Сегюр, — вино и виноградную водку заменяют водкой, которую перегоняют из хлебных зерен и к которой примешивают наркотические растения. Наши молодые солдаты, истомленные голодом и усталостью, думали, что этот напиток поддерживает их силы. Но возбуждение, вызванное им, сопровождалось полным упадком сил, во время которого они легко поддавались действию болезней».

Были и смертельные случаи. Ларрей повествует о том, как в Можайске умирали рекруты Молодой гвардии: «Напившись, они отходили, покачиваясь, на несколько шагов от товарищей, кружились, падали на колени или садились и, посидев несколько минут неподвижно, тут же умирали без всяких стонов. Угнетенное душевное состояние, всевозможные лишения и чрезмерная усталость делали их восприимчивыми к вредным элементам этого напитка».

Ларрей требовал, чтобы подчиненные помогали и своим, и чужим солдатам. В Смоленске он распорядился, чтобы всех раненых русских солдат перенесли в госпиталь. Там они получали такое же лечение, уход и питание, что и французы.

«Хирурги работали день и ночь, — рассказывает Сегюр, — но уже на вторую ночь не хватало перевязочных средств. Не было белья, и его пришлось заменить бумагой, найденной в архивах. Дворянские грамоты употреблялись вместо лубков, и пакля заменяла корпию».

То же было ранее — в Вильно и Витебске. «Наши хирурги, — продолжает Сегюр, — употребляли даже свои рубашки на перевязку раненых, так как белья уже не хватало».

Настал день великой битвы «под стенами Москвы», которой не суждено было стать решающей. Наполеон хотел поставить победную точку, но все еще только начиналось!

Стендаль говорит о том, что вокруг Наполеона царило глубокое молчание: «Рассказывают, что во время самых великих его сражений в том месте, где он находился, можно было, если не считать гула канонады, дальней или близкой, услышать полет осы: люди боялись кашлянуть».

В отличие от главнокомандующего полевой хирург не знает, что такое «глубокое молчание». Он должен работать без сна и отдыха и постоянно слышит скорбные звуки. Раненые стонут, кричат и зовут на помощь.

Офицер Фабер дю Фор²⁸⁶ записал в своем дневнике: «Страшное впечатление представляло после битвы Бородинское поле. При полном почти отсутствии санитарной службы и деятельности все селения были набиты ранеными в самом беспомощном положении. Селения погибали от беспрестанных хронических пожаров, свирепствовавших в районе расположения и движения французской армии. Те из раненых, которым удалось спастись от огня, ползали тысячами у большой дороги, ища средства продолжить свое жалкое существование».

Почему у офицера создалось впечатление «почти полного отсутствия санитарной службы и деятельности»? Госпитали французской армии далеко отстали. Применявшаяся Ларреем «тактика работы в одной точке», когда помощь оказывается внутри армии, дала сбой.

Хирурги остались в Смоленске, вспоминает Ларрей, «а походные госпитальные фуры были позади». «Промедление на сутки нашей стоянки под Гжатском позволило многим фурам походного госпиталя догнать нас, и я был сравнительно счастлив, что могу, несмотря на отдаленность резерва, оказать в нужную минуту необходимую помощь».

«Главный хирург Ларрей собрал помощников во всех полках, — рассказывает Сегюр. — Прибыли и походные лазареты. Но всего этого было недостаточно. Впоследствии он жаловался в печатной реляции, что ему не оставили ни одного отряда, при помощи которого он мог бы потребовать в соседних деревнях предметы первой необходимости».

«В течение первых суток я сделал до двухсот ампутаций», — говорит Ларрей.

Однако многие солдаты так и не дождались помощи. Не было возможности хоронить погибших. Армия Наполеона пойдет дальше, преследуя русских. Поле боя останется воронью, коршунам и волкам.

На обратном пути воины будут потрясены видом этого поля. Вдруг они услышат крики несчастного, звавшего на помощь. Это был солдат с раздробленными ногами.

— Я был ранен в день этой великой битвы, — рассказал солдат, — но так как я лежал в стороне, то меня никто не заметил и не пришел ко мне на помощь. С тех пор я кое-как дотащился до ручья и питался травами, корнями и несколькими кусками хлеба, найденными мною на трупах. Ночью я ложился в брюхо мертвых лошадей, и их свежая кожа залечила мои раны лучше всяких лекарств. Сегодня, увидев вас издали, я собрал все свои силы и пополз поближе к дороге, чтобы вы слышали мой голос.

Московский виноград

Н. И. Греч²⁸⁷ писал о том, что Наполеон посылал в Россию военных инженеров, «которые, прибыв по большей части под видом коммивояжеров, должны были чертить планы для французской армии. Почти все эти агенты, так же как кое-кто из шпионов, были опознаны, арестованы и поселены под надзором в нашем тылу, где вольны были продолжать свои разыскания; однако по окончании войны правительство выдворило их за пределы России».

Московский губернатор Ростопчин²⁸⁸ издавал патриотические «афишки», вводя народ в заблуждение, но сам действовал сообразно обстановке. Из города за благовременно вывезли архивы, общественные и государственные кассы. Дворяне и богатые купцы упаковывали свое имущество и готовили транспорт.

Видя это движение, простые горожане также оживились и стали готовиться к эвакуации. Французы, жившие в Москве, боялись проявлений насилия со стороны русских и попрятались.

Писатель Иван Лажечников²⁸⁹, бывший новобранцем 1812 года, рисует картины встречи с пленными солдатами армии Наполеона: «Между тем как дядька мой устраивал дорожные сборы, поехал я за город, к Филям и на Поклонную гору, куда народ стекался смотреть на пленных французов, взятых в деле бородинском. Солнце уж западало, но, далеко не доходя до земной черты, скрывалось в туманном горизонте, который образовали жар и пыль, поднятые тревожною жизнью города и еще более тревожною жизнью между городом и отступающим войском. В Филях нашел я действительно много пленных разнородных наций. В речах и поступках своих французы казались в это время не пленниками нашими, а передовыми великой армии, посланными занять для нее квартиры в Москве».

Наполеона ждало великое разочарование — никто из русских не вышел его приветствовать. Поговорить он смог только с «московскими французами».

У Дорогомиловского моста приведен был к нему книгопродавец Рис. Когда москвичи бежали, Рис остался в городе при своей лавке. Выйдя на звуки труб и барабанов, он был схвачен французами и представлен императору.

— Кто ты? — спросил Наполеон.

— Французский книгопродавец.

— А! Стало быть, мой подданный.

— Да, но давнишний житель Москвы.

— Где Ростопчин?

— Выехал.

— Где городское управление?

— Также выехало.

— Кто же остался в Москве?

— Никого из русских.

— Быть не может! — воскликнул император.

Рис, говорят, поклялся в истине своих слов. Тогда Наполеон нахмурил брови и, постояв некоторое время в глубокой задумчивости, скомандовал: «Марш, вперед!»

«Французы, жители Москвы, — пишет Сегюр, — решились наконец выйти из своих убежищ, где они прятались в течение нескольких дней, чтобы избежать народной ярости».

«В надежде, что французская армия действительно сменила арьергард русских, мы, жившие в Москве французы, осмелились открыть ставни, — вспоминает мадам Домерг, жена театрального режиссера. — Подняли шторы; прижав лица к стеклам, мы старались узнать, что происходило на улице, как вдруг сильные удары в дверь снова возбудили в нас ужас. Мы поскорей закрыли окна и ставни. Опять стучат. То же молчание с нашей стороны. Наконец энергическое восклицание на чистом французском языке уничтожило всякое сомнение в том, кто были наши посетители. Это французы, освободители! Мы суедемся, спешим, летим отворять... “Черт возьми, сударыня! Когда люди сделали две с половиной тысячи верст беглым шагом, чтобы иметь удовольствие видеть вас, вы могли бы, кажется, проворнее отворить, потому что, если я не ошибаюсь, судя по кокарде нашего великого императора, вы француженка, не так ли?”»

О следующем акте великой драмы рассказывает актриса Луиза Фюзиль: «Слуги в панике вбежали в наши комнаты и сказали, что полиция стучалась во все двери и приказывала жителям уйти, потому что собирались поджечь город, а пожарные насосы все увезли...»

Москва загорелась, и никакие усилия слуг императора не могли остановить пламя. Наполеон хотел сохранить город в полном порядке и отдавал соответствующие распоряжения еще до того, как въехал в Кремль. Благородство, милость к побежденным — важные козыри в политической игре, которую он вел.

Но все пошло прахом! Все жертвы напрасны, все планы нарушены! Любитель порядка столкнулся с таким хаосом, которого не мог обуздать!

Барон Ларрей рассказывал о том, что люди низкого сословия, оставшиеся в Москве, бродили от одного дома к другому, повсюду гонимые пожаром, и выпускали жалобные стоны. Желая спасти самое ценное из имущества, они сгибались под тяжестью узлов, но часто бросали их, чтобы убежать от языков пламени. Женщины несли на плечах одного, а то и двух детей и тащили других за руку. Чтобы уйти от смерти, грозившей им отовсюду, они бежали, подобрав юбки, и укрывались за домами, однако сильный огонь вынуждал их вскоре бежать дальше. Многие, не сумев выбраться из этого лабиринта, нашли там свой горестный конец. Ларрей видел стариков с опаленными огнем бородами, которых их дети спешили вывезти на тележках из этого ада.

«Горели и Кремлевские ряды — огромное здание с портиками, похожее на парижский Пале-Рояль».

Один французский офицер впоследствии писал, что со времени революции не было такого беспорядка в армии: «Все улицы были полны человеческими трупами, перемешанными с падалью лошадей и других животных... Здесь кричали караул... там жители выдерживали в домах настоящую осаду, защищая свои очаги, уже ограбленные и переограбленные, против окончательного разорения от пьяного солдатства, доведенного до бешенства вином и этими попытками сопротивления».

Московский католический священник, очевидец событий, говорит: «Солдаты не щадили ни стыдливости женского пола, ни детской невинности, ни седых волос старух... горемычные обитатели, спасаясь от огня, были принуждены укрываться на кладбищах».

«Церковная утварь, образа и все священные вещи верующих, — продолжает аббат, — были пограблены или позорно выброшены на улицы. Священные места были превращены в казармы, бойни и конюшни; даже неприкосновенность гробниц была нарушена. Никогда города, даже взятые приступом, не подвергались большему поруганиям».

Когда Лев Толстой работал над романом «Война и мир», то в числе прочих документов и свидетельств он использовал письма М. Волковой, московской дамы высшего света, к ее петербургской подруге и родственнице В. Ланской.

Мария Волкова подробно пишет о настроениях, надеждах и страхах москвичей до прихода Наполеона в столицу. Здесь можно прочесть рассказы о победах русского оружия, оказавшиеся ложными слухами, о побитых толпой иностранцах, принятых за французов, о радости людей при известии о назначении Кутузова на пост главнокомандующего русской армией и даже краткие описания битв.

Наконец дело дошло до отъезда из столицы, обреченной на сдачу врагу. Люди устремились в Рязань, Нижний Новгород, Ярославль. Волкова отправляется вначале в Рязань, а через несколько дней приезжает в Тамбов.

Оттуда она пишет В. Ланской 3 сентября: «Ведь ежели Москва погибнет, все пропало! Бонапарту это хорошо известно; он никогда не считал равными наши обе столицы. Он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва, а блестящий, нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве. Это неоспоримая истина».

А вот отрывок из письма от 15 октября: «Поймали нескольких курьеров, отправленных во Францию,

между прочим, одного, посланного до вступления французов в Москву. Он вез письма, в которых эти подлецы обещали своим соотечественникам описать подробно все удовольствия, ожидавшие их в столице России, воображая, что они будут там танцевать и веселиться. Они говорят о своем нетерпении увидеть самых хорошеньких женщин. Другой же курьер, отправленный уже из Москвы, вез известия иного рода. Они писали, что не видывали более варварского народа, что он все покидает, лишь бы не преклонить колен перед неприятелем, что легче покорить легион демонов, чем русских, если бы даже вместо одного было десять Бонапартов. Когда слышишь это и читаешь петербургские вести вроде вышеупомянутой, руки упадают. Но не угодно ли подивиться этим негодьям французам, называющим нас варварами, потому что мы не принимаем ни их любезностей, ни их законов? Можно ли завираться до такой степени?! Как осмеливаются они называть варварами народ, сидящий тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападают, и скорее соглашается всего лишиться, чем быть в порабощении? Образованными они зовут орду бродяг, вырвавшихся из ада, чтобы жечь, разорять и проливать кровь. Что они ни говори, а быть русским или испанцем есть величайшее счастье; хотя бы мне пришлось остаться в одной рубашке, я бы ничем иным быть не желала, вопреки всему».

Дезорганизации во французских частях не было (это подтверждают и русские источники): она начнется лишь при отступлении.

Обычно мародерство, грабежи и насилие над мирными жителями карались расстрелом или каторгой. Французское командование пыталось навести порядок и в Москве, но ситуация явно вышла из-под контроля. Ведь это происходило в городе, брошенном местными жителями и подожженном! Рассуждали просто: «Если я что-то не возьму, оно все равно сгорит!» Невиданное дело — к грабегам подключилась императорская гвар-

дия, имевшая все необходимо! Но более всех преуспели баварцы, вестфальцы, поляки, итальянцы. В этих частях заметно падает дисциплина.

Верещагин²⁹⁰ писал: «Особенно свирепствовали немцы Рейнского союза и поляки: с женщин срывали платки и шали, самые платья, вытаскивали часы, табакерки, деньги, вырывали из ушей серьги... баварцы и виртембергцы первые стали вырывать и обыскивать мертвых на кладбищах. Они разбивали мраморные статуи и вазы в садах, вырывали сукно из экипажей, обдирали материи с мебели...»

«Вообрази: теперь открывается, что величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами, — писала Волкова Ланской 31 декабря 1812 года. — Так говорят очевидцы, бывшие в Москве в течение шести ужасных недель».

Верещагин повествует о том, что «французы были сравнительно умеренны и временами являли смешные примеры соединения вежливости и своевольтва: забравшись, например, по рассказу очевидца, в один дом, где лежала женщина в родах, они вошли в комнату на цыпочках, закрывая руками свет, и, перерыв все в комодах и ящиках, не взяли ничего принадлежащего больной, но начисто ограбили мужа ее и весь дом».

Один французский воин, вспоминает офицер Лабом, нашел на кладбище женщину, которая недавно родила ребенка. «...Этот великодушный солдат, тронутый положением несчастной, окружил ее своими заботами и в продолжение многих дней делился с ней крохами съестных припасов, которые ему удавалось раздобыть».

По городу разыскивали французских артистов. Они должны были играть в наскоро устроенном театре, в доме Позднякова на Большой Никитской улице. Зал привели в порядок. Сшили занавес из парчи священнических риз — она пошла и на костюмы. Партер освещала большая люстра, взятая из церкви. Мебель принесли из домов частных лиц. Оркестр был составлен из полковых музыкантов.

Многие генералы, офицеры и солдаты ежедневно заполняли зал. Первые ряды отвели награжденным

крестами Почетного легиона. Зрители платили за билеты больше положенного и не требовали сдачи.

«Московских французов», потерявших имущество и оставшихся без средств, поместили в здание медицинкой школы. Им предложили служить по военной или административной части. Многие пошли на это, но вскоре оказались перед тяжелым выбором — остаться в городе, испытывая судьбу, или уйти вместе с армией.

Из своей Главной квартиры в Москве Наполеон приказывает австрийскому, баварскому, вюртембергскому государям: «Я не только желаю, чтобы посылались подкрепления, но я желаю также, чтобы преувеличивались эти подкрепления и чтобы государи заставили свои газеты печатать о большом числе отправляемых войск, *удваивая* это число».

21 сентября он назначает Алессандро Вольту президентом коллегии выборщиков. Три вечера он редактирует устав театра «Комеди Франсез», утверждает его и подписывает соответствующий декрет.

«Нельзя понять, — говорит Лабом, — как мог Наполеон ослепнуть в такой мере, чтобы не понять необходимости немедленно уйти. Ведь он видел, что столица, на которую он рассчитывал, уничтожена и что зима подходит... Должно быть, Провидение, чтобы наказать его гордыню, поразило его разум, если он мог думать, что народ, решившийся все жечь и уничтожать, будет настолько слаб и недалек, чтобы принять его тяжелые условия и заключить мир на дымящихся развалинах своих городов».

«Сегодня вечером генерал Ван-Дедем, человек очень обязательный, прислал г-ну Дарю жалкую маленькую виноградную лозу в горшочке, — писал Стендаль графине Пьер Дарю из Москвы 16 октября 1812 года, то есть за три дня до начала отступления. — Правда, на ней были три кисточки винограда, два листика и пять или шесть почек. Это была эмблема бедности. Г-н Дарю, со своей обычной любезностью, захотел, чтобы мы все поели его; эти бедные виноградинки имели вкус уксуса; нельзя было представить ничего более грустного...»

«Верьте мне, — говорил один старый польский полковник, покидая Москву, — страшный суд постигнет нашу армию... Мы идем навстречу мрачной будущности. Москва уничтожена, армия деморализована, кавалерия погибла; если нас застигнет теперь зима, то я не знаю, что, не исключая и гения самого императора, может спасти нас от катастрофы».

«Как же это случилось, — вопрошает Сегюр, — что в Москве ни о чем не позаботились? Почему такая масса солдат, умерших с голода и холода, оказались нагруженными золотом, вместо нужных им одежды и провизии? Каким образом за тридцать три дня отдыха не успели заковать лошадей на острые шипы, которые дали бы им возможность лучше и быстрее двигаться? Почему, если не было на все приказа от самого Наполеона, предосторожности эти не были приняты другим начальством, гг. королями, князьями и маршалами? Разве не знали, что в России после осени наступает зима? Приученный к сметливости своих солдат, Наполеон уж не вздумал ли положиться на них самих?»

Так оно и было! «Вы не знаете французов, — говорил император Коленкуру, — у них будет все, что нужно; одна вещь будет заменять другую».

Перед выступлением из города раненых и больных эвакуировали. «...Что касается тех, кого нельзя было увезти, мы собрали их в Воспитательном доме, в котором я собрал три дивизии военных врачей для ухода, — пишет доктор Ларрей. — Я оставил с русскими ранеными нескольких французских хирургов, которые давно уже жили в городе и просили меня об этом, думая оказать услуги раненым и заслужить благоволение русского правительства».

Сегюр рассказывает о француженках с детьми, следовавших вместе с армией: «Прежде эти женщины были счастливыми обитательницами Москвы: теперь они бежали от ненависти москвичей, которую вызвало на их головы нашествие: армия была единственным их убежищем. За армией также следовало несколько русских девушек, добровольных пленниц».

Слово «отступление» не произносилось вслух. Солдаты Великой армии разыгрывали из себя победителей и вели несчастных пленных (некоторые из этих людей будут освобождены русской армией, казаками или партизанами, другие подвергнутся жестоким казням или погибнут от мук). «Триумфаторы» взяли с собой и крестьян («для услуг», говорит Лабом), которых сопровождали жены, дети, девушки.

Несчастные женщины страдали больше всех. «В этом ужасном походе, — вспоминает г-жа Фюзиль, — с каждым новым днем я говорила себе, что, наверное, не доживу до конца его, только не знала, какую смертью умру... Когда останавливались на бивуаке, чтобы согреться и поесть, то садились обыкновенно на тела замерзших, на которых располагались так же удобно и бесцеремонно, как на софе... Целый день было слышно: ах, Боже мой! У меня украли портмоне, у других — мешок, хлеб, лошадь, и это у всех — от генерала до солдата... Все время проталкивались: “Пропустите экипажи маршала такого-то, потом другого, потом генеральские”. Нужно переходить через мост: с обеих сторон рядами генералы, полковники — стоят, несмотря на всю сутолоку, чтобы по возможности ускорить проход своих повозок, — казаки были всегда недалеко...»

«Невыразимо было жалко, — пишет Лабом, — французенок, ушедших от мщения русских из Москвы, рассчитывавших на полную безопасность среди нас. Большая часть пешком, в летних башмаках, одетые в легкие шелковые и люстриновые платья, в обрывки шуб или солдатских шинелей, снятых с трупов. Положение их должно было бы вызвать слезы у самого загрубелого человека, если бы обстоятельства не задушили всех чувств.

Из всех жертв войны ни одна не была так интересна, как молодая, милая Фанни: хорошенькая, скромная, приветливая, остроумная, говорившая на нескольких языках, обладавшая всеми качествами, способными вскружить голову самому нечувствительному, она была принуждена нищенски выпрашивать всякую самую незначительную услугу, и кусок добытого хлеба заставлял ее расплачиваться самым позорным образом: подавая

ей милостыню, мы злоупотребляли этим, заставляя бедняжку принадлежать ночью тому, кто кормил ее днем. Я видел ее даже за Смоленском, но уже не бывшую в состоянии идти — она держалась за хвост лошади и, когда силы изменили, упала на снег, где, вероятно, и осталась, не вызвав ни жалости, ни взгляда сочувствия».

Лабом повествует и о другой женщине: «История этой особы стбит того, чтобы рассказать о ней: заблудилась ли она или, по своей романтической натуре, напросилась на приключение, но ее нашли спрятавшуюся в подземелье Архангельского собора. Девушку привели к элегантному французскому генералу, который сначала взял ее под свое покровительство, а потом, прикинувшись влюбленным и обещавши жениться на ней, сделал ее своею любовницей... Она переносила все беды, лишения с истинным мужеством добродетели. Неся уже в себе залог любви, которую она считала естественною и законною, она гордилась тем, что будет матерью, и тем, что следует за своим мужем. Но тот, который всего наобещал ей, узнавши, что мы не остановимся в Смоленске, решил порвать связь, на которую никогда и не смотрел иначе как на забаву. С черною душой, недоступным жалости сердцем, он объявил этому невинному существу под каким-то благовидным предлогом, что им необходимо расстаться. Бедняжка вскрикнула от отчаяния и объявила, что, пожертвовавщи семьей и именем тому, кого считала уже своим мужем, считала своим долгом идти за ним всюду, и что ни усталость, ни опасности не отвратят ее от решения следовать за любимым человеком.

Генерал, нимало не тронутый такою привязанностью, сухо объявил еще раз, что необходимо расстаться, так как, во-первых, по обстоятельствам оказывается невозможным держать женщин; во-вторых, он женат, почему ей лучше всего возвратиться в Москву, к жениху, который, вероятно, ее ожидает. При этих словах несчастное существо просто окаменело: бледная, еще более помертвелая, чем тогда, когда ее нашли между гробницами кремлевского собора, она долго не могла открыть рта; потом плакала, стонала и, подавленная горем, впала в беспамятство, которым предатель вос-

пользовался, не для того, чтобы избежать трогательно-го расставания, а просто для того, чтобы убежать от русских, крики которых уже доносились...»

Не имея нормального питания и ночлега, люди выбивались из сил. Гвардия отступала в порядке, но остальная армия превратилась в нестройную толпу. «С тех пор как температура опустилась ниже девяти градусов, ни в одном корпусе французской армии я уже не видел ни одного генерала на своем месте», — признавал Наполеон.

У солдат были деньги и ценности, но это не помогало. «Распорядители кредитов» страдали наравне со всеми. Стендаль писал графине Дарю из Смоленска 10 ноября: «Весь марш из Москвы досюда я проделал отдельно от своего патрона. Наша армия пошла бить русских под Малоярославцем. Очень досадно, что это победоносное сражение получило такое диковинное название; говорят, это был великолепный бой, и никогда русских не гнали с их позиций более блестящим образом. Я не присутствовал при этих блистательных делах, я покинул Москву 16 октября и прибыл в Смоленск с жалким маленьким обозом, который подвергся нападению казаков, имевших, между прочим, неделикатность захватить мой ящик с продовольствием, так что восемнадцать дней я питался солдатским хлебом и водой. Все это потому, что у меня теперь длинный титул: “Начальник заготовок резервного провианта”, — каковой титул не доставлял мне пока еще много хлопот». «Всю дорогу от Москвы мы переносили дьявольские физические муки. Ни один рыночный грузчик не доходит к концу дня до такого изнеможения, как бывало с нами каждый вечер, когда мы строили себе маленький шалаш из сухих ветвей и зажигали костер». «Нас всех можно испугаться. Мы похожи на своих лакеев. Это в буквальном смысле; первого из нас, кто приехал в Смоленск, приняли за дерзкого лакея, потому что он подошел к хозяину дома и подал ему руку. Мы очень далеки от парижской элегантности».

Гофмаршал Дюрок писал обер-камергеру Монтескью²⁹¹: «Как видите, все наши приготовления для зимовки в Москве оказались бесполезными и все наши надежды на удовольствия и на зрелища пошли прахом, но не совсем, однако, ибо мы возим с собой комическую труппу, и если она не застрянет где-нибудь по дороге, то мы будем иметь удовольствие смотреть комедию там, где будем стоять на зимних квартирах. Мы совершенно не знаем, где это будет, все будет зависеть от хода событий и от движений неприятеля. Смоленск сохранился не лучше Москвы. Он выжжен в такой же степени, как и столица».

«Никогда я еще так не страдал, — признавался жене доктор Ларрей. — Египетский и Испанский походы были ничто в сравнении с теперешним, и все-таки злоключения наши далеко еще не окончились. Я чувствовал себя очень дурно по приезде сюда, но 24 часа отдыха помогли мне прийти опять почти в то же самое состояние, в котором я был при выезде из Москвы. При том же я могу сказать все-таки, что здоров, а потому не беспокоюсь. Как и товарищи мои, я потерял почти все, и мы не имеем никакой надежды на вознаграждение. Нередко приходилось нам радоваться кусочкам мяса от павших лошадей, попадавшихся нам по пути. Их поджаривали на угольях, и в этом заключалась вся наша пища».

Тяжело приходилось и Ларрею, и его врачам. Когда большинство думало лишь о куске хлеба и ночлеге, доктора продолжали выполнять свой долг. «Мне посчастливилось, и я за большие деньги купил два мешка муки, которые и разделил между своими товарищами, у которых была самая настоятельная нужда», — говорит Ларрей.

Противник, со всех сторон теснивший Великую армию, перехватывал и письма Наполеона, и депеши, адресованные генерал-почтдиректору Империи. Буден, главный комиссар службы полевой императорской почты, писал графу Лавалетту: «У меня мало чего сообщить вам относительно службы; мы теряем ежедневно по несколько штук лошадей из-за недостатка корма и вследствие трусости почтарей; условия затруднительны, но они все-таки виноваты, и я заставлю их заплатить за потерянных лошадей и седла»²⁹².

Обычное дело — доставить письма адресату — превратилось в крайне рискованное занятие. Со времен Польской кампании работники императорской почты привыкли к тому, что для выполнения задания нужно проскакать всю Европу. Минимум раз в неделю аудитор Государственного совета доставлял Наполеону министерские портфели, полные бумаг. Служащие мчались во весь опор, меняя лошадей на почтовых станциях. Курьеры и чиновники привыкли к маршрутам «Париж-Варшава», но в 1812 году им приходилось достигать Вильны, Смоленска, Москвы, а затем возвращаться обратно.

Дивизионный генерал Луи Барагэ д'Илье²⁹³ пишет жене из Ельни 4 ноября: «...Жизнь наша, как передового войска: спим на соломе, за два часа до рассвета уже на ногах, частенько не слезаем с лошади по 16 часов кряду, сапог никогда не снимаем, по ночам нас то и дело будят; питаемся скверно: без вина, все на черном ржаном хлебе, и пьем отвратительную воду. Много нужно сил, чтоб выносить все это. Меня и не удивляет, что в армии столько болезней. Наш образ жизни и здешний климат — враги посильнее русских». «Если б вы только знали, как часто я о вас думаю, как тоскую по вас, для вас одной я принес в жертву мои склонности, мое спокойствие, мое счастье и здоровье: ведь если б не вы, я давно бы оставил службу, довольный, совершенно довольный моими скромными средствами. Конечно, я не упрекаю вас в этом, так как считаю своим долгом приносить вам все жертвы; в минуты, когда я делаюсь ко всему равнодушным и мною одолевают тоска и недовольство, меня поддерживает сознание, что я могу жертвовать для вас всем. Но всему бывает конец, и я думаю достигнуть его после настоящей кампании».

Это — одно из писем из России во Францию, задержанных «черным кабинетом Наполеона» или почтой в Гамбурге. Странными кажутся опасения, что подобные письма произведут плохое впечатление во Франции, — на фоне того, что произошло дальше.

48-летний генерал Барагэ д'Илье скончался в Берлине в январе 1813 года.

Ропот нарастал. Однажды Наполеон захотел согреться у костра. Он привык к тому, что солдаты с восторгом встречают своего вождя. Однако Коленкур, посланный найти место отдыха, вдруг услышал такие речи, что посоветовал его величеству не останавливаться.

Но избежать грубых сцен все же не удалось. Чиновник военной администрации, которому колесами тяжелой повозки отдавило обе ноги, упал в снег, а затем закричал проходившему мимо Наполеону: «Чудовище, ты десять лет уже грызешь нас! Друзья мои, он — бешеный, он — людоед! Берегитесь его, он сожрет всех вас...»

Император принял безразличный вид, а его подданный продолжал оскорблять виновника гибели многих тысяч страдальцев, в том числе женщин и детей.

«Среди обрушившихся на нас несчастий, — вспоминает другой военный чиновник, — мы проклинали императора; его обвиняли мы в своих страданиях. Но стоило ему появиться, — и престиж его, этот своего рода ореол, окружавший великих людей, нас ослеплял; каждый из нас вновь обращал к нему доверие и повиновался малейшему проявлению его воли».

Когда солдаты и офицеры видели сохранившуюся деревню, они всякий раз хотели остановиться и отдохнуть — хотя бы денек! Все только и говорили об этом.

— Господа! — отвечал Наполеон. — Один день — это очень много. Нельзя останавливаться. Идемте!

«Говорят, что смерть от замерзания очень приятна! Я верю этому! — восклицает Луиза Фюзиль. — Я слышала, как кто-то говорил мне: “Не оставайтесь здесь, вставайте”... Меня трясли за руку, и мне было неприятно, что меня беспокоят. Я испытывала приятное беспомощное состояние человека, засыпающего спокойным сном. Наконец я уже больше ничего не слыхала и потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, то увидела, что нахожусь в какой-то избе. Я была завернута в меха, и кто-то, держа меня за руку, щупал мне пульс: это был барон Деженетт. Меня окружали люди: и мне казалось, что я просто очнулась от сна, но я не могла сделать ни малейшего движения — так я была слаба!

Я с удивлением смотрела на окружавшие меня мундиры... Старый маршал Лефевр подошел ко мне и сказал: “Ну, как дела? Вы возвращаетесь издалека”.

Оказалось, что меня нашли в снегу. Сначала меня хотели положить около большого костра, но барон Деженетт закричал: “Берегитесь, вы ее сейчас же этим убьете, заверните ее как можно лучше в меха и поместите в холодную нетопленную комнату”».

Маршал принес актрисе большой стакан крепкого кофе, а затем усадил в свою карету. А доктор Деженетт скоро попадет в плен.

Ларрей был и спасителем, и «доброй нянькой». Но его заботу порой принимали не так, как следовало. Адъютант Каstellлан, разделивший ночлег с Ларреем, был «страшно раздражен» беспрестанными уговорами доктора закутать отмороженную руку в мех. Меха у Каstellлана попросту не было.

Вскоре товарищи дали Каstellлану женскую лисью накидку, крытую лиловым шелком, с которой он потом не расставался. «...Во время переходов она предохраняла мою отмороженную руку от повторения несчастья, ночью же мешала мне умереть от холода», — рассказывает Каstellлан.

— Он слишком честолюбив, — говорили про Наполеона солдаты и все-таки шли за ним.

— Мы постоянно шли за ним, — вспоминали старые гренадеры, побывавшие в Москве, — мы не могли оставить его и дать ему идти одному.

— Холодно тебе, мой друг? — спросил вождь своего солдата, шедшего вместе с ним в лютой мороз.

— Нет, государь, когда я смотрю на вас, мне тепло! — ответил боец.

Так «сын» ответил «отцу». Но «дети» не всегда были кроткими и послушными. «Ворчуны» полагали, что военные действия происходят потому, что они одобряют решения императора и разделяют его стремления. Когда при переходе через перевал Гвадарраму они посчитали, что главнокомандующий безумствует и заставляет их совершать никому не нужные подвиги, то стали переговариваться о том, чтобы пристрелить его. Позже, под Асперном и Эссингом, гвардия в ультиматив-

ной форме потребовала, чтобы вождь не подвергал себя лишней опасности: «Бросай оружие, пока император не уйдет из-под пуль».

Они знали, что говорили — месяцем раньше, во время штурма Ратисбона (Регенсбурга), Наполеон был ранен в правую ногу. Армия тут же узнала о новости, врач бросился помогать императору, а тот, не обращая внимания на боль, объехал фронт, демонстрируя свою силу и раздавая награды отличившимся бойцам.

Таким он был при Ратисбоне в 1809 году, но что с ним случилось при Бородине?

Когда Наполеон простился с супругой 26 мая в Дрездене, после сказочной церемонии встречи с монархами, герцогами и князьями, та горько рыдала. Она боялась разлуки и неизвестности.

«Вы достаточно знаете меня, — писала она своей придворной даме, — чтобы представить себе, как я грущу и чувствую себя несчастной. Я стараюсь превозмочь себя, но мне не будет веселее вплоть до того момента, когда я вновь увижу его».

Письма Наполеона Марии-Луизе из России совсем не похожи на письма Жозефине из Италии. Сколько страсти и поэзии содержали письма первого похода! А что теперь?

«Ты понимаешь, что я стремлюсь душой к тебе так же, как и ты ко мне, и я хотел бы быть с тобой, чтобы высказать тебе все те чувства, которые я питаю к тебе. Будь здорова, мой друг. Весь и навсегда твой».

Женщине мало «понимать», чувства же лучше не «высказывать», а выказывать!

Императрица покинула Дрезден через несколько дней после отъезда Наполеона к армии. Она направилась в Прагу, у нее появился «почетный эскорт» — граф фон Нейперг²⁹⁴, ставший ее любовником, а после смерти Наполеона — супругом.

1 июля императрица поехала в Карлсбад, а затем во Францию. 18 июля она воссоединилась с сыном во дворце Сен-Клу.

События давали все основания надеяться на скорое возвращение императора.

В одном из писем в августе Гёте вопрошал: «Что вы скажете, если не в моей власти датировать это письмо иначе, как “день торжества Наполеона при оглушительном колокольном звоне и громе пушек. 1812 год”».

Наконец Москва взята. Ничего сенсационного для политиков и хорошая тема для поэтов.

«Падите, башни Кремля! Падите, час настал! Вот эти воины, столь часто не поддававшиеся! Ваша безнаказанная гордыня чрезмерно возвысилась: Как она обрушилась к вашим подножьям.

Но нет! Готовый поразить громом остановился: Кто удерживает твой гнев? Это длань победителя. Не спорь с его блестящей победой, Москва! Твоя милость в его сердце.

Таким вижу я героя, коему предшествует молния. Он решил дать стране, восставшей против него, коммерцию, искусства, мир и изобилие, которые расцветают при его поддержке» (Ж. Б. Баржо. Ода «Завоевание Москвы»).

Покорение Москвы, как писали французские газеты, — это нечто «выходящее за пределы всего, что давала нам доселе его полная чудес история».

Ликованию не было предела. Опасались лишь одного: как бы император не проследовал триумфально в Индию вместо того, чтобы поскорее вернуться.

Другая императрица — ибо ее не лишили этого титула — едет из Мальмезона в Милан, куда ее пригласил сын, имперский принц Евгений Богарне, командир корпуса Великой армии. Она находит невестку Августу Амелию²⁹⁵ «отменно выглядящей», а внуков — «прелестными и ласковыми».

31 июля, после тяжелых родов, супруга принца родила сына. Жозефина пишет Евгению в Россию: «Твой сын — крепыш, весельчак и сама нежность. Мы с ним прекрасно ладим».

Жозефина вновь пускается в путь, переваливает через Альпы и приезжает на курорт Экс-ле-Бен, а затем в

свой новый дом в Преньи. Она принимает приглашения, навещает префекта Капелла²⁹⁶, затем отправляется в префектуру Женевы, центр департамента Монблан, на прием в честь победы Наполеона над русскими армиями. А король Вестфальский Жером Бонапарт, дезертировавший в начале кампании, 13 ноября устраивает бал в честь открытия в Касселе новой статуи Наполеона.

Вернувшись в Париж, Жозефина узнает о заговоре генерала Мале. И понимает, что императора надо беречь.

Она пишет сыну: «Злодеи способны на все. Передай от меня императору, что он плохо поступает, селясь во дворцах и не проверив, а вдруг они заминированы».

Император приучил всех не сомневаться в исходе сражений. Однако, в дополнение к обычным победным реликвиям, свежие бюллетени Великой армии содержали и слова, побуждавшие к размышлению. Почему армия отступает, хотя и со славой?

«Мы начали пробуждаться ото сна», — вспоминала герцогиня д'Абрантес.

«Мне что-то непонятна история с московским пожаром и всем прочим», — призналась Евгению сестра Гортензия.

Непонятными кажутся и взрывы хохота, прозвучавшие через несколько дней после Березины. Да, было и такое!

«1 декабря ставка была в Стойках; такого скверного ночлега мы еще никогда не имели, — рассказывает Коленкур. — Мы прозвали эту деревню Мизерово (от французского слова “misere” — нищета). У императора и начальника штаба были маленькие ниши в 7—8 квадратных футов каждая.

В другой комнате набились все остальные чины штаба. Холод был такой, что все искали спасения в этой комнате, переполненной так, что можно было задохнуться; лежать можно было только на боку, так как больше места не было. Было так тесно, что если бросить иголку, она не упала бы на пол.

Выходя из комнаты, кто-то в темноте наступил на ногу г-на де Боссе²⁹⁷, который ехал с нами из Москвы в коляске и жестоко страдал от подагры. Проснувшись от боли, причиненной ему этой косолапостью, несчастный закричал: «Это ужасно! Это убийство!» Те, кто не спал, расхохотались, и смех разбудил спящих, и вот, в конце концов, и самые серьезные люди, в том числе и бедняга больной, и самые легкомысленные громкими взрывами хохота одинаково уплатили свою дань этому минутному веселью. Я рассказываю об этой сцене, чтобы показать, до какой степени человек привыкает к самым прискорбным событиям и становится почти бесчувственным зрителем величайших несчастий, а в то же время его развлекает самый ничтожный пустяк».

А еще через несколько дней взорвалась бомба, подложенная под Империю: 29-й бюллетень!

Всё новые зловещие подробности увеличивали ужас впечатления от событий в далекой России. Обычно бюллетени называли и имена героев, и имена тех выдающихся воинов, офицеров и генералов, которые были убиты либо ранены. Но теперь главные вопросы не «кто погиб» или «кто ранен», а «кто выжил».

Неужели Наполеон побежден? Этого не может быть!

Что же случилось в столице Империи в отсутствие Наполеона?

Удаленный императором за свои республиканские убеждения, генерал Клод Франсуа Мале был посажен в Венсенскую тюрьму, а затем переведен в лечебницу Дюбюиссона. Там он составил, вместе с несколькими оппозиционерами, план свержения Наполеона. В ночь с 22 на 23 октября он бежал из-под стражи, вместе с сообщниками Бутро и Рато явился в казармы и уверил солдат в том, что Наполеон погиб в России.

Затем, освободив из тюрьмы Ла Форс Лагори, бывшего начальника штаба генерала Моро, а также Гидаля, участника заговора на юге Франции, этот авантюрист смог арестовать министра полиции Савари и префекта полиции Паскье.

«Планы Мале, — вспоминал Савари, — осуществлялись безукоризненно. Ему подчинились банк, казначейство, два батальона, ни один из которых не оказал сопротивления».

— Это произошло в Кремле, когда там находились наши войска. Армия отступает в смятении. Русские уже в Варшаве, — говорили солдатам Лагори и Гидаль о смерти Наполеона. Правдой было лишь то, что «армия отступает в смятении». Но многие верили и во все остальное.

С батальоном парижских гвардейцев Мале отправился к городскому коменданту Гюллину, которому сообщил о смерти императора и объявил об учреждении временного правительства. Гюллин, испытанный бонапартист, не поверил сообщению. Он потребовал документы.

— Охотно, — сказал Мале и выстрелил Гюллину в голову. — Вот вам мои документы!

Он тяжело ранил Гюллена, но затем был схвачен. Напрасно префект департамента Сена г-н Фрошо готовил зал для заседания «нового правительства» в ратуше. Мале судили военным судом и расстреляли вместе с сообщниками.

«Безмятежное настроение у общественности Парижа до того времени не было встревожено сообщением о каком-либо бедствии, но отдаленность императора и его армии от страны, жестокость русских средств обороны и пожар, уничтоживший почти всю Москву, вызвали смутные проявления беспокойства во Франции, — пишет секретарь Наполеона Меневаль²⁹⁸, разделивший с императором опасности русской кампании. — Неожиданно обстановка резко накалилась в связи с безответственным поступком Мале, дерзость которого ошеломила Париж и власти Франции. Пассивность и бессистемность мер, принятых для того, чтобы противостоять заговору, продемонстрировали растерянность властей, которая могла бы оказаться фатальной, если бы действия заговорщиков были более согласованными.

Императрица вместе с сыном спокойно проживала в Сен-Клу, когда появление конного отряда гвардейцев, посланного военным министром, вызвало у нее сильное беспокойство за безопасность ее самой и сына. Она в пеньюаре и с распущенными волосами выбежа-

ла на балкон, выходявший во внутренний двор дворца, и только тогда получила первые известия о попытке заговора, которого совсем не ожидала. Однако ее испуг продолжался недолго.

Но что произвело глубокое впечатление на Францию и Европу, так это дерзость, с которой малоизвестный человек, не имевший ни денег, ни репутации, совершенно один и без сообщников сбежал из тюрьмы, чтобы попытаться осуществить захват государственной власти, который чуть было не увенчался успехом. Другими причинами всеобщего изумления были та легкость, с которой он сумел убедить войска в смерти императора, и та пассивная покорность, с которой муниципальные власти подчинялись его приказам.

Осознав необходимость своего присутствия в Париже, император, не хотевший покидать армию, пока она находилась в непосредственной опасности, в конце концов принял решение вернуться во Францию»²⁹⁹.

29-й бюллетень был опубликован 16 декабря в правительственной газете «Moniteur». Шок был неопишым. Начался ропот — среди богатых и бедных.

Французы любили читать бюллетени Великой армии. Эти листки не только сообщали о новых победах, но и будто передавали людям энергию, излучаемую великим человеком. Наполеон творил дела, достойные великой нации, и народ отдавал ему должное.

Император сам составлял тексты бюллетеней. Его умение выстраивать мощные, ясные и лаконичные фразы приводило людей в восторг и воспламеняло воображение. Он, как отмечает Бальзак в «Темном деле», обладал «особым, присущим ему красноречием, которое преображало трусов в героев».

И что они прочитали и услышали на этот раз?

«Французская армия с 14-го числа³⁰⁰ была без кавалерии, без артиллерии, без обоза. Без кавалерии нельзя было разведать о движении русских, а без артиллерии — вступить в бой. Такое положение было весьма затруднительно; слабые люди потеряли присутствие духа, веселость и мужество».

Французы давно привыкли к «святой» лжи бюллетеней Великой армии. Победы заметно приукрашивались, потери разительно преуменьшались. И если продиктованные Наполеоном слова — только часть правды, то каковы же истинные размеры катастрофы?

— Что с нашими мужьями? Что с нашими мальчиками? — спрашивали друг у друга окончательно лишившиеся покоя жены и матери.

«Без кавалерии, без артиллерии... потеряли присутствие духа, веселость и мужество». Парижане и жители провинции вчитывались в эти строки, и их воображение дорисовывало жуткие картины распада и гибели славного войска.

«Из всего этого следует, что армия нуждается в восстановлении дисциплины, кавалерии и артиллерии... Прежде всего ей нужен покой.

Лошадей в кавалерии так мало, что признано необходимым соединить всех офицеров, имеющих лошадей, в четыре эскадрона, по сто пятьдесят человек в каждом; генералы занимают должность офицеров, а полковники — унтер-офицеров. Этот священный эскадрон... следил непрерывно за императором.

Его величество никогда не чувствовал себя в таком превосходном здоровье».

Последняя фраза вызвала раздражение. Полились потоки черного юмора. «Семьи, осушите слезы, Наполеон здоров!» — восклицает Шатобриан.

«Вот, все мои предчувствия сбылись! — кликушествовал Тибодо³⁰¹, бывший член революционного Конвента. — Эта кампания станет роковой для Империи, гибельной для Франции».

Тибодо, что называется, задним умом крепок. Но кто предвидел такой финал?

Альбер Вандаль, описывая атмосферу перед русским походом, отмечал сбывшиеся пророчества сенатора Семонвилля, «который приобрел такую известность своим умением предугадывать будущее, что правительство, от которого он начал сторониться, считается обреченным на гибель. Говорят, что во время пребывания своего в Женеве у префекта Капелла он сказал при виде проходивших мимо солдат, отправлявшихся в армию: “Ни

один из них не вернется: они идут на убой!» Считая, что одного крупного бедствия достаточно, чтобы рассеять чары и все перевернуть вверх дном, он рискнул прибавить, что поход в Россию дает надежды Бурбонам».

Было и еще более раннее, но столь же зловещее предсказание, сделанное Мунье³⁰² во время торжеств по случаю бракосочетания Наполеона и Марии-Луизы 2 апреля 1810 года. Мунье, вовсе не ослепленный видами великолепной процессии, салютами, музыкой, возторгами толпы и блеском дипломатического корпуса, произнес: «Все это не помешает нам в недалеком будущем найти смерть в Бессарабии».

Теперь все это и вспоминалось. Но пророков, как известно, не любят!

Стендаль, переправившийся через Березину, мчался в кибитке по обледенелой дороге. За ним гнались казаки, но, к его счастью, угодили в полынью.

По ночам беглец видел, как светофоры Шаппа передают сигналы о полной гибели Великой армии. Кажется, эти передающие устройства уже были в руках русских.

Ни одно из писем Стендаля из России не дошло до Франции. После разгрома французов под Красным казаки захватили документы Главной императорской квартиры, среди которых находились письма Анри Бейля. То, что, мистифицируя, он подписывал их не только как «Ш. Шомет», «Капитан Фавье», но и как «Сушвор, английский уполномоченный при дворе его императорского величества» (!), говорит о том, что Бейль несколько не боялся тайной полиции, перлюстрировавшей письма.

Все бумаги были направлены в Собственную канцелярию генерала Аракчеева.

В письме отцу, посланном из Смоленска, Стендаль мечтал о вознаграждении за адовы муки, перенесенные после отъезда из Москвы: «Если его величество сделает меня бароном, этот титул не будет украден».

Вернувшись в Париж, он видел, как много появилось дезертиров. Его встретили едкими насмешками: он,

мол, занимал такую высокую должность — начальника заготовок резервного провианта — и не смог ничего наворовать?

Наполеон примчался в Париж вместе с Коленкуром в ночь с 17 на 18 декабря. Прошло два дня после появления бюллетеня в «Монитёре».

«Бюллетень произвел такое тягостное впечатление, что... никто не решался задать мне какой-нибудь вопрос, — вспоминает Коленкур. — Единственный слуга, который нас сопровождал в поездке, отсыпался, а кроме того, ему было запрещено говорить о чем бы то ни было. Император говорил о наших неудачах в таких же откровенных выражениях, как и бюллетень, но так как сообщений о прибытии армии в Вильно еще не было, то, следовательно, он, как и все, не знал еще о самых тяжких наших бедствиях. У императора образовались небольшие отеки на ногах, глаза опухли, и цвет лица был как у человека, кожа которого пострадала от мороза, но в остальном вид у него был вполне здоровый. Он был так счастлив, что находится снова в Париже, что ему не надо было притворяться, чтобы иметь вид довольного и нисколько не удрученного человека. Весь день и даже часть ночи он работал, рассылая всякие распоряжения, чтобы дать всем отраслям администрации то направление, которое он считал нужным. Как мне показалось, он был вполне удовлетворен общественными настроениями после опубликования бюллетеня. Его приезд успокоил много страхов и смягчил наиболее тревожные опасения, но, увы, не мог осушить слез тех семей, которые оплакивали свои потери».

Замечательные битвы

Камердинер Констан³⁰³ приехал в Париж через неделю после императора. В его обязанности не входило докладывать оперативную обстановку, но Наполеон вдруг попросил его сделать это.

«Даже если бы у меня возникло намерение скрыть от императора часть правды, то, застигнутый врасплох, я все равно должен был бы поведать истину, не имея времени для того, чтобы придумать приемлемую ложь, — пишет Констан. — Поэтому я сообщил ему, что повсюду, даже в Силезии, я был поражен одним и тем же ужасным зрелищем, так как везде я видел мертвых и умиравших, а оставшиеся в живых безнадежно боролись с холодом и голодом».

Что дальше? Простят ли французы Наполеону то, что с ними случилось? Что касается самого императора, то он говорил обо всем как совершенно посторонний человек.

Госпожа де Куани, ярая ненавистница тирана, писала в своем дневнике спустя четыре недели после возвращения Наполеона из Москвы: «Возмущение стихло... Поход в Россию почти совершенно забыт!..»

Наполеон, казалось, помолодел. Он получал бесчисленные патриотические приветствия. Поступали жертвования на нужды армии.

«Франция была одной громадной мастерской, — говорит Коленкур, — весь народ Франции забыл о неудачах Наполеона, и каждый соревновался с другими, проявляя свое усердие и пыл. Это было и великолепным образцом французского характера, и личным триумфом императора, который с поразительной энергией направлял все ресурсы своего гения на организацию и управление этим общенациональным порывом. Казалось, что все необходимое возникает, как по волшебству».

Однако все больше становилось тех, кто предпочел бы мир императорским чудесам. В феврале Наполеон совершил несколько прогулок по Парижу — и был холодно встречен.

Император призывает 140 тысяч человек. Это были новобранцы, которых обучали в лагерях. Приказ о досрочном призыве император дал, еще будучи в России. Когорты Национальной гвардии — будто бы по их собственному желанию — включили в армию. Это дало главнокомандующему еще 100 тысяч бойцов. 30 тысяч солдат должны были прибыть из Италии.

Наполеон не спешит закончить войну на Пиренейском полуострове и высвободить ветеранов. Он набирает мальчиков.

Из Испании он перебрасывает четыре полка Императорской гвардии и много лиц сержантского состава, которыми укрепляет новые полки. Он ускоренно готовит разряд 1814 года, привлекает тех призывников, которые в силу разных причин не были мобилизованы в 1808—1810 годах, а еще жандармов, канониров флота и матросов.

«Организованный сброд». Так Коленкур назвал армию, готовую сражаться на германском фронте. Кавалерия слаба, а в пехоте слишком много неопытных юношей, полуинвалидов и пожилых ветеранов.

При списочной численности когорт Национальной гвардии в 1080 человек в них редко набиралось и 850. Многие призывники уваливали от службы, уходя в горы или прячась в укромных местах.

Это «частности». В целом же картина была впечатляющей. Наполеон проделал титаническую работу, и создал новую армию за четыре месяца. Он перешел в контрнаступление и намерен был разгромить войска коалиции, в которую входили Россия, Пруссия, Швеция и Англия³⁰⁴.

Камердинер Констан рисует картину немецкого городка, где временно располагалась императорская штаб-квартира. Главная площадь была окружена палаточными лагерями, биваками и артиллерийскими депо. На самой площади — полки, обозы, фургоны, за которыми следовали стада крупного рогатого скота вперемешку с тележками маркитантов³⁰⁵. Здесь же были видны местные крестьяне и мародеры со своими трофеями. Куда-то мчались курьеры и адъютанты. Все это сопровождалось звуками труб и дудок, боем барабанов, криками солдат, ржанием лошадей, мычанием, ревом скота и грохотом колес. Французы, немцы и итальянцы пытались между собой общаться. Среди этого видимого хаоса Наполеон оставался невозмутимым и готовился вернуть Империи утраченные завоевания.

В победном бою под Вайсенфельсом пал маршал Бессьер³⁰⁶. Марбо отметил, что «император жалел о нем больше, чем армия, которая никогда не забывала, что именно по совету этого маршала Наполеон не завершил Московское сражение победой, так как не хотел ввести в бой свою гвардию...».

«Муж ваш пал на поле чести, — написал Наполеон герцогине Истрийской, вдове маршала. — Потеря ваша и детей ваших велика; но моя еще больше. Герцог Истрийский умер славной смертью, без страданий. Он оставляет после себя безукоризненную славу; лучшего наследства он не мог завещать детям своим».

Днем 2 мая Наполеон прибыл на поле сражения при Лютцене и увидел нерешительных новобранцев. Он взял дело в свои руки, нашел нужные слова и вселил веру в души молодых солдат. Вождь стыдил, воодушевлял и показывал пример. «Он был в постоянной опасности, ведя поддавшихся страху солдат... в новую атаку», — вспоминает Мармон.

«Да здравствует император!» — кричали бойцы. «Наверное, не было ни одного раненого, проходившего мимо Бонапарта, который не отсалютовал бы ему обычным “Виват!”», — писал один мемуарист. — Даже люди с оторванными конечностями, которые через несколько часов станут добычей смерти, отдавали ему это приветствие».

Наконец император бросил в огонь своих «ворчунов». Победа была полной, но Наполеону не хватило кавалерии, чтобы добить беспорядочно отступавших русских и пруссаков.

22 мая, после победы при Баутцене, был смертельно ранен Дюрок. Император долго оставался безутешным. «Он механически отдавал какие-то приказы, затем вернулся в расположение армейского лагеря, сел на скамью перед своей палаткой, низко опустив голову и сжав колени. В таком положении он оставался почти час, не сказав ни одного слова», — вспоминает камердинер Констан.

Наполеон оплакивал смерть друга — по Стендалю, «лучшего из людей», а солдаты жалели своего вождя: «Бедняга!»

24 мая в четыре часа утра на обоз Генерального штаба напали казаки. Это случилось неподалеку от Герлица, а в одном из передних экипажей сидел «снабженец» Анри Бейль.

Казачков было немного — двадцать или тридцать человек. Однако внезапное нападение в столь ранний час вызвало панику. Казаки ранили одного из секретарей графа Дарю и захватили несколько экипажей. Французы пришли в себя и отбросили врага. Казаки ускакали.

В момент общего замешательства Бейль, как он позднее объяснил, «сделал сотню шагов» по тропинке. Он вернулся, когда опасность миновала.

Бейль вынужден был сообщить о происшествии самому императору — и это был единственный случай, когда он лично говорил с Наполеоном.

Французы одерживали победы, но враги всякий раз вновь собирались с силами и получали подкрепления. Потери армии Наполеона оказались значительнее, чем у побежденных. Число больных достигло 90 тысяч, все больше было отставших. Юноши и пожилые солдаты падали в изнеможении на дороге и не могли идти дальше.

Множество солдат выбывало из строя в результате плохого, нерегулярного питания и кишечных отравлений. Обувь изнашивалась. Все ждали развязки, которая никак не наступала.

В июле 1813 года редакторы французских газет справились в министерстве полиции о том, можно ли говорить о будущем мире, о конгрессе, о котором уже писали немецкие газеты и который, как предполагали соседи за Рейном, должен был привести к свиданию Наполеона с другими европейскими монархами и к общему замирению. Резолюция министра полиции была такой: «Предупредить редакторов газет, чтобы они молчали об этом, написать им об этом официально».

Наполеон встретился с супругой в Майнце. Свидание длилось несколько дней. Коленкур говорит, что император вел себя как влюбленный юноша. А месяцем раньше Наполеон смотрел спектакль на дрезденской

придворной сцене с мадемуазель Жорж в роли расиновской Федры.

Во время летнего перемирия генералы и офицеры враждовавших сторон ходили друг к другу в гости. Они устраивали застолья, обсуждали войну и политику.

12 августа к коалиции присоединились австрийцы, объявившие войну Франции. Казалось, это дает союзникам решающий численный перевес, — но они потерпели еще одно поражение. С 22 по 26 августа французские новобранцы, победители при Лютцене и Баутцене, прошагали 120 миль и прибыли в Дрезден.

Здесь разыгралось сражение, в котором Наполеон сотворил новое чудо. Но следом он заболел, а его подчиненные потерпели несколько чувствительных поражений.

Наполеона покинули баварцы и тирольцы. Французская армия несла большие потери на поле боя и от болезней. Оставшиеся в строю голодали. «Граф Дарю, армию не кормят, — возмущался Наполеон 23 сентября. — Смотреть на это по-другому значило бы предаваться иллюзиям».

В этих условиях он дает решающее сражение и вновь ведет его в наступательном стиле. В первый день грандиозной Лейпцигской битвы французы имели шанс на победу. Во время мощной кавалерийской атаки кирасиры Бордесуля³⁰⁷ оказались вблизи командного пункта царя. Наполеон считал дело решенным, поздравил стоявшего рядом саксонского короля³⁰⁸ с победой и приказал властям Лейпцига звонить во все колокола. Однако Мюрат и Думерк³⁰⁹ не смогли развить успех Бордесуля. Лейб-казаки и русские кирасиры отразили натиск.

Следующий день, 17 октября, прошел в небольших стычках. К союзникам присоединились предатель Бернадот и генерал Беннигсен³¹⁰ со своими корпусами. Теперь коалиция имела 300 тысяч солдат — вдвое больше, чем у Наполеона.

Император утратил инициативу, но 18-го числа он снова был вездесущ. Несмотря на измену саксонцев, бросившихся «вперед» под приветственные крики французов, Наполеон и его «дети» удержали фронт.

Вождь появлялся то здесь, то там, вводил в бой Молодую и Старую гвардии. Соратники предложили ему сжечь предместья Лейпцига, что затруднило бы врагам их задачу, но император отказался от варварских методов ведения войны.

Трехдневная Битва народов закончилась. Ресурсы Наполеона были исчерпаны, боеприпасов почти не осталось. Император решил отходить по мосту через реку.

И здесь он совершил ошибку. Памятная переправа через Березину прошла относительно успешно потому, что Наполеон лично контролировал ход операции. «Император стоял при входе на мост и торопил переправу, — вспоминала Луиза Фюзиль. — Я могла вдоволь на него насмотреться, так как мы ехали очень медленно. Он показался мне очень спокойным, точно он находился на смотру в Тюильри. Мост был настолько узок, что наша карета почти касалась императора. “Проезжайте, проезжайте, не бойтесь”, — сказал Наполеон».

Теперь же он поручил дело гвардейскому генералу Дюлолуа, который передал эстафету полковнику Монфору. А тот все доверил какому-то капралу. Дюлолуа, Монфор или капрал — кто-то из них должен был сделать простое дело: взорвать дамбу, когда вся армия переправится на другой берег.

Корпуса начали переходить мост еще 18 октября, но союзники спохватились в семь часов утра следующего дня. Были попытки начать переговоры, но в десять утра сражение возобновилось.

И вдруг раздался взрыв — то была работа капрала. Арьергард французов оказался запертым в Лейпциге. Понятовский³¹¹, только что получивший звание маршала, бросился в реку и не смог доплыть до другого берега из-за ран. Польский герой утонул, а саксонский король — союзник Наполеона, генерал Лористон³¹² (бывший посол в России) и множество других военачальников угодили в плен. Почти 30 тысяч солдат императора погибли или попали в руки врага.

Армия была деморализована. В частях упала дисциплина. Все понимали, что кампания, столь успешно начатая, проиграна.

Один наблюдатель писал, что «количество трупов и павших лошадей увеличивалось с каждым днем. Тысячи солдат, падая от голода и усталости, оставались позади, не имея сил добраться до лазаретов. Леса на несколько миль вокруг полны отставших, измотанных и больных солдат. Пушки и повозки валяются повсюду».

Вспыхнула эпидемия тифа. Трупы связывали, как сено, и увозили на ломовиках.

Болезнь не щадила ни солдат, ни генералов. Умер граф Нарбонн, губернатор Торгау, который даже в день Березины был напудрен и причесан «с такой же тщательностью, как недавно в Версале»³¹³.

И эта армия смогла нанести поражение баварцам и австрийцам, вздумавшим преградить ей дорогу! Наполеон разгромил войска баварского короля, «своего большого друга», как горько иронизировал Стендаль, и вернулся во Францию.

Гёте не верил в поражение «своего императора» даже в конце кампании 1813 года: «Время покажет, что из всего этого произрастет. Хотел бы я, чтобы неверие мое было посрамлено...»

В том году произошел случай, который еще больше поднял авторитет доктора Ларрея в войсках. После одного из сражений среди офицеров укрепилось мнение, что солдаты сознательно занимаются членовредительством и причиняют себе самострельные раны. У многих юных бойцов были оторваны два пальца правой руки. Маршалы хотели устроить показательную расправу над подозреваемыми в этом солдатами.

Наполеон тоже склонен был думать, что солдаты делали это сознательно, о чем он и сказал Ларрею. Главный доктор горячо возразил, что такое просто невозможно, поскольку не соответствует характеру храбрых новобранцев. Наполеон продолжал настаивать на своем мнении.

Ларрей так рассердился, что обвинил императора в несправедливости. «Вас ввели в заблуждение, — писал он, — эти мальчишки невиновны». Наполеон прислушал-

ся к его словам, благодаря чему солдаты избежали неза- служенного наказания.

В дальнейшем было доказано, что раны — результат поспешности, с которой юные солдаты заряжали ружья и стреляли из них. Наполеон убедился в правоте Ларрея и похвалил его за твердость: «Господин Ларрей, вы исключительно порядочный человек. Как бы я хотел, чтобы меня окружали только такие люди, как вы. Но люди, подобные вам, очень редки».

2 декабря 1813 года Париж в последний раз отпраздновал годовщину коронации Наполеона.

Как и в предыдущие годы, во всех театрах давались бесплатные представления. Но Наполеону было не до них — он так и не появился на публике.

Проводились увеселительные мероприятия, что на фоне катастроф последних двух лет выглядело чистым безумием. Дома и улицы были украшены, устраивались иллюминации. Бесплатно раздавали еду. Двенадцать девушек, которым город Париж пожаловал приданое, выходили замуж за заслуженных солдат.

Наполеон издает декреты, призывая в армию новобранцев и старых резервистов. Он мобилизует полицейских, лесников, таможенников — вместе с 150 тысячами призывников будущего, 1815 года. В армию снова включаются части Национальной гвардии.

«Мне говорили, — пишет император военному министру, — что в Доме инвалидов найдется от семи до восьми сотен людей с небольшими увечьями, которые желали бы отправиться снова послужить в армии. Если это так, то они явятся прекрасным источником сержантского состава...»

Газеты обращались с пламенными призывами к воинам. Новые части укреплялись ветеранами Итальянской и Испанской армий. Теперь стало гораздо проще попасть в Молодую гвардию императора.

Все на защиту Отечества — как в 1792 году, когда Дантон отстаивал Париж! Свои услуги предлагает 60-летний оппозиционер Карно, долго остававшийся не у дел.

Наполеон направил Карно в Антверпен, Шапталь — в Лион, а графа Сен-Валье — в Гренобль, предоставив им самые широкие полномочия. Вместе с Сен-Валье в родной город приехал Стендаль. Он редактировал доклады, которые сенатор Сен-Валье отправлял в Париж, составлял прокламации к населению и вел канцелярскую работу.

Чрезвычайные комиссары отвечали за все — рекрутские наборы, обмундирование, армейские заготовки, организацию провиантских складов. Сен-Валье целиком положился на помощника.

Анри Бейль пишет министру Монталиве о том, что сорок дней работает без сна. Вдобавок он заболел: «Три недели уже как я лежу в лихорадке».

Будучи нездоровым, он едет к южной границе Франции и видит, что она совсем не охраняется.

Австрийцы наступали на Лион. В городе началась паника. Шапталь написал Сен-Валье: «Лион эвакуируется, население спасается. Лавки закрыты, вывески сорваны, в кассах пусто, в арсеналах никаких резервов. Что делать в таком положении?..»

Казалось, что все потеряно. Город защищали тысяча солдат и столько же национальных гвардейцев, ополченцев и студентов ветеринарной школы. Австрийских солдат было в 5—6 раз больше, чем французов.

Шапталь приказал всем военнослужащим, находившимся в городе, собраться в казарме. Другим указом он предложил всем жителям департамента, способным носить оружие, начать партизанскую войну.

Маршал Ожеро считал, что защищаться невозможно. Он отправился в Валанс на поиски подкреплений.

Австрийцы некоторое время бездействовали, а затем пошли на штурм. Но небольшой гарнизон и городские рабочие отразили натиск.

Между тем поступило первое подкрепление от Ожеро — 700 пехотинцев и две пушки. Эта колонна прошла по улицам с барабанным боем. Жители Лиона приветствовали солдат и иллюминировали город. А когда Ожеро прислал еще 500 бойцов (400 пехотинцев, 100

кавалеристов и три орудия), этого оказалось достаточно для контрудара!

Австрийский генерал Бубна решил, что имеет дело с крупными силами, и отступил. Город был временно спасен — и данный эпизод был примером того, что будет происходить во Франции зимой и весной 1814 года.

Русские перешли через Рейн. Будущий декабрист Федор Глинка восхищается дорогами — так же, как когда-то ими восхищался Артур Юнг: «Что есть тут хорошего, так это большие дороги: чудесные дороги! Проезжаем несколько станций, не спускаясь, не возвышаясь, все по ровной глади, как по натянутому холсту; ничто не остановит повозки, нигде не получишь толчка. Дорога чиста, как ток: на ней, как говорится, ни сучка, ни задоринки. Я в первый раз отроду по такой прекрасной еде. Около себя видишь горы, а под собой не чувствуешь их. Чудесная здешняя дорога проведена в виде огромной толстой плотины или наподобие крепостного вала. В прямом направлении пробитые горы, срезанные холмы, засыпаны рвы и овраги, и проложен гладкий путь, шоссе. Это шоссе в некоторых местах на два, на три и на четыре аршина от горизонта от земли возвышается».

Но и горестных впечатлений хватает: «В городах лучшие дома — казармы или больницы. Толпы нищих встречают, провожают и всевозможными хитростями и уловками нападают на кошелек и сердце проезжего. Один пугает вас своими ранами, другой рассказывает о своем увечье, третий кричит, четвертый поет. “Вот бедная сирота! — говорит какая-нибудь старуха, подводя к вам маленькую девочку. — У нее нет ни отца, ни матери; одно сострадание проезжающих кормит и одевает ее” ... Просительную речь свою говорит она целую четверть часа, а в заключение восклицает: “Дайте ей франк!” “Что-нибудь убогому старику!”, “Что-нибудь бедному мальчику!”, “И мне!..”, “И мне!..” или “Купите у меня цветов!”, “У меня сладких пирожков!”, “У меня ягод” и проч., и проч. Вот что услышите, приехав на станцию. Но тут уж лучше просто давать милостыню, нежели что-ни-

будь покупать, ибо продавщицы цветов и лакомств с прегрязными руками и в презапачканных лохмотьях».

Французские села также выглядят безотрадны: «Здесь деревни совсем не то, что немецкие: тут нет ни красивых улиц, ни светлых домиков, ни порядка, ни опрятности. Один изрядный дом какого-нибудь барона или маркиза в середине, а около него кучи вместе слепленных, старинною поседолою черепицею покрытых, низких, убогих и часто курных лачужек; улицы в навозе, народ в лохмотьях... Вот картина деревни здешнего края!..»

24 января Наполеон провел смотр Национальной гвардии. Затем он попросил офицеров подняться в Маршалский зал дворца Тюильри. Все думали, что он предложит им немедленно выступить из Парижа и двинуться на врага, но услышали иное. Император призвал их защитить императрицу Марию-Луизу и Римского короля: «Я вверяю вам этого ребенка, надежду Франции, а сам отправляюсь в бой, и все мои помыслы будут направлены на то, чтобы спасти родину».

Офицеры ответили дружным приветствием. Когда император поцеловал сына, многие прослезились.

«Я всю жизнь буду помнить эту душераздирающую сцену, — пишет Стендаль. — Я сердился на себя за то, что не мог удержаться от слез. Разум непрестанно твердил мне: “Во времена Дантонов и Карно правительство перед лицом столь грозной опасности не пыталось бы воздействовать на людей малодушных и неспособных проявить доблесть, а занялось бы совсем иным делом”».

Между тем маршалы не проявляли энергии, а Бертъе был серьезно болен. Теперь у Наполеона недостаток во всем — и в людях, и в оружии, и в мундирах, и в деньгах. Он попробовал спекулировать с землями общин — это мало что дало. Вводились новые налоги для покрытия военных расходов, но они плохо собирались.

Столичные магазины были затоварены. Парижане покупали одни продукты питания. Вновь участились банкротства, но у Наполеона теперь не было возможностей поддерживать предпринимателей.

Звонкая монета стала редкостью, а ростовщики брали большие проценты. Люди несли в ломбарды даже белье.

Париж расположен совсем недалеко от германской границы, а потому самое время достраивать городские укрепления. Однако Наполеон не хотел пугать парижан и оставил это «на потом».

«Ну же, ну, — говорил император маршалу Бертье, оправившемуся от болезни, — мы должны повторить итальянскую кампанию». И он действительно как будто «нашел свои сапоги итальянской кампании»!

«Наполеон, — рассказывал Ланжерон³¹⁴, француз на службе у царя Александра, — был каким-то пугалом для наших командиров. Он мерещился им всюду. И правда, он колотил нас всех поочередно. Смелость его предприятий, быстрота движений, замечательное искусство в замыслах держали нас в постоянном страхе. Едва мы успевали выработать какой-нибудь план, как он уже оказывался расстроенным».

Шварценберг, главнокомандующий силами союзников, следовал советам, ранее дававшимся Моро и Бернадотом: «Мы разбиваемся нарочно, чтобы и Наполеон разделял свою армию, чтобы он не везде был сам».

Последовали новые военные успехи Наполеона. Парижские газеты, превознося одну победу императора, писали, что она тем славнее, что на каждого француза приходилось три интервента.

«Газеты редактируются без смысла, — гневается Наполеон в письме Савари. — Прилично ли в настоящий момент говорить, что у меня было мало войска, что я победил, внезапно нагрянув на неприятеля, что мы были один против трех? Нужно действительно, чтобы вы в Париже потеряли голову, чтобы говорить подобные вещи, когда я всюду говорю, что у меня 300 тысяч человек, когда неприятель этому верит и когда нужно говорить это до пресыщения. Я создал бюро для руководства газетами, что же оно не видит этих статей? Вы могли бы... знать, что здесь идет дело не о пустом тщеславии и что одно из первых правил войны заключается в том, чтобы преувеличивать, а не уменьшать свои силы. Но как за-

ставить понять это поэтов, которые стараются польстить мне и национальному самолюбию вместо того, чтобы стремиться делать дело? Мне кажется... если бы вы отнеслись к этому с некоторым вниманием, то подобные статьи, которые суть не просто глупости, но губительные глупости, никогда не были бы напечатаны».

Наполеон-полководец почти никогда ничего не защищал — он только наступал! Не оборонял он и Париж. Нанеся врагу серию молниеносных ударов, он решил отрезать интервентам пути отступления. Действуя по им же установленным правилам, император сообщил об этом Марии-Луизе, ранее назначенной регентшей.

Депеша была перехвачена. Союзники двинулись на Париж. Они знали об измене Талейрана и о том, что их *ждут*.

Город почти не был укреплен, а защищали его солдаты Мармона, Мортье³¹⁵ и национальные гвардейцы, которыми командовал 60-летний маршал Монсей.

Парижане, зная о победах императора, верили в то, что город можно отстоять. Люди построили баррикады. Рабочие и ремесленники требовали оружия, чтобы сражаться на фортах.

Но были и другие настроения, о которых рассказывает Стендаль: «Многим взятие Парижа было желательно как интересное зрелище. Когда я с омерзением отозвался об этом, один из людей, рассуждавших подобным образом, весьма резонно сказал мне: “Париж, как столица, уже не отвечает потребностям Франции. В силу обычая, семьсот тысяч эгоистов, самых трусливых, самых безвольных людей, какие только существуют во Франции, оказываются представителями ее при всех великих потрясениях. Будьте уверены, боязнь лишиться своей мебели красного дерева всегда заставит их пойти на все подлости, которые им будут предложены. Они в этом не виноваты; мелочные притеснения угасили в их сердцах интерес ко всему, что не касается их личных дел. Столицей Франции должен стать укрепленный город, расположенный за Луарой, близости от Сомюра”».

Буржуа устремились к городским воротам поглазеть на события. Перед одним домом в Бельвиле стояла оче-

редь. «Отсюда всего за два су можно будет увидеть сражение собственными глазами», — гласило объявление.

Ждали, что Наполеон вот-вот прибудет — должен же он защищать столицу, где остались его жена и сын! Как только вдали появился всадник на белом коне, часовые громко кричали: «Это он, он!»

Но то был не он. Защитники тем не менее не унывали, а оккупанты вовсе не были уверены в успехе. В этот момент решительнее других проявил себя русский царь Александр. Укрепив свой дух молитвой, он воскликнул: «На развалинах или в пышных палатах, но Европа должна ныне же ночевать в Париже!»

Остатки корпусов Мармона и Мортье были отброшены к черте города. Неужели это не сон и «варвары» достигли Монмартра? Да, и ими командует француз «Александр Федорович» Ланжерон! Это он захватит важные высоты, после чего Париж будет обречен на сдачу врагу.

«Защитники Парижа, — рассказывает Федор Глинка, — расположились следующим образом: справа занимали они Бельвиль, Менильмонтан, Бютшомон и Венсенский замок; их середина расположена была за каналом Уркским, имея за собою Монмартр, который весьма б был страшен, если б был укреплен; а левое крыло их простиралось до Нельи. Весь этот строй имел вид выгнутой дуги».

Монсей, герой Маренго и испанских походов, покрыл себя новой славой. Он расположил своих вооруженных граждан на высотах Бельвиля и Шомона и помогал Мармону и Мортье отбивать атаки большой армии.

Во всем блеске проявила себя Политехническая школа. Это славное учебное заведение, основанное в 1794 году, готовило кадры артиллерийских офицеров и инженеров путей сообщения. Император не любил школу как очаг «идеологии», — но какое это теперь имеет значение? Студенты вооружились и защищали столицу своей родины.

Федор Глинка отдает им должное: «Ученики Политехнической школы, не имевшие еще, по молодости

лет, довольно сил управлять оружием, с большою храбростью защищали мост в Шарантоне».

Здесь сражался стар и млад: «Когда русские входили в Бельвиль, один шестидесятилетний старик до тех пор стрелял и бросался на гренадер с ножом, не приемля пощады, покуда не упал мертв к ногам их. На другой день пришло на то место большое семейство оплакать и похоронить убитого».

У заставы Клиши разгорелся кровавый и неравный бой. Может быть, это «новое Маренго» и император вдруг ударит в тыл иноземным армиям?

Но кудесник не являлся, и рушились последние надежды. Мармон подписал капитуляцию города.

«Я совершенно здоров; третьего дня происходила замечательная битва при Пантене и на Монмартре; я видел, как взяли эту гору, — пишет Стендаль сестре Полине 1 апреля 1814 года. — Все вели себя хорошо, ни малейшего беспорядка. Маршалы творили чудеса...»

А там, где был вождь, сотни тысяч крестьян требовали дать им оружие и даже привели императору две тысячи пленных. Партизаны перерезали вражеские коммуникации, перехватывали курьеров, истребляли отставших солдат противника.

Наполеон отказался от стихийной помощи. Он развернул армию, а сам помчался к столице с небольшой свитой. Император знал, что Мария-Луиза покинула Париж. Напрасно офицеры Национальной гвардии умоляли ее остаться, — она поддалась на уговоры Талейрана и Жозефа Бонапарта.

«В продолжение всего дня 30 марта, пока шел бой, на бульварах царило чрезвычайное оживление, — рассказывает Стендаль. — 31-го, около девяти часов утра, там уже толпились люди, как в те дни, когда хорошая погода привлекает множество гуляющих. То и дело слышались остроты по адресу короля Жозефа и графа Реньо³¹⁶. Проехала кучка всадников, надевших белые кокарды и махавших белыми платками. Они кричали: “Да здравствует король!” “Какой король?” — спросил кто-то возле меня. О Бурбонах думали не больше, чем о Карле Великом. В этой кучке, которую я как сейчас вижу перед собой, было человек двадцать.

Вид у них был довольно смущенный. Они возбудили не больше внимания, чем любые гуляющие. Один из моих друзей, потешавшийся над их растерянностью, сообщил мне, что эта кучка составила на площади Людовика XV и дальше сквера на улице Ришелье не добралась».

Настали черные дни победителя полусотни битв. Он видел огни вражеских биваков на берегу Сены.

Ставка Наполеона переместилась во дворец Фонтенбло. Император планировал собрать 70 тысяч бойцов и с ними двинуться на Париж.

Утром 4 апреля он провел смотр армии. Слово вождя было таким: «Солдаты, неприятель, опередив нас на три перехода, овладел Парижем. Нужно его оттуда выгнать. Недостойные французы, эмигранты, которым мы имели слабость некогда простить, соединившись с неприятелем, надели белые кокарды. Подлецы! Они получают заслуженное ими за это новое покушение! Поклянемся победить или умереть, отплатить за оскорбление, нанесенное Отечеству и нашему оружию!» — «Мы клянемся!» — ответили воины.

Наполеон вошел во дворец и увидел мрачные лица Удино, Нея, Макдональда³¹⁷, Бертье, Лефевра, герцога Бассано. Первые двое были особенно настойчивы в своем требовании отречения от престола. Правительство уже освободило военных от присяги Наполеону, и теперь приближенные ждали от него признания в том, что он более не император.

Наполеон покорился судьбе. Вначале он подписал отречение в пользу сына, а затем отказался и от этого условия.

Император сдался, но война не закончилась. Даву будет держаться в осажденном Гамбурге до мая, и его солдаты выйдут из крепости с высоко поднятыми головами. Столь же долго будет защищать Антверпен губернатор Карно.

Сулыт принял бой при Тулузе, сражаясь против Веллингтона³¹⁸ и испанцев. «Вступление союзников в Париж не имело для нас решающего значения, — вспоми-

нал один офицер. — Император был жив, и это было самое главное».

«Храбрые и милосердные жители Тулузы», как называет их Сульт в своем приказе, активно поддержали армию. Студенты медицинского факультета Университета помогали раненым на поле боя и ухаживали за ними в госпиталях. Женщины приносили еду и питье.

Студенты и женщины с трудом справлялись с потоком раненых. Скоро все госпитали были переполнены, и ученики местной школы отдали раненым свои спальни. Когда и этого оказалось мало, жители стали брать пострадавших к себе домой. Среди студентов были погибшие.

Воины Сульта храбро оборонялись, нанесли врагу ощутимый урон, но вынуждены были отступить.

Небо Парижа было окрашено в свинцово-серые тона, когда царь Александр, сопровождаемый прусским королем³¹⁹ и Шварценбергом, главнокомандующим союзническими силами, въехал в город на белом коне.

31 марта. Десять часов утра. Через ворота Сен-Дени в столицу Франции входят десятки тысяч русских, немцев и австрийцев.

На окраинах, в предместьях — скорбь, настоящий траур. Люди говорят очень тихо, никаких приветствий не слышно.

Иностранные полки приближаются к центру города. Здесь живут другие люди, и характер встречи меняется. Один из свидетелей, Жильбер Стенже, написал: «Толпа бросалась чуть ли не под ноги лошадей, приветствуя монархов как “освободителей”... Самые бурные проявления чувств достались на долю императора Александра. Он улыбался толпе, выглядывавшим из окон молодым женщинам, махал им рукою... Прочие участники кортежа казались равнодушными к этому взрыву безумия, оставляя всю славу царю, ведь он вел самые многочисленные армии и более всех пострадал от наполеоновских войн... Мы увидели, как молодая и красивая графиня де Перигор с белым флагом в руке

села на лошадь к какому-то казаку и последовала вместе с колонной».

«В Париже охотно машут платочками кому угодно и в ту минуту почти искренне», — отмечал Стендаль. «Я поднялся на широкий балкон ресторана Николь. Дамы восхищались молодцеватым видом союзников: их радость была беспредельна».

«Каждый, казалось, вернулся из Кобленца... Носовые платки и нижние юбки превращались в белые флаги», — вспоминала г-жа де Шатобриан.

Александр принял депутацию от Парижа. Он гарантировал безупречное поведение солдат союзнических армий: любое проявление насилия будет жестоко наказано, за порядком предписано следить Национальной гвардии, войсками будет испрошено лишь необходимое количество продовольствия.

Графиня де Буань рассказывала в своих мемуарах, что косматые, добродушные и голодные казаки позволяли ребятишкам влезать к ним на плечи. Оказалось, что страхи были напрасными и «варвары» вовсе не кровожадны. А ведь перед сдачей города воспитательницы престижного пансиона переодели девочек в мужскую одежду и спрятали их в укромные места!

Продовольствия победителям все же не хватало, и некоторые кварталы были разграблены. Солдаты Семёновского полка свалили наземь статую Наполеона, стоявшую на Вандомской площади. Перед этим царь, посмотрев на статую, сказал: «У меня закружилась бы голова, если бы меня поставили так высоко!..»

Александр не любил Бурбонов, но принимал бонапартистов. Он часто ездил в Мальмезон, где его встречала Жозефина. Царь флиртовал и с ее дочерью Гортензией.

Жозефина простудилась во время прогулки в открытой коляске. Она заболела воспалением легких и гнойной ангиной и умерла 29 мая.

— Эльба! Наполеон! — последнее, что она сказала перед смертью.

Царь присутствовал на ее похоронах вместе с многочисленной свитой.

«Восхищение французов царем было неопишваемым, оно проявлялось во всем обществе, но особенно среди франкмасонов», — писал Михайловский³²⁰.

Автор «Марсельезы» Руже де Лилль посвятил царю высокопарные, но дрянные стихи.

Французы были благодарны Александру за то, что он не потребовал выплаты контрибуции и возврата художественных ценностей, вывезенных Наполеоном из разных стран. Царь купил тридцать восемь картин, украшавших Мальмезон. Это обошлось ему в 940 тысяч франков.

Столичные рестораторы тепло принимали русских генералов и офицеров. Федор Глинка был в совершеннейшем восторге: «Я сейчас был в парижской ресторации и признаюсь, что в первую минуту был изумлен, удивлен и очарован. На воротах большими буквами написано: “Бовилье”. Вход по лестнице ничего не обещал. Я думал, что найду, как в Германии, трактир пространный, светлый, чистый — и более ничего. Вхожу и останавливаюсь, думаю, что не туда зашел; не смею идти далее. Пол лаковый, стены в зеркалах, потолок в люстрах! Везде живопись, резьба и позолота. Я думал, что вошел в какой-нибудь храм вкуса и художеств! Все, что роскошь и мода имеют блестящего, было тут; все, что нега имеет заманчивого, было тут. Дом сей походил более на чертог сибарита, нежели на съестной трактир (*Restauration*). Хозяйка, как некая могущественная повелительница в приятной цветочной рощице, среди множества подле, около и над нею расставленных зеркал, сидела на несколько ступеней возвышенном и ярко раззолоченном стуле, как на троне. Перед нею лежала книга, в которой она записывала приход и расход. В самом деле она в своей ресторации царица. Толпа слуг по одному мановению ее бросается в ту или другую сторону и выполняет все приказания. Нам тотчас накрыли особый стол на троих; явился слуга, подал карту, и должно было выбирать для себя блюда. Я взглянул и остановился. До ста кушаньев представлены тут под такими именами, которых у нас и слыхом не слыхать. Парижские трактирщики поступают в сем случае как опытные знатоки людей: они уверены, что за все то, что незнакомо и чего не знают, всегда доро-

же платят. Кусок простой говядины, который в каких бы изменениях ни являлся, все называют у нас говядиной, тут, напротив, имеет двадцать наименований. Какой изобретательный ум! Какое дивное просвещение! Я передал карту Б*. Он также ничего не мог понять, потому что, говорил он, у нас в губернских городах мясу, супу и хлебу не дают никаких пышных и разнообразных наименований: эта премудрость свойственна только Парижу. Отчего ж, скажешь ты, мы так затруднялись в выборе блюд? Оттого, что надлежало выбрать непременно те именно, которые тут употребляются в ужине. Попробуй спросить в ужине обеденное блюдо, которое тебе пришлось по вкусу, и тотчас назовут тебя более нежели варваром, более нежели непросвещенным: назовут тебя *смешным* (*ridicule*). Тогда ты уже совсем пропал: парижанин скорее согласится быть мошенником, нежели прослыть смешным! Предварительные наставления приятелей наших в Шалоне вывели, однако ж, нас из беды. Мы выбрали кушанья, поели прекрасно, заплатили предорого, получили несколько ласковых приветствий от хозяйки и побежали через улицу в свою квартиру».

Явился Бернадот, втайне мечтавший о короне Франции. В 1812 году Александр намекнул ему, что поддержит честолюбивые стремления бывшего наполеоновского маршала³²¹. Но парижане имели на этот счет свое мнение.

«Под окнами дома (в котором остановился кронпринц Шведский), — рассказывает свидетель, — были слышны крики: “Прочь, изменник! Прочь, вероломный!” Но волнение сие не имело никаких последствий и кончилось одним оскорблением, следствием ничтожного мщения».

Наполеон в австрийском мундире

Когда Наполеон в 1807 году вернулся из Тильзита, сенаторы сказали: «Ваша слава слишком велика. Чтобы измерить эту бесконечную высоту, надо стать на расстояние потомства».

Префект Сены считал, что все это «выше нашего понимания; и нет другого средства выразить все это, кро-

ме молчаливого изумления, налагаемого благоговением».

Семи лет не прошло, как колосс упал с пьедестала. В Фонтенбло Наполеон пытался отравиться, но преодолел кризис. Скоро — казалось бы, удивительный переход! — он уже боится, что его отравят другие.

«После отречения в Фонтенбло, — пишет Ипполит Тэн, — ввиду яростных проклятий, которыми осыпали его в Провансе, в продолжение нескольких дней его нравственное существо, казалось, было подавлено; появились животные инстинкты, страх охватил его, он полагал, что ему несдобровать. Он надел на себя мундир австрийского полковника, фуражку прусского комиссара и шинель русского комиссара и все-таки считал себя недостаточно замаскированным. В гостинице... “он вздрагивает и меняется в лице при малейшем шуме”; комиссары, которые несколько раз входили в его комнату, постоянно застают его в слезах. “Он их утомляет своим беспокойством и нерешительностью”, говорит, что французское правительство хочет его убить по дороге, отказывается от пищи из боязни быть отравленным, думает бежать через окно. В то же время он изливает свою душу и болтает без умолка о своем прошлом, о своем характере, говорит без удержу, неблагопристойно, цинично, как человек, потерявший точку опоры; его мысли точно сорвались с цепи и кучами толкают друг друга подобно беспорядочной шумной толпе; он становится их господином только в конце путешествия, во Фрежюсе, когда он чувствует себя в полной безопасности, только тогда он снова попадает в старую колею, чтобы катиться там в добром согласии под руководством главенствующей мысли, которая после кратковременной заминки опять обрела свою энергию и свою власть».

Какие испытания для человека, совсем недавно обожествляемого! Прусский комиссар Вальдбург-Трухсесс рассказал о том, как Авиньон встретил Бонапарта. Толпа обступила карету с криками: «Да здравствует король! Да здравствуют союзники! Долой Николя! Долой тирана, прохвоста, оборванца!»

«Имя Николя — одно из оскорбительных прозвищ Наполеона на юге, — поясняет английский комиссар

Нил Кемпбелл, который будет присматривать за императором на острове Эльба. — Известно также, что в других местах это прозвище Сатаны, царя преисподней».

В Оргоне — и того страшнее. Там воздвигли виселицу с окровавленным чучелом, на груди которого красовалась надпись: «Такой рано или поздно будет участь тирана».

Наполеон молчал и прятался за генерала Бертрана.

— Не стыдно ли вам оскорблять беззащитного страдальца? — кричит граф Шувалов. — Он и без того унижен своим печальным положением, он воображал, что может диктовать законы Вселенной, а ныне зависит от вашего великодушия! Предоставьте его самому себе. Взгляните на него, и вы увидите, что презрение — единственное оружие, которое вы должны использовать против этого человека, ибо он более не опасен.

Шувалов от имени Александра I ранее предлагал Наполеону политическое убежище в России «как частному лицу», но император вежливо отказался.

Наполеон переодевается в гражданское платье и в таком виде предстает перед хозяйкой гостиницы, что возле Сен-Кана.

— Ну что, — спрашивает женщина, — встречали ли вы Бонапарта?

— Нет, — отвечает Бонапарт.

— Любопытно, сумеет ли он удрать. Думаю, народ его растерзает, да и, сказать по правде, поделом ему, пройдохе! Скажите, на остров-то его отправят?

— Конечно, — уверяет ее Наполеон.

— Его, небось, утопят?

— Надеюсь!

Наполеон достиг Фрежюса. Здесь он когда-то высадился, возвращаясь из Египта и устремляясь в Париж.

Бурбоны делают ошибки

Наполеон нередко принуждал подчиненных присутствовать на гражданских и религиозных церемониях. Обычно он давал соответствующие приказы начальнику штаба Бертье, и тот «обеспечивал явку».

Так было, например, накануне первой мессы в соборе Парижской Богоматери, проведенной после заключения конкордата с Ватиканом. Высшие военные чины обязаны были присутствовать даже на мессах в Булонском лагере.

Наполеон был склонен к проявлениям насилия, устраивал браки подчиненных — порой вопреки их воле³²², мог преследовать своих политических противников, но не заходил так далеко, чтобы покушаться на свободы граждан.

В статье 260 «Уложения о наказаниях» запрещалось, под страхом тюремного заключения и штрафа, принуждать французов соблюдать религиозные праздники и воскресный отдых, а также прекращать работу в эти дни. «Для тех, кто свободен от материальных забот, — говорил Наполеон, — это, может быть, и правильно и уместно прекращать работу на седьмой день, но вынуждать бедного человека, имеющего большую семью, оставаться без пищи только потому, что его лишают работы и тем самым — пропитания, означает только верх варварства».

Хартия Людовика XVIII сохранила эти нормы, но на деле вышло иначе. Полицейский ордонанс, изданный при Первой Реставрации, содержал странное предписание — французы обязаны украшать фасады своих домов на всех улицах, по которым следовали процессии «тела Господня».

Когда начались сами процессии, посыпались насмешки — справа и слева. Королевский режим выставлял себя в нелепом виде.

Парижане видели тени прошлого — Людовика XVIII, графа д'Артуа, постаревшего принца Конде, герцогиню Ангулемскую³²³ и... Александра Бертье в их свите!

— На Эльбу, Бертье, на Эльбу! — закричали из толпы.

«У меня, — пишет Шатобриан, — до сих пор перед глазами сцена, свидетелем которой я стал 3 мая, когда Людовик XVIII, достигнув Парижа, отправился в собор Парижской Богоматери: короля желали уберечь от лицезрения чужеземных войск; вдоль дороги от нового

моста до собора, на набережной Орфевр выстроились пехотинцы старой гвардии. Не думаю, чтобы когда-либо человеческие лица имели выражение столь грозное и страшное. Эти израненные гренадеры, покорители Европы, пропахшие порохом, тысячу раз слышавшие свист ядер, пролетавших над самой их головой, лишились своего предводителя и вынуждены были приветствовать дряхлого, немощного короля, жертву не войны, но времени, в столице Наполеоновской империи, наводненной русскими, австрийцами и пруссаками. Одни, морща лоб, надвигали на глаза громадные медвежьи шапки, словно не желали ничего видеть; другие сжимали зубы, еле сдерживая яростное презрение, третьи топорщили усы, оскалившись, словно тигры. Когда они брали на караул, их иступленные движения вселяли ужас. Никогда еще, без сомнения, люди не подвергались подобным испытаниям и не претерпевали такой муки. Если бы в этот миг их призвали к мщению, они бились бы до последней капли крови».

«Ахиллы новой Илиады, / Какой Гомеру не создать», — напишет о них Теофиль Готье³²⁴.

Ими восхищался Денис Давыдов: «... Подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон... мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги... Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколь ни покушались мы оторвать хоть одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих, всеми родами смерти испытанных, воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля... Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отставшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми... Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки устремлялись на неприятеля, но все было тщетно. Ко-

лонны двигались одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством... Гвардия с Наполеоном прошла посреди... казаков наших, как 100-пушечный корабль между рыбацкими лодками».

С 12 мая 1814 года королевским указом численность войск сокращена наполовину и теперь составляет 201 140 человек, включая офицеров. Военным министром назначается генерал Дюпон³²⁵. Это он капитулировал в Испании в 1808 году. Какое оскорбление для военных — и далеко не последнее!

16 декабря офицеры, не состоявшие на действительной военной службе, были переведены на половинный оклад. Мотивы решения понятны — Франция не собиралась воевать и правительство сокращало расходы. Но в стране, которая сражалась с врагами свободы почти четверть века, следовало поступать более деликатно.

Шатобриан считал, что правительству лучше было вообще распустить солдат по домам, оставив пенсии, почести и звания лишь маршалам, генералам, военным губернаторам и офицерам. Солдаты вступили бы затем во вновь созданную армию, где смешались бы с роялистами и более не представляли собой грозную и сплоченную силу.

«Во Франции из каждых десяти человек восемь в тот или иной период побывали на войне, а остальные два удовлетворяют свое тщеславие тем, что разделяют чувства, царящие в армии, — заявлял Стендаль, который лишился всех постов вместе с падением Наполеона. — В эти годы из уст в уста передавались рассказы, возбуждавшие недовольство. Один из герцогов, член царствующего дома, спрашивает офицера, в каких кампаниях тот участвовал. “Во всех”. — “В какой должности?” — “В качестве адъютанта императора”. Герцог оборачивается к нему спиной. Другой офицер на тот же вопрос отвечает, что он прослужил двадцать пять лет. “Двадцать пять лет разбоя!” На одном из смотров остались недовольны гвардией, и этим старым воякам, просла-

вившимся таким множеством побед, было сказано, что их следует отправить в Англию поучиться там у гвардии английского короля».

При этом бунтовщиков-шуанов, связанных с иностранными державами, осыпали милостями. Лидеры вандейского движения, живые и покойники — Шаррет³²⁶, оба Ла Рошжаклена³²⁷, Кадудаль³²⁸, Фротте³²⁹ — теперь чуть ли не святые.

Вот как их будет воспевать Шатобриан: «..Ла Рошжаклен³³⁰, чьему труп патриоты приказали устроить *проверку*, дабы победоносный Конвент мог быть совершенно убежден в его смерти; этот *никто* двести раз ходил в атаку, занимая и отбивая города, деревни и редуты; участвовал в семистах стычках и семнадцати боях, сражался с трехсоттысячной регулярной армией, шестьюстами или семьюстами тысячами рекрутов и национальных гвардейцев; он помог захватить пятьсот пушек и сто пятьдесят тысяч ружей, испытал на себе действие *адских колонн* поджигателей, предводительствуемых членами Конвента, побывал в океане огня, трижды захлестывавшего вандейские леса; наконец, он видел, как погибли триста тысяч богатырей, его братьев по плугу, и как превратились в выжженную пустыню сто квадратных лье плодородных земель».

Да это же просто сказочные герои! Но Шатобриана несколько не смущают явные преувеличения.

Отныне в военные школы смогут поступать лишь отпрыски богатых семей. Шестьсот дворян, которых парижане окрестили «вольгижерами Людовика XIV», и такое же число юных воспитанников коллежа наряжаются в шутовские мундиры и охраняют короля. А Старую императорскую гвардию удаляют из Парижа. Прославленные воины квартируются на востоке страны.

Гвардейский генерал Летор обращается к принцу: «Возьмите нас, монсеньор, мы храбрые люди». — «Мир заключен, — ответил тот, — нам не нужны храбрецы».

«Так это бесстрашное войско было навсегда потеряно для Бурбонов», — заключает Лафайет, рассказавший данную историю в своих мемуарах. А новая королевская гвардия, солдаты которой имеют ранг офицеров и соответствующее жалованье, передается под командо-

вание маршалов-предателей — Бертье и Мармона. Старые гвардейцы называют подразделение Мармона «ротой Иуды», а часть Бертье — «ротой святого Петра».

В декабре 1814 года министр Дюпон был обвинен в получении взяток и отправлен в отставку. На его место назначают маршала Сульга, героя Аустерлица и участника множества кампаний Наполеона.

И оказалось, что этот маршал принадлежит к породе лстивых угодников. Он унижается до того, что говорит бывшим вандейцам, сражавшимся с революционной властью: «Господа, это мы ошиблись: не вам следует переходить в наши ряды, а нам — в ваши». Не случайно Стендаль покажет его в «Красном и белом» в роли жандарма. А настоящим шефом жандармов — королевским министром полиции — был назначен Бурьенн, в свое время уволенный Наполеоном за казнокрадство.

Сиротский дом для детей кавалеров ордена Почетного легиона был упразднен, а затем вдруг снова восстановлен. Постыдные шатания!

Военные власти запрещают часовым отдавать честь ветеранам с белым эмалевым крестиком Почетного легиона. Но обычай не удалось искоренить, и в конце концов было разрешено ему следовать.

Правительство беззастенчиво торгует былой и не принадлежащей ему славой — орденом Почетного легиона вручают людям, не имеющим никаких заслуг перед обществом. Кавалером становится лавочник, продающий духи в Пале-Рояле! Во время поездки по провинции граф д'Артуа, брат короля, и его сыновья вручают легендарные награды направо и налево. За несколько месяцев число новых кавалеров достигает пяти тысяч. Например, Линч, мэр города Бордо, получил орденскую ленту через плечо лишь за то, что первым примкнул к Бурбонам при пособничестве англичан.

10 июня 1814 года, через шесть дней после обнаружения хартии, давшей палатам возможность некоторого влияния на правительство и провозглашавшей свободу печати, ордонансом министра внутренних дел была восстановлена цензура. Затем из этого ордонанса

сделали закон. Недовольство граждан еще более возросло.

Правительство объявило, что «формы и направления образования детей будут предоставлены власти отцов и матерей, опекунов и семей». Красивый популистский прием! Бурбоны знали о том, что милитаристская система обучения утратила всякую привлекательность, и отменили обязательные военные упражнения.

Однако когда от формы перешли к содержанию, то выяснилось, что система императорского Университета — великолепное орудие управления. Бурбоны думали заслужить любовь родителей, но остановились в нерешительности.

Из школ исчезли барабаны, но в Париже снова появились швейцарские наемные солдаты. Плохая примета: как тогда, у Людовика XVI! Иноземцы получают приличное жалованье.

Правительство решает исключить из Французской Академии пятнадцать ее членов. Среди них — Наполеон Бонапарт, Жозеф Бонапарт, Люсьен Бонапарт, Лазарь Карно, Гаспар Монж, Луи Бернар Гюитон-Морво³³¹, Жан Жак Режи Камбасерес, Пьер Луи Рёдерер, Доминик Жозеф Гара³³², Эммануэль Жозеф Сиейес, кардинал Жан Мори, Анри Грегуар, Жак Луи Давид.

Устраненных заменили другими лицами. Новые люди стали членами Института на основании королевского ордонанса.

Спору нет, почти любая власть преследует своих противников. И приведенный список состоит из имен, вызывавших наибольшую ненависть Бурбонов и эмигрантов: Наполеон и два его брата, революционные деятели и якобинцы, священники, принявшие сторону революции, имперские служащие и художник Давид, когда-то клявшийся «выпить цикуту» вместе с Робеспьером, а затем ставший придворным живописцем Наполеона.

Но разве Гаспар Монж перестал быть творцом начертательной геометрии, а Лазарь Карно — видным математиком? Институт Франции — уважаемая корпорация, и прием в его члены всегда являлся событием важным и значительным. Бурбоны же проявили мелоч-

ность и пренебрегли истинными заслугами перед родиной, которыми — не в пример им — обладали исключенные из Академии. В своей мстительности они были слишком несдержанны и вновь покрыли себя позором.

Скончалась популярная актриса Рокур³³³. На ее похороны пришло огромное число людей. Когда же они заполнили пространство перед церковью Святого Роха, то им не разрешили войти внутрь храма и попроситься с телом г-жи Рокур. Служители культа запретили хоронить тело актрисы в освященной земле, так как «людям ее профессии не полагалось христианское погребение».

Тогда люди разбили дверь церкви и, не увидев там священника, решили идти ко дворцу Тюильри. Их гнев еще более усилился, когда они узнали, что священник, отказавший актрисе в погребении, постоянно получал от нее подарки для себя и для бедных прихожан, часто обедал и ужинал у нее. За несколько дней до кончины актрисы он совершил обряд причастия, но теперь «умывает руки»!

Толпа двинулась на Тюильри. Поначалу Людовик XVIII заявил, что священник прав. Но когда ему доложили о масштабах возмущения, он немедленно согласился похоронить г-жу Рокур и послал людей для того, чтобы те проследили за выполнением его приказа.

«Я сделал все кладбища независимыми от священников, — говорил Наполеон доктору О'Мира. — Я ненавижу монахов и выступал за упразднение их и хранилищ их преступлений, монастырей, где безнаказанно расцветали все виды порока. Кучка подлецов, которые вообще представляют собой позор для человеческой расы. Я бы допустил существование в стране только самого необходимого числа священников и ни в коем случае не монахов». (Но почему он тогда доверил им образование маленьких французов?)

Стендаль придерживается похожих взглядов: «Симеон Столпник, двадцать два года простоявший на своем

столбе и занимавшийся самобичеванием, отнюдь не добродетелен в моих глазах...

Равным образом я нисколько не уважаю картезианского монаха, который ничего не ест, кроме рыбы, и разрешает себе говорить только по четвергам. Признаюсь, мне милее генерал Карно, который уже в преклонном возрасте предпочел тяготы изгнания в маленьком северном городке³³⁴, чтобы не совершать низости».

Когда же власть начала готовиться к пересмотру материальных итогов революции, стало очевидным, что чаша терпения переполняется. Король издал ордонанс, в силу которого еще нераспроданная часть конфискованных в свое время земель была возвращена прежним владельцам. От этого было рукой подать до полного пересмотра сложившихся отношений собственности. Крестьяне ожидали худшего — не только того, что у них отнимут земли, но и восстановления церковной десятины и феодальных сборов.

Недовольна была буржуазия — правительство не принимало никаких таможенных мер против английской промышленной экспансии. Французские буржуа начинали проигрывать не только иноземцам, но и старому режиму. Бурбоны возвращаются к системе привилегий там, где цивилизация давно предпочитает право. Материальные привилегии, оплаченные налогоплательщиками, и большие куски общественного пирога достаются дворянству и высшему духовенству.

«...Не твердите нам более о трудностях и несчастьях, беспокоящих вас как следствия того, что вы именуете *контрреволюцией*, — поучал французов Жозеф де Местр³³⁵. — Все испытываемые вами несчастья происходят от вас самих. Почему вас не должно было изранить обломками здания, которое вы сами обрушили на себя? Восстановление — это иной порядок вещей: но только возвратитесь на путь, который привел бы вас к нему. Вы придете к созиданию отнюдь не по пути отрицания».

Недовольна была интеллигенция — вначале люди свободных профессий обрадовались умеренной хар-

тии и свободе слова, забытой при Наполеоне, но вскоре стали раздражаться новыми проявлениями цензуры, насилия и мракобесия.

Католическое духовенство заявляло о том, что крестьян, купивших конфискованные у старых дворян и эмигрантов земли, ждет кара Господня — их пожрут псы, как библейскую Иезавель³³⁶.

А поэт Беранже³³⁷ слагает сатирическую песню про знатных псов, нижайших просителей («Челобитная породистых собак о разрешении им свободного входа в Тюильрийский сад»):

Тирана нет — пришла пора
Вернуть нам милости двора...

Что нам до родины, собачки?..
Пусть кровь французов на врагах, —
Мы, точно блох, ловя подачки,
У них валяемся в ногах.

С 15 декабря 1814 года начала выходить сатирическая газета «Желтый карлик», которую редактировал Кошуа-Лемер. Она высмеивала старые монархические порядки, «рыцарей ордена Гасильников», «гениев Тьмы» и была очень популярна.

Вернувшиеся дворяне вели себя надменно и нагло. Были случаи жестокого избиения крестьян.

Граф д'Артуа, занимавший половину дворца Тюильри (Марсанский павильон), грезил французским средневековьем. Этот мистик и в самом деле думал возродить рыцарство, сеньоров, вассалов.

В Институте закрыли отделение изящных искусств. Там появились церковники, чего при Наполеоне не было.

Французов заставляли торжественно каяться в грехах Империи. Проводились церемонии в дни смерти «четы-мученицы» — Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Служили торжественные панихиды по неудачливому заговорщику Пишегрю³³⁸ и другим жертвам — врагам Наполеона.

Белое знамя и белые кокарды с лилиями вместо революционных триколоров, синекуры для эмигрантов,

ранее сражавшихся против собственного народа, объявление дня казни Людовика XVI днем национальной скорби, восстановление церковной власти, причем католицизм согласно хартии вновь стал *государственной* религией, — все это вызывало растущее негодование большинства слоев французского общества.

— Где же он? Когда он вернется?

Так говорили в деревнях, в казармах, в парижских кафе и на бульварах. Молодые люди произносили тосты и пили «за здоровье великого человека». Парижские рабочие избивали иноземцев и роялистов.

«Подавленный герой привлекает все сердца». После того как актер произнес со сцены эту вольтеровскую фразу, студенты громко рукоплескали.

В провинции вывешивали плакаты «Да здравствует император! Он был и будет!» В казармах распевали: «Он придет, придет опять!»

Из плена вернулись триста тысяч солдат. Когда-то Наполеону достаточно было десятой части этого числа, чтобы завоевать Италию или Египет!

«В 1814 году, — вспоминает Стендаль, — граф Беньо, министр полиции, предложил мне заведовать снабжением Парижа. Ни с какими прошениями я к нему не обращался; тем удобнее было предложение принять; мой ответ был таков, что едва ли пришелся графу Беньо по вкусу: его тщеславия хватило бы на двух французов; он был, должно быть, сильно задет. Человек, занявший названную должность, оставил ее лет через пять, уставши зарабатывать деньги и, как говорят, не воруя. Мое крайнее презрение к Бурбонам — я в них видел тогда зловонную грязь — вынудило меня покинуть Париж через несколько дней после того, как я ответил Беньо отказом».

«Кончены кровавые расправы, — писал он сестре Полине 24 июня 1814 года, — кончена война; двадцатилетнего художника уже не будут больше забирать в солдаты. Вполне естественное следствие заключается в том, что у тех, кто пользовался покровительством сильных мира сего, покровителей больше нет. Я до сих пор

считался прикомандированным. Все прикомандированные теперь упраздняются. Наконец, в каждом министерстве увольняют по пятьсот служащих, так что я не вижу, как мне использовать свои таланты, разве что стать хирургом. Я считаю, что на меня обрушиваются десять или двадцать лет нужды.

Что делать? Не поддаваться, пока это будет совместно с честью».

18 июля Анри Бейль написал Дюпону, военному министру, прося сохранить за собой ежегодную пенсию и оклад в размере девятисот франков. На этом он закончил отношения с правительством Бурбонов.

В салоне герцогини Бассано собиралась антироялистская оппозиция. Здесь едко подшучивали над Людовиком XVIII, «жирной свиньей» с бычьими глазами, и его бездарным окружением. (Хотя и при дворе были люди, осознававшие опасность сложившегося положения.)

Фуше, который не мог жить, не интригуя, советует Наполеону перебраться с острова Эльба в США. Неизменно следуя проверенной тактике «и нашим, и вашим», он тут же сообщает о своем письме графу д'Артуа, имитируя «участие».

Наполеон не поехал в Америку — это было бы жалким бегством, к тому же с риском быть пойманным где-нибудь под Гибралтаром. Он решается на феноменальный ход, вновь вознесший его на вершину славы и народной любви.

Второе пришествие

«Я хорошо помню, — писала Лаура д'Абрантес, — что, когда первое известие о высадке Наполеона пришло в Париж, мы глядели друг на друга с каким-то изумлением, похожим на безумие, не верили и опять глядели вокруг себя, желая увериться, что мы не бредим».

«Перед высадкой в Каннах ни заговора, ни плана не существовало, — говорил Наполеон Лас Казу на острове Святой Елены. — Я покинул место ссылки, прочитав парижские газеты. Предприятие сие, которое по про-

шествии времени кому-то покажется безрассудным, на деле было лишь следствием твердого расчета. Мои ворчуны не были добродетельны, но в них бились неустрашимые сердца».

Наполеон совершил высадку в заливе Жуан 1 марта 1815 года. Ночью отряд стоял на биваках. Жители побережья рассказывали, как к императору привели князя Монакского, бывшего первого конюшего императрицы Жозефины.

— Куда едете? — спросил Наполеон.

— Возвращаюсь в свои владения, — ответил князь, который перед этим спокойно ехал по береговой дороге в карете, запряженной четверкой лошадей.

— Клянусь Богородицей, что я делаю то же! — весело сказал император.

Он предложил князю присоединиться к отряду, но тот не поверил в успех предприятия.

Наполеон обошел стороной роялистский Прованс и устремился вперед — пешком по альпийским снегам. Отряд пробирался по ущельям — таким узким, что однажды один из мулов свалился в пропасть.

Наконец опасные перевалы остались позади. Наполеон с честью преодолел природные препятствия, устанавливая новые отношения с людьми.

Встретившим его королевским солдатам он крикнул, указывая при этом на столпившихся крестьян: «Спросите этих молодцов — и вы узнаете, что им угрожает возвращение десятин, привилегий, феодальных прав!» «Правду я говорю, друзья?» — спросил он горцев. «О, да, да! — отвечали те. — Нас хотели прикрепить к земле. Вы явились, как ангел Божий, чтобы спасти нас!» — загодела толпа.

Вскоре на пути отряда возник 5-й линейный полк. Наполеон столько раз подставлял голову под пули и ядра, что не испугался направленных на него ружей. «Дети» не стали стрелять в своего «отца» и бросились ему навстречу.

В Шамбери был расквартирован 7-й линейный полк. Его командир Ла Бедуайер получил приказ отправиться на подкрепление гарнизона Гренобля.

— Прощайте, сударыня, — сказал Ла Бедуайер своей хозяйке, — через неделю или меня расстреляют, или я стану маршалом Империи.

Что задумал 29-летний полковник? Маршалом он не станет, но Наполеон сделает его генералом и пэром. Поколение сверстников императора уже не могло играть прежней роли, и бывший адъютант маршала Ланна³³⁹ увидел для себя великолепные перспективы.

Потрясая орлом, прикрепленным к ивовой ветке, он держит речь перед своим полком: «Господа, я получил приказ выступить и преградить путь императору, который только что высадился во Франции. Пойдем мы против него или пойдем с ним?» — «С ним!» — в один голос ответили офицеры, охваченные восторгом.

Полк надевает трехцветные кокарды. Солдаты кричат: «Да здравствует император!» — и их поддерживают рабочие предместий.

«На подходе к Греноблю храбрый Ла Бедуайер, молодой человек, воодушевленный благородными чувствами и полный отвращения к поведению ничтожеств, против которых воевала Франция и из-за которых она проливала столько крови, присоединился ко мне вместе со своим полком», — говорил Наполеон Лас Казу.

Он обнял Ла Бедуайера со словами: «Полковник, я никогда не забуду того, что вы сделали для Франции и для меня».

Ла Бедуайер — не просто подчиненный или подданный. Он — гражданин, он — философ, он ощущает себя творцом Истории.

— Более никакого честолюбия, никакого деспотизма, мы хотим жить свободно и счастливо, — заявляет он Наполеону. — Вашему Величеству следует отказаться от завоеваний и стремления к чрезмерному могуществу, составившему несчастье Франции и ваше собственное.

В нескольких словах он дает оценку событий и рисует программу действий. Наполеон согласен с таким взглядом: «Неужто вы думаете, что нужды и желания народа не были для меня высшим законом? Разве я мог бы все это совершить, если бы меня не поддерживал на-

род? Если он желает свободы, только я один могу ее дать, ибо только я один не боюсь его. Я сделаю все, чтобы добиться мира. Унизительные договоры — не для меня, но я сумею удовольствоваться ими, если это нужно Франции».

Командир войск, стоявших в Гренобле, главном городе департамента Изер, решил защищаться. В ответ солдаты заявили, что не пойдут против императора. Буржуа были встревожены и смущены. Дворяне умоляли власти оказать сопротивление, а затем бежали в разные стороны.

Местные жители следуют за императорским войском. Звучат возгласы: «Да здравствует император!», «Долой попов!», «Долой многочисленные налоги!»

Однако не все разделяют дерзкий порыв императора. Участник египетской экспедиции Жан Батист Жозеф Фурье, которого Наполеон в свое время назначил префектом департамента Изер, сделал кавалером ордена Почетного легиона и бароном Империи, дал указание выпустить прокламацию роялистского толка. Когда император триумфально вошел в Гренобль, Фурье покинул город.

Наполеон произвел смотр своим войскам. Восторженная толпа окружала его и следовала за ним. Люди кричали под его окнами: «Не надо рекрутского набора, этого мы не хотим больше, нам нужна конституция!»

Молодой горожанин Жозеф Рей³⁴⁰ выразил чувства народа в адресе, который он представил императору. Он сказал Наполеону, что Франция любит его как великого человека, восхищается им как генералом, но не желает иметь диктатора, который создает новое дворянство и возрождает забытые злоупотребления.

В течение двух часов эта речь, уместившаяся в пятьдесят строк, была отпечатана в двадцати тысячах экземпляров. Вечером жители Гренобля будут на все лады повторять ее Наполеону.

Жан Дюмулен, молодой фабрикант перчаток, ранее давший приют прибывшему с Эльбы врачу императора, уроженцу Гренобля, предложил Наполеону располагать им, как угодно, а также 100 тысяч франков.

Император ответил: «В настоящий момент я не нуждаюсь в деньгах; благодарю вас; мне нужны решительные люди». Он назначил Дюмулена своим ординарцем и тут же дал ему поручение, которое тот отлично выполнил. Молодой человек бросил на произвол судьбы свое большое предприятие. Вечером он получил орден Почетного легиона³⁴¹.

Наполеон имел еще несколько интересных встреч — в том числе с братьями Шампольонами³⁴², старший из которых стал его секретарем. Все шло гораздо успешнее, чем он мог предположить.

В деревне Рив императора поначалу не узнали. Когда же крестьяне поняли, с кем имеют дело, то наводнили постоялый двор и ловили каждое слово или движение императора и его слуг. Видя, что гостю подали скудный ужин, люди стали угощать его, кто чем мог.

9 марта император ночевал в Бургуане. Начало пути он проделал пешком, но теперь ехал в экипаже. Иногда впереди кареты скакало человек шесть гусар, но чаще охраны не было. Наполеон опережал свое маленькое войско.

Лошади его кареты часто шли шагом. Крестьяне наводняли дорогу. Все страстно желали поговорить с императором, прикоснуться к нему или хотя бы мельком увидеть. Люди карабкались на его карету, залезали на его лошадей, кидали императору букеты фиалок и примул.

Гренадеры, составившие батальон Эльбы, сильно устали и задержались в Гренобле. Вскоре они двинулись дальше, но даже самые выносливые из них достигли Бургуана только через час после того, как Наполеон выехал оттуда. «Ворчуны» крепко ругались.

Воинов обступили крестьяне и интересовались подробностями жизни Наполеона на острове Эльба. Видя, что синие мундиры и высокие медвежьи шапки солдат изорваны и наспех зашиты белыми нитками, крестьяне задавали каверзные вопросы.

— Что ж, разве у императора на острове Эльба не было денег, что вы так плохо одеты?

— Как бы не так! — отвечали гвардейцы. — Денег у него было вдоволь, он ведь там строил дома, прокладывал дороги; остров стал неузнаваем. Когда он видел нас

грустными, то говорил: «Что, ворчун, ты, видно, все Францию вспоминаешь»? — «Да ведь скучно здесь, ваше величество». — «Чини пока свой мундир; там у нас их достаточно лежит на складах; тебе не вечно придется скучать».

«Он сам, — прибавляли гренадеры, — подавал нам пример: его шляпа была вся в заплатах. Мы все догадывались, что он задумал куда-то нас повести, но он остерегался говорить нам что-либо определенное. Нас то и дело сажали на корабли и снова высаживали, чтобы сбить жителей с толку».

В Гренобле император не стал покупать новую шляпу, а велел починить старую. Он был одет в изношенный серый сюртук, наглухо застегнутый. За месяцы, проведенные на Эльбе, он еще располнел и быстро утомлялся. Ему помогли садиться в карету.

Видя эти сцены, местные знатоки решили, что он носит панцирь. Но Наполеон никогда не надевал ни панцирей, ни специальных жилетов.

Участники этого необыкновенного шествия приближались к Лиону — важнейшей цитадели королевской обороны.

«Когда граф д'Артуа прибыл в Лион для того, чтобы уговорить войска выступить против меня, — рассказывал Наполеон доктору О'Мира, — он хотя и бросился ради этого на колени перед солдатами, но и не подумал прицепить на себя кокарду Почетного легиона. При этом ему было хорошо известно, что только один вид этой кокарды склонит солдат в его сторону, так как для многих из них было в порядке вещей с гордостью носить ее на своей груди, ибо, чтобы заслужить ее, ничего не требовалось, кроме храбрости и мужества. Но нет, он украсил себя орденом Святого Духа: чтобы иметь право носить этот орден, вы должны доказать свою принадлежность к аристократическому роду, насчитывавшему, по крайней мере, сто пятьдесят лет. Этот орден был преднамеренно учрежден для того, чтобы исключить заслуги награжденного, и именно такой орден вызвал возмущение в груди старых солдат. «Мы не будем сражаться ради орденов, подобных этому, и не будем сражаться ради эмигрантов, таких, как эти люди». Дело в том, что граф д'Артуа привел с собой десять или один-

надцать глупцов, бывших его адъютантами. Вместо того чтобы представить войскам тех генералов, которые так часто приводили старых солдат к славе, он взял с собой кучку ничтожеств, которые добились лишь того, что вызвали в памяти ветеранов их прошлые страдания под пятой аристократов и священников».

Три-четыре тысячи крестьян постоянно шли за Наполеоном и его армией. Они провожали императора от села к селу и сменялись новыми приверженцами вождя. Это была удивительная эстафета любви и надежды! Люди приносили еду, предлагали помощь. Лица менялись, но число проводников не становилось меньшим.

11 марта Наполеон принял парад лионской дивизии — специально присланной сюда правительством Бурбонов и перешедшей на сторону «беглеца». «Все мосты, набережные, все улицы были полны людей, мужчин, стариков, женщин, детей», — рассказывает Флери де Шабулон³⁴³, бывший в свите Наполеона. Люди стремились «видеть его, слышать его, ближе рассмотреть, коснуться его одежды. Царило чистейшее безумие».

Непрерывные крики «Да здравствует император!» гремели на всем пространстве, завоеванном императором без единого выстрела.

В Лионе он издал указы об отмене королевской знати, орденов и феодальных прав, белого флага, произведенных в предыдущие месяцы награждений орденом Почетного легиона, назначений в органах правосудия и в армии, об изгнании эмигрантов, вернувшихся в 1814 году. На имущество Бурбонов был наложен секвестр.

В ночь с 19 на 20 марта Наполеон со своим авангардом вошел во дворец Фонтенбло. Еще в 11 часов вечера 19 марта Людовик XVIII со всей семьей бежал из Парижа. Он держал путь к бельгийской границе. С ним были генералы и маршалы, сохранившие верность королю, обреченный на жалкое существование двор и мятущийся Шатобриан.

20 марта в девять часов вечера Наполеон вступил в Париж. Во дворце Тюильри и вокруг него собрались его многочисленные сторонники и просто любопытные.

Одна толпа бежала за каретой Наполеона и его свитой, другая стояла у дворца. Гул и радостные вопли первой толпы были слышны издали и все усиливались. Наконец поток достиг дворцовой площади и толпы слились. Движение застопорилось, был слышен несмолкаемый восторженный рев. Карета императора не могла двинуться дальше. Конные гвардейцы безуспешно пытались проложить ей путь.

«Люди кричали, плакали, бросались прямо к лошадям, к карете, ничего не желая слушать», — вспоминали кавалеристы. Толпа оттеснила свиту, люди открыли карету и на руках понесли Наполеона во дворец.

«Едва он ступил на землю, как раздался крик: “Да здравствует император!” То был потрясающий крик, от него могли бы разверзнуться небеса: это кричали отставные офицеры, сгрудившиеся в давке в приемной и заполнившие лестницу до отказа. Император был одет в свой знаменитый серый сюртук... Глядя на него с глубоким волнением, я продвигался впереди императора, пятась и держась от него на расстоянии одной ступеньки, — рассказывает Лавалетт, которого Коленкур попросил проложить дорогу вождю. — Глаза мои были полны слез, и я как в бреду повторял: “Как! Это вы! Это вы! Наконец-то это вы!” Он шел медленно, прикрыв глаза и протянув руки, словно слепой, на лице его блуждала счастливая улыбка. Когда он поднялся на площадку второго этажа, дамы захотели было подойти к нему, но поток офицеров с верхнего этажа преградил им путь, и будь женщины менее проворны, их раздавили бы».

Ничего подобного не было ни после Аустерлица, ни после Тильзита, ни после Ваграма.

Император вновь в Париже! Во Франции были случаи смерти от нервного шока. Но если в 1799 году умирали от радости, но теперь от страха перед будущим.

Бежать или остаться? Жюли Рекамье спокойно ждала. Госпожа де Сталь уехала в Коппе и звала подругу с собой. А Констан опубликовал пару статей — одну за неделю до бегства короля, а вторую — после ночного исчезновения монарха.

«Парижане! Нет, не таковы будут наши речи, по крайней мере мои. Я видел, что свобода возможна при монархии, я видел, что король примкнул к нации. Я не стану, как жалкий перебежчик, влачиться от одной власти к другой, прикрывать подлость софизмами и бормотать невежественные слова, чтобы купить себе постыдную жизнь».

Так он завершил свою статью в «Журнал де Деба». Он пишет Жюльетте письмо обреченного и просит *провести последние часы вместе с ним*.

Ученики пансиона Лепитра, одним из которых стал Оноре Бальзак, — как и многие студенты — сжигали белые знамена и прокламации Людовика XVIII, распевая «Марсельезу» и другие революционные песни. Студенты ходили по городу, держа в руках бюст Наполеона с лавровым венком и фиалками.

Многоумный Бенжамен хочет бежать, но в городе нет лошадей. Наконец он покидает Париж, но 25 марта мчится обратно. Вскоре он видится с Фуше, Жозефом Бонапартом, а 14 апреля пишет в дневнике: «Встреча с императором. Долгий разговор. Это удивительный человек. Завтра несу ему проект конституции».

Лучше бы он не возвращался. Он только сбил императора с толку своими несвоевременными проектами!

«Эти мерзавцы либералы заставили меня потерять время, болтая со мной о конституции. Мне надо было послать их... Моя сила была в народе», — скажет Наполеон.

В апартаментах императора стоит ядовитый запах, причиной и источником которого были ноги больного подагрой Людовика XVIII и серные ванны, принимавшиеся королем. «Его ноги были покрыты язвами, — говорил Наполеон, — и чулки на его ноги натягивала герцогиня Ангулемская. Каждый день он обедался до такой степени³⁴⁴, что ему давали Бог знает что, чтобы освободить его переполненный желудок».

«Когда я вернулся с Эльбы, я нашел машины, с помощью которых подделываются документы, — рассказывал император доктору О'Мира. — Они подделали несколько государственных документов, намереваясь опубликовать их. Всей операцией по подделке государ-

ственных бумаг руководил г-н Блакас³⁴⁵, но непосредственным исполнителем был некий священник. Раньше подобное было сделано в отношении бумаг Мюрата. Сфабрикованные бумаги были показаны некоторым англичанам. Блакас подобным образом сфабриковал письмо горничной моей сестры Полины, содержащее семь или восемь страниц болтовни. Он интерполировал это письмо таким образом, чтобы дать понять, что я спал с собственной сестрой!»

Когда-то банкир Неккер одолжил Людовику XVI два миллиона. И теперь, в 1815 году, мадам де Сталь, собиравшаяся выдавать замуж свою дочь и обеспечить приданое, очень рассчитывала получить эти деньги. Она подготовила почву к тому, чтобы установить добрые отношения с Наполеоном, еще во время пребывания императора на Эльбе. Тогда она намеревалась передать ему списки лиц, готовивших убийство императора, и готова была сама ехать на остров, но Жозеф Бонапарт послал туда своего доверенного генерала Буано³⁴⁶.

«Госпожа де Сталь — женщина, обладающая значительным талантом и большим честолюбием, но столь склонная к интригам и неутомная, что дала повод для высказывания о том, что она могла бы столкнуть своих друзей в море для того, чтобы, когда они станут тонуть, получить возможность спасти их, — саркастически замечал Наполеон. — Я запретил ей появляться в стенах императорского двора. В Женеве она вступила в интимные отношения с моим братом Жозефом, чего она добилась благодаря своему умению интересно вести беседу и своим литературным произведениям».

Наполеон снова у руля государства, и мадам де Сталь отправила к нему своего сына. Император вовсе не склонен был оплачивать чужие долги, отдавая предпочтение одним лицам в ущерб другим. Но настойчивая женщина действует «не мытьем, так катаньем». Вначале она использует Жозефа, чтобы тот устроил аудиенцию сына у Наполеона. Император дал указание не принимать сына, но добрый старший брат все же приводит его во дворец. Привратники пропускают парочку, по-

сколько Жозеф заявил, что берет на себя все последствия своего поступка.

Наполеон очень вежливо принял сына госпожи де Сталь, но объяснил ему, что выполнение просьбы противоречит французским законам. После этого мадам написала министру Фуше, подробно изложила свою просьбу и обещала поступить в полное распоряжение Наполеона, если тот пойдет ей навстречу. Фуше считал, что госпожа де Сталь может быть очень полезна в сложившихся обстоятельствах, но император был непреклонен.

Каков теперь Наполеон? Молльен, знавший его много лет, описывает императора «как совсем другого человека по сравнению с тем, каким он был прежде», «спокойного», «задумчивого». Теперь он слушает разные мнения, советуется... и совсем не грубит!

Раньше он обладал способностью обходиться без сна столько, сколько нужно, и засыпать на поле битвы, если обстановка позволяет. Теперь он подолгу спит в кабинете, часто с книгой в руках.

2 апреля юный Бальзак издал наблюдая за банкетом, устроенным на Марсовом поле для 15 тысяч национальных гвардейцев. В конце церемонии солдаты скрестили шпаги и сабли, восклицая: «Умрем за Отечество!»

16 апреля император провел войсковой смотр. Среди студентов гулял слух, что на него подготовлено покушение и жить ему осталось лишь несколько минут.

Народу предложили одобрить, как во времена Консульства и Империи, следующий акт, разосланный по всем городским управлениям Франции:

«Ст. 1-я. Учреждения империи, а именно: дополнительный акт 23 февраля 8 года, сенатские приговоры 14 и 16 термидора 10 года и 28 февраля 12 года, изменяются нижеследующими распоряжениями; все прочие их статьи остаются в полной силе.

Ст. 2-я. Законодательная власть принадлежит императору и двум палатам.

Ст. 3-я. Первая палата, называемая палатой пэров, есть *наследственная*.

Ст. 4-я. Император назначает ее членов, кои не могут быть переменяемы; достоинство сие переходит к старшему сыну, по прямой линии. Число пэров не ограничено и т. д.»

Люди восторженно встречали Наполеона при его возвращении с Эльбы, но проявили пассивность в день выборов. «За» проголосовало 1,5 миллиона человек. В 1802 году одобрявших было 3 миллиона 500 тысяч!

Почему такая перемена? Французы не понимают положений имперского «Дополнительного акта». Многие еще помнят демократическую Конституцию 1793 года, о которой впоследствии нельзя было говорить. И что теперь? Наследственное пэрство! Это то, чем император ответил на невиданный энтузиазм простых людей?! В Лионе он называл их гражданами, но теперь они — снова подданные.

Как изменилась страна за годы правления Наполеона? Промышленность и сельское хозяйство сделали немалые успехи, однако есть еще «медвежьи углы», которые не скоро обретут новый облик. Один из них описан Бальзаком в «Сельском враче»: «Это была настоящая глушь, деревня как будто стояла на краю света, ни с чем не связанная, всему чуждая, точно жители ее составляли одну семью, оказавшуюся вне социального движения, с которым их соединяли лишь самые неприметные нити да сборщик податей». «Соломенная крыша лачуги держалась прочно, хотя и поросла мхом, окна и двери с виду были в хорошем состоянии... В хижине была всего лишь одна комната, свет падал из крохотного оконца, завешенного холстиной. Пол был земляной. А всю обстановку составляли стул, стол и прескверная кровать... Тут не было признака домашней утвари, не было никакой посуды для варки хотя бы самой простой пищи. Комната смахивала на собачью конуру, только миски недоставало...»

Может быть, писатель сгущает краски? А вот что говорит практик. «Действительно, — писал банкир Жак Лаффит, — есть несколько торговых городов и не-

сколько провинций, которые приняли участие в промышленном подъеме нашей эпохи и в которых сосредоточены капиталы, наживаемые весьма дорогой ценой; но все остальные земли, находящиеся во власти невежества, рутины, бедности, совершенно истощены и сильно отстают от той Франции, которую можно назвать цивилизованной».

«Домоседство, неподвижность, автаркия», — замечает Бродель. Обитатели «нецивилизованной» Франции передвигались пешком. И люди в последний раз идут голосовать за Наполеона и его либеральную конституцию, подготовленную Констаном. Многим из них нужно преодолеть долгий путь, чтобы достичь избирательного участка.

Голосование было поименным, публичным и регистрируемым. «Против» осмеливаются проголосовать только 0,37% от общего числа внесенных в списки, но большинство просто не явилось на участки. В Марселе проголосовал 1% избирателей!

Армия и большинство крестьян — за императора, но многие рабочие отсиделись по домам. В столице только две тысячи рабочих голосуют «за».

«Всеми овладело уныние. Везде женщины — ваши отъявленные враги; а во Франции нельзя пренебрегать таким противником», — доносили императору из провинции.

«Пробудившись ото сна, мы не были в состоянии вновь предаться грезам, — писал в своем дневнике архитектор Пьер Фонтен. — Ничто на свете не могло вселить в нас веру в неслыханное чудо. Мы пребывали в убеждении, что наступил конец, но были вынуждены исполнять отдаваемые нам распоряжения...»

Не унывают лишь обитатели кафе «Монтансье», расположенного рядом с Пале-Роялем. Оно стало центром народного бонапартизма. Здесь стоит бюст императора, увенчанный лаврами, а люди вечерами и ночами громко поют воинственные песни о любви к вождю.

За «Марсельезой» следует «Прощальная песня», а затем какие-нибудь новые куплеты, которые тут же и сочиняют.

Роялисты активно настраивали людей против императора перед плебисцитом по конституции и выборам депутатов. Они же подняли новую волну вооруженного сопротивления.

«Военные действия еще не начались, — пишет жене находившийся в Кобленце Блюхер³⁴⁷. — Это не может продлиться долго. Во Франции началась гражданская война. Они прикончат друг друга, и думаю, что нам особо нечего будет делать».

— Если бы не было этого дела в Вандее, я бы в составе своей армии в сражении при Ватерлоо имел на тридцать тысяч солдат больше, — говорил Наполеон впоследствии.

Вождь шуанов 38-летний маркиз Луи де Ла Рошжаклен, которого Наполеон когда-то пытался привлечь на свою сторону, гибнет в сражении при Мате. Шуаны терпят одно поражение за другим. Они согласны на перемирие, но оно, увы, вступит в силу только после второго отречения императора.

Автор «Тетрадей ритор» по имени Бари описывает два лагеря, сложившихся в период «Ста дней». Сторонники Людовика XVIII — эмигранты, дворяне, священники, женщины, юноши, не желающие служить, «генералы, уставшие сражаться», торговцы. За императора — те, кто приобрел национальное имущество, солдаты и офицеры, «молодые люди, предназначавшие себя к военной карьере», рабочие, врачи (им «война давала работу и раненых, которых надо было лечить»).

Не Франция старых дворян и попов, но Франция обновленная, Франция-труженица, много воевавшая, приобретающая мировую славу, за последние месяцы немного отдохнувшая и едва залечившая раны, шла сражаться за свою честь и независимость.

Северная армия Наполеона — в основном солдаты с опытом. Вернувшиеся из плена ветераны жаждали отомстить своим врагам — особенно англичанам, мучившим их на галерах³⁴⁸.

Явились добровольцы. Национальная гвардия была готова защищать крепости. Моряки, таможенники, полиция — все встали в строй.

Разве можно не верить в Наполеона? Потерпел ли он хотя бы одно поражение? В 1812 году армия стала жертвой жестокого холода. В 1813-м весь мир ополчился на Францию, но «дети императора» ни разу не бежали с поля боя. А 1814 год? Новые страницы славной летописи!

Капитан Куанье писал о Наполеоне: «Это был человек самый суровый и лучший из всех. Все трепетали перед ним, и все обожали его». «Я любил его всей душой, но меня охватывала дрожь, когда я разговаривал с ним».

О настроении армии говорит полковник Трефкон: «Никогда еще энтузиазм и вера в будущее у офицеров и солдат не были столь велики».

Однако император не решается опереться на молодежь. Его министры — пожилые люди, а в армии он делает ряд неудачных назначений.

Бертье умер³⁴⁹, и Наполеон делает из Сульта штабиста. Непобедимый Даву оставлен в столице, а на главные роли выдвинуты Ней и Груши³⁵⁰, не блиставшие стратегическими талантами.

Адъютантов мало. Пылкий Ла Бедуайер будет вносить путаницу. Наполеону служит 30-летний Флао де Лабиллиарди³⁵¹, сын Талеярана. Не пахнет ли здесь изменой? Флао проявит себя с лучшей стороны, но зато к неприятелю сбежал дивизионный генерал Бурмон³⁵², старый роялист и вандеец. Блюхер не оценил этой «помощи» и передал Бурмону через своего адъютанта, что считает перебежчика «собачьими отбросами».

Французы побеждают при Флерюсе и Линьи. Дело при Линьи, где император одолел пруссаков, Куанье опишет так: «Это было не сражение, это была бойня. Все нападали со всех сторон, слышалась только одна команда: “Вперед!”»

Страна ждала известий. «Мучительные дни!.. Вестей или совсем не было, или они приходили такие искаженные!.. Дни полного неведения, томительного ожидания... Люди подолгу стояли на перекрестках улиц, на краю дорог, подстерегая слухи», — писал Филипп Эриа³⁵³.

«Дон Шатобриан, рыцарь печального образа», как назвал его Гейне, томился в изгнании в бельгийском городе Генте вместе со старым подагриком Людови-

ком XVIII. 18 июня 1815 года он вышел из города через Брюссельскую заставу, чтобы спокойно прогуляться и побыть в одиночестве.

«Я отошел от города уже почти на целое лье, — вспоминает Шатобриан, — когда до слуха моего вдруг долетел глухой рокот: я остановился и взглянул на небо, затянутое тучами... Я пошел дальше: не успел я сделать и тридцати шагов, как шум возобновился; то отрывистый, то продолжительный, он повторялся через неравные промежутки времени... Поднялся южный ветер, и я явственно слышал артиллерийские выстрелы. Это крупное сражение, тогда еще безымянное, в шум которого я вслушивался, прислонившись к тополи, сражение, неизвестный смертный час которого пробили только что часы на деревенской колокольне, было сражением при Ватерлоо!»

«...Я пребывал в одиночестве среди гентских полей, словно моему попечению были поручены здешние стада, и мозг мой сверлили вопросы: “Что это за сражение? Положит ли оно конец войне? Участвует ли в нем сам Наполеон? Разыгрывают ли здесь судьбу мира, как разыгрывали когда-то одежды Христа? Кто победит и что принесет эта победа народам: свободу или рабство? И чья кровь льется там? Не прерывает ли каждый выстрел, который я слышу, жизнь французского солдата? Неужели снова... заклятые враги Франции празднуют победу? Если они одолеют, что станет с нашей славой? Если одолеет Наполеон, что станет с нашей свободой?” Хотя победа Наполеона осудила бы меня на вечное изгнание, в тот миг любовь к отечеству возобладала в моей душе над прочими чувствами; я желал успеха угнетателю Франции, ибо он мог спасти нашу честь и избавить нас от чужеземного владычества».

Какие эпизоды сражения соответствовали по времени описанию Шатобриана? Первые фланговые атаки, большое наступление пехоты на плато Мон-Сен-Жан или героический взлет французской кавалерии? Всякий раз воинам приходилось взбираться по склону, чтобы достичь позиций англо-голландской армии.

Разрывы снарядов, ружейные выстрелы, звуки труб, шотландской волынки и боевые мелодии французских оркестров, музыканты которых носили яркую форму, шпаги или полусабли, — все то, что для Шатобриана сливалось в единый рокот и шум, — служило аккомпанементом множества драм ужасного дня.

Он начался с того, что император устроил великолепный войсковой смотр на виду у Веллингтона. Армия приветствовала своего вождя! Воля французов к победе была неодолимой, но все в тот день делалось не вовремя и невпопад.

«Нами командовали, словно тыквами», — напишет Марбо. Жером Бонапарт, имперский принц и командир дивизии, погубил много людей в напрасных попытках взять замок Гугумон силами одной пехоты. Дело продолжил Друэ д'Эрлон³⁵⁴, но его корпус был сброшен с плато.

Грандиозные атаки кавалерии не были поддержаны пехотой, хотя резервы у французов были. Когда Ней наконец вспомнит, что дивизия Башлю и бригада Жамена из дивизии Фуа³⁵⁵ стоят в готовности и ждут сигнала, он пошлет их в бой, — но, увы, к тому времени кавалерия выдохлась. Пехотинцы попали под яростный огонь, и атака не достигла цели.

Наполеон и Ней долго не могли добиться того, чтобы французы оказались сильнее хотя бы в одной из точек — всякий раз чего-то не хватало. В начале боя командиры были слишком расточительны, а в решительный момент, что настал в седьмом часу, Наполеон приберег гвардию и упустил последний шанс.

«Пехота и кавалерия предприняли несколько последовательных атак, но ни одной из них не предприняли одновременно», — пишет лаконичный и точный Жюмини³⁵⁶.

Описание романтика Гюго захватывает дух. Французские кирасиры летят в атаку и вдруг падают в бездну — на дно Оэнской дороги, разрезавшей плато Мон-Сен-Жан! Преувеличил ли писатель? Историки говорят о том, что само событие произошло не во время большого кавалерийского штурма, который начался в четыре часа, а несколько раньше.

Но можно ли исправить роман «Отверженные»? Разве художники перепишут картины? Или кто-то улучшит «Илиаду», сличая факты?

У легенд свои законы!

Настал вечер. Император подготовил гвардейские батальоны к решающей атаке, но очередной предатель предупредил англичан об этом («Да здравствует король! Готовьтесь! Эта б... Наполеон идет на вас с гвардией, он в получасе отсюда»).

Веллингтон хорошо подготовился к встрече Средней гвардии, чья атака закончилась столь же неудачно, как и все предыдущие. Блюхер наступал. Французы, увидев бегущих гвардейцев, пали духом.

Бойцы Молодой гвардии несколько часов сдерживали авангард пруссаков в районе Планшенуа, но теперь против них была большая армия. Эти молодые люди — добровольцы Парижа и Лиона — бок о бок с солдатами 2-го егерского и 2-го гренадерского полков Старой гвардии сражались с противником, превосходившим их по численности в 5 раз. Они отразили атаку трех дивизий, но Гнейзенау³⁵⁷ организовал новый штурм.

«Французов только уничтожив, можно выгнать из Планшенуа», — писал майор фон Дамиц. Части Молодой и Старой гвардий бились за каждый дом, пытались закрепиться на кладбище, умирали около знамен и удерживали деревню еще целых полтора часа.

Но это уже не имело значения. Лавины свежей прусской кавалерии и уцелевшие англичане довершили разгром обескровленной французской армии, весь день атаковавшей плато Мон-Сен-Жан и так и не дождавшейся подкреплений³⁵⁸.

В бой вступили первые полки — лучшие из лучших. Генерал Гурго³⁵⁹ рассказывал впоследствии, что в конце битвы английские кавалеристы и пехотинцы приблизились на расстояние в 200 метров к месту, где стоял Наполеон, с которым были только маршал Сулыг, начальник артиллерии Друо³⁶⁰, генерал Бертран и сам Гурго. Недалеко от них стоял французский батальон.

Наполеон приказал дать несколько залпов из пушек этого батальона, а затем, вспомнив свое ремесло, порывался сам подойти к орудиям:

— Надо умереть здесь, на поле боя!

Англичане начали обстреливать колонну. Ла Бедуайер носился галопом, вытянув руки вперед. Он, как и Наполеон, как и Ней, искал смерти. Император хотел помчаться в направлении англичан, но Сульт остановил его:

— Вас не убьют, но возьмут в плен!

«Он (Наполеон. — *А. И.*) направляет свою лошадь в середину каре, которым командует Камбронн³⁶¹, но все генералы окружают его. “Что вы делаете?! — кричат они. — Разве им не достаточно того, что они победили?!” Он хотел, чтобы его убили, — рассказывает Куанье. — Почему они не позволили ему совершить задуманное! Они избавили бы его от стольких страданий, и мы, по крайней мере, умерли бы рядом с ним. Но окружавшие его высшие сановники не были готовы к подобной жертве. И все же я должен сказать, что мы окружили его и заставили ретироваться».

В плен попадает барон Ларрей. Одетый в серую шинель, что делало его похожим на императора, он оперировал и своих, и чужих. Видя это, солдаты переносили огонь в сторону от того места, где он работал.

Добросердечное отношение Ларрея к любому человеку, нуждавшемуся в помощи, было известно противнику. Барону, приговоренному к смерти, поможет немецкий врач — его бывший студент. Он замолвит словечко перед Блюхером. Суровый старик, отдавший приказ: «Пленных не брать!» — и готовый немедленно расстрелять Наполеона, был признателен Ларрею за то, что доктор однажды помог его сыну, пленнику французов³⁶².

Седовласый командир батальона, герой «Пармской обители» Стендаля, так оценивает происходящее:

«— Сволочное дело! — сказал он солдатам. — Во времена Республики не спешили удирать, пока неприятель к тому не принудит... Защищайте каждую пядь этой местности, умирайте, а держитесь! — воскликнул он и крепко выругался. — Помните: вы защищаете тут землю отчизны своей! Пруссаки хотят захватить ее!»

Фабрицио дель Донго, ранее уснувший от усталости, вдруг просыпается.

«— Что случилось? — спросил он у маркитантки.

— Пустяки! Расколотили нас. Прусская кавалерия крошит наших саблями. Вот и все...»

Капитан Куанье был среди беглецов, преследуемых пруссаками: «Солдаты всех частей и всех армий шли, смешавшись, в беспорядке, сталкивались и давили друг друга на улицах этого маленького городка (Женап. — *А. И.*), убегали от прусской кавалерии, мчавшейся за ними с криками “ура!”. Надо было как можно скорее перебраться по мосту на другую сторону реки Диль. Все перевернулось! Было около полуночи. В этом гвалте не было слышно ни одного голоса... Ничто не могло их успокоить... Они никого не слышали. Всадники приканчивали своих лошадей, пехотинцы пускали себе пулю в лоб, чтобы не попасть в руки врага. Царила страшная неразбериха. Второй раз в жизни я видел беспорядочное бегство, похожее на отступление из Москвы».

18 июня вдруг заговорили пушки Дома инвалидов. Парижане знали, что это значит. Победа! О ней же сообщает «Монитёр». Люди заполняют улицы и бульвары, славят императора и его армию.

Но это была победа, о которой завтра уже не вспомнят. Победа, потерявшая смысл вечером того же дня.

Ученики и студенты сильно волновались, соперечивая императору и его армии. Была нарушена церемония вручения премий в лицее Карла Великого. Директор лицея и надзиратель будут уволены в августе, а самые пылкие ученики отчислены.

Рента падает на четыре пункта. Здесь своя логика: победа Наполеона — это продолжение войны.

Еще день продлится состояние блаженного неведения. 20 июня начали поступать страшные вести, хотя пресса хранила гробовое молчание.

На заре 21 июня Наполеон был в Париже. В этот и в последующие дни рабочие столичных предместий и беглецы из Северной армии кричали об измене и требовали установления диктатуры.

Они собирались большими толпами, высказывались против отречения императора и требовали продолжения борьбы. Раньше кампании длились долгими месяцами, а в этот раз и недели не прошло, как все закончилось! Люди отказывались мириться с тем, что страну вновь отдадут на поживу Бурбонам, интервентам и эмигрантам.

В течение всего 21 июня, наступившей затем ночи и следующего дня в Сент-Антуанском и Сен-Марсельском предместьях, в квартале Тампль по улицам ходили процессии с криками: «Да здравствует император! Долой изменников! Император или смерть! Не нужно отречения! Император и оборона! Долой палату!»

Совещались финансисты, члены торговой палаты, банкиры. Биржу лихорадило. Наполеон видел, что происходит. Он привык пренебрегать многими факторами, ставя во главу угла военный успех. Но не получилось одолеть даже Блюхера с Веллингтоном, хотя поначалу он их разъединил. А приближались австрийцы, русские и их союзники.

Союзники, которых у Наполеона давно не было! 22 июня император отрекся от престола в пользу сына, находившегося вместе с матерью у своего деда, австрийского императора Франца.

Громадная толпа стояла под окнами Елисейского дворца, в стенах которого Наполеон провел свои последние властные часы. «Не нужно отречения! Да здравствует император!» — кричали собравшиеся. Столичная буржуазия боялась революционного взрыва.

Летом в Париже трудятся десятки тысяч рабочих из провинции. Они заняты в основном в строительстве. Эти люди, отметил академик Тарле, ненавидели Бурбонов двойной ненавистью — и как рабочие, и как крестьяне.

Они не желали мириться с происходящим и избивали до полусмерти хорошо одетых прохожих, в которых видели роялистов и аристократов. Вина этих «аристократов» заключалась в том, что они не хотели кричать: «Не нужно отречения!»

«Никогда народ, тот самый народ, который платит и

сражается, не обнаруживал к императору больше привязанности, чем в эти дни», — писал свидетель событий. Толпа бушевала и после отречения императора, о котором все узнали 22-го вечером.

«Он выехал! Все кончено!» Люди ушли от Елисейского дворца, но и 23, и 24, и 25 июня волнения не утихали.

Как только разнесся слух об отречении императора, государственная рента пошла вверх. Парижская знать перевела дух, но несчастья большой страны продолжались.

«И вдруг появились первые телеги перепуганных крестьян, погрузивших на возы детей, стариков родителей вместе с самыми ценными обитателями птичьего двора и домашним скарбом. Они ехали не останавливаясь, замороженные одной-единственной мыслью — уйти за Луару, и долгие летние дни благоприятствовали этому переселению. Горожане бежали за возами, спрашивали: “Вы откуда?” — “Из Марли, из Версаля, из Шатийона. Наши дома горят”. — “А в Париже как?” — “Париж окружен”. И когда беглецы уже отъезжали далеко, люди все еще стояли, застыв на месте, по-прежнему томясь неизвестностью», — писал Филипп Эриа.

Французы сопротивлялись оккупантам, и народ помогал своей армии. Перед мостами в Севре были построены баррикады, и пруссаки не сразу преодолели эти препятствия.

Наполеон отрекся не только потому, что больше не верил в военную победу. Ведь он даже предложит свои услуги генерала правительству, когда увидит возможность нанести поражение растянувшим свои коммуникации интервентам! Однако император не желал стать причиной гражданской войны, все признаки которой были налицо.

— Если бы я только захотел, то в одно мгновение взбунтовавшаяся палата была бы рассеяна... — говорил он Бенжамену Констану. — Но жизнь одного человека не стоит такой цены... Я не для того вернулся с острова Эльба, чтобы Париж оказался по колена в крови.

Политиканы одержали верх. Фуше ловко одурачил Лазаря Карно и стал «калифом на час». Год назад эта роль удалась Талейрану, а теперь герцог Отрантский, бывший императорский министр, стал председателем правительственной комиссии. Он грубо отверг предложение «генерала» ударить по врагу.

Наполеон окончательно вышел из игры, но некоторые его соратники не сдавались.

«Редко можно было видеть, чтобы черты столь своеобразного, столь благородного лица были искажены и потрясены столь же бурной страстью, как та, что охватила в ту минуту генерала Ла Бедуайера, — рассказывает свидетель. — Ему едва исполнилось тридцать лет, он был изящен и двигался легко и живо, как совсем молодой человек. У него был высокий, очень открытый, почти оголенный лоб; на лице его, обычно вежливом, читалось мрачное раздражение, а голубые глаза сверкали гневом. Чувствовалась натура великодушная и нежная, охваченная страданием и растревоженная насилием, которое она совершала сама над собой»³⁶³.

Дело было в палате пэров после отречения Наполеона.

«Император принадлежит нации, с ней он может все, — говорил патриот. — Для своей защиты он найдет молодые сердца, которые дают клятву лишь однажды... Примите законы, которые объявили бы предательство позором. Если имя предателя будет проклято, дом его разрушен, а семья объявлена вне закона, тогда предателей больше не будет. Больше не будет трусливых маневров, которые привели к последней катастрофе. Возможно, кстати, что их пособники и даже виновники сидят в этом зале»³⁶⁴.

Там был маршал Ней, недавно обещавший Людовику XVIII доставить Наполеона в Париж в железной клетке, а затем упустивший шансы при Катр-Бра³⁶⁵ и проигравший сражение при Ватерлоо.

Там был маршал Массена, бывший контрабандист, получивший из рук Наполеона слишком много (и только что — звание пэра), но предателем себя не считавший. Хотя после высадки Наполеона во Франции пуб-

лично поклялся защищать трон короля до последней капли крови и приказал изловить «врага»³⁶⁶.

— Молодой человек, вы забываетесь! — рычит он в ответ на выпады Ла Бедуайера.

Шляпа на шесте

«Прошло еще несколько мучительных дней, и по дорогам хлынула армия — рокочущая, бессильная, полная отчаяния орда. Не армия побежденных, и даже не полчища беглецов, а просто расформированная армия. Защитники родины возмутились, не желая принять перемирия, на которое соглашался маршал Даву, и они стали нежелательными, их выгнали из Парижа, выслали за Луару, потому что правительство должно было очистить столицу, перед тем как сдать ее союзникам», — пишет Филипп Эриа.

На аллее, огибавшей Марсово поле, вскоре разместятся пруссаки, Елисейские Поля будут заняты казаками, а в Булонском лесу разбиты палатки солдат Веллингтона.

«Железный герцог» посетил дом мадам Рекамье и самодовольно заявил:

— Ну и побил же я его!

Исполненный достоинства ответ Жюли заставил Веллингтона прикусить язык.

2 августа фанатики-роялисты растерзали маршала Брюна³⁶⁷. Это случилось ночью в авиньонской гостинице «Пале-Рояль». Ла Бедуайер был расстрелян 19 августа на Гренельском поле.

Маршал Монсей отказался участвовать в суде над Неем. Старого воина лишили звания пэра и заключили в крепость на три месяца. Нея был осужден пэрами и расстрелян 7 декабря. Пять его коллег-маршалов³⁶⁸ подписали смертный приговор. Корсиканец Орнано пытался освободить Нея, но был арестован и изгнан из Франции.

Когда обвиненному в государственной измене Лавалетту зачитали смертный приговор, генерал посмотрел на часы. Но он остался в живых благодаря удивительной женщине, своей жене! Мадам Лавалетт³⁶⁹

навестила мужа в тюрьме Консьержери за день до казни, и верный слуга Наполеона бежал, переодевшись в ее платье³⁷⁰. Эта подлинная история похожа на вымышленную, — но, может быть, польза литературных романов состоит и в том, что их авторы указывают людям способы действий в критических ситуациях?

Даже Людовик XVIII оценил самопожертвование мадам Лавалетт. «Она одна из нас всех выполнила свой долг», — сказал король.

В 1822 году ее муж-беглец был помилован и вернулся во Францию.

Строитель мавзолея для семейства Буссардель из романа Филиппа Эриа «Семья Буссардель» рассказывал, что когда его молодых подмастерьев забрали в армию, то пришлось нанять стариков-каменщиков, а в качестве подручных к ним приставить учеников, «молокососов лет по пятнадцати». Только так и был выполнен заказ!

«Покончено с рекрутчиной, с народным ополчением и с внезапными призывами в действующую армию. Все миновало, все кануло в прошлое. Матери избавились от тяжелой муки, жены вздохнули с облегчением: больше не будут убивать сыновей и мужей. Племя мужчин, более десяти лет жившее в разлуке с племенем женщин, ныне соединится с ним, и к племени женщин вернется сон».

«Снова, как и всегда, — отмечает Фернан Бродель, — мир, пришедший на смену войне, оказывается прекрасным лекарем. Все приходит в движение, некоторые передовые секторы экономики: финансовые операции, коммерческие товарищества, новые отрасли металлургической и химической промышленности, лионские общества газового освещения, каналы, пароходы, железные дороги — обновляются сами и приближают обновление других сфер...»

Во время «Ста дней» Шапталль осуществлял общее руководство сельским хозяйством, коммерцией и промышленностью, приняв титул государственного министра и звание пэра. Оно было отобрано Людовиком XVIII, но возвращено в 1819 году — тогда же, когда

ученый завершил свой капитальный труд «Французская промышленность». В 1820 году он будет избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Временно вышли из моды батальные сцены, и Орас Верне не сможет выставить свои картины даже в 1822 году. Он будет показывать их в мастерской. Но в дальнейшем художник сделает блестящую карьеру — станет директором Французской Академии в Риме, побывает с армией в Алжире, поедет с дипломатическими поручениями в Россию, где напишет картины по заказам двора.

А последний французский король³⁷¹ и последний император³⁷² попросят его расписать батальными сценами Версальский дворец. Художник выполнит заказы. Его патетические композиции, остродраматическая экзотика, картины яростных схваток и бурных пейзажей напомнят о легендарной эпохе, питавшей вдохновение мастера.

Исключенный из Академии наук Давид будет изгнан и за пределы Франции. Он поселится в Бельгии и создаст несколько больших и тяжеловесных композиций. Но рука, писавшая «Зеленщицу», еще выведет запоминающиеся портреты — например Сиейеса, тоже изгнанника, или трех гентских дам.

В дальнейшем он упорно отказывался возбудить ходатайство о разрешении вернуться на родину. Пожалуй, это хороший повод еще раз произнести: «Я вас приветствую, Давид!»

В 1816 году возобновились занятия в ранее закрытой Политехнической школе — Бурбоны как будто перестали бояться этого «рассадника революции». Но ее студенты еще заявят о себе и в 1830 году одними из первых выступят против ненавистной монархии.

Стендаль будет тратить свои сбережения, поскольку «не купил ренты на наградные Наполеона в 1808 или 1809 году», путешествовать по Италии, писать о живописи, писать для «Эдинбургского обозрения» и, в конце концов, попросит друзей устроить его на государственную службу.

Но главное — он создаст великое произведение. Наполеон не присутствует там непосредственно, но его дух не дает покоя ни героям, ни читателям.

Жюльен Сорель слышит разговор двух попугачиков по дороге в Париж:

«— Никогда Франция не пользовалась таким уважением среди народов, как эти тринадцать лет, когда он царствовал. Все, все, что тогда ни делалось, было полно величия.

— Твой император, чтоб его черт побрал, — возразил сорокачетырехлетний господин, — был велик только на полях сражений да еще когда он навел порядок в финансах в тысяча восемьсот втором году. А что означает все его поведение после этого? Все эти его камергеры, и эта помпа, и приемы в Тюильри — все это просто повторение, новое издание все той же монархической чепухи. Его подновили, подправили, это издание, и оно могло бы еще продержаться век, а то и два. Знати и попам захотелось вернуться к старому, но у них нет той железной руки, которая умела бы преподнести его публике.

— Вот уж поистине речь старого газетчика!

— Кто меня согнал с моей земли? — продолжал разъяренный газетчик. — Попы, которых Наполеон вернул своим конкордатом, вместо того чтобы держать их на том же положении, как держат в государстве врачей, адвокатов, астрономов, считать их за обыкновенных граждан и отнюдь не интересоваться ремеслом, при помощи которого они зарабатывают себе на хлеб. Разве сейчас могли бы существовать эти наглецы-дворянчики, если бы твой Бонапарт не понаделал из них баронов да князей? Нет, они уже доживали свой век. А теперь, после попов, вот именно эти-то сельские аристократишки больше всего мне крови и испортили, они-то и заставили меня либералом сделаться».

«Что он начал мечом, я довершу пером», — скажет Бальзак.

Тальма не отречется от бывшего покровителя. Исполняя главную роль в трагедии Э. Жуи «Сулла», премьера которой состоялась в «Комеди Франсез» 27 декабря 1821 года, он сделает себе грим императора. Это вызовет бешеную атаку роялистской прессы. Некоторые журналисты даже предложат преследовать актера в судебном порядке.

А мадемуазель Жорж ответит герцогу Беррийскому³⁷³, назвавшему ее «прекрасной бонапартисткой»: «Да, принц, этому знамени я буду вечно приносить присягу».

Доктор Ларрей читал лекции по хирургии в Парижской высшей медицинской школе, продолжал заниматься врачебной практикой и писал книги по военной хирургии. В 1829 году он стал членом Парижской Академии наук.

Ларрей умер в один год со Стендалем. Его имя вместе с именами других героев Франции увековечено на Триумфальной арке в Париже.

Белые — Наполеон, черные — генерал Бертран. Играно в 1818 году.

1. Kf3 Kc6 2. e4 e5 3. d4 Kd4 4. Kd4 ed 5. Cc4 Cc5 6. c3 Fe7 7. O—O Fe5 8. f4 dc3+ 9. Kph1 cb 10. Cf7+ Kpd8 11. fe baФ 12. Cg8 Ce7 13. Фb3 a5 14. Lf8+ Cf8 15. Cg5+ Ce7 16. Ce7+ Кре7 17. Фf7+ Kpd8 18. Фf8X

Мат! Наполеон разделал соперника под орех. Bravo, император!

«Серый сюртук и шляпа Наполеона, выставленные на шесте на брестском побережье, заставили бы Европу стать в ружье». Пэр Шатобриан, выступая в палате, почтил императора этой филиппикой — и не мог бы придумать ничего лучшего для того, чтобы угодить Наполеону, томившемуся на острове Святой Елены³⁷⁴.

«Я считал ниже своего достоинства сдаться любому из тех монархов, чьи страны я завоевал и в чьи столицы входил с триумфом, — говорил Наполеон доктору О’Мира, — и я решил довериться вам, кого я никогда не побеждал. Я сурово наказан за то хорошее мнение, которое имел о вас, и за то, что полагался на вас, вместо того чтобы сдаться моему тестю³⁷⁵ или императору Александру, любой из которых относился бы ко мне с величайшим уважением».

В 1813 году, когда великая борьба еще продолжалась, Александр наотрез отказался принять Коленкура — бывшего посла в Петербурге. Но после своей победы готов был принять самого французского императора.

Да, в 1814 году Александр предлагал Наполеону поселиться в России, но поверженный колосс не принял приглашения! И его отправили на Эльбу, где лишили положенного содержания, а позже на Святую Елену, где не позволяли и шагу ступить без мелочного контроля.

Желал бы Александр встречи с бывшим тираном в последующие годы? Он направляет на остров Святой Елены графа де Бальмена³⁷⁶, который займет должность комиссара при английском губернаторе Хадсоне Лоу³⁷⁷, а затем и женится на дочери «тюремщика» Наполеона.

Нет, третья встреча³⁷⁸ Александра с Наполеоном уже не могла состояться. Закончился поединок решительного гения латинской расы, воспитанного на Плутархе, считавшего Европу «кротовой норой» и видевшего грандиозные перспективы на Востоке, с молодым царем — прелестным внешне, часто колеблющимся, но феноменально выносливым.

Наполеон презирал врагов, Александр у них учился. Наполеон говорил, что победа приходит к самым упорным, — и она пришла к тому, кто поначалу был бит.

Но для кого Александр ее добыл — для себя или для Бурбонов?

«...По великой и многомудрой милости своей его величество король Людовик Восемнадцатый (последнее слово полностью, слышите вы ... ученый чистописатель!), взяв в свои руки бразды правления, постиг (а ну-ка, что он там такое постиг, этот жирный шут?) высокую миссию, к выполнению коей был он призван божественным промыслом!..... (Знак восклицательный и шесть точек — не бойтесь, судейские святоши возражать не станут!) И первой заботой его явилось, что и следует из даты упомянутого ниже ордонанса, ушивать раны, причиненные ужасными и прискорбными бедствиями революционного времени, восстановив верных и многочисленных слуг своих (многочисленных — это должно польстить в суде!) во владении всем непроданным их имуществом, буде оно находилось в общественном пользовании, в обычном или чрезвычайном владении казны, буде, наконец, в дарственном владении общест-

венных учреждений, ибо мы с полным на то основанием утверждаем, что именно таков смысл и дух прославленного и справедливого ордонанса...»

Шутник из адвокатской конторы, которую в очередной раз посетил бальзаковский полковник Шабер, диктует писцу текст прошения, смысл которого — в восстановлении имущественных прав старой аристократии. А граф Шабер, герой наполеоновских кампаний, «решивший исход сражения при Эйлау», напрасно ходит по конторам. Бывшая жена пустила его по миру, и он окончит свои дни в богадельне.

«Мною неожиданно овладел новый недуг — отвращение к человечеству, — признается Шабер юристу, пыгавшемуся ему помочь. — Когда я вспоминаю, что Наполеон на острове Святой Елены, — все претит мне в этом мире».

Наполеон пророчески говорил о Бурбонах доктору О'Мира: «Они хотят внедрить в армии старую систему. Вместо того чтобы позволить сыновьям крестьян и рабочих получить право стать генералами, как это было в мое время, они хотят дать это право только старой аристократии, эмигрантам... Они ничему не научились, они ничего не забыли. Они стали причиной революции и последующего массового кровопролития; и теперь, после двадцати пяти лет ссылки и позора, они вернулись, отягощенные теми же пороками и преступлениями, за которые их изгнали из отечества. Они вернулись, чтобы породить новую революцию. Я знаю французов. Поверьте мне, что после шести или десяти лет все это племя будет уничтожено или сброшено в Сену».

Французы сбросили иго Бурбонов в июльские дни 1830 года. Ну а Наполеон? Был ли он отравлен? Или он умер от рака желудка — как и его отец Карло Буонапарте, родные сестры Полина и Каролина?

Канадскому миллионеру Бену Вейдеру удавалось достаточно долго продавать общественности редкий «товар» — результаты экспертизы, согласно которой император якобы был отравлен своим же приближенным, графом Монтолоном³⁷⁹, — до тех пор, пока ведущий наполеоновед Жан Тюлар ему не возразил.

Суть возражения проста: нет доказательств того, что волосы, химический анализ которых выявил повышенное содержание мышьяка, действительно принадлежали Наполеону³⁸⁰.

Есть и другие доводы. Если Монтолон — ненавистник и отравитель Наполеона, то почему после смерти императора граф добросовестно выполнял его завещание? Более того, в 1840 году «убийца» поддержал авантюриста Луи, будущего Наполеона III! За эту попытку государственного переворота Монтолон был на 20 лет посажен в тюрьму и вышел из нее лишь благодаря революции 1848 года.

Врачи говорят, что рак и телесная полнота — несовместимые вещи. Не будем спорить со знатоками, а просто внимательно изучим последние изображения Наполеона. На известных картинах, где он показан на смертном одре и в гробу, — У. Кроката, Н. Морена, Ж. П. Мозеса — мы видим отнюдь не толстяка.

В начале ссылки порядок содержания Наполеона был относительно либеральным и узник совершал прогулки. Но когда на остров прибыл генерал Лоу, условия стали крайне унижительными для императора.

Наполеон подолгу не выходил из дому, плохо спал, мало двигался и быстро тучнел. Затем он нашел кратковременное утешение в садовых занятиях, но болезнь неумолимо наступала.

Хадсон Лоу удалил доктора О'Мира, и у императора не осталось хороших врачей. «Если бы Ларрей был здесь, он бы не покидал моей комнаты и спал бы у подножия моей постели», — говорил Наполеон.

«Вдруг у него обнаружился упадок сил, он стал томиться и столь же быстро худеть», — пишет в своем очерке о жизни и государственной деятельности Наполеона профессор А. С. Трачевский³⁸¹.

Когда император испустил дух, приближенные были поражены его внешним видом: «Первый консул!»

«Что есть будущее? Что — прошлое? Что такое мы сами? Какой магический флюид окружает нас и мешает нам видеть то, что нам важнее всего было бы узнать? Мы рождаемся, живем, умираем среди чудесного... Кто знает, может быть, я скоро должен буду проливать слезы о непоправимом?..»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ариосто Лудовико* (1474—1533) — итальянский поэт и драматург.

² *Карл Великий* (742—814) — король франков (с 768), император (800—814); из династии Каролингов.

³ *Талейран (Талейран-Перигор) Шарль Морис* (1754—1838) — князь Беневентский, герцог Дино, дипломат; происходил из старого дворянского рода, был епископом Отенским, избранным депутатом в Генеральные штаты (1789); министр иностранных дел Франции во времена Директории, Консульства и Империи (1797—1799, 1799—1807), вице-электор; в 1808 году (после отставки) вошел в тайные сношения с Александром I и австрийцами, предав Наполеона; сделал огромное личное состояние; возглавил временное правительство в Париже и активно способствовал возвращению Бурбонов; блестяще защищал их интересы на Венском конгрессе (1814—1815); способствовал восшествию на престол Луи Филиппа Орлеанского (1830).

⁴ Коллегиальный орган исполнительной власти Французской республики, состоявший из пяти директоров. Один из них должен был ежегодно выбывать и заменяться новым. Председателем (или президентом) Директории избирался один из директоров.

⁵ *Бурьенн Луи Антуан Фовеле* (1769—1834) — соученик Наполеона по Бриеннской военной школе, его секретарь в 1797—1802 годах, затем дипломатический представитель Франции в Гамбурге; член Института в Египте; член Государственного совета Франции; попал в опалу после того, как Наполеон заподозрил его во взяточничестве и казнокрадстве; при Реставрации был назначен префектом полиции.

⁶ *Монж Гаспар* (1746—1818) — выдающийся математик, создатель начертательной геометрии, политический и общественный деятель; профессор Мезьерской военно-инженерной школы (с 1768), член Парижской Академии наук (с 1780); один из основателей и профессор Политехнической школы в Париже (с 1794); активно участвовал в создании Высшей нормальной школы (1794); автор трудов по геометрии, математическому анализу, химии, оптике, метеорологии и практической механике; в период революции состоял в комиссии по установлению системы мер и весов, был морским министром (1792—1793), заведовал пороховыми и пушечными заводами Республики (1793), был членом Якобинского клуба; в период Директории сблизился с генералом Бонапартом, участвовал в первом итальянском походе, был президентом Института в Египте; возобновил преподавание в Политехнической школе; при Наполеоне стал сенатором, получил титул графа Пелузского; в период «Ста дней» решительно встал на сторону Наполеона; в период Реставрации был лишен всех прав и изгнан из Политехнической школы и Академии наук.

⁷ *Фурье Жан Батист Жозеф* (1768—1830) — барон, выдающийся математик; по рекомендации Монжа был приглашен в Нормальную школу; через некоторое время получил кафедру математического анализа в Политехнической школе; секретарь Института в Египте, французский комиссар при правительстве Египта, глава департамен-

та юстиции; член Института в Египте по отделению математики; при Второй Реставрации стал постоянным секретарем Академии наук; член Парижской Академии наук (1817); поощрял научные исследования Жана Франсуа Шампольона.

⁸ *Берталле Клод Луи* (1748—1822) — выдающийся химик, член Института в Египте по отделению физики; изучал медицину, в 1780 году стал академиком, в 1794-м — профессором Нормальной и Политехнической школ; в годы революции разработал новые способы производства селитры, стали и других материалов; сенатор при Наполеоне; изучал процессы образования и распада солей и кислот, прославился работами по получению хлора; лидер научного общества города Аркёй; автор исследования «Химическое равновесие» (1802), в котором обосновал законы разложения солей; напечатал в журнале Политехнической школы «Курс химии животных веществ», положив начало органической химии; его исследования по окраске и обелению тканей «Элементы искусства окрашивания» (1791—1804) сделали переворот в этой отрасли европейской промышленности.

⁹ *Жоффруа Сент-Илер Этьен* (1772—1844) — знаменитый зоолог. Член Института в Египте по отделению физики; эволюционист, вел борьбу против учения Кювье о постоянстве видов; в 1807 году был послан в Португалию для исследования природы и составления научных коллекций; обогатил с помощью обмена музеи обоих государств и заслужил признательность французов и португальцев.

¹⁰ *Конте Никола Жак* (1755—1805) — механик, воздухоплаватель и живописец; член Института в Египте по отделению физики; в 1792 году предложил использовать воздушный шар для наблюдения за неприятелем; был назначен директором Аэростатического института и начальником Бригады аэронавтов; выдающийся технический изобретатель.

¹¹ *Лепэр Жак* — инженер по коммуникациям, главный инженер путей сообщения, член Института в Египте по отделению математики. Его брат — Гратьен Лепэр.

¹² *Мешен Пьер Франсуа Андре* (1744—1804) — астроном. Сын — также астроном.

¹³ *Луи (Людовик) Бонапарт* (1778—1846) — младший брат Наполеона Бонапарта; коннетабль Франции (с 1804), король Голландии (с 1806); в 1810 году отрекся от престола в пользу сына; дивизионный генерал; был женат (с 1802) на Гортензии Богарне, дочери генерала Александра Богарне и Жозефины Таше де ля Пажери; пэр Франции (1815); отец Луи-Наполеона, будущего императора Франции.

¹⁴ *Жозефина Богарне (урожденная Жозефина Таше де ля Пажери)* (1763—1814) — первая жена Наполеона; креолка из дворянской семьи Таше де ля Пажери острова Мартиники, вышла замуж за генерала виконта Александра Богарне; после его казни, оставшись с двумя детьми, Евгением и Гортензией, стала фавориткой члена Директории Барраса; вышла замуж за генерала Наполеона Бонапарта в 1796 году; французская императрица (с 1804); получила развод в 1809 году.

¹⁵ *Денон Доминик Виван* (1747—1825) — барон, дипломат, художник, гравёр и искусствовед, археолог, член Французской Академии,

член Института в Египте по отделению литературы и искусств; в 1802 году выпустил книгу «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту»; при Наполеоне — директор всех музеев Франции; владелец большой частной коллекции.

¹⁶ *Тальен Жан Ламбер* (1767—1820) — политический деятель времен революции, публицист. Участвовал в восстании 10 августа 1792 года. Был одним из организаторов и активным участником истребления заключенных в парижских тюрьмах в сентябре 1792 года. Голосовал за казнь Людовика XVI. После падения Робеспьера добился ареста и казни многих членов Революционного трибунала и своих прежних коллег-якобинцев. В 1795 году подавлял народное восстание. При Директории стал членом Совета пятисот, затем отошел от политики. Член Института в Египте. В 1814 году приветствовал реставрацию Бурбонов, а во время «Ста дней» — возвращение Наполеона. После Второй Реставрации в 1815 году подал прошение о пенсии, которое было отклонено. Остаток жизни провел в бедности.

¹⁷ *Тальен Тереза (урожденная Жанна Мария Игнация Терезия Кабаррюс)* (1770—1835) — дочь испанского финансиста графа де Кабаррюс, который впоследствии был министром Жозефа Бонапарта. Когда отец был назначен испанским посланником во Франции и переехал с семьей в Париж, приобрела, благодаря красоте и уму, успех в парижском обществе, стала хозяйкой популярнейшего салона. Жена советника парламента маркиза Жака Девена де Фонтене (1790). Получила развод, когда после сентябрьских убийств (1792) маркиз эмигрировал. Любовница, затем жена Жана Ламбера Тальена, «богородица Термидора». Порвала с мужем, когда тот утратил политическое влияние, добилась развода (1803). С 1805 года — жена графа Карамана.

¹⁸ Согласно Конституции 1795 года, парламент Французской республики состоял из двух палат: *Совета пятисот* и *Совета старейшин*.

¹⁹ *Арпан* равняется 0,422 гектара.

²⁰ *Клебер Жан Батист* (1753—1800) — дивизионный генерал; отличился в войне с роялистской армией в Вандее, в сражении при Флерюсе (1794); член Института в Египте.

²¹ *Нельсон Горацио* (1758—1805) — английский вице-адмирал. Барон Нильский и Бернхем-Торпский, виконт Нельсон, герцог Бронте.

²² Египтом правили 24 бея. Каждый из них имел дружину.

²³ *Мамелюки* — буквально «невольники»: сила, с помощью которой арабы, а затем турки-османы господствовали над Египтом. Воины-феодалы. Их армия пополнялась кавказскими и евразийскими рабами.

²⁴ *Селим III* (1761—1808). В 1807 году был свергнут с престола, затем убит.

²⁵ *Фуре Маргарита Полина* (1778—1869) — жена лейтенанта Фуре; впоследствии писательница, прославившаяся скандальным поведением.

²⁶ *Бертье Луи Александр* (1753—1815) — князь Ваграмский и Невшательский, герцог де Валенже; военный министр (1799—1800, 1800—1807); маршал Империи (с 1804), вице-коннетабль Франции;

сын военного инженера, участвовал в войне за независимость американских колоний; в 1789 году командовал Национальной гвардией в Версале; стал начальником штаба армии Наполеона, начиная с первой кампании в Италии; представлял Наполеона на заочном бракосочетании в Вене с эрцгерцогиней Марией-Луизой; после отречения Наполеона присягнул Бурбонам.

²⁷ *Коста Луи* (1767—1842) — инженер, государственный деятель; член Института в Египте по отделению математики.

²⁸ *Редуте Пьер Жозеф* (1759—1840) — художник, член Института в Египте по отделению литературы и искусств; давал уроки рисования и живописи придворным дамам и членам королевских семей, в числе которых были вторая жена Наполеона Мария-Луиза и герцогиня Беррийская; автор иллюстраций многих изданий по ботанике, в том числе знаменитой «Монографии роз».

²⁹ *Риго Мишель* (ум. 1815) — художник, член Института в Египте.

³⁰ Слово «шейх» имеет два значения: 1. Глава племени, старейшина ремесленного цеха, глава дервишского ордена. Буквально — «старик». 2. Почетное наименование мусульманского ученого-богослова, администратора или вообще уважаемого человека.

³¹ *Нуэ Николая Антуан* (1770—1811) — французский астроном, член Института в Египте по отделению математики.

³² *Андреосси Антуан Франсуа* (1761—1828) — граф, дивизионный генерал, военный инженер; участник войн Республики и Империи, член Института в Египте по отделению математики; был французским послом в Лондоне, Вене, Константинополе. Член Государственного совета. Пэр Франции (1815). Оставил труды по истории и географии.

³³ *Жирар Пьер Симон* (1764—1836) — главный инженер путей сообщения, член Института в Египте по отделению математики.

³⁴ *Делиль Алир Раффно* (1778—1850) — ботаник, член Института в Египте по отделению физики.

³⁵ *Файрум* (Фай юм) — оазис в Египте, в Ливийской пустыне.

³⁶ *Савиньи Мари Юлий Цезарь Лелорнь* (1777—1851) — натуралист, член Института в Египте по отделению физики; обосновал новый вариант систематического описания ракообразных и насекомых.

³⁷ *Бошам Жозеф* (1752—1801) — астроном, дипломат, член Института в Египте.

³⁸ «Копты, остающиеся еще христианами, — коренные жители страны. Их насчитывается 80 тысяч — 100 тысяч душ. Они не воины. Это — деловые люди, сборщики податей, банкиры, писцы. Они имеют своих епископов, церкви и монастыри; они не признают папу» (Наполеон).

³⁹ *Мену Жак Франсуа* (1750—1810) — граф, дивизионный генерал; в 1793 году подавлял восстание в Вандее; командовал дивизией Восточной армии, после убийства Клебера стал главнокомандующим армией; член трибуната (1802); командующий в Альпийских департаментах, генерал-губернатор Тосканы, затем Венеции.

⁴⁰ *Дютюи Доминик* (1767—1798) — генерал, военный комендант Каира.

⁴¹ *Сулковский Юзеф* (ум. 1798) — польский патриот, участник восстания 1793 года; затем офицер французской армии, адъютант Бонапарта, член Института в Египте по отделению политической экономии.

⁴² *Каффарелли дю Фальга Луи Мари Жозеф* (1756—1799) — генерал, военный инженер, член Института в Египте по отделению политической экономии; погиб при осаде крепости Сен-Жан-д'Акр в Сирии.

⁴³ 13 вандемьера (5 октября 1795 года) Бонапарт подавил роялистский мятеж в Париже, за что получил прозвище «Генерал Вандемьер».

⁴⁴ *Доммартен* (1768—1799) — генерал, артиллерист; участник осады Тулона в 1793 году, первой кампании в Италии, египетской экспедиции, похода в Сирию; был убит в Египте.

⁴⁵ *Гантам Оноре Жозеф Антуан* (1755—1818) — начальник штаба французской эскадры. Вице-адмирал. Граф (1810). Член Государственного совета.

⁴⁶ Дромадеры — одnogорбые арабские верблюды.

⁴⁷ *Нехо II*, египетский фараон (610—595 до н. э.) — строитель канала, который должен был связать Красное и Средиземное моря.

⁴⁸ *Дарий* — персидский царь, строитель канала, связавшего Красное и Средиземное моря (около 500 до н. э.); историк Страбон считал, что Дарий дал приказ прекратить работы по прокладке канала, потому что его уверили в том, что Египет лежит ниже уровня Красного моря, и потому стране угрожает опасность быть затопленной.

⁴⁹ *Лессепс Фердинанд* (1805—1894) — французский дипломат и строитель Суэцкого канала; строительные работы были символически начаты в 8 часов утра 25 апреля 1859 года и завершены в ноябре 1869 года.

⁵⁰ *Дезе де Везу Луи Шарль Антуан* (1768—1800) — генерал, друг Наполеона; из старинного дворянского рода, обучался в королевской военной школе; восторженно приветствовал революцию, но выступил против лишения Людовика XVI трона, был арестован и два месяца провел в тюрьме; в апреле 1791 года сменил дворянскую фамилию на Дезе; в 1792—1797 годах занимал видные посты в Рейнской армии; герой египетского похода, член Института в Египте; в сражении при Маренго 14 июня 1800 года с австрийцами решил исход битвы и погиб.

⁵¹ Магрибинцы — жители Магриба, арабских стран Северо-Западной Африки.

⁵² *Шампальон Жан Франсуа* (1790—1832) — выдающийся ученый, историк и лингвист, основоположник египтологии; член Гренобльской Академии наук (с 1807), член Академии надписей и изящной словесности (1830); член Санкт-Петербургской Академии наук (1827); основные принципы дешифровки иероглифов изложил в «Письме к господину Дасье» (секретарю Парижской Академии надписей и изящной словесности, где в сентябре 1822 года сделал сообщение); его метод дешифровки оказал значительное влияние на работы по дешифровке других древневосточных систем письменности; был хранителем Египетского музея в Лувре; составил первые

грамматику и словарь египетского языка; заведующий кафедрой, профессор египтологии Коллеж де Франс.

⁵³ *Деженетт Рене Никола* (1762—1837) — известный врач, член Института в Египте по отделению физики; проявлял героизм, помогая раненым и больным; во время войны в России в 1812 году попал в плен; в 1814 году вернулся во Францию; автор ряда работ по медицине.

⁵⁴ *Дюма Александр Давид де ля Пайетри* (1762—1807) — генерал, участник первой итальянской кампании; отец писателя Александра Дюма.

⁵⁵ *Рустам* (1780—1845) — личный слуга-телохранитель Наполеона; по национальности армянин, родился в Грузии; был продан в мамлюки в Египет, затем подарен шейхом Аль-Баكري Бонапарту; получил от Наполеона крупный дар и вознаграждение, но после его отречения сбежал.

⁵⁶ *Евгений (Богарне Эжен Роз, Евгений-Наполеон)* (1781—1824) — принц Империи, канцлер Империи, вице-король Италии (1805—1814), князь Венецианский; сын императрицы Жозефины от первого брака; активно содействовал перевороту 18 брюмера; по желанию Наполеона женился на Августе Амелии, дочери короля Баварии Максимилиана I, после чего Наполеон усыновил Евгения; участник почти всех наполеоновских походов; дивизионный генерал; в 1812 году командир 4-го (Итальянского) корпуса Великой армии; принял командование армией после дезертирства маршала Мюрата, заново формировал Итальянскую армию; после отречения Наполеона поселился в Баварии; в 1817 году получил от короля Баварии титулы герцога Лейхтенбергского, князя Эйхштадского; пэр Франции (1815); не принимал участия в событиях «Ста дней».

⁵⁷ *Парсеваль-Гранмезон Франсуа Август* (1759—1834) — поэт, член Института в Египте по отделению литературы и искусств.

⁵⁸ *Жюно Андош Жан* (1771—1813) — герцог д'Абрантес, дивизионный генерал; участник войн Республики и Империи; после неудачных действий в российской кампании 1812 года Наполеон отстранил его от командования и назначил губернатором Иллирийских провинций; сошел с ума и покончил с собой.

⁵⁹ *Бельяр Огюстен Дени* (1769—1832) — граф, дивизионный генерал, участник войн Республики и Империи. Пэр Франции (1815).

⁶⁰ Трибунат — государственный орган Франции, созданный для обсуждения и критики законопроектов. Состоял из 100 человек в возрасте не менее 25 лет, назначаемых сенатом. Такой порядок был установлен Конституцией 1799 года.

⁶¹ *Хатчинсон Джон Хэли* (1757—1832) — лорд, английский генерал, главнокомандующий английскими войсками в Египте (после смерти сэра Ральфа Аберкромби).

⁶² *Посселгуэ Ж. Б.* (1764—1845) — главный интендант французской армии, генеральный администратор финансов и заведующий таможнями; во время Сирийского похода был комендантом Каира. Член Института в Египте по отделению политической экономии.

⁶³ *Семонвилль Шарль Луи Гюг* (1759—1839) — политический деятель; при Людовике XVI был советником парижского парламента,

пользовался благосклонностью короля; в первые годы революции исполнял дипломатические поручения за границей; во время террора просидел два с половиной года под арестом; сенатор при Наполеоне; при Реставрации был назначен пэром; в 1830 году пытался спасти Бурбонов, но и при Луи Филиппе сохранил положение; был женат на вдове графа Монтолона; его пасынок, генерал Монтолон, сопровождал Наполеона на остров Святой Елены.

⁶⁴ *Бейль Мари Анри (Фредерик Стендаль)* (1783—1842) — государственный служащий, дипломат, писатель; в 1800 году работал в военном министерстве, находился в действующей армии в Италии, в 1802 году ушел в отставку с военной службы; участник кампаний 1806, 1809 годов; аудитор Государственного совета и главный инспектор Коронных имуществ императора Наполеона (с 1810); участник русского похода 1812 года, кампаний 1813—1814 годов; консул Франции в Триесте (1830), в Чивита-Веккии (1831—1842).

⁶⁵ *Массена Андре* (1758—1817) — герцог Риволи, князь Эслингский, маршал Империи (с 1804); участник войн Республики и Империи; 26 сентября 1799 года разгромил войска русского генерала Корсакова при Цюрихе, после чего те ушли из Швейцарии; затем напал на Суворова и вынудил его отступить с большими потерями; в 1815 году пэр Франции и командующий Национальной гвардией Парижа.

⁶⁶ *Корсаков (Римский-Корсаков) Александр Михайлович* (1753—1840) — русский генерал.

⁶⁷ Писатель Фьеве, живший в окрестностях Реймса, рассказывал о своих беседах с крестьянами. «Все спрашивали его, что слышно нового о генерале Бонапарте и почему он не возвращается во Францию; о Директории никто никогда не спрашивал».

⁶⁸ *Люсьен Бонапарт* (1775—1840) — князь Канино (с 1814), брат Наполеона; будучи членом (с 1798), а затем председателем Совета пятисот, сыграл огромную роль в перевороте 18 брюмера; министр внутренних дел при Консульстве (1799—1800), затем выполнял дипломатические поручения; сенатор (1803); впоследствии не подчинялся Наполеону: причинами разрыва стали республиканские убеждения Люсьена и отказ Наполеона признать его брак с Александриной Блешам (Жубертон), вдовой эмигранта; вновь присоединился к Наполеону во время «Ста дней». Пэр Франции (1815).

⁶⁹ *Марбо Жан Батист Антуан Марселен* (1782—1854) — барон, полковник французской армии, из дворян; участник войн Республики и Империи; оставил обширные мемуары, высоко оцененные Наполеоном: «Я возлагаю на него обязанность продолжать писать для защиты славы французского оружия, дабы покрыть позором клеветников и отступников» (из Завещания Наполеона).

⁷⁰ *Сиейес Эммануэль Жозеф* (1748—1836) — политический деятель; автор популярных брошюр о роли третьего сословия во французском обществе; депутат Генеральных штатов (1789), член Бретонского клуба, один из основателей Якобинского клуба; участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина, проектов конституций 1791 и 1793 годов; член Конвента (1792), голосовал за казнь короля; депутат Совета пятисот, председатель Совета пятисот (1797), посол в Берлине (1798); член Директории (1799), консул

(один из трех) после переворота 18 брюмера; автор проекта Конституции, в который Бонапарт внес существенные поправки; сенатор (с 1800), председатель сената; член Французской Академии (с 1803), граф Империи (1808); пэр Франции (1815); в 1816 году как «цареубийца» был изгнан из страны, вернулся в 1830 году.

⁷¹ *Брут Марк Юний* (85—42 до н. э.) — политический деятель Древнего Рима, республиканец, один из организаторов убийства Гая Юлия Цезаря.

⁷² *Бурбоны* — французская королевская династия (1589—1792, 1814—1815, 1815—1830); также правила в Испании (1700—1808, 1814—1868, 1874—1931 и с 1975 года по настоящее время); в Неаполе (1735—1805, 1814—1860); в герцогстве Парма и Пьяченца (1748—1802, 1847—1859).

⁷³ *Шенье Мари Жозеф* (1764—1811) — писатель и политический деятель, один из руководителей Якобинского клуба; член Конвента, голосовал за казнь короля; ему пришлось отречься от трагедии «Тимелеон», герой которой был похож на Максимилиана Робеспьера; после термидорианского переворота вошел в Комитет общественного спасения. При Директории — депутат Совета пятисот, при Наполеоне — член трибунала. Академик.

⁷⁴ *Ремюза Клер Элизабет Жанна* (1780—1821) — писательница, хозяйка литературного салона. Была компаньонкой Жозефины Бонапарт, затем дворцовой дамой. Жена первого камергера Наполеона и директора императорских театров графа Шарля де Ремюза (1762—1823).

⁷⁵ Род Бонапартов происходит из Флоренции.

⁷⁶ *Буонапарте Карло* (1746—1785) — отец Наполеона, адвокат, политический деятель Корсики.

⁷⁷ *Паоли Паскаль* (1725—1807) — корсиканский генерал. Вел борьбу за независимость Корсики. После поражения от французов при Понте-Нуово (1769) эмигрировал в Англию. В 1790 году был с триумфом принят в Париже, встал во главе Корсики (был назначен президентом департамента и начальником Национальной гвардии), но в дальнейшем передал ее в руки англичан. В 1794 году было образовано «Англо-корсиканское королевство», которое просуществовало недолго. Второй раз покинул Корсику, выпустив прокламацию с призывом сохранять верность английскому королю (1795). Умер в Лондоне.

⁷⁸ *О'Мира Барри Эдуард* (1786—1836) — врач британского флота и лечащий врач Наполеона на острове Святой Елены. Обвинял Х. Лоу, губернатора острова, в бесчеловечном обращении с Наполеоном.

⁷⁹ Здесь и далее по тексту записи доктора О'Мира цитируются по книге: *О'Мира Б.* Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М.: Захаров, 2004.

⁸⁰ *Жозеф Бонапарт* (1768—1844) — старший брат Наполеона; политическую деятельность начал в 1789 году на Корсике; в 1793 году пересел во Францию; при Директории посол в Риме, член Совета пятисот (с 1797); принял участие в перевороте 18 брюмера; канцлер (1800), Великий электор (1804), дивизионный генерал; неаполитанский король (1806—1808), король Испании (1808—1813); пэр Фран-

ции (1815); после битвы при Ватерлоо эмигрировал в США; последние годы жизни провел в Англии и Италии.

⁸¹ *Саличетти Христофор* (1757—1809) — политический деятель. Был депутатом Генеральных штатов (1789), затем Конвента, комиссаром армии. При Наполеоне: посол в Лукке, министр полиции и военный министр в Неаполе.

⁸² *Аррижи ди Казанова Жан Туссен* (1778—1853) — дивизионный генерал. Участник многих кампаний. В 1815 году получил от Наполеона звание пэра и был назначен губернатором Корсики. После второго отречения Наполеона пытался объявить остров независимым от Франции, но потерпел неудачу. Губернатор Дома инвалидов (с 1851), сенатор (с 1852).

⁸³ *Орнано Филипп Антуан* (1784—1863) — дивизионный генерал, граф. Участник войн Республики и Империи. Муж Марии Валевской (после второго отречения Наполеона). Сенатор (1852), великий канцлер Почетного легиона (1852), губернатор Дома инвалидов (1853), Маршал Франции (1861).

⁸⁴ *Себастиани де ла Порта Франсуа Орас Бастьен* (1772—1851) — генерал и дипломат. Активный участник переворота 18 брюмера. В 1806—1807 годах был послом Франции в Константинополе. Член палаты депутатов (с 1826). В 1830—1832 годах занимал посты морского министра и министра иностранных дел, затем министра без портфеля (1833—1834). В 1840 году был произведен в маршалы.

⁸⁵ *Поццо ди Борго* (1764—1842) — адвокат, политический деятель. Депутат Законодательного собрания Франции (1791). Председатель Государственного совета Корсики (1794). Эмигрировал в Англию. Перешел на службу к Александру I. Был представителем России на Венском конгрессе, русским послом во Франции, затем в Англии.

⁸⁶ *Червони* (1768—1809) — бригадный генерал. Участник осады Тулона (1793), первой итальянской кампании. Прославился своей храбростью.

⁸⁷ *Абатуччи Жан Шарль* (1771—1796) — генерал. Был убит при защите предместного укрепления на реке Рейн.

⁸⁸ *Наполеон II* (1811—1832) — сын Наполеона и Марии-Луизы; Наполеон дал ему при рождении титул «Римский король»; после падения Наполеона жил при австрийском дворе, имея титул герцога Рейхштадтского, служил в австрийских войсках; умер от чахотки.

⁸⁹ *Карно Лазарь Никола Маргарит* (1753—1823) — государственный деятель, инженер и математик; член Конвента и Комитета общественного спасения в годы революции; организатор вооруженных сил Республики, блестящий военный администратор, прозванный «Организатором победы»; член Директории (1795) и ее президент (1796—1797); во время переворота 4 сентября 1797 года был обвинен в роялизме: вовремя предупрежденный, уехал за границу; в 1800 году военный министр; член трибуната (с 1802); голосовал против учреждения Почетного легиона, против пожизненного Консульства и Империи; дивизионный генерал (1814); губернатор Антверпена (1814); при «Ста днях» (1815) министр внутренних дел, граф Империи, пэр Франции; пытался противодействовать занятию союзниками Парижа, при Второй Реставрации был

изгнан из Франции; автор трудов по математическому анализу и проективной геометрии.

⁹⁰ *Бартеlemi Франсуа* (1747—1830) — государственный деятель и дипломат. Сенатор и граф при Наполеоне, пэр при Реставрации.

⁹¹ *Буасси д'Англа Франсуа Антуан* (1756—1826) — политический деятель, публицист; был избран в Генеральные штаты от третьего сословия; член Учредительного собрания и Конвента, голосовал против казни короля; активный участник переворота 9 термидора, способствовал падению Робеспьера; член Комитета общественной безопасности, руководил продовольственным снабжением Парижа; считался одним из виновников голода, едва не был убит толпой, ворвавшейся в здание Конвента; был основным докладчиком проекта Конституции 1795 года, отстаивал необходимость введения гарантий права собственности и имущественного ценза для избирателей; при Директории член и президент Совета пятисот; после переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) был обвинен в пособничестве монархистам и приговорен к ссылке, бежал в Англию; при Наполеоне — член трибуната, сенатор, граф Империи, пэр Франции (1815); при Людовике XVIII — пэр Франции, член Академии наук.

⁹² 14 июня 1800 года.

⁹³ Конкордат был подписан 15 июля 1801 года и вступил в силу в апреле 1802 года.

⁹⁴ *Шатобриан Франсуа Рене* (1768—1848) — виконт, писатель, политический деятель; служил Наполеону в должности первого секретаря посольства Франции в Риме (с 1803), затем посланника в Республике Вале; ушел в отставку после казни герцога Энгиенского (1804); член Института (с 1811); служил Бурбонам, во время «Ста дней» последовал за Людовиком XVIII в Гент (1815); министр иностранных дел Франции (1822—1824).

⁹⁵ *Лас Каз Эммануэль Огюст Дьедонне Мариус Жозеф* (1766—1842) — маркиз, из древнего рода. Морской офицер, эмигрировал в 1791 году. После поражения роялистов бежал в Англию. Вернулся во Францию после переворота 18 брюмера.

⁹⁶ *Д'Артуа Карл Филипп* (1757—1836) — граф, французский принц из династии Бурбонов, брат Людовика XVI и Людовика XVIII; бежал из Франции через два дня после падения Бастилии, возглавил дворянскую эмиграцию; организатор интервенции против революционной Франции; король Франции под именем Карл X (1824—1830); издал июльские (1830 года) ордонансы, ограничивающие демократические свободы, был свергнут с престола; после Июльской революции — в эмиграции.

⁹⁷ Здесь и далее по тексту приводятся цитаты из книги: *Шатобриан Ф.* Замогильные записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.

⁹⁸ *Камбасерес Жан Жак Режи* (1753—1824) — герцог Пармский. Был членом Конвента во время революции, председателем Конвента после термидорианского переворота. Член Комитета общественного спасения. При Наполеоне второй консул, затем архиканцлер Империи. Выдающийся юрист своего времени, принимал активное участие в работе над Кодексом Наполеона. Был безгранично предан Наполеону. Пэр Франции (1815).

⁹⁹ *Бродель Фернан* (1902—1985) — выдающийся французский историк. Здесь и далее по тексту приводятся цитаты и используются данные из следующих книг Фернана Броделя: 1. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 2. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 3. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

¹⁰⁰ *Луи Антуан де Бурбон* (1775—1844) — герцог Ангулемский, князь Трокadero, старший сын графа д'Артуа (Карла X), «дофин». Возглавлял один из вооруженных отрядов эмигрантов в 1792 году.

¹⁰¹ *Лафайет Мари Жозеф Поль Ив Рош Жильбер дю Мотьер* (1757—1834) — маркиз, генерал, политический деятель времен революции; участвовал в войне за независимость американских колоний; был депутатом Генеральных штатов и членом Учредительного собрания, командовал Национальной гвардией; утратил популярность, отдав приказ о расстреле участников республиканской манифестации на Марсовом поле в Париже 17 июля 1791 года; после низвержения короля отказался привести Национальную гвардию к присяге на верность Республике; в 1792 году бежал из Франции, был заключен в австрийскую тюрьму, где провел пять лет; вернулся во Францию (1799) и до 1814 года жил как частное лицо; в 1802 году обратился к Наполеону с протестом против установления режима единоличной власти; во время «Ста дней» отверг предложенное ему звание пэра; был членом палаты депутатов (1815, 1818—1824, 1825—1834) и одним из лидеров либеральной оппозиции; активно участвовал в революции 1830 года, вновь командовал Национальной гвардией.

¹⁰² *Латур-Мобур (Ла Тур-Мобур де Фэ) Виктор Никола* (1768—1850) — барон, граф, дивизионный генерал, кавалерист. В 1792 году бежал вместе с Лафайетом, спасаясь от революционного террора. Был взят в плен австрийцами, но вскоре освобожден. Жил в Голландии, затем на севере Франции. Участник множества кампаний Наполеона. В 1814 году перешел на сторону Бурбонов и сохранил им верность в дальнейшем.

¹⁰³ *Шантель Жан Антуан Клод* (1756—1832) — граф Шантелу. Член Государственного совета. Министр внутренних дел Франции (1800—1804), государственный министр (1815). Пэр Франции (1815). Один из выдающихся химиков своего времени.

¹⁰⁴ *Тюлар Жан* — современный французский историк, профессор Университета Сорбонны, президент общества «История Парижа» и Института Наполеона, крупнейший исследователь Великой французской революции и Империи; под его руководством был издан «Словарь Наполеона» (1987).

¹⁰⁵ *Алданов (Ландау) Марк Александрович* (1886—1957) — русский писатель.

¹⁰⁶ *Жером (Иероним Наполеон) Бонапарт* (1784—1860) — младший брат Наполеона, король Вестфалии (1807—1813); контр-адмирал (1806), дивизионный генерал (1807); в начале русской кампании 1812 года покинул армию; пэр Франции (1815); участник сражения

при Ватерлоо (1815). При Луи Наполеоне (Наполеоне III) — почетный губернатор Дома инвалидов, маршал, президент сената.

¹⁰⁷ *Типпу-Сахиб* (1749/50—1799) — правитель южноиндийского княжества Майсур (1782—1799); вел упорную борьбу за независимость с английскими колонизаторами.

¹⁰⁸ Декрет от 21 ноября 1806 года запрещал торговые, почтовые и другие отношения с Британскими островами.

¹⁰⁹ 21 октября 1805 года флот под командованием Нельсона нанес сокрушительное поражение франко-испанской эскадре. Нельсон погиб в бою.

¹¹⁰ *Сэй Жан Батист* (1767—1832) — один из редакторов журнала «Философическая декада», член трибуната, позднее удаленный Наполеоном. Профессор политической экономии.

¹¹¹ *Дю Геклен Бертран* (1320—1380) — французский полководец, с 1370 года — коннетабль Франции.

¹¹² *Лаплас Пьер Симон* (1749—1827) — великий математик, астроном и физик; сын бедного крестьянина; в 1773 году стал членом-корреспондентом Академии наук, в 1785 году был избран академиком; с 1794 года — профессор Нормальной школы; дополнил и усовершенствовал теории Исаака Ньютона, критиковал теории Рене Декарта; в 1796 году предложил космогоническую теорию; министр внутренних дел с 12 ноября по 25 декабря 1799 года; доказал, что сила тяготения является причиной космических явлений; во время революции руководил введением метрической системы и созданием Политехнической школы; почетный член Петербургской Академии наук (1802); получил от Наполеона звание сенатора и титул графа, но в 1814 году подал голос за низложение Наполеона; при Бурбонах получил титулы пэра Франции и маркиза; его работы отличались сжатостью и изяществом стиля.

¹¹³ *Лагранж Жозеф Луи* (1736—1813) — великий математик, сенатор при Наполеоне.

¹¹⁴ *Ларрей Доминик Жан* (1766—1842) — генерал-инспектор санитарной службы французской армии. Главный хирург гвардии. Барон.

¹¹⁵ *Даву Луи Николая* (1770—1823) — герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, маршал Империи (1804); выдающийся полководец, «бесподобный администратор» (А. Вандаль), отличался редким бескорыстием, честностью и прямотой; Наполеон его недолюбливал, но давал самые ответственные поручения; происходил из древней дворянской семьи; разбил прусскую армию под Ауэрштедтом (1806), блестяще проявил себя в ходе кампаний 1807—1812 годов; в 1813—1814 годах выдержал длительную осаду Гамбурга; в период «Ста дней» был военным министром; не скрывал ненависти к Бурбонам, был лишен ими звания пэра (присвоенного Наполеоном в 1815 году; в 1819 году звание вернули).

¹¹⁶ *Ней Мишель* (1769—1815) — герцог Эльхингенский, князь Московский, маршал Империи (1804); сын бочара, герой многих кампаний Наполеона, исключительно популярный среди солдат, заслужил право именоваться «храбрейшим из храбрых»; в 1812 году командир 3-го корпуса Великой армии; блестяще проявил себя во время отступления из Москвы; в 1813 году потерпел поражение под Денневи-

цем; после первого отречения Наполеона перешел на сторону Бурбонов, вновь примкнул к Наполеону во время «Ста дней»; пэр Франции (1815); сражался в битвах при Катр-Бра и Ватерлоо; был расстрелян после Второй Реставрации Бурбонов.

¹¹⁷ *Удино Николая Шарль* (1767—1847) — граф, герцог Реджио; маршал Империи (1809); сын пивовара; участник войн Республики и Империи, отличился в битве при Ваграме; в 1812 году — командир 2-го пехотного корпуса Великой армии; во время переправы через Березину помог Наполеону спастись; в 1814 году перешел на сторону Бурбонов и получил звание пэра.

¹¹⁸ *Мармон (Вьесс де Мармон) Огюст Фредерик Луи* (1774—1852) — герцог Рагузский, маршал Империи (1809). Сын офицера. Принимал деятельное участие в перевороте 18 брюмера, во многих Наполеоновских войнах; в войне на Пиренейском полуострове был разбит Веллингтоном. Член Государственного совета. В 1814 году подписал вместе с Мортье капитуляцию Парижа, а затем приказал своему корпусу сдать союзникам; перешел на сторону Бурбонов и сохранил им верность в дальнейшем. Зять банкира Перрего.

¹¹⁹ *Сульт (Сульт де Дье) Никола Жан* (1769—1851) — герцог Далматский, маршал Империи (1804), государственный деятель; сын нотариуса, участвовал в войнах Республики и Империи; отличился при Аустерлице и в целом успешно сражался в Испании; при Реставрации был военным министром; во время «Ста дней» Наполеон назначил его пэром и начальником штаба своей армии; после второго отречения Наполеона был изгнан из страны, но через несколько лет получил разрешение вернуться (1819); после Июльской революции получил пост военного министра (1830); несколько раз стоял во главе правительства, занимал министерские посты; в 1847 году был назначен «генеральным маршалом Франции».

¹²⁰ *Ласепед Бернар Жермен Этьенн де Ла Виль* (1756—1825) — естествоиспытатель. Граф. Был президентом сената, когда его члены проголосовали за принятие декрета о свержении Наполеона. Член Парижской Академии наук (1795). Профессор Национального музея естественной истории (с 1794). Изучал рыб, земноводных и пресмыкающихся. Продолжил многотомную «Естественную историю» Ж. Бюффона. Во время «Ста дней» был назначен пэром Франции (1815).

¹²¹ *Дежан Жан Франсуа Эме* (1749—1824) — граф, генерал, министр военной администрации и сенатор.

¹²² *Тэн Ипполит* (1828—1893) — французский историк, литературовед и философ.

¹²³ *Рапп Жан* (1772—1821) — дивизионный генерал, граф; в 1809 году предотвратил покушение Фридриха Штапса на жизнь Наполеона; участвовал в русской кампании 1812 года, затем был губернатором Данцига; руководил осажденным гарнизоном крепости до полного истощения запасов продовольствия (1813); во время «Ста дней» получил звание пэра, командовал малочисленной Рейнской армией; при Второй Реставрации эмигрировал в Швейцарию, затем перешел на службу к Бурбонам; в 1820 году получил придворное звание 1-го камергера короля Людовика XVIII.

¹²⁴ *Каролина Бонапарт* (1782—1839) — сестра Наполеона, вышла замуж за Иоахима Мюрата; великая герцогиня Клеве и Берга; королева Неаполитанская (1808—1815).

¹²⁵ *Гортензия Богарне* (1783—1837) — королева Голландии, дочь генерала Александра Богарне и Жозефины Таше де ля Пажери, впоследствии французской императрицы; вышла замуж за брата Наполеона Людовика (Луи) Бонапарта, имела сына — впоследствии императора Франции Наполеона III.

¹²⁶ Маршал Бертье.

¹²⁷ *Моро Жан Виктор* (1763—1813) — генерал, участник войн Республики, одержал ряд побед в Германии; в 1799 году потерпел поражение от Суворова; активный участник переворота 18 брюмера; одержал яркую победу над австрийцами при Гогенлиндене 3 декабря 1800 года; позднее связался с заговорщиками; был обвинен в участии в роялистском заговоре, приговорен к тюремному заключению, затем помилован и выслан из Франции; с 1804 по 1813 год жил в США; в 1813 году вернулся в Европу по приглашению Александра I; сражался против французов в битве при Дрездене (август 1813 года, занимал должность советника при Главной квартире союзных армий), был ранен пушечным ядром (оторвало обе ноги) и умер через две недели.

¹²⁸ *Канова Антонио* (1757—1822) — итальянский скульптор.

¹²⁹ В начале августа 1805 года были закончены основные приготовления к высадке на английский берег. Были отчеканены памятные медали об этом десанте. Водевильная труппа должна была подготовиться к тому, чтобы переплыть Ла-Манш и дать концерты в Лондоне. Но слабость национального флота и действия новой коалиции европейских держав, направленной против Франции, не позволили Наполеону выполнить намеченный план.

¹³⁰ *Д'Абрантес (урожденная Пермон) Лаура Аделаида Констанция* (1784—1838) — герцогиня, жена генерала Андоша Жюно; была в близких отношениях с семьей Наполеона; написала многотомные мемуары с помощью О. де Бальзака.

¹³¹ *Мюрат Иоахим* (1767—1815) — полководец и государственный деятель; маршал Империи (1804), Великий адмирал, принц Империи; великий герцог Клеве и Берга (1806), король Неаполя (обеих Сицилий) с 1808 года; сын хозяина гостиницы, поступил на военную службу во время революции, при Наполеоне быстро продвинулся, помог ему захватить власть во время переворота 18 брюмера; выдающийся кавалерийский начальник, очень популярный в армии; был женат на сестре Наполеона Каролине; командовал важнейшими участками фронта в битвах при Аустерлице, Фридрианде, Бородино и многих других; в 1812 году — командир авангардного корпуса Великой армии, составленного из кавалерии и пехоты; потерпел поражение при Тарутине; в конце кампании был назначен главнокомандующим, но дезертировал из армии; в 1813 году блестяще проявил себя в битвах при Дрездене и Лейпциге; в 1814 году изменил Наполеону, выступил против Франции; во время «Ста дней» начал боевые действия против австрийской армии, был разгромлен, предложил Наполеону свои услуги, которые тот не принял; лишился престола короля Неаполя, а при попытке вернуть его был пленен и расстрелян.

¹³² *Саладин Великий (Салах-Ад-Дин)* (1138—1193) — султан Египта (1171—1193); в 1187 году взял Иерусалим, вел успешную борьбу с крестоносцами во время Третьего крестового похода (1189—1192).

¹³³ *Савари Анри Жан Мари Рене* (1774—1833) — герцог Ровиго, политический деятель, дивизионный генерал; с 1800 года — доверенное лицо и адъютант Наполеона; глава тайной полиции, открыл заговор Кадудалья и Пишегрю; руководил арестом герцога Энгийенского и судом над ним; участник кампаний 1805—1807 годов, после Тильзитского мира (1807) — уполномоченный при российском дворе в Петербурге; был направлен в Испанию, чтобы убедить королевскую семью прибыть в Байонну к Наполеону (где члены семьи были пленены); в 1810—1814 годах — министр полиции; неутомимый исполнитель приказаний Наполеона, которому был всецело предан; пэр Франции (1815); после второго отречения императора был в изгнании (до 1819).

¹³⁴ *Маре Гюг Бернар* (1763—1839) — герцог Бассано; до революции — адвокат, во время революции — редактор газеты «Moniteur», затем посланник в Неаполе, где был захвачен австрийцами и позже обменян на дочь Людовика XVI; секретарь Наполеона; с 1811 года — сенатор и министр иностранных дел; был простым исполнителем воли Наполеона. Пэр Франции (1815).

¹³⁵ *Дюрок Жерар Кристоф Мишель* (1772—1813) — герцог Фриульский, обер-гофмаршал двора Наполеона; сенатор (1813); был необычайно предан Наполеону, которого сопровождал во всех походах; начальник личной тайной полиции Наполеона.

¹³⁶ *Фуше Жозеф* (1759—1820) — политический и государственный деятель, герцог Отрантский; происходил из зажиточной буржуазной семьи; был священником и преподавателем, примкнул к революции, сложил священнический сан, был членом и комиссаром Конвента, проводил политику революционного террора; участник термидорианского переворота; в эпоху Директории сблизился с крупными спекулянтами, банкирами и заложил основы своего богатства; при Наполеоне — министр полиции и министр внутренних дел; организатор системы политического шпионажа; в 1814 году перешел на сторону Бурбонов, затем вновь на сторону Наполеона, вернувшегося с Эльбы: был его министром полиции; пэр Франции (1815); после битвы при Ватерлоо вновь перешел на сторону Бурбонов; был членом Временного правительства, а затем возглавил его; изгнанный из Франции в числе голосовавших за казнь Людовика XVI, умер в Триесте под надзором австрийской полиции.

¹³⁷ *Коленкур Арман Огюстен Луи* (1772—1827) — маркиз, герцог Виценцы, дипломат и государственный деятель, дивизионный генерал; происходил из старого аристократического рода, служил в королевской армии, затем в революционных войсках; выполнял ряд дипломатических поручений Наполеона; посол Франции в России (1807—1811); в 1812 году — обер-штальмейстер двора Наполеона; находился при Наполеоне во время русского похода и вернулся из России в одних санях с императором; министр иностранных дел (1813—1814, 1815), остался верен Наполеону до последней минуты; сенатор (1813), пэр Франции (1815); после «Ста дней» не принимал участия в политике.

¹³⁸ *Луи Антуан Энгиевский* (1772—1804) — герцог, французский принц, последний представитель боковой ветви Бурбонов — Конде; служил в роялистской армии своего деда (принца Конде); после роспуска корпуса Конде поселился в Баденском герцогстве (1801); был вывезен во Францию по приказу Наполеона, обвинен в участии в заговоре Жоржа Кадудала и расстрелян по приговору военного суда.

¹³⁹ *Рёдерер Пьер Луи* (1754—1835) — граф, видный публицист и политический деятель; профессор политической экономии; был членом Учредительного собрания и прокурором департамента Сены; в ночь на 10 августа 1792 года, накануне штурма дворца Тюильри и свержения монархии, находился при короле Людовике XVI в качестве представителя законодательной власти; при Наполеоне: член Государственного совета, министр финансов короля Испании Жозефа Бонапарта; пэр Франции (1815); во время «Ста дней» призывал народ Бургундии и Бретани поддержать Наполеона, после поражения при Ватерлоо высказался за передачу престола сыну Наполеона.

¹⁴⁰ *Барбе-Марбуа Франсуа* (1745—1837) — маркиз, министр Государственного казначейства.

¹⁴¹ *Стефани Фелисите, графиня де Жанлис (урожденная дю Крес де Сент-Обен)* (1746—1830) — писательница-моралистка. Ее произведения отличались благочестивым тоном.

¹⁴² *Элиза Бачиокки* (урожденная Мария-Анна Буонапарте) (1777—1820) — сестра Наполеона, княгиня Лукки и Пьомбино (1805—1814), великая герцогиня Тосканская (1809—1814).

¹⁴³ *Монлозье Франсуа Доминик Реньо* (1755—1838) — граф, журналист и литератор. При Реставрации перешел в ряды либеральных оппозиционеров.

¹⁴⁴ *Карлейль Томас* (1795—1881) — выдающийся английский мыслитель-моралист, писатель, философ и историк; автор работы «История Французской революции» (1837).

¹⁴⁵ *Бернадот Жан Батист Жюль* (1763—1844) — князь Понте-Корво, маршал Империи (1804); сын адвоката, выдвинулся во время революционных войн; не поддержал Наполеона во время переворота 18 брюмера; в 1810 году был усыновлен шведским королем, правил в качестве регента, впоследствии (с 1818 года) — король Швеции Карл Иоанн XIV; порвал с Наполеоном, принял участие в кампании 1813 года на стороне его врагов. Был женат на Дезире Клари — бывшей возлюбленной Наполеона, сестре жены Жозефа Бонапарта.

¹⁴⁶ *Лассаль Антуан Луи Шарль* (1775—1809) — граф, дивизионный генерал, из дворянского рода. Погиб в сражении при Ваграме. Наполеон приказал поставить памятник Лассалю на площади Согласия в Париже.

¹⁴⁷ Цитируется по книге Ипполита Тэна «Происхождение современной Франции».

¹⁴⁸ *Паскаль Блез* (1623—1662) — французский математик, физик, философ, писатель.

¹⁴⁹ *Пий VII (Грегорио Луиджи Барнаба Кьярамонти)* (1740—1823) — папа римский (с 1800).

¹⁵⁰ *Лебрен Шарль Франсуа* (1739—1824) — герцог Пьяченца, государственный деятель. При Империи — губернатор Лигурии, затем Голландии. Пэр Франции (1815).

¹⁵¹ *Лефевр Франсуа Жозеф* (1755—1820) — герцог Данцигский, маршал Империи (1804); рано поступил в армию, но лишь после пятнадцати лет службы стал сержантом; быстро продвинулся в годы революции; принимал участие в перевороте 18 брюмера; пэр Франции (1815); имел огромный авторитет в армии.

¹⁵² *Ожеро Пьер Франсуа Шарль* (1757—1816) — герцог Кастильонский, маршал Империи (1804); служил солдатом в армиях нескольких стран; отличился в революционных войнах; в итальянской кампании 1796—1797 годов командовал дивизией, блестяще проявил себя в битве при Кастильоне; подавил роялистский мятеж в Париже в 1797 году; участвовал во многих войнах Империи; в битве при Эйлау (1807) его корпус был почти полностью истреблен; в 1812—1813 годах командовал корпусом в Пруссии; в 1814 году одним из первых перешел на сторону Бурбонов.

¹⁵³ *Паскье Этьен Дени* (1767—1862) — барон, затем герцог, член Государственного совета и префект полиции.

¹⁵⁴ *Моле Луи Матье* (1781—1855) — граф, министр юстиции. Пэр Франции (1815).

¹⁵⁵ *Сегюр Луи Филипп* (1753—1830) — граф, политический деятель, дипломат, литератор. При Наполеоне — сенатор и обер-церемониймейстер.

¹⁵⁶ *Монтескью-Фезанзак Элизабет Пьер* (1764—1834) — барон, граф. При Наполеоне — член, председатель Законодательного корпуса, с 1810 года — обер-камергер.

¹⁵⁷ *Нарбонн (Нарбонн-Лара) Луи Мари Жак Амальрик* (1755—1813) — граф, дивизионный генерал, адъютант Наполеона; происходил из старинного аристократического рода; родился в герцогстве Пармском, в детстве переехал во Францию; в 1791—1792 годах в течение трех месяцев был военным министром; после событий 10 августа 1792 года бежал за границу; в 1800 году вернулся во Францию; был полномочным министром в Мюнхене (1810), послом в Вене (1813); выполнял дипломатическое поручение Наполеона перед началом кампании 1812 года в России; участник похода 1812 года; полномочный министр на союзной конференции в Праге, губернатор Торгау (1813).

¹⁵⁸ *Сегюр Филипп Поль* (1780—1873) — граф, генерал; во время польской кампании попал в плен к русским; освобожден после заключения Тильзитского мирного договора; участник русского похода 1812 года, адъютант Наполеона; писатель, автор мемуаров; после отречения Наполеона перешел на службу к Бурбонам.

¹⁵⁹ *Летиция Буонапарте (урожденная Мария Летиция Рамолино)* (1750—1836) — мать Наполеона.

¹⁶⁰ *Якоби Фридрих Генрих* (1743—1819) — немецкий писатель и философ-идеалист. Друг И. В. Гёте и К. М. Виланда. Президент Баварской Академии наук (1807—1812).

¹⁶¹ *Ламарк Жан Батист Пьер Антуан де Моне* (1744—1829) — естествоиспытатель, создатель первой целостной эволюционной тео-

рии, член Парижской Академии наук (1783). Горячо приветствовал революцию; по его предложению в 1793 году Королевский ботанический сад был реорганизован в Музей естественной истории. Профессор кафедры зоологии насекомых, червей и микроскопических животных. К 1820 году полностью ослеп. Жил и умер в бедности.

¹⁶² *Грегуар Анри* (1750—1831) — политический деятель времен революции, священник, позже епископ; член Учредительного собрания и Конвента; при Наполеоне — сенатор, граф Империи; во время Реставрации примыкал к либералам; реакционеры его ненавидели, духовенство лишило христианского погребения.

¹⁶³ *Фуркруа Антуан Франсуа* (1755—1809) — химик и политический деятель, член Парижской Академии наук (1785). Участвовал (совместно с А. Лавуазье и др.) в разработке новой рациональной химической номенклатуры. Во время революции был членом Конвента (входил в Комитет народного образования); якобинец, затем термидорианец. Участвовал в организации Национального института и новых высших школ. С 1801 года был главным управляющим народным образованием; организовал свыше 300 средних школ. Почетный член Петербургской Академии наук (1802). Член Государственного совета.

¹⁶⁴ *Реаль Пьер Франсуа* (1757—1834) — граф, член Государственного совета, префект полиции. Заместитель министра полиции в период «Ста дней».

¹⁶⁵ *Барер де Вьезак Бертран* (1755—1841) — политический деятель, член Учредительного собрания, Конвента, Комитета общественного спасения. Секретный советник Наполеона по внешней политике.

¹⁶⁶ *Мерлен Филипп Антуан (Мерлен де Дуэ)* (1754—1838) — член Конвента. Министр юстиции (1795—1797). Член Совета пятисот — граф.

¹⁶⁷ *Людовик XIV* (1638—1715) — король Франции; вел многочисленные войны, истощившие страну; его правление считается апогеем французского абсолютизма.

¹⁶⁸ *Дарю Пьер Антуан Ноэль Бруно* (1767—1829) — граф, генеральный интендант (комиссар) Великой армии, военный деятель, писатель, поэт, историк. Член трибуната, член Государственного совета. Был уполномоченным при подписании мира в Пресбурге (1805), Тильзите (1807), Вене (1809). В 1811 году — государственный секретарь. Руководил материальной подготовкой похода в Россию; участник похода 1812 года, настойчиво уговаривал Наполеона не идти на Москву; в Москве предлагал зимовать в городе. Переводчик Горация, автор «Истории Венецианской республики». Член Французской Академии. Пэр Франции (1819).

¹⁶⁹ *Шварценберг Карл Филипп* (1771—1820) — князь, ландграф фон Клетгау, граф фон Зальц, герцог Крумауский; австрийский полководец и дипломат, фельдмаршал; после подписания Тильзитского мирного договора — посланник Австрии в Петербурге; участник кампании 1809 года; посланник в Париже после подписания Венского мирного договора; в 1812 году возглавлял корпус в составе армии Наполеона; командовал войсками антинаполеоновской коалиции с 1813 года.

¹⁷⁰ *Баррас Поль Франсуа Жан Никола* (1755—1829) — виконт, политический деятель; 14 июля 1789 года участвовал в штурме Бастилии; член Конвента; голосовал за вынесение смертного приговора Людовику XVI; организатор и активный участник переворота 9 термидора (27 июля 1794 года), подавления роялистского мятежа 13 вандемьера (5 октября 1795 года), переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года); бессменный член Директории; предложил кандидатуру Бонапарта на пост главнокомандующего Итальянской армией и содействовал его женитьбе на вдове Богарне; был отстранен Бонапартом от власти после переворота 18 брюмера.

¹⁷¹ *Шуазель-Гуфье Мария* (до замужества — *Гуфье*) — жена графа Мари Габриэля Флорана Огюста Шуазеля-Гуфье (1752—1817), археолога и дипломата.

¹⁷² В конце 1807 года.

¹⁷³ *Анна Павловна* (1795—1865) — великая княгиня, сестра Александра I, шестая и младшая дочь императора Павла I, в 1816 году вышла замуж за принца Вильгельма Оранского, впоследствии короля Нидерландов Вильгельма II.

¹⁷⁴ *Меттерних Клеменс Лотар Венцель* (1773—1859) — князь, герцог, австрийский государственный деятель и дипломат; посол во Франции (1806—1809), затем министр иностранных дел, канцлер; после революции 1848 года бежал в Англию.

¹⁷⁵ *Мария-Луиза* (1791—1847) — австрийская эрцгерцогиня, дочь императора Франца I, вторая жена Наполеона I (с 1810), французская императрица; исполняла обязанности регентши и не проявила политических способностей; после низложения Наполеона получила в пожизненное владение герцогство Пармское, откуда была изгнана во время народного восстания 1831 года; после смерти Наполеона тайно вышла замуж за австрийского фельдмаршала Нейперга, затем за французского эмигранта Бомбелла, церемониймейстера при венском дворе.

¹⁷⁶ *Чернышев Александр Иванович* (1785—1857) — светлейший князь, русский военный и государственный деятель, дипломат.

¹⁷⁷ Цитируется по книге: *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: Центрполиграф, 1999. С. 102.

¹⁷⁸ *Бриссо де Варвилль Жак Пьер* (1754—1793) — политический деятель времен революции; служил у герцога Орлеанского; в революцию пришел как журналист и литератор, издатель газеты «Французский патриот»; был вождем жирондистов в Законодательном собрании; с осени 1791 года стал страстным пропагандистом идеи «революционной войны»; выступал за установление во Франции республики, но после вхождения жирондистов в правительство пытался предотвратить падение монархии; после народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 года был арестован вместе с другими жирондистскими лидерами; 31 октября 1793 года был гильотинирован по приговору революционного трибунала.

¹⁷⁹ *Сераль* — название султанского дворца в Стамбуле; в европейской литературе так назывались гаремные покои этого дворца.

¹⁸⁰ *Журдан Жан Батист* (1762—1833) — маршал Империи (1804). Сын цирюльника. Участвовал в войне за независимость США, войнах Республики и Империи. Одержал блестящую победу над австрийца-

ми при Флерюсе (1794). Член Совета пятисот при Директории. Был губернатором Неаполя при короле Жозефе Бонапарте, затем начальником штаба армии Испании. Потерпел сокрушительное поражение при Виттории (1813). Наполеон назначил его пэром Франции (1815). При Второй Реставрации возглавил военный суд над маршалом Неем. Суд признал себя некомпетентным и передал подсудимого палате пэров.

¹⁸¹ Так называют в Провансе жителей области Гап и — шире — горцев, живущих в Альпах.

¹⁸² *Шампаны Жан Батист* (1756—1834) — герцог Кадорский. Политический деятель, дипломат. Член Государственного совета. Министр внутренних дел (1804—1807), министр иностранных дел (1807—1811).

¹⁸³ Венсен — замок в окрестностях Парижа, одна из резиденций королей. Построен в XIV веке.

¹⁸⁴ Мирный договор между Францией и Россией (1807), положивший конец войне 1806—1807 годов.

¹⁸⁵ В трудовую (рабочую) книжку заносились личные данные рабочего и характеристика, даваемая ему предпринимателем. Люди, не имевшие книжек, задерживались по обвинению в бродяжничестве и направлялись в рабочие дома.

¹⁸⁶ *Корвисар Жан Николая* (1755—1821) — врач, основатель французской школы терапевтов. Барон. Был врачом Наполеона, затем Марии-Луизы и Римского короля. Профессор Коллеж де Франс.

¹⁸⁷ *Наполеон III (Луи Наполеон)* (1808—1873) — сын Луи Бонапарта (младшего брата Наполеона) и Гортензии Богарне (дочери Жозефины Богарне), племянник Наполеона Бонапарта; до 1848 года находился в изгнании, организовал две неудачные попытки государственного переворота с целью захвата власти: первый раз был выслан, второй раз арестован и заключен в тюрьму; ему удалось бежать; после революции 1848 года был избран депутатом Учредительного собрания; принц-президент Франции (1848—1851), император в 1852—1870 годах; лишился престола, проиграв войну Пруссии, сдался в плен под Седаном со 100-тысячной армией (1870); был отпущен на свободу и провел последние годы жизни в Англии.

¹⁸⁸ От фр. *еси*, буквально — щит.

¹⁸⁹ *Некжер Жак* (1732—1804) — швейцарский банкир и экономист; в 1776 году был назначен директором французского казначейства; генеральный контролер финансов Франции (1777—1781, 1788—1790); отец баронессы Жермены де Сталь (1766—1817), писательницы.

¹⁹⁰ *Лаффит Жак* (1767—1844) — банкир; заслужил прозвище «Банкир королей»: обслуживал счета Наполеона Бонапарта, активно способствовал восшествию на престол Луи Филиппа Орлеанского в 1830 году; в ноябре 1830-го — марте 1831 года — глава правительства и министр финансов.

¹⁹¹ *Барнав Антуан Пьер Жозеф Мари* (1761—1793) — философ-просветитель и политический деятель. Автор рукописи «Введение к Французской революции» (1792, опубликована в 1843). Был казнен 28 ноября 1793 года.

¹⁹² *Уврар Габриэль Жюльен* (1770—1846) — банкир; способствовал возведению на престол Луи Филиппа Орлеанского в 1830 году.

¹⁹⁴ Выражение Жана Тюлара.

¹⁹⁴ «Главный препон — отсутствие состояния», — пишет он сестре.

¹⁹⁵ Доход рабочего составлял от 400 до 900 франков.

¹⁹⁶ 15 тысяч франков каждому архиепископу, 10 тысяч франков каждому епископу, 1500 франков каждому кюре первого класса, 1000 франков — второго; позже — максимум в 500 франков и минимум в 300 франков каждому исполняющему должность священника или викария.

¹⁹⁷ *Порталис Жан Этьен Мари* (1745—1807) — юрист, участвовал в создании республиканского законодательства в период революции. При Директории был сослан в Гвиану. Один из редакторов и составителей Гражданского кодекса. Министр по делам культов (1804—1807).

¹⁹⁸ *Эмери Жак Андре* (1732—1811) — настоятель ордена Святого Сульпиция, старший викарий Парижской епархии.

¹⁹⁹ *Порталис Жозеф Мари* (1778—1858) — граф, государственный деятель, дипломат, секретарь министра по делам культов (своего отца); после смерти отца временно управлял министерством. Член Государственного совета. Министр юстиции (1828), затем министр иностранных дел.

²⁰⁰ *Фонтан Луи* (1757—1821) — поэт, писатель и политический деятель. Был президентом Законодательного корпуса, сенатором. При Бурбонах получил звание пэра и титул маркиза.

²⁰¹ *Виньи Альфред Виктор* (1797—1863) — граф, писатель. Служил в королевской армии (1814—1827).

²⁰² *Саси Антуан Изаак Сильвестр* (1758—1838) — барон, ученый-ориенталист; был янсенистом и жил согласно правилам этого учения; ему была передана копия Розеттского камня.

²⁰³ *Ришелье Арман Жан дю Плесси* (1585—1642) — государственный деятель, кардинал (с 1622). В 1624 году возглавил королевский совет, став фактическим правителем Франции.

²⁰⁴ *Кольбер Жан Батист* (1619—1683) — государственный деятель. В 1651 году был взят на службу кардиналом Мазарини. Тот рекомендовал его королю Людовику XIV. Кольбер выявил злоупотребления генерального контролера финансов Н. Фуке, добился его отставки и суда над ним. Затем почти целиком сосредоточил в своих руках руководство внутренней политикой Франции.

²⁰⁵ *Вандаль Альбер* (1853—1910) — граф, выдающийся историк, автор серии работ по истории франко-русских отношений.

²⁰⁶ *Кондильяк Этьен Бонно де Мабли* (1715—1780) — аббат, философ-просветитель, член Французской Академии (1768); сотрудничал в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера.

²⁰⁷ *Вальта Алессандро* (1745—1827) — итальянский физик и физиолог, граф (1810). Наполеон наблюдал его опыты.

²⁰⁸ *Феш Жозеф* (1763—1839) — сводный брат Летиции, матери Наполеона. Сделал карьеру благодаря Наполеону, стал кардиналом. Пэр Франции (1815). Владелец крупной коллекции живописи эпохи Возрождения.

²⁰⁹ *Локк Джон* (1632—1704) — английский философ.

²¹⁰ *Юм Дэвид* (1711—1776) — английский философ, историк, экономист и публицист; служил дипломатом в Париже (1763—1766), сблизился с французскими просветителями.

²¹¹ *Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771) — выдающийся представитель французского Просвещения; его книги «Об уме», «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» относятся к числу фундаментальных произведений материализма XVIII столетия.

²¹² *Траси Антуан Дестют* (1754—1836) — философ и политический деятель, представитель умеренного либерализма, последователь Кондильяка, автор книги «Элементы идеологии», в которой исследуются происхождение идей и их познавательная ценность; при дворе, в возрасте двадцати двух лет получил чин полковника и служил в нескольких кавалерийских полках; в 1793 году был арестован и просидел в тюрьме до падения Робеспьера; в 1799 году, при Директории, был назначен членом Комитета народного образования; сенатор при Наполеоне; автор книги «Комментарий к Духу Законов Монтескье»; в 1820-е годы был хозяином салона, который посещал Стендаль.

²¹³ *Барбье Антуан Александр* (1765—1825) — библиотекарь Наполеона с 1807 года. Был библиотекарем Директории и Государственного совета. Создал библиотеки Лувра, Компьеня и Фонтенбло.

²¹⁴ *Лавуазье Антуан Лоран* (1743—1794) — ученый-химик. Открыл кислород. Был гильотинирован во время террора.

²¹⁵ Куст живет до ста лет.

²¹⁶ *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880) — поэт, публицист, автор «Записок русского офицера».

²¹⁷ Когда-то Наполеон за ней ухаживал, но, будучи у власти, отказал в доступе во дворец Тюильри. «Я презираю ее теперь еще больше, чем прежде, — писал он Жозефине. — Раньше она была славной девочкой, теперь она стала отвратительно пошлой женщиной».

²¹⁸ *Полина Бонапарт* (1780—1825) — герцогиня Гуастальская (в Италии) с 1806 года. Ее первым мужем был генерал Леклерк, вторым — князь Камилло Боргезе.

²¹⁹ *Аретино Пьетро* (1492—1556) — итальянский поэт, писатель-сатирик и публицист. Автор любовных сонетов и комедий.

²²⁰ Картина Луи Леопольда Буальи (1761—1845). Ее сюжет отличается новизной и отражает перемены в обществе: дамы играют в бильярд наравне с мужчинами. Подобные бильярдные залы были своеобразными клубами, где посетители одновременно развлекались, обменивались мнениями и узнавали новости. Персонажи Буальи ни в чем не отступают от норм изящества и благонравия.

²²¹ От фр. *empire* — империя. В этом стиле создавались архитектурные произведения, картины, статуи, мебель, одежда. Ампир — классицизм эпохи Наполеона I.

²²² *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе».

²²³ *Боргезе Камилло Филиппо Людовико* (1775—1832) — князь ди Россано, князь Сульмона, герцог Гуасталлы (1806). Дивизионный генерал (1808).

²²⁴ *Жофруа Жюльен Луи* (1743—1814) — аббат, драматический критик-фельетонист времен Империи.

²²⁵ Приведенные слова — цитата из «Женитьбы Фигаро». Их произносит Марселина (действие 1-е, явление 4-е).

²²⁶ «О любви».

²²⁷ Эрфуртское свидание Наполеона и Александра I (1808).

²²⁸ *Дюсис Жан Франсуа* (1733—1816) — поэт, драматург, автор сентиментальных мелодрам и переделок пьес Шекспира.

²²⁹ Карамзин посетил Францию в 1790 году.

²³⁰ *Рекамье Жюли (Жанна Франсуаза Жюли Аделаида Бернар де Рекамье)* (1777—1849) — жена парижского банкира, хозяйка салона, который был политическим и литературным центром.

²³¹ Выражение Альбера Вандалья.

²³² «...Талия под грудью, платье, превращенное в воздушный футляр из газа или крепа, без рукавов, спадающее с плеч, раскрывающееся сбоку на трико телесного цвета; под ним сорочка, легкая, как пар, а то и вовсе никакой; на ногах котурны с алыми шнурками, на большом пальце золотой обруч» (А. Вандаль).

²³³ Стендаль говорит о своем родственнике Дарю и о министре Крете.

²³⁴ Комплекты шахматных фигур брали напрокат. Оплата — почасовая. Если игроки засиживались дотемна, то получали еще и свечи (за дополнительную плату).

²³⁵ *Карлейль Т.* История Французской революции.

²³⁶ Автор исторических романов.

²³⁷ То есть во время египетской экспедиции Наполеона.

²³⁸ *Паскуино (Пасквино)* — излюбленный персонаж римского народного театра. На статую Паскуино римляне приклеивали листки с сатирическими сонетами, написанными на злобу дня. Отсюда происходит слово «пасквиль». Порой у статуи Паскуино власти ставили часового.

²³⁹ Игра слов: буона парте — большая часть.

²⁴⁰ Воздвигнута в 1806—1810 годах. Архитекторы Жан Батист Лепэр (1761—1844), Жак Гондуэн (1737—1818). Отлита из бронзы трофейных пушек, увенчана статуей Наполеона.

²⁴¹ Построена в 1806—1807 годах. Архитекторы Шарль Персье (1764—1838) и Пьер Франсуа Леонар Фонтен (1762—1853). До 1815 года арку венчала бронзовая колесница Победы, прежде украшавшая фасад собора Святого Марка в Венеции. Затем ее заменили квадригой, созданной скульптором Франсуа Жозефом Бозио (1768—1845).

²⁴² Построена в 1801 году. Архитекторы Ш. Персье, П. Ф. Л. Фонтен. Проложена от площади Согласия к Лувру.

²⁴³ Архитектор Пьер Бартеlemi Виньон (1762—1828).

²⁴⁴ Колоссальная однопролетная арка строилась в 1806—1836 годах. Архитекторы Жан Франсуа Шальгрэн (1739—1811) и др.

²⁴⁵ Овернцы: 1) жители Оверни; 2) синоним слова «деревенщина».

²⁴⁶ Наполеон встретился с Гёте в Эрфурте в 1808 году. Император наградил великого человека орденом Почетного легиона и пригласил к себе домой: «Приезжайте в Париж! Я требую! Там вы приобретете более широкий взгляд на мир и найдете богатейший материал для вашего творчества».

²⁴⁷ Газета «*Moniteur*» («*Монитёр*») — полное название «Монитёр Универсель». Французская газета, издававшаяся с 1789 по 1868 год, а после переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года) ставшая правительственным органом. С 1868 года уступила место новому органу — «Журналь Оффисьель».

²⁴⁸ «Персидские письма» — философский роман Монтескье. Содержит остроумную критику абсолютизма и французского общества XVIII века, которое писатель увидел глазами вымышленного перса.

²⁴⁹ *Эзон* (около середины VI в. до н. э.) — родоначальник названной по его имени «Эзоповой» басни.

²⁵⁰ После заключения Тильзитского мира (1807).

²⁵¹ *Тарле Евгений Викторович* (1874—1955) — российский, советский историк, академик, автор классических трудов; книга «Наполеон» (1936) многократно переиздавалась во многих странах.

²⁵² *Монталиве Жан Пьер* (1766—1823) — граф, политический деятель, при Наполеоне — префект, член Государственного совета, начальник управления мостов и дорог, министр внутренних дел (1809—1814), секретарь регентского совета (1814), пэр Франции (1815).

²⁵³ *Делахруа Эжен* (1798—1863) — живописец и график.

²⁵⁴ Картина была проникнута пафосом нарождающейся революции и прославляла гражданские добродетели античного Рима. Написана в 1784 году.

²⁵⁵ 20 июня 1789 года депутатов не пустили в зал заседаний. Тогда они собрались в зале для игры в мяч и дали клятву не расходиться до тех пор, пока не выработают конституцию Франции. Картина Давида осталась незавершенной. Писалась в 1791 году, хранится в Лувре.

²⁵⁶ 1793. Музей современного искусства. Брюссель.

²⁵⁷ «Сабинянки, останавливающие сражение между римлянами и сабинянами», 1799, Лувр.

²⁵⁸ *Бертран Анри Грасьен* (1773—1844) — граф, дивизионный генерал, участник войн Республики и Империи. Гофмаршал двора Наполеона (с 1813). Последовал за Наполеоном на остров Эльбу и остров Святой Елены.

²⁵⁹ *Эльфистоун (Джордж Кейт Эльфистоун)* (1746—1823) — виконт, английский адмирал; в 1815 году руководил отправкой Наполеона на остров Святой Елены.

²⁶⁰ Наполеон получил мат на 24-м ходу: 1. e4 e5 2. Фз3 Кс6 3. Сс4 Кf6 4. Ке2 Сс5 5. a3 d6 6. О—О Сg4 7. Фd3 Kh5 8. h3 Ce2 9. Фе2 Kf4 10. Фе1 Kd4 11. Сb3 Kh3+ 12. Kph2 Фh4 13. g3 Kf3+ 14. Kpg2 Ke1+ и т. д.

²⁶¹ В 1802 и 1804 годах.

²⁶² По решению сената от 3 августа 1802 года («сенатус-консульт») число членов трибуната было сокращено со 100 до 50 человек. В 1807 году трибунат был упразднен, а его функции переданы комиссиям Законодательного корпуса.

²⁶³ Шабо-Латур.

²⁶⁴ Возможно, он здесь лукавил. Андре Кастело пишет, что Наполеон сам отказался от этой встречи.

²⁶⁵ *Фихте Иоганн Готлиб* (1762—1814) — немецкий философ и общественный деятель, представитель немецкого классического идеализма.

²⁶⁶ *Гумбольдт Вильгельм* (1767—1835) — немецкий филолог, философ и языковед, государственный деятель.

²⁶⁷ *Шлегель Август Вильгельм* (1767—1845) — немецкий историк литературы, писатель, переводчик сочинений Данте, П. Кальдерона, Ф. Петрарки, драм У. Шекспира.

²⁶⁸ *Людвиг Фердинанд Прусский* (1772—1806).

²⁶⁹ В августе 1810 года Люсьен и его семейство направились в Америку, но судно было захвачено англичанами.

²⁷⁰ *Монсей (Жанно де Монсей) Бон Андре* (1754—1842) — герцог Конельяно, маршал Империи (1804). Сын адвоката. Пэр Франции (1815).

²⁷¹ Например, год спустя после учреждения Консульства был оставлен и разграблен дилижанс в Шарантоне.

²⁷² Шуаны перекликались друг с другом, подражая крику совы (от фр. *chat-huant* — сова, отсюда их название).

²⁷³ *Людовик IX (Святой)* (1215—1270) — король Франции (с 1226); возглавил два крестовых похода.

²⁷⁴ *Торго Анн Робер Жак* (1727—1781) — барон де Л'Ольн, экономист, генеральный контролер финансов Франции (1774—1776); ввел свободу хлебной торговли, издал эдикты, направленные на свободное развитие производительных сил, отменил цехи, объявил труд «личной собственностью», но запретил рабочим образовывать ассоциации; его реформы потерпели неудачу.

²⁷⁵ *Вольней Константен Франсуа* (1757—1820) — граф, писатель, ученый-ориенталист и просветитель, географ, путешественник; в 1783—1785 годах побывал на Ближнем и Среднем Востоке; автор книги «Путешествие по Египту и Сирии» (1787); в 1791 году выпустил книгу «Руины, или Размышления о революциях и государствах», направленную против церкви и религии; был членом Учредительного собрания, во время якобинской диктатуры сидел в тюрьме. Сенатор при Наполеоне.

²⁷⁶ *Беньо Жак Клод* (1761—1835) — государственный деятель. Депутат Законодательного собрания в 1791 году. При Империи — один из руководителей администрации в Вестфальском королевстве, министр финансов в Великом герцогстве Бергском. После низложения Наполеона был назначен Временным правительством на пост комиссара по внутренним делам.

²⁷⁷ Лье — старинная французская единица измерения длины, имеющая различные значения: 4444,4 метра, 5555,5 метра, 6172,78 метра, равные соответственно длине дуги земного меридиана в одну двадцать пятую, одну двадцатую и одну восемнадцатую градуса.

²⁷⁸ Туаз = 1,95 метра.

²⁷⁹ *Лавалетт Антуан Мари Шаман* (1769—1830) — генерал, граф. Участник египетской экспедиции, адъютант Наполеона. После переворота 18 брюмера — посланник в Дрездене, впоследствии генерал-почтдиректор Империи. Пэр Франции (1815).

²⁸⁰ Чтобы перевести дни революционного календаря в дни традиционного календаря, нужно выполнить следующие действия: к числу дней в вандемьере прибавить 21, к числу дней в брюмере — 21 и т. д., используя следующую таблицу:

К числу дней в:	прибавить (дней)	У нас число дней в:	
вандемьере	21	сентябре	30
брюмере	21	октябре	31
фримере	20	ноябре	30
нивозе	20	декабре	31
плювиозе	19	январе	31
вантозе	18	феврале	28
жерминале	20	марте	31
флореале	19	апреле	30
прериале	19	мае	31
мессидоре	18	июне	30
термидоре	18	июле	31
фрюктидоре	17	августе	31

²⁸¹ *Лабрюйер Жан* (1645—1696) — писатель-моралист, автор книги «Характеры, или Нравы нашего века» (1688).

²⁸² *Монтень Мишель* (1533—1592) — писатель, философ.

²⁸³ Гармоническое мироощущение, по Стендалю.

²⁸⁴ Жермена де Сталь.

²⁸⁵ *Монтескью* — графиня, супруга графа Пьера де Монтескью-Фезанзака, обер-камергера. Гувернантка Детей Франции, воспитательница Римского короля, сына Наполеона.

²⁸⁶ *Фабер дю Фор Христиан Вильгельм фон* (1780—1857). В 1812 году — лейтенант, впоследствии — генерал вюртембергской армии. Художник.

²⁸⁷ *Греч Николай Иванович* (1787—1867) — русский писатель и журналист.

²⁸⁸ *Ростопчин Федор Васильевич* (1763—1826) — граф, генерал-губернатор Москвы.

²⁸⁹ *Лажечников Иван Иванович* (1792—1869) — русский писатель, участник войны 1812 года.

²⁹⁰ *Верещагин Василий Васильевич* (1842—1904) — русский художник, автор серии картин и книги «Наполеон I в России»; погиб при взрыве броненосца «Петропавловск» под Порт-Артуром.

²⁹¹ Деша была захвачена русскими.

²⁹² Перехваченное письмо.

²⁹³ *Барагэ д'Илье Луи* (1764—1813) — граф, дивизионный генерал. После тяжелого поражения в России Наполеон потребовал от генерала подать в отставку и назначил его губернатором Берлина.

²⁹⁴ *Нейперг Адам Адальберт фон* (1775—1829) — австрийский фельдмаршал-лейтенант (с 1813), участник войн с Францией, дипломат. Почетный кавалер при эрцгерцогине Марии-Луизе, ее второй супруг (с 1821).

²⁹⁵ *Августа Амелия* (1788—1851) — супруга Евгения Богарне, дочь короля Баварии Максимилиана I; у Евгения и Августы Амелии было шестеро детей.

²⁹⁶ *Капелл (Капель) Гийом Антуан Бенуа* (1775—1843) — барон, префект при Империи, ультрароялист при Реставрации, министр общественных работ (май—июль 1830).

²⁹⁷ *Боссе Луи Франсуа Жозеф* (1770—1835) — барон, драматург и писатель. Префект императорского двора.

²⁹⁸ *Меневаль Клод Франсуа* (1778—1850) — барон, личный секретарь Жозефа Бонапарта, затем Наполеона.

²⁹⁹ Здесь и далее записи Меневаля и Констан цитируются по книге: Наполеон. Годы величия 1800—1814 в воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констан. М.: Захаров, 2002.

³⁰⁰ То есть с 14 ноября.

³⁰¹ *Тибодо Антуан Клер* (1765—1854) — политический деятель, адвокат, публицист. При Наполеоне был префектом, членом Государственного совета. Пэр Франции (1815).

³⁰² Случай рассказан Альбером Вандалем. Вероятно, речь идет о политическом деятеле Эдуарде Мунье (1784—1843), друге Стендаля, получившем титул барона в 1809 году.

³⁰³ *Констан (Луи Констан Верн)* (1778—1845) — служил Жозефине, в 1800 году стал камердинером Наполеона. В 1814 году сбежал из Фонтенбло, захватив большую сумму денег и драгоценности.

³⁰⁴ В коалицию входили также Испания и Турция.

³⁰⁵ Маркитанты имели магазины или лавки в военных гарнизонах; обычно сопровождали войска в походах и торговали продуктами питания, спиртными напитками и необходимыми в быту мелочами. Большинство из них были женщинами. Порой они выдавали спиртное бесплатно и помогали раненым.

³⁰⁶ *Бессьер Жан Батист* (1768—1813) — герцог Истрийский, маршал Империи (1804); сын хирурга; отличился в сражении при Маренго; командовал кавалерией Консульской гвардии, впоследствии всей гвардейской кавалерией; один из немногих личных друзей Наполеона, к которому император был искренне привязан; Наполеон подчеркивал его заслуги в сражениях при Аустерлице, Йене, Ваграме, в кампании на Пиренейском полуострове.

³⁰⁷ *Бордесуль де Паммерокс Этьен Тарди* (1771—1837) — дивизионный генерал, барон. При Первой Реставрации принял сторону Бурбонов и сохранил им верность в дальнейшем.

³⁰⁸ *Фридрих Август I* (1750—1827) — король Саксонии (с 1806).

³⁰⁹ *Думерк Жан Пьер* — барон, дивизионный генерал. Отличился при Березине и под Дрезденом.

³¹⁰ *Беннигсен Левин Август Теофил (Леонтий Леонтьевич)* (1745—1826) — ганноверский барон, на русской службе с 1773 года; один из убийц Павла I, интриган; генерал от кавалерии, граф; участвовал в кампании 1806—1807 годов, главнокомандующий русской армией в 1807 году: выдержал натиск Наполеона в битве при Эйлау и отступил в порядке, затем был разгромлен Наполеоном при Фридланде; в 1812 году начальник штаба М. И. Кутузова, позднее высланный последним с согласия Александра I; в 1813 году принимал участие в битве при Лейпциге, руководил осадой Гамбурга.

³¹¹ *Понятовский Юзеф Антон* (1763—1813) — польский князь, политический и военный деятель, племянник последнего короля

Речи Посполитой Станислава Понятовского; пользовался огромным уважением поляков; в Великом герцогстве Варшавском был военным министром; Наполеон собирался сделать его польским королем.

⁵¹² *Лористон Жак Александр Бернар* (1768—1828) — граф, дивизионный генерал, дипломат; товарищ Наполеона по Парижской военной школе; после отречения Наполеона примкнул к Бурбонам, был назначен пэром, получил титул маркиза и звание маршала.

⁵¹³ Воспоминания поляка Брандта, участника русского похода.

⁵¹⁴ *Ланжерон Луи Александр Андре* (1763—1831) — граф, генерал от инфантерии.

⁵¹⁵ *Мортье Эдуард Адольф Казимир Жозеф* (1768—1835) — герцог Тревизский, маршал Империи (1804); во время похода 1812 года командовал пехотой Молодой гвардии, был военным губернатором города Москвы; после Первой Реставрации был назначен пэром, но во время «Ста дней» перешел на сторону Наполеона, за что после Второй Реставрации был лишен звания пэра (оно было возвращено ему в 1819 году); после Июльской революции 1830 года стал послом в Петербурге, в 1834 году военным министром; был убит при покушении на жизнь короля Луи Филиппа.

⁵¹⁶ «Жозеф покрыл себя несмываемым позором, перед самым своим бегством объявив в воззваниях, расклеенных повсюду, что он не покинет Парижа. Граф Реньо де Сен-Жан-д'Анжели еще усугубил этот позор» (Стендаль). *Реньо де Сен-Жан-д'Анжели Мишель Луи Этьен* (1762—1819) — граф, публицист, член Государственного совета. Командир легиона Национальной гвардии (1814).

⁵¹⁷ *Макдональд Жак Этьен Жозеф Александр* (1765—1840) — герцог Тарентский, маршал Империи (1809); происходил из шотландской семьи, человек высокой культуры (отец — друг композитора Г. Ф. Генделя); в эпоху революционных войн выдвинулся как способный полководец; в 1799 году был разбит Суворовым при Треббии; в 1812 году действовал нерешительно на рижском фланге наполеоновской армии (командуя сборным корпусом, не был уверен в надежности входивших в него иностранных частей); в 1813 году потерпел поражение при Кацбахе; при Реставрации был назначен пэром.

⁵¹⁸ *Веллингтон Артур Уэлсли* (1769—1852) — английский полководец, фельдмаршал; государственный деятель, дипломат, носитель множества аристократических титулов; успешно командовал английскими войсками в Индии; во время войны на Пиренейском полуострове (1808—1813) одержал ряд побед; в 1815 году успешно противостоял маршалу Нею в сражении при Катр-Бра и Наполеону при Ватерлоо; в 1828—1830 годах — премьер-министр кабинета консерваторов, затем министр иностранных дел (1834—1835), министр без портфеля (1841—1846).

⁵¹⁹ *Фридрих Вильгельм III* (1770—1840) — король Пруссии.

⁵²⁰ *Михайловский-Данилевский Александр Иванович* (1790—1848) — генерал-лейтенант и военный историк.

⁵²¹ Во время встречи в финляндском городе Або 28 августа 1812 года Александр вставил в разговор фразу: «Будьте уверены, что я с удовольствием увижу судьбы Франции в ваших руках!..»

³²² Пример, приводимый Стендалем: «Одному богатому парижскому ювелиру, у которого были три дочери, он велел передать следующее: “Генерал N. женится на старшей из ваших дочерей, которой вы дадите пятьдесят тысяч экю приданого”. Отец, придя в отчаяние, спешит в Тюильри, куда он имел доступ, и молит императора о пощаде; тот повторяет ему те же слова и добавляет: “Генерал N. завтра делает предложение, а послезавтра состоится свадьба”. Надо сказать, что брак оказался весьма счастливым».

³²³ *Ангулемская Мария Тереза* (1778—1851) — жена герцога Ангулемского, «госпожа супруга дофина»; дочь Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

³²⁴ *Готье Теофиль* (1811—1872) — поэт, романист, критик.

³²⁵ *Дюпон (Дюпон де л'Этан) Пьер* (1765—1840) — граф, дивизионный генерал. Участник войн Республики и Империи. После капитуляции в Испании был доставлен в Париж и предан военному суду. Был признан виновным, лишен чинов, орденов, титула, мундира и пенсии. Его имущество было конфисковано, а сам он заключен в тюрьму, где пробыл до отречения Наполеона.

³²⁶ *Шарет де ла Контри Франсуа Атаназ* (1763—1796) — вождь мятежников Нижней Вандеи. Был расстрелян.

³²⁷ Ла Рошжаклен Луи (1777—1815). Его брат — граф Анри дю Вержье де Ла Рошжаклен (1772—1794).

³²⁸ *Кадудаль Жорж* (1771—1804) — богатый бретонский фермер, один из вождей восстания шуанов, действовавших в Западной Франции; глава антинаполеоновского роялистского заговора (1803—1804), готовил покушение на жизнь Наполеона; был схвачен и казнен.

³²⁹ *Фротте Луи* (1755—1800) — граф, вождь шуанов. Был расстрелян.

³³⁰ Речь идет о старшем брате.

³³¹ *Гюитон-Морво Луи Бернар* (1737—1816) — видный ученый (физик и химик), политический деятель. Был членом Законодательного собрания и членом Конвента. Принимал активное участие в организации военной промышленности. Одно время был директором Политехнической школы.

³³² *Гара Доминик Жозеф* (1749—1833) — политический деятель, адвокат и публицист либерального направления. Был членом Учредительного собрания и членом Конвента. В 1792 году был министром юстиции, в 1793-м — министром внутренних дел. За поддержку жирондистов был арестован. Сенатор при Наполеоне.

³³³ *Рокур (мадемуазель Рокур)* — псевдоним трагедийной актрисы Франсуазы Марии Антуанетты Софии Сосерот (1756—1815).

³³⁴ Магдебурге.

³³⁵ *Местр Жозеф Мари де* (1753—1821) — граф, писатель, публицист, политический деятель и католический философ; титулярный посланник лишеного владений сардинского короля при императорском дворе в Петербурге; Французскую революцию считал божественной карой за грехи человечества.

³³⁶ *Иезавель* — упоминаемая в «Откровении Иоанна Богослова» пророчица в городе Фиатире в Малой Азии; псевдопророчица (о ней сказано, что она учит и вводит в заблуждение «рабов Моих», любо-

действует и ест идоложертвенное), в «Откровении...» ей предсказана смерть.

³⁴⁷ *Беранже Пьер Жан* (1780—1857) — поэт-сатирик, автор популярных политических песен; был неоднократно судим и заключался в тюрьму за свое творчество.

³⁴⁸ *Пишегрю Шарль* (1761—1804) — генерал. Учитель Наполеона в Бриенне. Председатель Совета пятисот при Директории. После переворота 18 фрюктидора (4 сентября 1797 года), направленного против монархистов, был сослан в Кайенну, откуда бежал в Англию. Участвовал в заговоре против Наполеона. Был арестован, заключен в тюрьму, где его нашли мертвым.

³⁴⁹ *Ланн Жан* (1769—1809) — герцог Монтебелло, маршал Империи (1804); сын крестьянина, отличился в первом итальянском и египетском походах Наполеона; разбил австрийцев при Монтебелло (1800) и содействовал победам при Маренго (1800), Аустерлице (1805) и Йене (1806); разбил испанцев при Туделе (1808), вел осаду Сарагосы и взял ее штурмом (1809), смертельно ранен под Эсслингом; Наполеон называл его «Ахиллом», «Роландом», «гигантом».

³⁴⁰ *Рей Жозеф* (1779—1855) — судья в Рюмильи. Знакомый Стендаля. В 1820 году был приговорен к смертной казни за участие в военном заговоре. Бежал в Англию, откуда вернулся после революции 1830 года.

³⁴¹ Дюмулен был ранен при Ватерлоо. Затем он нажил состояние в Лондоне и разорился в Париже. Неоднократно сидел в тюрьме. В 1830 году пытался провозгласить Наполеона II императором. В 1848 году водрузил гигантское трехцветное знамя на трибуне Учредительного (Национального) собрания. В том же году потерпел поражение на парламентских выборах в департаменте Изер и оказался в тюрьме Консьержери, куда его заключили как безумца. Луи Наполеон (Наполеон III) будет выплачивать ему пенсию.

³⁴² О Жане Франсуа Шампольон см. прим. 52. Его старший брат *Жак Жозеф Шампольон (Шампольон-Фижак)* (1778—1867) — лингвист и антиквар; написал сочинения о Египте, а после смерти младшего брата издал несколько его рукописей, в том числе «Египетскую грамматику».

³⁴³ *Флери де Шабуллон Пьер Александр Эдуар* (1779—1835) — политический деятель. Участник восстания 13 вандемьера (5 октября 1795 года). Перешел на сторону Наполеона. Был назначен префектом в Реймсе. Во время пребывания Наполеона на острове Эльба был посредником между ним и его сторонниками во Франции.

³⁴⁴ В 1814 году Людовик XVIII восстановил старый этикет, в том числе церемонию «Большого прибора», в ходе которой члены королевской семьи принимали трапезу перед толпой зевак. Виконт де Резе вспоминал: «Можно было без усталости любоваться тем, как его величество отдавал должное обеду. Он почти в одиночку расправился с поставленным перед ним целым блюдом котлет, что не помешало ему отвешать и другие блюда среди по очереди подаваемых ему кулинарных шедевров... В течение целых двух часов, что длился обед, все эти маленькие детали живо интересовали население, дефилировавшее перед позолоченной балюстрадой, отделявшей стол от зала. Как

некогда в Версале, каждому, лишь бы он был чисто и пристойно одет, было позволено наблюдать за церемонией “Большого прибора”. Так, более десяти тысяч человек прошло по помосту, выстроенному вдоль флигеля Дианы».

⁵⁵ *Блакас Жан Казимир* (1770/71—1839) — граф, впоследствии герцог. Эмигрировал в 1791 году вслед за будущим королем Людовиком XVIII. В 1814 году — министр двора и ближайший советник короля.

⁵⁶ *Буано* (ум. 1842) — старый друг Наполеона. Инспектор гвардии во время «Ста дней».

⁵⁷ Письмо от 16 апреля. *Блюхер Гебхард Леберехт фон* (1742—1819) — князь фон Вальдштадт, прусский фельдмаршал; из древнего рода; участник многих войн; после разгрома прусской армии французами 14 октября 1806 года командовал арьергардом, сдался в плен; стал ярым поборником новой войны с Францией; участвовал в проведении реформы прусской армии; в кампаниях 1813—1815 годов против Наполеона сражался с переменным успехом; 16 июня 1815 года был разгромлен Наполеоном при Линьи, а 18 июня вовремя пришел на выручку Веллингтону, что решило исход битвы при Ватерлоо в пользу союзников.

⁵⁸ Держать пленных на галерах и понтонах было обычным делом и для англичан, и для испанцев. Понтоны — старые разоруженные корабли без мачт и парусов — использовались в качестве плавучих тюрем. Плохое питание, недостаток питьевой воды, теснота помещений, антисанитария, почти полное отсутствие медицинской помощи приводили к эпидемиям цинги, дизентерии, тифа и частым смертям.

⁵⁹ Погиб при невыясненных обстоятельствах (выпал из окна или упал с балкона своего замка в Бамберге во время прохода через город союзных войск).

⁶⁰ *Груши (Груши де Роберто) Эммануэль Робер* (1768—1848) — граф, маршал Империи (1815), пэр Франции (1815); участник войн Республики и Империи; из семьи дворян; при Второй Реставрации был изгнан из Франции и лишен звания маршала; при Луи Филиппе был признан почетным маршалом (1831), а в 1832 году ему вернули титул пэра Франции.

⁶¹ *Флао де Лабиллиарди Огюст Шарль Жозеф* (1785—1870) — военный и государственный деятель, участник многих войн. Адъютант Наполеона в 1813—1815 годах. Пэр Франции (1815). Дипломат, при Наполеоне III — сенатор.

⁶² *Бурмон Луи Огюст Виктор де Гэн* (1773—1846) — граф, впоследствии маршал Франции. Сражался под знаменами Конде. После 18 брюмера перешел на сторону Наполеона. Был заподозрен в участии в заговоре 1803 года, бежал в Португалию. Получил прощение Наполеона и вновь был принят на службу. В 1812 году попал в плен к русским, но был быстро освобожден.

⁶³ *Эриа Филипп* (псевдоним; настоящее имя — *Раймон Жерар Пейель*) (1898—1971) — писатель, актер, солдат-доброволец Первой мировой войны. Член Академии Гонкуров (с 1949).

⁶⁴ *Друз д'Эрлон Жан Батист* (1765—1844) — граф, дивизионный генерал. Пэр Франции (1815). Маршал Франции (1843).

⁴⁵⁵ *Фуа Максимилиан Себастьян* (1775—1825) — граф, генерал, политический деятель.

⁴⁵⁶ *Жомини Антуан Анри (Тенрих Вениаминович)* (1779—1869) — военный теоретик и историк. Родом из Швейцарии. Служил во французской армии, затем перешел на русскую службу (с 1813).

⁴⁵⁷ *Гнейзенау Август Вильгельм Антон фон* (1760—1831) — граф, прусский генерал, впоследствии генерал-фельдмаршал; в 1807 году успешно оборонял от французов крепость Кольберг; после поражения Пруссии работал в комиссии по реорганизации армии, в 1809 году по требованию Наполеона ушел в отставку; в 1813—1815 годах начальник штаба армии Блюхера; осуществленный по его замыслу маневр оказал решающее влияние на исход сражения при Ватерлоо.

⁴⁵⁸ Груши был на хорошем счету, как кавалерийский генерал, но погубил репутацию, отказавшись пойти со своим корпусом на поле сражения при Ватерлоо (хотя выполнил приказ и победил отряд пруссаков при Вавре).

⁴⁵⁹ *Гурго Гаспар* (1783—1852) — барон, генерал-фортификатор, адъютант Наполеона. Участник русского похода. Последовал за Наполеоном на остров Святой Елены.

⁴⁶⁰ *Друо Антуан* (1774—1847) — граф, дивизионный генерал. Блестящий артиллерист. Последовал за Наполеоном на остров Эльба, занимал должность губернатора. Пэр Франции (1815). Деньги, полученные по завещанию Наполеона, истратил на благотворительность.

⁴⁶¹ *Камбронн Пьер Жак Этьен* (1770—1842) — барон, граф, дивизионный генерал, участник войн Республики и Империи; последовал за Наполеоном на остров Эльба; пэр Франции (1815); героически сражался при Ватерлоо, отказался капитулировать; раненный в голову, попал в плен к англичанам; по возвращении во Францию был судим и оправдан; виконт королевства.

⁴⁶² Ларрея освободят и доставят во Францию с эскортом.

⁴⁶³ Цитируется по книге: *Вильпен Д. де*. Сто дней, или Дух самопожертвования. М.: Изд. дом «Стратегия», 2003. С. 523.

⁴⁶⁴ Там же. С. 524.

⁴⁶⁵ В сражении при Катр-Бра 16 июня 1815 года французы имели большой численный перевес в начале боя. Однако Ней промедлил с атакой, что позволило Веллингтону собраться с силами.

⁴⁶⁶ 9 марта 1815 года Массена выпустил роялистскую прокламацию, обращенную к жителям Марселя. Он подписал ее: маршал Франции, герцог Риволи, губернатор 8-го военного округа, князь Эслингский. «Ну, Массена, — спросит его Наполеон при встрече, — так вы хотели сражаться против меня под началом герцога Ангулемского?» — «Государь, — ответил Массена, — вы отлично знаете, что моим знаменем всегда было знамя моей страны. Если я заблуждался, то это произошло помимо моего желания». — «Помимо вашего желания! Так, так! Вы бы сбросили меня в море, дай я вам время собрать ваши войска». — «Разумеется, государь, до тех пор, пока я был убежден, что вы не были призваны во Францию большинством французов».

⁴⁶⁷ *Брюн Гийом Мари Эн* (1763—1815) — граф (1815), маршал Империи (1804). Член Государственного совета. Пэр Франции (1815). Его труп был тайно похоронен прислугой гостиницы.

⁵⁶⁸ Келлерман (1735—1820), Периньон (1754—1818), Серюрье (1742—1819), Виктор (1766—1841) и Мармон. Виктор, Периньон и Мармон 10 апреля 1815 года были исключены Наполеоном из списка маршалов.

⁵⁶⁹ *Мадам Лавалетт (урожденная Эмилия Луиза Богарне)* — племянница Жозефины Богарне. Впоследствии она сошла с ума.

⁵⁷⁰ Три англичанина помогли Лавалетту переправиться за границу.

⁵⁷¹ Луи Филипп Орлеанский.

⁵⁷² Наполеон III.

⁵⁷³ *Беррийский Шарль Фердинанд* (1778—1820) — второй сын графа д'Артуа; был убит революционным фанатиком Лувелем.

⁵⁷⁴ «Шатобриан получил от природы священный огонь, об этом свидетельствуют его сочинения. Его стиль — это не стиль Расина, а стиль пророка... Если Шатобриан когда-либо придет к власти, возможно, что он и собьется с пути, как и многие другие, нашедшие в ней свою погибель; но верно одно: все великое и национальное созвучно его гению, и он с негодованием отверг бы постыдные поступки тогдашней администрации» (Наполеон).

⁵⁷⁵ Австрийскому императору Францу.

⁵⁷⁶ *Бальмен Александр Антонович* (1781—1848) — граф, русский дипломат. Из шотландского рода. Участник войны с Наполеоном (1813—1814).

⁵⁷⁷ *Лоу Хадсон* (1769—1844) — английский генерал, губернатор острова Святой Елены в период пребывания там Наполеона. Жестоко обращался с императором.

⁵⁷⁸ Первой был Тильзит, второй — Эрфурт.

⁵⁷⁹ *Монтолон Шарль Тристан* (1783—1853) — адъютант Наполеона, генерал, граф Империи. Был камергером императора, послом в Вюрцбурге, служил в военном министерстве. Наполеон назначил его душеприказчиком и отдал ему на хранение рукописи, часть которых была позднее издана Монтолоном (вместе с генералом Гурго).

⁵⁸⁰ Даже если волосы принадлежали Наполеону I, нет доказательств того, что причиной высокого содержания мышьяка стало *сознательное* отравление.

⁵⁸¹ *Трачевский Александр Семенович* (1838—1906) — русский историк.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Абд Ар-Рахман Ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801). М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Абрантес Л. де. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов. Т. 1—16. М., 1835—1839.

Алданов М. Девятое Термидора. Чертов мост. М.: Московский рабочий, 1989.

Алданов М. Заговор. Святая Елена, маленький остров. М.: Московский рабочий, 1989.

Бальзак О. де. Собр. соч. В 10 т. М.: Аванта+, 1995.

Борисов Ю. Шарль-Морис Талейран. 3-е изд. Серия «След в истории». Ростов н/Д.: Феникс, 1999.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Люди и вещи. Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.

Бурьенн Л. Записки Бурьенна о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восшествии Бурбонов. Т. 1—16. СПб., 1831—1836.

Важнер Ф. Госпожа Рекамье. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 2004.

Валлоттон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991.

Вандаль А. Возвышение Бонапарта. Наполеон и Александр I. Т. 1—4. Ростов н/Д.: Феникс, 1995.

Вейдер Б, Хэнгуд Д. Блистательный Бонапарт. Кто убил Наполеона? М.: Международные отношения, 1992.

Верещагин В. Наполеон I в России. Тверь: Тверское агентство «Созвездие», 1993.

Вернет Г. История Наполеона. М.: ЗАО «СВАРОГ и К», 1997.

Виллар Ж. и К. Формирование французской нации. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.

Вильпен Д. де. Сто дней, или Дух самопожертвования. М.: Изд. дом «Стратегия», 2003.

Виноградов Ан. Стендаль и его время. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1960.

Гарин Ф. Изгнание Наполеона. М.: Московский рабочий, 1948.

Гейне Г. Собр. соч. В 10 т. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956—1959.

Гёте И. Собр. соч. В 10 т. М.: Художественная литература, 1980.

Гижицкий Е. С шахматами через века и страны. 2-е изд. Warszawa: Sport i Turystyka, 1959.

Глинка Ф. Письма русского офицера. М., 1815.

Гют П. Я — Жозефина, императрица. М.: Республика; Палимпсест, 1997.

- Дедем А.* Из записок барона Дедема // Русская старина. 1900. Т. 103.
- Дерябин А, Ефремов Ф, Жданов А.* Битва у Бель-Альянс (Ватерлоо) // Малая военно-историческая серия «Рейтар». № 1. М.: Рейтар, 1999.
- Европейская живопись XIII—XX вв. Энциклопедический словарь. М.: Искусство, «NOTA BENE», 1999.
- Европейское искусство XIX века. 1789—1871. М.: Искусство, 1975.
- Егоров А.* Маршалы Наполеона. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
- Жилище славных муз. Париж в литературных произведениях XIV—XX веков. М.: Московский рабочий, 1989.
- Залесский К.* Наполеоновские войны 1799—1815. Биографический энциклопедический словарь. М.: Астрель; АСТ, 2003.
- Зарецкая Э, Косарева Н.* Французская скульптура XVII—XX веков. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1963.
- Исдейл Ч.* Наполеоновские войны. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
- Калинина Н.* Французское изобразительное искусство конца XVIII—XX веков. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990.
- Карамзин Н.* Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988.
- Карлейль Т.* Французская революция. История. М.: Мысль, 1991.
- Кастело А.* Жозефина. Т. 1—2. СПб.: Северо-Запад, 1994.
- Кастело А.* Бонапарт. М.: Центрполиграф, 2004.
- Кастело А.* Наполеон. М.: Центрполиграф, 2004.
- Кирхейзен Г.* Наполеон Первый. Женщины вокруг Наполеона. М.: Терра, 1997.
- Кирхейзен Ф.* Наполеон Первый. Его жизнь и его время. М.: Терра, 1997.
- Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Мемуары. Смоленск: Ся-дьянь, 1991.
- Костеневич А.* Французское искусство XIX — начала XX века в Эрмитаже. Очерк-путеводитель. Л.: Искусство, 1984.
- Кучинский Ю.* История условий труда во Франции с 1700 по 1948 г. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.
- Лажечников И.* Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок) // Русский вестник. 1857. № 7.
- Левандовский А.* Потомок Микеланджело. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
- Людвиг Э.* Гёте. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1965.
- Людвиг Э.* Наполеон. М.: Захаров; Вагриус, 1998.
- Манфред А.* Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986.
- Марбо М.* Мемуары генерала барона де Марбо. М.: Эксмо, 2005.
- Мартен-Фюжсье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «Весь Париж» 1815—1848. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.
- Маршан Л.-Ж.* Наполеон. Годы изгнания: Мемуары. М.: Захаров, 2003.
- Массон Ф.* Наполеон и его женщины. М.: Крон-Пресс, 1993.
- Мережковский Д.* Наполеон. М.: Республика, 1993.
- Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
- Монтегю М.* Кадеты императрицы. Король без трона. М.: Терра-Книжный клуб, 1998.

- Муравьева Н.* Беранже. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1965.
- Мюссе А.* Исповедь сына века. М.: Правда, 1988.
- Наполеон.* Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994.
- Наполеон.* Максимы и мысли узника Св. Елены. СПб.: Азбука, 2000.
- Наполеон.* Годы величия 1800—1814 в воспоминаниях секретаря Меневаля и камердинера Констана. М.: Захаров, 2002.
- Наполеон.* Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998. М.: Минувшее, 2003.
- Наполеон.* Энциклопедия. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев:* В 2 кн. Кн. 1. Нашествие в Москву. Кн. 2. Отступление. М.: Захаров, 2004.
- Носик Б.* Прогулки по Парижу. Левый берег и острова. М.: Радуга, 2001.
- Носик Б.* Прогулки по Парижу. Правый берег. М.: Радуга, 2001.
- Околотин В.* Вольга. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1986.
- О'Мира Б.* Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. М.: Захаров, 2004.
- Отечественная война и русское общество.* Юбилейное издание. 1812—1912. Т. 1—7. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911—1912.
- Пеэр Р.* История Наполеона. Т. 1—2. СПб.: Д. Федоров, 1893.
- Письма М. Волковой к В. Ланской // Русский архив.* 1872. № 12.
- Попов А.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2002.
- Потоцкая А.* Мемуары графини Потоцкой, 1794—1820. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.
- Пюижез Ж. де.* Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Ревуненков В.* История Французской революции. СПб.: СЗАГС, Образование-Культура, 2003.
- Руссильон В.* Египетская экспедиция. Казань, 1890.
- Рустам.* Моя жизнь рядом с Наполеоном. Воспоминания мамелюка Рустама Раза, армянина. Ереван: Наири, 1997.
- Сегюр Ф. де.* Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де-Сегюра. Первое русское издание Т-ва «Образование» в Москве, 1911.
- Сегюр Ф.-П. де.* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск: Русич, 2003.
- Ситрио П.* Бальзак. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 2003.
- Сироткин В.* Наполеон и Россия. М.: Олма-Пресс, 2000.
- Смирнов В.* Франция: страна, люди, традиции. М.: Мысль, 1988.
- Собуль А.* Первая Республика. 1792—1804. М.: Прогресс, 1974.
- Слоон В.* Новое жизнеописание Наполеона I. СПб., 1895.
- Соколов О.* Капитан N // Родина. 1992. № 6—7.
- Стендаль.* Собр. соч. В 15 т. М.: Правда, 1959.
- Сьюард Д.* Семья Наполеона. Смоленск: Русич, 1995.
- Талейран.* Мемуары. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 1997.
- Тарле Е.* Печать во Франции при Наполеоне I. (Соч. Т. 4). М., 1958.
- Тарле Е.* Наполеон. М.: Пресса, 1992.
- Тарле Е.* 1812 год. М.: Пресса, 1994.

- Тарле Е.* Талейран. Из мемуаров Талейрана. М.: Республика, 1993.
- Толстой Л.* Война и мир // Полн. собр. соч. Т. 9—12. М.; Л.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1930—1940.
- Толстой Л.* Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Полн. собр. соч. Т. 16. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1955.
- Трачевский А.* Наполеон I. Его жизнь и государственная деятельность. — В кн.: Ришелье. Оливер Кромвель. Наполеон I. Князь Бисмарк. М.: Республика, 1994.
- Троицкий Н.* Александр I и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994.
- Труайя А.* Александр I, или Северный Сфинкс. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1994.
- Туган-Барановский Д.* Наполеон и республиканцы (Из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799—1812 гг.). Изд-во Саратовского ун-та, 1980.
- Тэн И.* Происхождение современной Франции. Т. V. Новый порядок. Приложение к «Вестнику иностранной литературы» за 1907 год.
- Тюлар Ж.* Мюрат, или Пробуждение нации. М.: TERRA—TERRA, 1993.
- Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 1996.
- Файкс Г.* Большое ухо Парижа. Французская полиция: история и современность. М.: Юридическая литература, 1981.
- Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999.
- Фюре Ф.* Постигание Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
- Цвейг С.* Стендаль // Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1984.
- Цвейг С.* Жозеф Фуше. М.: Московский рабочий, 1993.
- Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: Центрполиграф, 1999.
- Шатобриан Ф.* Замогильные записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
- Шиканов В.* Под знаменами императора // Малая военно-историческая серия «Рейтар». № 3. М.: Рейтар, 1999.
- Эриа Ф.* Семья Буссардель. Т. 1—2. М.: Славянка, 1994.
- Braudel F.* L'identité de la France. Paris, Flammarion, 1986.
- Burton J. K.* Napoleon and Clio. Historic writing, teaching and thinking during the first Empire. Durham, 1979.
- Caulaincourt A. de.* Memoires. V. 1—3. Paris, 1933.
- Chandler D. G.* The Campaigns of Napoleon. London, 1967.
- Chaptal J. A.* Mes souvenirs de Napoleon. Paris, 1893.
- Chateaubriand.* Mémoires d'outre-tombe. Paris, Gallimard-Pleiade, 1951, 2 vol.
- Connelly O. and Parker H. T.* Historical dictionary of Napoleonic France, 1799—1815. London, 1984.
- Constant Wairy L.* Memoires de Constant, premier valet de chambre de

- l'Empereur sur la vie privée de Napoléon, sa famille et sa cour. Paris, 1830—1831, 6 vol.
- Description de l'Égypte*. Edition complète. Taschen, 2002.
- Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1985.
- Imperial Glory: The Bulletins of Napoleon's Grande Armée / Ed., trans. J. D. Markham. London: Greenhill Books, 2003.
- Larrey*. Mémoires et campagnes. Réédition. Paris, 1983.
- Lavalette A.-M. de*. Mémoires et souvenirs du Comte Lavalette. Paris, 1831, 2 vol.
- Lucien Bonaparte*. La Vérité sur les Cent-Jours. Paris, Ladvocat, 1835.
- Marbot M.* Mémoires. V. 1—2. Paris, 1983.
- Marchand L.* Mémoires. Paris, Plon, 1952—1955, 2 vol.
- Meneval C.-F., baron de*. Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Ier depuis 1802 jusqu'à 1815. Paris, E. Dentu, 1893—1894, 3 vol.
- O'Meara B. E.* Napoleon in exile, or A voice from St. Helena: the opinion and reflections of Napoleon on the most important events of his life and government, in his own words. London, 1822, 2 vol.
- Polnay P. de*. Napoleon's Police. London, 1970.
- Richardson R.* Larrey: surgeon to Napoleon's imperial guard. London, 1974.
- The New Encyclopedia Britannica, 15th Edition.
- Tulard J.* Nouvelle Histoire de Paris: Le Consulat et l'Empire. 1800—1815. Paris, 1970.
- Tulard J.* Joseph Fievec, conseiller secret de Napoléon. Paris, 1985.
- Tulard J.* Napoléon et la noblesse de l'Empire. Paris, 1986.
- Tulard J. (dir.)*. Histoire de Napoléon par la peinture. Paris, Belfond, 1991.
- Tulard J. et Garros L.* Itinéraire de Napoléon au jour le jour. Paris, Tallandier, 1992.
- Tulard J.* Dictionnaire Napoléon. Paris, Fayard, 1999, 2 vol.
- Villiers du Terrage E. de*. Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. Paris, 1899.
- Young A.* Voyages en France pendant les années 1787, 1788, 1789. Paris, 1860, 2 vol.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. П. Левандовский</i> . Новая книга о Наполеоне и его времени ...	6
Кто автор этого письма?	9
В стране фараонов	12
«Будет королем, вот увидите!»	29
Французская Корсика и корсиканская Франция	33
Отряды принца Конде	39
Артур Юнг и хорошие фермеры	46
Мир мадам Тюссо	51
Море, корабли, торговля	55
Награждение в Булони	62
Монарх, дворяне и плебеи	76
Волонтеры и рекруты	95
То, что приносит доход	108
Ливры, франки, наполеондоры	114
«Надо больше хвалить императора...»	121
Единственный преподаватель	127
Институт, детище Конституции	139
Шапталь и шапталлизация	145
Вино — то же золото	148
Картофель, наше спасение	150
Бонапарт, севообороты и коневодство	152
Почему Гёте не поехал в Париж	156
Персидские письма	175
«Я вас приветствую, Давид»	180
Кафе «Режанс» и «автомат» Кемпелена	183
Оппозиция в салонах	187
Бродяги, нищие, шуаны и бандиты	196
Женская агентура	203
Пространство и время	205
Иллюзорная жизнь Стендаля	211
«Мы — французские офицеры!»	218
Сражения Доминика Ларрея	220
Московский виноград	226
Двадцать девятый бюллетень	233
Замечательные битвы	249
Наполеон в австрийском мундире	269
Бурбоны делают ошибки	271
Второе пришествие	282
«Расколотили нас!»	295
Шляпа на шесте	305
Примечания	313
Краткая библиография	346

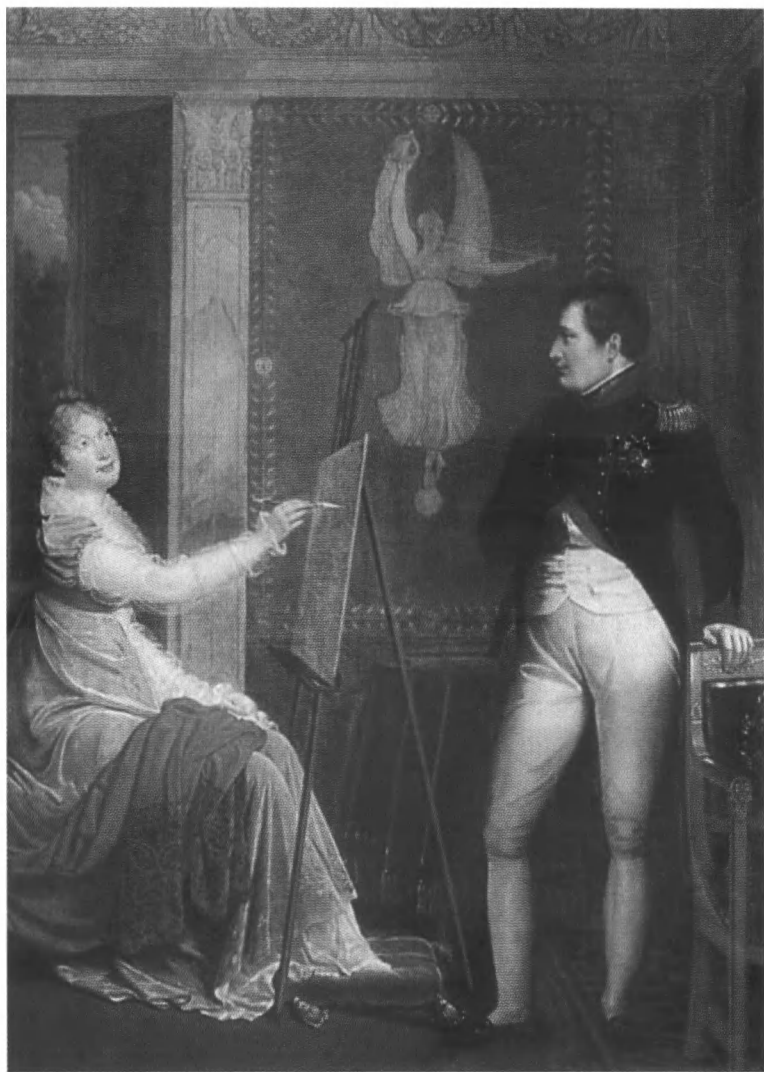
УДК 94(44)
ББК 63.3(0)52
И 21

*Вступительная статья и научная редакция
заслуженного деятеля науки
Российской Федерации
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО*

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 5-235-02863-5

© Иванов А. Ю., 2006
© Левандовский А. П., вступительная статья, 2006
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006

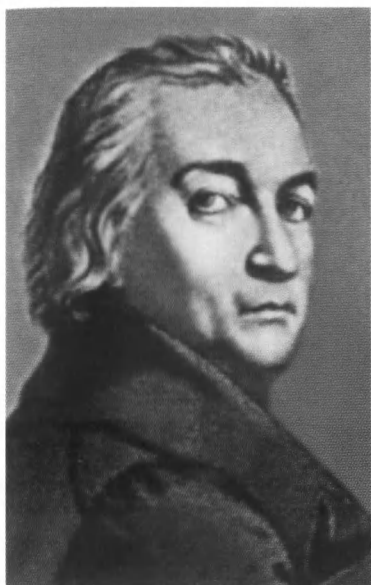
Императрица Мария-Луиза, пишущая портрет Наполеона. *А. Манжо.*

Деревянная галерея Пале-Рояля. *Бозио. 1798.*

Наполеон в Версале. *С картины Жирардэ.*

Клод Луи Бертолле.

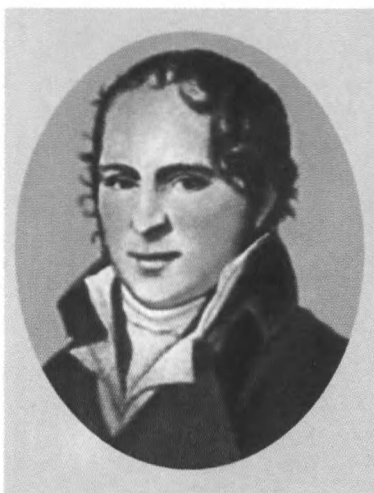
Гаспар Монж.

Кабинет. Работа братьев Жакоб. 1796—1803.

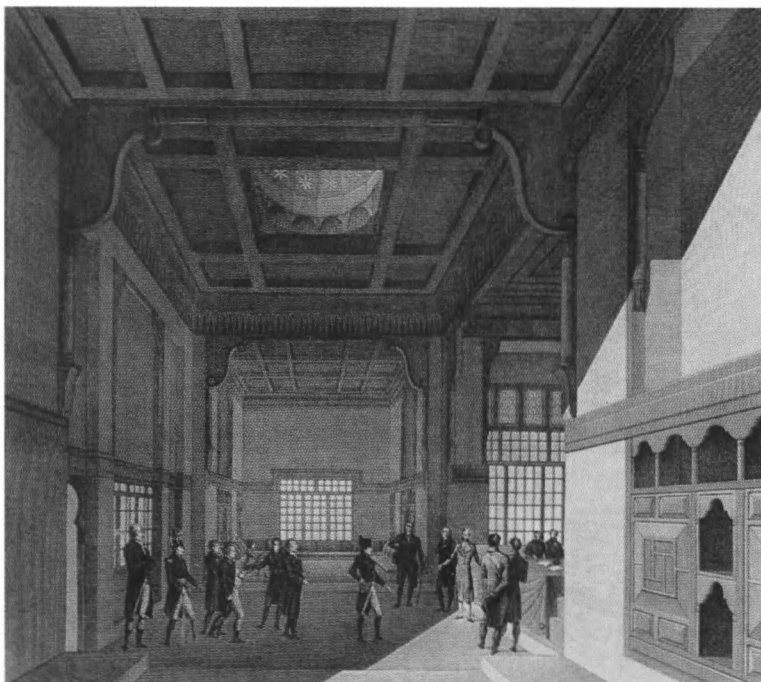

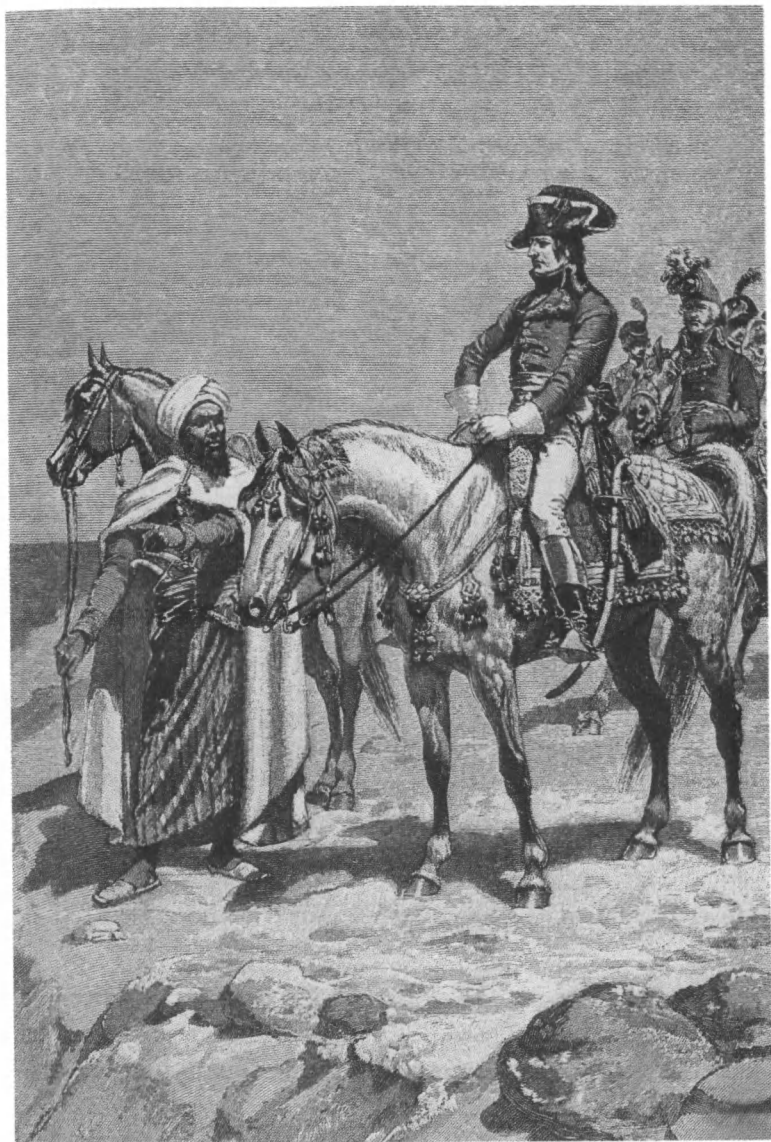
Пьер Симон Лаплас.

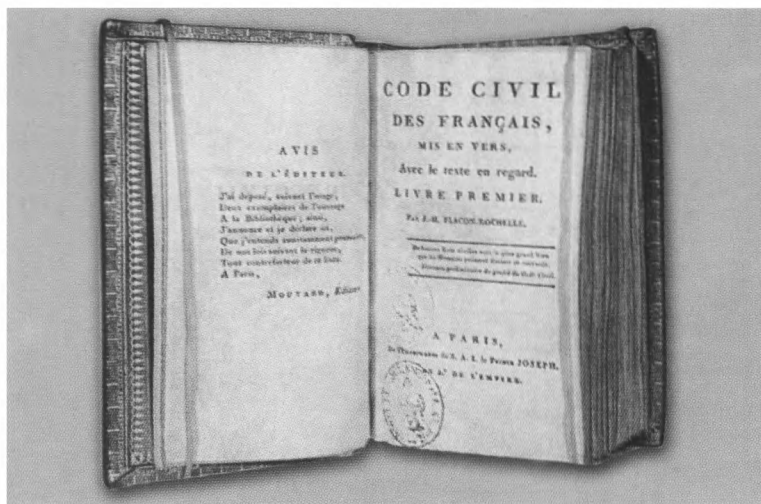
Антуан Франсуа Фуркруа.

Институт в Каире. Из «*Описаний Египта*».

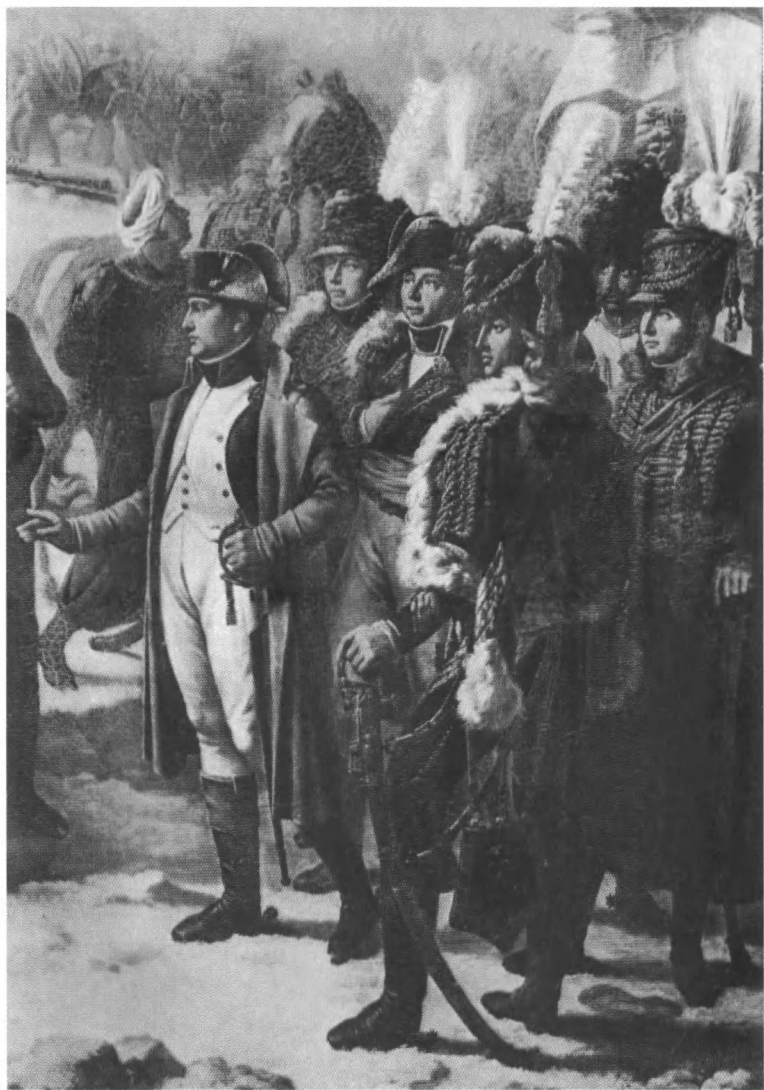
Наполеон в Египте. Рисунок Х. А. Огдена.

Гражданский кодекс Франции.

Учреждение Государственного совета 25 декабря 1799 года.
С картины д'А. Куде.

Первый консул посещает монастырь на Сен-Бернаре. С картины Лебеля.

Портрет Жозефины. Ф. Жерар. 1801.

Дорожный сервиз для вина. Принадлежит Наполеону.

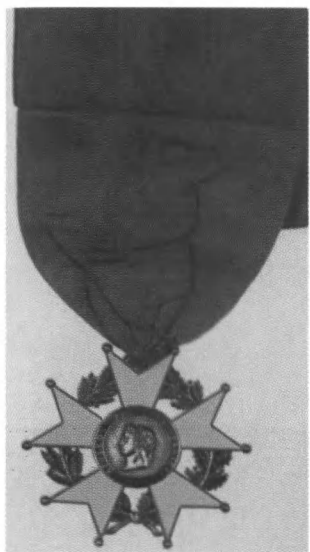
Наполеон играет с шахматным автоматом. Рисунок А. Унеховского.

Раздача орлов на Марсовом поле 5 декабря 1804 года. Ж. Л. Давид.

Первое награждение орденом Почетного легиона в церкви Дома Инвалидов 14 июля 1804 года. С картины Ж. Б. Дебре. Фрагмент.

Орден Почетного
легиона.

Доминик Жан Ларрей.

Повозка с ранеными.
Т. Жерико.

Портрет сержанта. С картины Э. Мейссонье.

Французские войска при Наполеоне.

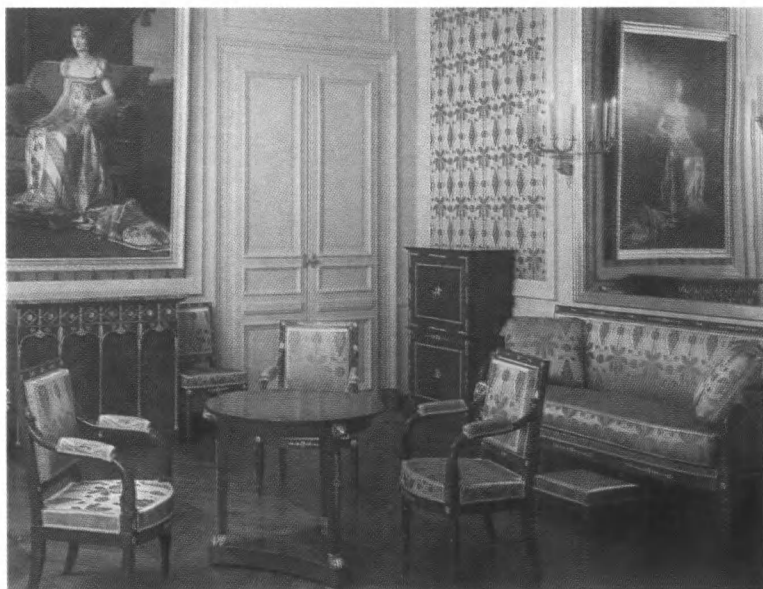

Депеша. С картины Э. Мейссонье.

Кувшин и чаша из сервиза, подаренного Наполеону парижским муниципалитетом. *Серебро, позолота.*

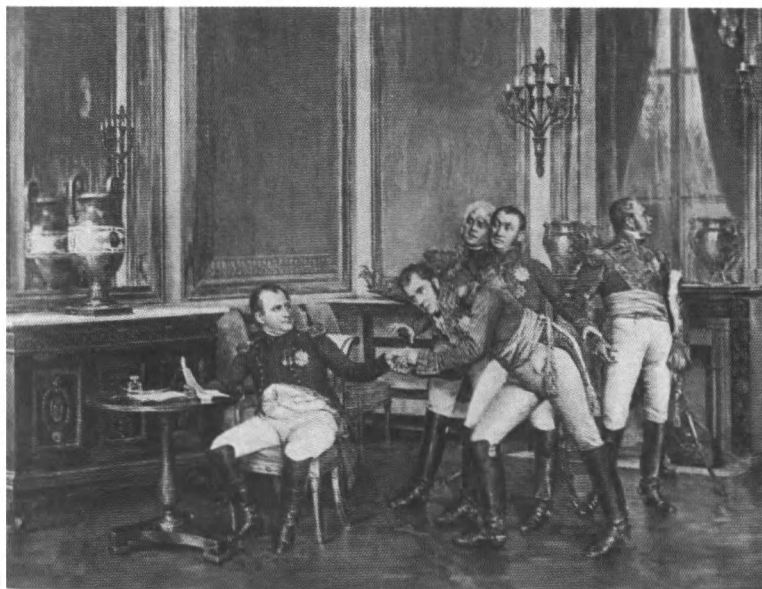
Зал Полины Бонапарт, принцессы Боргезе, во дворце Фонтенбло.

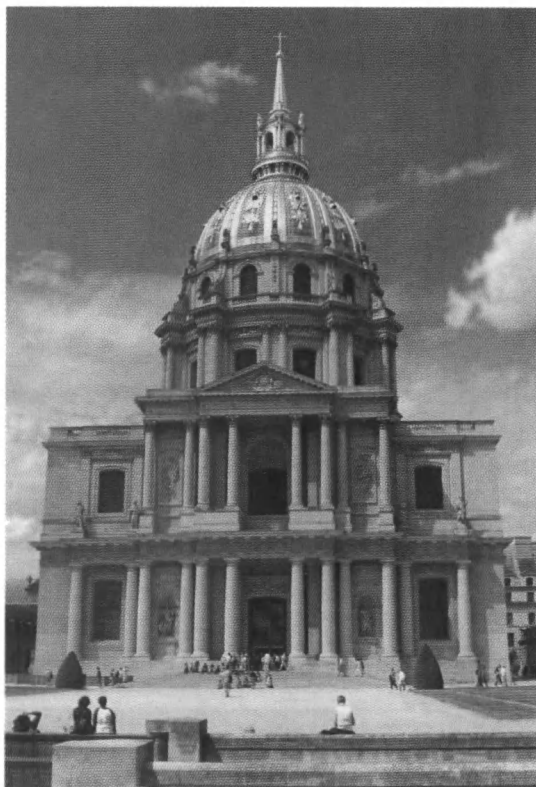

Сосуд
для пряностей (неф)
из сервиза,
подаренного
Наполеону
парижским
муниципалитетом.

Прощание
Наполеона
с маршалами.
С картины Верне.

Дом Инвалидов.
Современное фото.

Наполеон
на смертном одре.
Ж. П. Мозес.

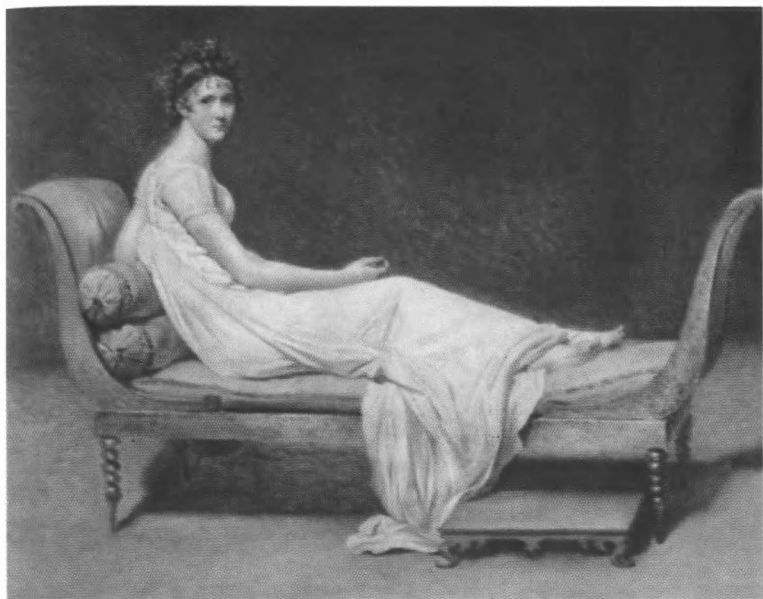
Госпожа Рекамье. Ж. Шингар. 1800.

Анна Луиза
Жермена
де Сталь.

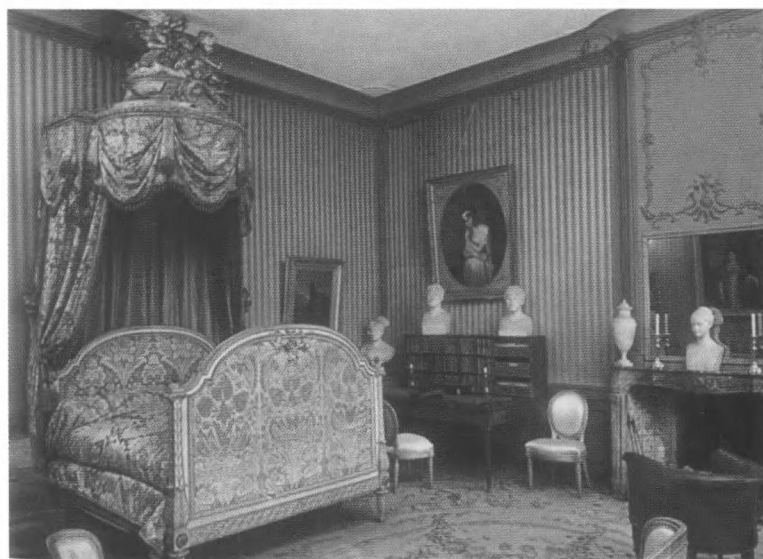
Библиотека
госпожи де Сталь
в замке Коппе.

Портрет госпожи Рекамье. Ж. Л. Давид. 1800.

Спальня госпожи де Сталь в замке Коппе.

Прелюдия. Л. Л. Буальи. После 1786.

Развлечения в парижских салонах. (Фокусник.)
Гравюра Л. Ш. Рюота. 1800-е гг.

«Дамка пропала!». Французская карикатура начала XIX в.

Бильярд. Л. Л. Буальи. 1807.

Художница, пишущая портрет музыкантши. *М. Жерар. Ранее 1803.*

Шляпный салон. *С французской гравюры.*

У окна. (Девушка, копирующая рисунок.) *М. Дролинг. 1812.*

Иоганн Вольфганг Гёте.

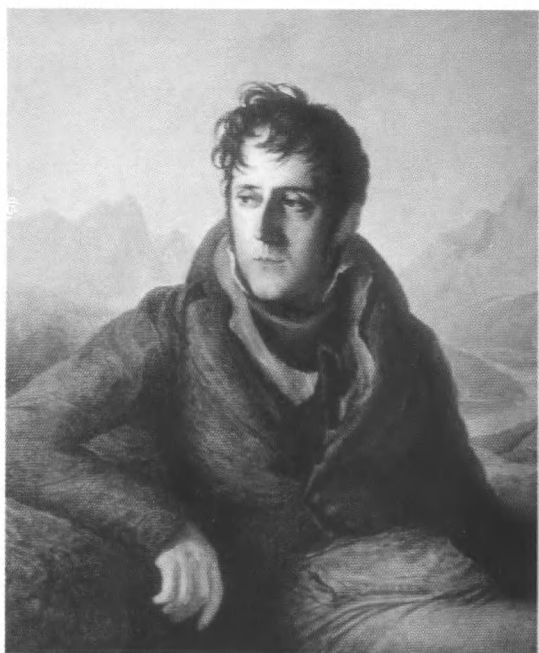
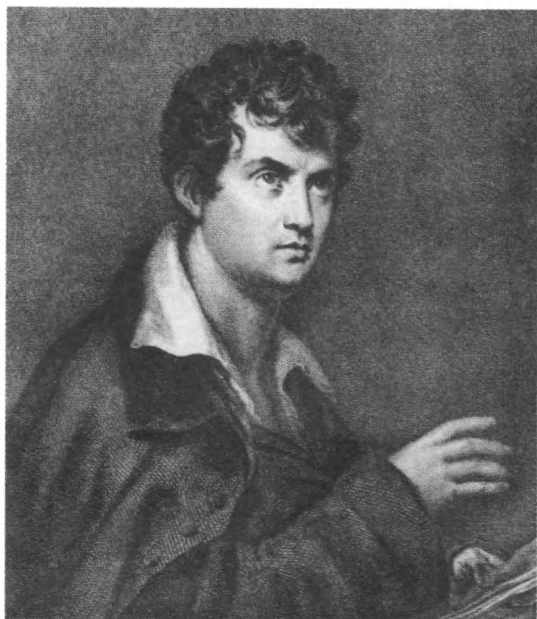

Анри Мари Бейль (Стендаль).

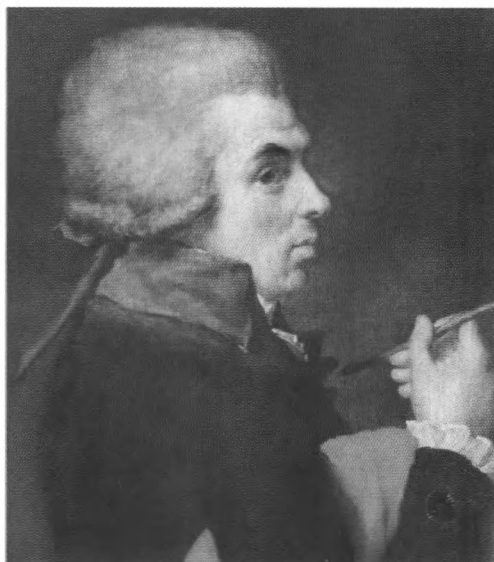
Театры Парижа. 1815.

Франсуа Тальма.

Франсуа Рене
Шатобриан.

Жак Луи Давид.
Автопортрет (?).

Портрет дамы с лирой.
М-ль Ривьер. 1806.

Портрет мадам Серизы. Ж. Л. Давид. 1795.

Арка на площади Звезды. 1806—1836. Ж. Ф. Шальгрен и др.
В 1970 году переименована в площадь Шарля де Голля. Современное фото.

Жан Антуан Клод Шанпаль.

Жак Лафрит, «банкир королей».

Первая борозда. Ж. Б. Грез. Ранее 1801.

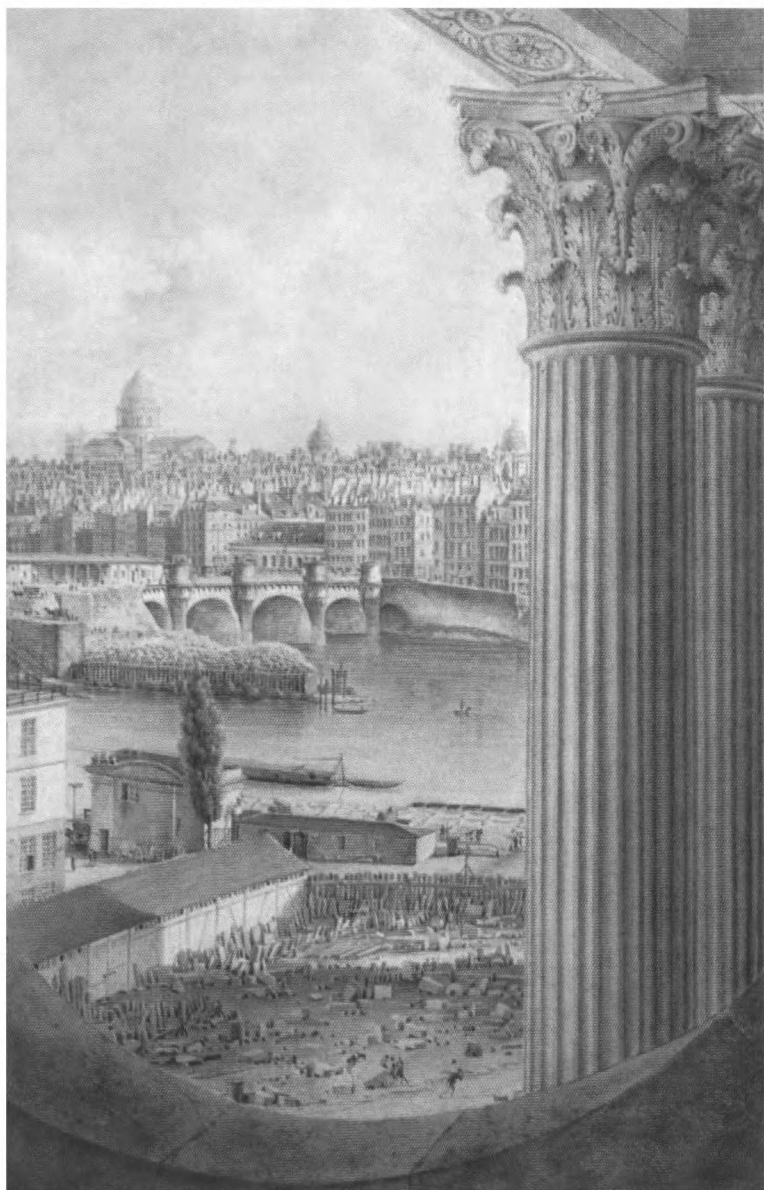
У заставы. (Большая дорога, обсаженная деревьями.)
Ж. Л. Демари. Ранее 1801.

Складное бюро. Предназначалось для путешествий.
Мастер Дж. Зоччи. Начало XIX в.

Конская ярмарка. *Ж. Ф. Свебах. 1805.*

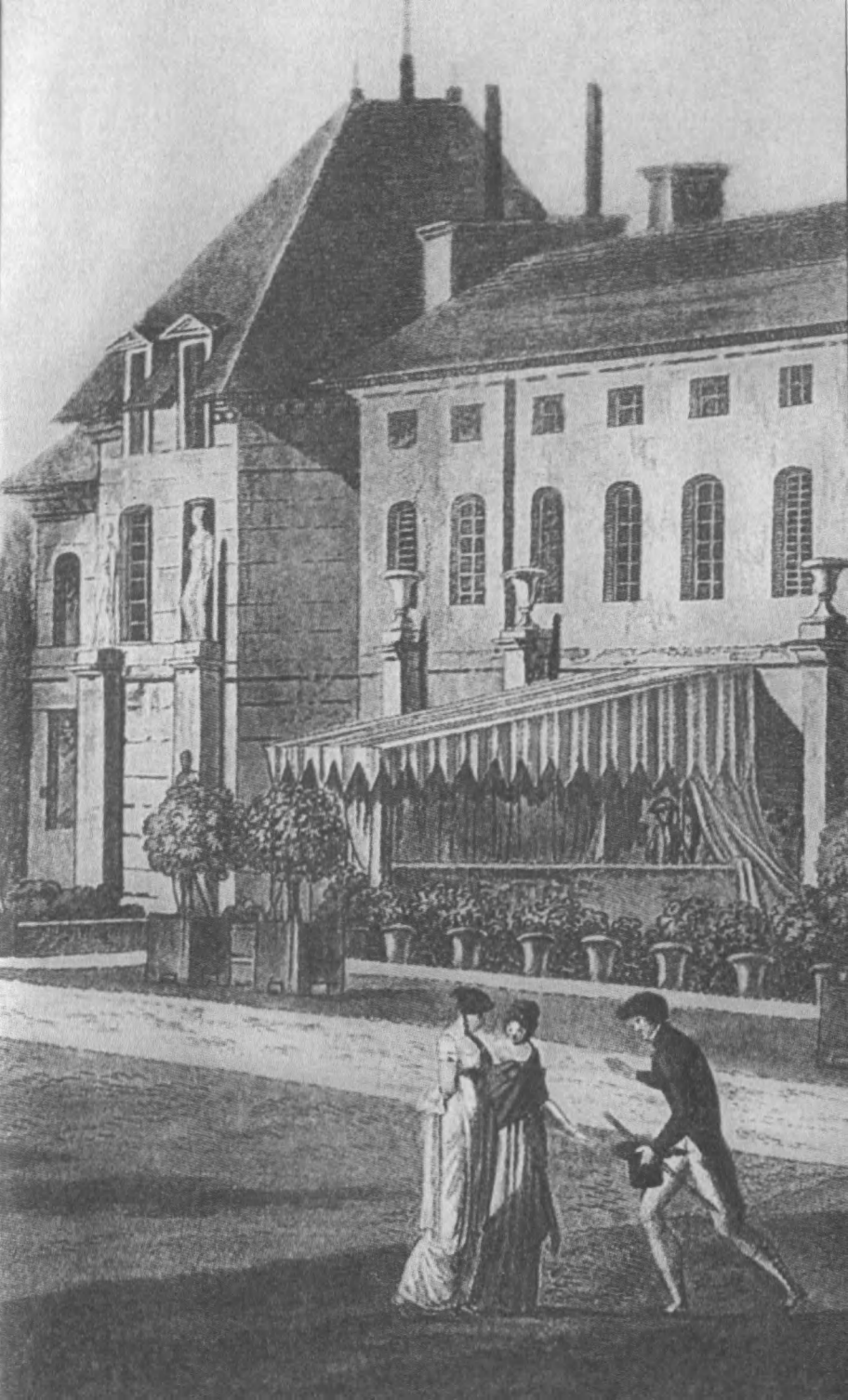
Вид на Новый мост из Лувра. Ж. Н. Виктор.

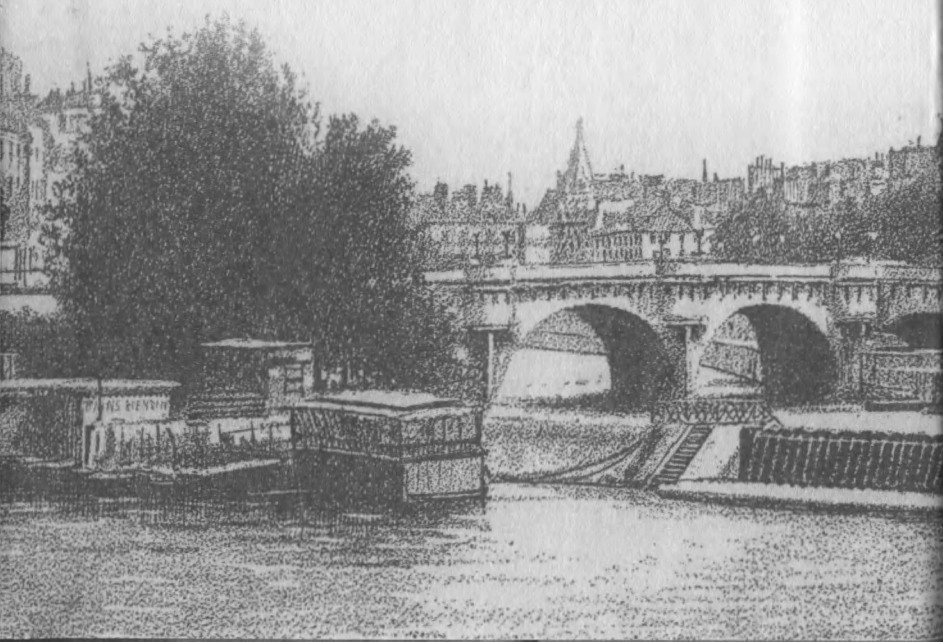

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Ш. Казиев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ
ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Р. Мантран

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

Ж. Флори

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РЫЦАРЕЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

А. Вульфов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

ISBN 5-235-02863-5

9 785235 028630 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ